

Учредители:

Институт географии РАН
Географический факультет
Московского государственного
университета имени М.В. Ломоносова
Смоленский гуманитарный университет

Издатель:

Смоленский гуманитарный университет

**Журнал зарегистрирован
в Министерстве печати РФ**

Рег. св. № ПИ № 77-7284 от 19.02.01

**Журнал включен в Перечень ведущих
рецензируемых научных журналов
и изданий ВАК**

Главный редактор:

д.г.н., проф. Катровский А.П. (Смоленск)

Заместители главного редактора:

д.г.н. Стрелецкий В.Н. (Москва)
д.г.н., проф. Чистобаев А.И. (С.-Петербург)
к.г.н., доц. Шувалов В.Е. (Москва)

Редакционный совет:

Акад. РАН, д.г.н., проф. Бакланов П.Я. (Владивосток); д.э.н., проф. Вишневский А.Г. (Москва); д.г.н., проф. Гладкий А.В. (Украина); д.г.н., проф. Зубаревич Н.В. (Москва); проф. Кришьяне З. (Латвия); акад. РАН, д.г.н., проф. Касимов Н.С. (Москва); д.г.н., проф. Колосов В.А. (Москва); член-корр. РАН, д.э.н., проф. Кузнецов А.В. (Москва); д.г.н., проф. Лаппо Г.М. (Москва); проф. Лентц С. (Германия); проф. Мерфи А. (США); проф. Питт Ж.-Р. (Франция); д.г.н., проф. Шарыгин М.Д. (Пермь)

Редакционная коллегия:

к.г.н. Агирречу А.А. (Москва); д.г.н., проф. Алексеев А.И. (Москва); д.г.н., проф. Бабуринов В.Л. (Москва); д.г.н., проф. Белозеров В.С. (Ставрополь); д.э.н., проф. Вардомский Л.Б. (Москва); д.э.н., проф. Кузнецова О.В. (Москва); д.г.н., проф. Мажар Л.Ю. (Смоленск); д.г.н., проф. Потоцкая Т.И. (Смоленск); д.г.н., проф. Родионова И.А. (Москва); д.г.н., проф. Смирнягин Л.В. (Москва); д.г.н. Тархов С.А. (Москва); д.г.н., проф. Ткаченко А.А. (Тверь); д.г.н. Тревиш А.И. (Москва); д.г.н., проф. Федоров Г.М. (Калининград); д.г.н., проф. Шупер В.А. (Москва)

Ученый секретарь редколлегии:

к.г.н., доц. Ковалев Ю.П.

Адрес редакции:

214014, Смоленск, ул. Герцена, 2
Смоленский гуманитарный университет
Тел.: (4812) 68-36-88
e-mail: region@shu.ru

Подписано в печать 14.09.2015
Формат 70х108¹/₁₆. Гарнитура «Times»
Тираж 300 экз.

№ 3 (49), 2015

Отпечатано:

ООО «Универсум»
214014, Смоленск, ул. Герцена, 2
Тел.: (4812) 64-70-49 Факс: (4812) 64-70-49
e-mail: uni@shu.ru

ISSN 1994-5280

РЕГИОНАЛЬНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

Научный журнал
Основан в феврале 2001 года
Выходит 4 раза в год

region@shu.ru

СОДЕРЖАНИЕ / CONTENTS

ТЕОРИЯ РЕГИОНАЛЬНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ
THEORY OF REGIONAL RESEARCHES

Блануца В.И. Пространственная диффузия нововведений: сфера неопределенности и сетевая модель	4
Blanutsa V.I. Spatial diffusion of innovations: a sphere of uncertainty and network model	
Демидова Е.Е. География социальных девиаций: постановка проблемы, примеры региональных исследований	12
Demidova E.E. Social deviance geography: problem definition, selected regional researches	
Шувалов В.Е. Районирование в российской социально-экономической географии: современное состояние и направления развития	19
Shuvalov V.E. Regionalization in russian socio-economic geography: development directions	

СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ
РАЗВИТИЯ РЕГИОНОВ РОССИИ
SOCIAL AND ECONOMIC ISSUES
OF THE REGIONAL DEVELOPMENT IN RUSSIA

Ляшенко Е.В. Деформации тарифно-транспортного поля России (на примере магистральных пассажирских авиасообщений)	30
Lyashenko E.V. Deformations of travel costs areas (example of long- and medium-haul passenger air transportation)	

РЕГИОНАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ В СОВРЕМЕННОМ МИРЕ
REGIONAL PROBLEMS ARE IN THE MODERN WORLD

Белозеров В.С., Супрунчук И.П. Пространственно-временные черты террористической деятельности в Европе в 1970–2010-х гг.	39
Belozеров V.S., Suprunchuk I.P. Spatial and temporal characteristics of terrorist activities in Europe in 1970–2010-ies.	
Зиновьев А.С. Геополитический раскол в электоральной географии Литвы	48
Zinovyev A.S. Geopolitical cleavage in electoral geography of Lithuania	
Подгорнев П.В. Структурные и географические особенности фармацевтической промышленности Западной Европы в начале XXI в.	57
Podgornev P.V. Structural and geographical features of the Western European pharmaceutical industry in the beginning of XXI century	

РЕГИОНАЛЬНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ НАРОДОНАСЕЛЕНИЯ
REGIONAL RESEARCHES OF POPULATION

Абылкаликов С.И. Миграционная активность и приживаемость населения регионов России	65
Abylkalikov S.I. Migration activity and adaptation of population in regions of Russia	
Боровикова Т.В., Филинов В.А. Оценка интеллектуального потенциала региона (на примере Смоленской области)	74
Borovikova T.V., Filinov V.A. Assessment of intellectual potential of russian regions	
Дружинин А.Г. Этнодемографические трансформации в центрo-периферийной структуре Ростовской области (постсоветские тренды)	78
Druzhinin A.G. Etno-demographic transformations in the core-periphery structure of the Rostov region (post-soviet trends)	
Ефремова В.А. Отечественный и зарубежный опыт изучения городов, теряющих население: тематика, методы и центры исследований	86
Efremova V.A. Russian and international research on shrinking cities: themes, methods and centers	
Микрюков Н.Ю. Монопрофильные поселения России в системах городского расселения	99
Mikryukov N.U. Russian company towns in urban settlement systems	

Мкртчян Н.В. Миграция в Москве и Московской области: региональные и структурные особенности	107
Mkrтчyan N.V. Migration in Moscow and Moscow region: regional and structural peculiarities	
Смирнов И.П. Средние города как опорные центры развития территории	116
Smirnov I.P. Medium-sized cities as the basic centers for the territory development	

РЕГИОНАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ РАЗВИТИЯ ТУРИЗМА REGIONAL PROBLEMS DEVELOPMENT OF TOURISM

Александрова А.Ю. Рейтинги глобальных городов мира как туристских дестинаций и место в них Москвы	122
Aleksandrova A.Yu. Ranking of world global cities as tourist destinations and Moscow particular position	
Зырянов А.И., Сафарян А.А. Рекреация и туризм как этапы развития территории	131
Zyryanov A.I., Safarian A.A. Recreation and tourism as the stage of development of the territory	
Гушина М.В., Сазыкин А.М. Территориальная дифференциация Океании по потенциальным возможностям развития туризма	137
Gushchina M.V., Sazykin A.M. Differentiation of territory within Oceania on the potential possibility of tourism development	
Турченко Е.С. Основные направления и динамика выездного и въездного туризма в Псковской области	144
Turchenko E.S. The main directions and dynamics of the foreign and entry tourism in Pskov region	

ПРИГЛАШЕНИЕ К ДИСКУССИИ THE INVITATION TO DISCUSSION

Шупер В.А. Научный рационализм и пути развития географии (по поводу статьи А.В. Гладкого и Ю.Н. Голубчикова)	154
Shuper V.A. The rationality of science and the ways of geography development (about the article by A. V. Gladky & Y.N. Golubchikov)	

ЛЮДИ НАУКИ MEN OF SCIENCE

Петрова Е.Г., Шувалова О.В. «Информационная революция» Олега Владимировича Витковского	161
Petrova E.G., Shuvalova O.V. "The information revolution" of Oleg Vitkovsky	

Сведения об авторах	168
----------------------------------	-----

ТЕОРИЯ РЕГИОНАЛЬНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ

Блануца В.И. (Иркутск)

ПРОСТРАНСТВЕННАЯ ДИФФУЗИЯ НОВОВВЕДЕНИЙ: СФЕРА НЕОПРЕДЕЛЕННОСТИ И СЕТЕВАЯ МОДЕЛЬ¹

Blanutsa V.I.

SPATIAL DIFFUSION OF INNOVATIONS: A SPHERE OF UNCERTAINTY AND NETWORK MODEL

Аннотация. Для познания последовательности распространения в пространстве социально-экономических инноваций обычно используется контагиозная или каскадная модель. Показано, что существует некоторая пограничная сфера, в пределах которой не работает ни одна, ни другая модель. Сформулировано представление о новой пространственной «логике» диффузии нововведений и соответствующей ей сетевой модели. Предложено первоначально проверять гипотезу о наличии случайного распространения инноваций. Приведены два примера с альтернативной гипотезой – квазисетевая и сетевая диффузия почтовых инноваций в досоветской Сибири.

Abstract. To the knowledge of the sequence distribution in the space of socio-economic innovation is typically used contagious or cascade model. It is shown that there is some boundary sphere, within which neither one nor the other model. Formulated the idea of the new spatial logic of diffusion and the corresponding network model. Offered initially to test the hypothesis of a random distribution of innovations. Two examples are presented the alternative hypothesis – quasi-network and network diffusion of postal innovations in pre-Soviet Siberia.

Ключевые слова: пространственная диффузия нововведений, сетевая модель, почтовая сеть, Сибирь, Российская империя.

Keywords: spatial diffusion of innovations, network model, postal network, Siberia, the Russian Empire.

Введение. Концепция пространственной диффузии нововведений, впервые сформулированная шведским географом Торстеном Хегерстрандом [12] в середине прошлого века, относится к числу основных теоретических построений социально-экономической географии [4–6]. Следует отметить не только ее применение для познания особенностей распространения различных социально-экономических инноваций [9–11, 15, 17, 21], но и оперирование ею при создании двупрограммной – инновационно-факторной – модели территориальной организации общества [1]. Это подчеркивает особый статус и эвристический потенциал концепции.

Вместе с тем, попытка воспроизвести с помощью диффузионных моделей последовательность распространения в простран-

стве некоторых инноваций сопровождалась в ряде случаев такими сложностями, что возникали сомнения в обоснованности не только самих моделей, но и концепции в целом. При этом речь не идет об отрицании диффузионизма как порождения капитализма [7], а имеется в виду именно последовательность распространения нововведений. Получается своего рода сфера неопределенности, в которой не работают существующие диффузионные модели. Эта сфера «хаоса» еще полностью не околеснена. Возможно, таких сфер будет даже несколько. В любом случае необходимо стремиться обнаружить новую пространственную «логику» распространения нововведений и тем самым сузить сферу неопределенности, чему и посвящена данная статья.

¹ Статья подготовлена при поддержке Междисциплинарного интеграционного проекта СО РАН «Ресурсно-ориентированная экономика Азиатской России: оценка исторического опыта модернизаций и перспективы на XXI век».

Диффузия расширения. Нововведение может распространяться в пространстве путем перемещения источника новации из одной точки в другую или посредством расширения ареала проникновения новации из одной и той же исходной точки. Далее будет рассматриваться только второй случай, который называется диффузией расширения. Если инновация распространяется из одной исходной точки (очага), то такая диффузия называется одноядерной, а если из нескольких очагов – многоядерной. При этом процесс проникновения нововведения на новые территории сопровождается его сохранением на предыдущих территориях, чего не происходит при диффузии перемещения, где инновация уходит с одной территории на другую.

Процесс расширения ареала применения нововведения может осуществляться двумя способами – с помощью контактов между соседними точками (поселениями, ареалами, регионами, странами) или через жесткую структуру соподчинения точек пространства. Отсюда различают две диффузии – контактную (контактную, сплошную) и каскадную (иерархическую). В первом случае инновация постепенно распространяется во все стороны от очага (источника, ядра) посредством перехода от одних соседей к другим до тех пор, пока не будет охвачена вся территория или не возникнут непреодолимые барьеры. При каскадной диффузии инновация первоначально зарождается в точке, находящейся на вершине социально-экономической иерархии (например, в столице государства), а затем направляется в точки более низких иерархических уровней (к примеру, последовательно в центры крупных частей государства, региональные и субрегиональные центры, и в конечном итоге во все оставшиеся поселения, не являющиеся административными центрами).

Каждая из двух диффузий, которые являются абстрактными схемами и в силу этого могут быть названы моделями, характеризуется определенной последовательностью распространения или пространственной «логикой». Для контактной модели или пространственной А-логики характерно горизонтальное движение нововведения между соседними точками пространства, а для каскадной модели или Б-логики – вертикальное перемещение инновации только в отдельные точки пространства, находящиеся

в определенной субординации между собой. Достаточно ли двух моделей для описания всех возможных вариантов распространения инноваций? Конечно, нет. По крайней мере, существует некоторая пограничная область между контактной и каскадной диффузией, в которой не работает ни та, ни другая модель.

Сфера неопределенности. Ранее уже было показано [2], что распространение телевидения в послевоенной Польше [16] и клубов Ротари в довоенной Японии [19] не могут быть однозначно воспроизведены с помощью контактной и каскадной модели соответственно. Таких примеров не так уж и много, но они есть. Это указывает на то, что, несмотря на доминирование двух моделей, должна существовать третья и возможно еще некоторые модели. Сколько всего должно быть моделей для описания всех случаев распространения нововведений пока неизвестно. Поэтому будем говорить только о гипотетической третьей модели.

Поскольку реальная диффузия инноваций не всегда может быть сведена к контактной или каскадной диффузии, исследователи пытаются сконструировать некоторую третью модель. Так, М. Смалман-Райнор и А.Д. Клифф [18], изучая процесс распространения эпидемии в военных лагерях США во время испано-американской войны 1898 г., пришли к выводу, что ни одна из моделей пространственной диффузии не соответствует реальным данным. Поэтому, по их мнению, на разных стадиях процесс диффузии приближался к разным моделям: начало эпидемии проходило как диффузия перемещения, пик эпидемии следовал контактной модели, а окончание – каскадной модели. В другом исследовании, посвященном распространению полиомиелита в США в 1910–1971 гг. [20], модель пространственной диффузии назвали «смешанной» (mixed contagious-hierarchical diffusion).

В свою очередь, Л. Браун и К. Кокс [9] выяснили, что в системе центральных мест инновации распространяются в соответствии с каскадной моделью только на верхних иерархических уровнях, а на нижних уровнях доминирует контактная модель. Затем Л. Браун с другими соавторами [10] на примере распространения кабельного телевидения в штате Огайо сформулировали представление о многоядерной простран-

ственной диффузии, когда ядра возникали по каскадной модели, а дальнейшее распространение инноваций от этих ядер шло по контактиозной модели. К аналогичному выводу пришел и Дж.-К. Гуанг [13], проанализировавший распространение клубов Ротари в США в 1905–1972 гг. Еще одна область исследования, которую невозможно свести ни к контактиозной, ни к каскадной модели, связана с порядком обретения независимости африканских государств. Установлено, что ликвидация колониального статуса на отдельно взятой территории в Центральной Африке происходила в целом вне зависимости от аналогичных процессов на соседних территориях и вне какой-либо субординации бывших колоний [14].

Авторы перечисленных исследований лишь констатировали существование сферы неопределенности, но не смогли выявить новую пространственную «логику» распространения инноваций. Попытка свести неизвестную третью модель пространственной диффузии к некоторому сочетанию двух известных моделей не опиралась на поиск новой «логики» и в силу этого ни к чему не привела.

Сетевая диффузия. Ранее, анализируя характер распространения нововведений по формированию почтовой сети досоветской

Сибири, была обнаружена третья – сетевая – модель диффузии [2]. В основе этой модели лежала принципиально новая пространственная «логика»: горизонтальное продвижение нововведения между отдельными точками территории, не являющимися соседями и не имеющими иерархического соподчинения, но образующими сетевую структуру (В-логика). Для поддержания такой структуры между точками (узлами) устанавливалось постоянное взаимодействие, что не обязательно при контактиозной и каскадной диффузии.

Различия между тремя моделями пространственной диффузии нововведений покажем на условном примере (рис. 1). Допустим, имеется 25 ареалов, все ареалы в виде квадрата равны между собой, каждый ареал граничит с двумя – четырьмя соседними ареалами (т.е. соседями являются только квадраты, имеющие общую сторону, а не точку), отсутствуют какие-либо барьеры и фильтры, процесс распространения некоторой инновации фиксируется в пять моментов времени ($T_1, T_2, \dots, T_5$).

В заданных исходных условиях контактиозная диффузия (рис. 1А), характеризующаяся распространением нововведения только на соседние ареалы, приводит к образованию сплошной зоны (полосы, большого ареала). В свою очередь, каскадная диффузия (рис. 1Б),

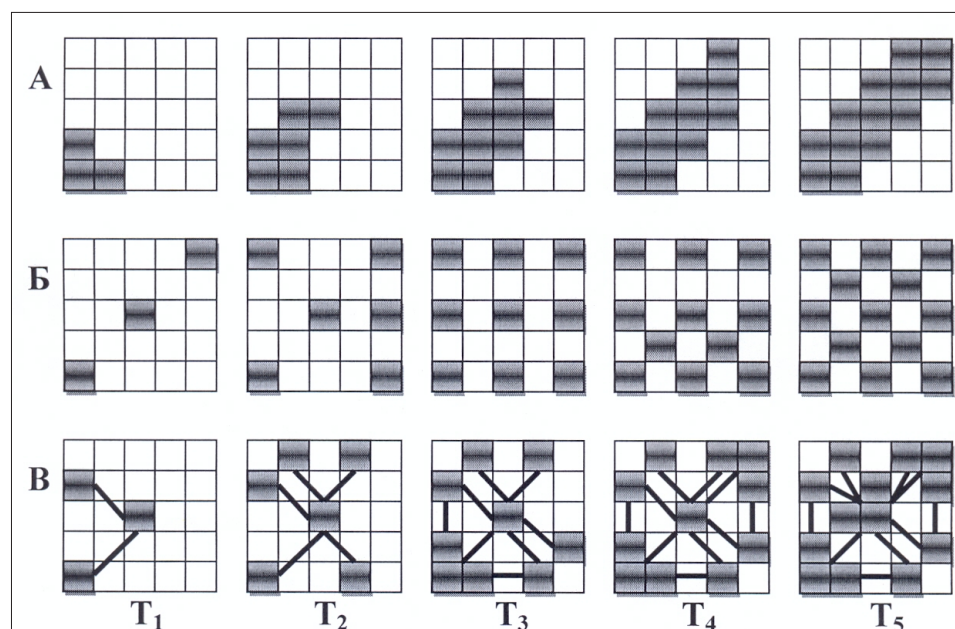

Рис. 1. Абстрактная схема пространственной диффузии нововведений в соответствии с контактиозной (А), каскадной (Б) и сетевой (В) моделями
 $T_1, \dots, T_5$ – моменты времени. Ареалы, охваченные нововведением, выделены черной заливкой.

для которой характерно распространение инновации сверху вниз по иерархической лестнице субординации ареалов, формирует некоторую мозаичную картину чередования ареалов с нововведением и без него. В предельном случае, как показано на рис. 1Б, ареалы, воспринявшие инновацию, могут даже не быть соседями. Что касается сетевой диффузии (рис. 1В), то пространственной моделью такого распространения нововведений служит постепенное расширение сети ареалов без строгого следования какой-либо иерархии или обязательного соседства ареалов. В этом смысле можно предположить, что третья модель занимает промежуточное положение между контактной и каскадной моделями. При В-логике инновация как бы «перепрыгивает» из одного ареала в другой ареал, который может быть на значительном удалении от первого, но при этом оба этих ареала не находятся в какой-либо субординации друг с другом. Иначе говоря, в третьей модели вошли горизонтальное распространение нововведений между равнозначными ареалами из контактной диффузии (без обязательного перехода только к соседним ареалам) и охват инновацией удаленных ареалов из каскадной диффузии (без обязательного следования субординации ареалов).

При уяснении пространственной «логики» следует учитывать, что в ходе познания процесса диффузии приходится сталкиваться либо с хаосом, либо с некоторой упорядоченностью событий. При этом хаос служит источником для поиска новых моделей, а пространственная «логика» позволяет упорядочить изучаемый процесс. Здесь главный вопрос – где проходит рубеж между хаосом и некоторой закономерностью распространения инновации в пространстве?

Нулевая гипотеза. Возможны как минимум два подхода к оконтуриванию хаоса – через выделение всех способов перемещения нововведения, не подчиняющихся трем моделям диффузии, или посредством отделения случайного распространения инновации. При первом подходе определяется сфера неопределенности, которая недавно была вне А- и Б-логики, а теперь еще и В-логики, а при втором – зона «броуновского движения». Если придерживаться второго, более строгого подхода, то необходимо установить статистически значимое отличие от

случайного процесса распространения нововведения. Наличие такого процесса принято за нулевую гипотезу (H_0).

Поскольку в действительности инновация перемещается от одного объекта (точки пространства) к другому в определенном порядке, то необходимо с помощью таблицы случайных чисел или онлайн-генератора таких чисел построить последовательность, количество элементов которой соответствует числу анализируемых объектов. Дальнейшее сравнение двух упорядоченных рядов объектов – случайного и реального – с помощью коэффициента ранговой корреляции Спирмена (r_s) при вероятности выбора ошибочной гипотезы $p = 0,01$ позволит сделать вывод о корреляционной зависимости двух рядов. Если полученное значение r_s превышает критическую величину коэффициента при заданном количестве объектов, то признается статистическая значимость отличия r_s от нуля и подтверждается H_0 . В противном случае нулевая гипотеза отклоняется и утверждается альтернативная гипотеза – о неслучайном распространении нововведения между объектами.

Случайное упорядочивание анализируемых объектов не следует путать со случайной передачей инновации от очага к новой ячейке в классической модели пространственной диффузии Т. Хегерстранда [12], так как такая передача обусловлена «средним полем информации» и происходит только между соседними ячейками, т.е. является не случайной, а контактной. Впрочем, известны отдельные примеры, когда использование вероятностных моделей приводило к интересным результатам [8, 22]. Однако в нашем исследовании в рамках второго подхода хаос ассоциировался именно со случайным распространением нововведения.

При первом подходе нулевой гипотезой является утверждение об отсутствии корреляционной зависимости между реальной последовательностью движения инновации между объектами и тремя известными на сегодня моделями пространственной диффузии. В связи с необходимостью как можно более точного воспроизведения распространения нововведения, недостаточно сравнение r_s с критическим значением. Необходимо, чтобы реальный и смоделированный ряды почти совпадали, т.е. коэффициент ранговой корреляции должен стремиться

к единице. Или, по крайней мере, не опускаться ниже 0,9. Отсюда все получаемые значения r_s , попавшие в интервал от критической величины до 0,9, будут только указывать на существование определенной модели, что можно зафиксировать с помощью приставки «квази» (например, квази-В-логика или квазисетевая модель).

Следует особо подчеркнуть, что в рамках первого подхода зона хаоса значительно больше, чем при втором подходе. Это позволяет предположить существование в сфере неопределенности пространственной Г-логики и других, пока еще неизвестных способов распространения инноваций. Их выявление – дело будущего. Поэтому далее ограничимся оценкой соответствия между двумя реальными примерами распространения инноваций и сетевой диффузией на фоне двух других моделей и нулевой гипотезы.

Первый пример: формирование уездных почтовых сетей в досоветской Сибири [2]. Первоначальной целью создания почтовой сети был охват всех административных – губернских, областных, уездных и окружных – центров Сибири. По состоянию на 31 декабря 1786 г. среднее расстояние от каждого административного центра до ближайшей почтовой конторы составляло 286 верст (305 км) в Тобольском и 549 верст (586 км) в Иркутском наместничествах [3]. По всей российской территории от Урала до Тихого океана отмеченное расстояние было сведено к нулю (то есть во всех административных центрах были открыты почтовые учреждения) только в мае 1902 г. при открытии почтовых отделений в Верхоянске и Средне-Колымске. Гораздо раньше этой даты встал вопрос о необходимости создания местных (уездных) почтовых сетей. Данная инновация зародилась в нескольких уездах и распространилась почти по всей освоенной территории Сибири.

Поскольку анализировалось не открытие отдельного учреждения, а процесс создания множества таких учреждений (сети), то в каждой уездной сети выбиралась медиана, т.е. дата (месяц) открытия почтового учреждения, расположенного в хронологически упорядоченном ряде уездных учреждений ровно в середине. На основе сравнения медианы в разных уездах делался вывод о направлении перемещения инновации. При этом вся исследуемая территория была

представлена 49 объектами (уездами и приравненными к ним территориями в границах 1916 г.). Раньше других местная почтовая сеть стала оформляться в Тобольском уезде (в январе 1871 г. открылось хронологически срединное учреждение). Относительно источников нововведения (ядер) Сибирь разделилась на десять регионов (территорий распространения инновации от каждого ядра), отличающихся размером, направлением и временем прохождения нововведения. Это были следующие регионы (названы по уездному городу-источнику инновации; рис. 2): Тобольский (состоял из 7 уездных сетей), Каинский (8; ныне город Куйбышев), Красноярский (6), Иркутский (2), Киренский (3), Якутский (2), Верхнеудинский (4; ныне Улан-Удэ), Нерчинско-Заводской (3), Хабаровский (4) и Никольск-Уссурийский (3; ныне Уссурийск). Последовательность распространения данной инновации была проверена на соответствие случайному процессу и каждой из трех моделей.

Н₀: с помощью генератора случайных чисел 49 уездов были упорядочены произвольным образом и полученный ряд порядковых чисел сравнивался с реальной последовательностью распространения анализируемого нововведения. Полученное значение коэффициента ранговой корреляции Спирмена ($r_s = 0,062$) оказалось значительно ниже критической величины для 49 объектов (0,365), что позволило отклонить нулевую гипотезу и сделать вывод о неслучайном характере распространения инновации по созданию местных почтовых сетей.

А: следуя пространственной А-логике и выбрав Тюменский уезд в качестве начала распространения нововведения (так как в Сибири инновации перемещались в основном с запада на восток; см. [2]), а также учитывая граф соседства сибирских уездов, все 49 объектов получили порядковые номера, отражающие гипотетическую последовательность движения инновации к Тихому океану. В итоге сходство А-логики с реальностью не было признано статистически значимым ($r_s = 0,305 < 0,365$), что позволило отклонить гипотезу о наличии контактной модели пространственной диффузии.

Б: при каскадной диффузии инновация должна распространяться из уездов при центрах генерал-губернаторств (Иркутский и Хабаровский уезды) и «самостоятель-

ных» (вне генерал-губернаторств) губерний (Тобольский и Томский уезды) сначала в остальные уезды при губернских и областных центрах обоих генерал-губернаторств, а от них – ко всем оставшимся уездам. Такая Б-логика не соответствовала действительности ($r_s = 0,300 < 0,365$), т.е. распространение нововведения по формированию местных почтовых сетей в Сибири происходило не по каскадной модели.

В: сравнение реальной последовательности распространения инновации с В-логикой упорядочения 49 объектов (по времени первого проникновения почтовой сети в уезд) показало, что между ними существует корреляционная зависимость ($r_s = 0,460$). Однако такое малое значение коэффициента ранговой корреляции свидетельствовало лишь о квазисетевой пространственной диффузии.

Если воспользоваться предложением Л. Брауна с коллегами [9, 10] о раздельном рассмотрении инновационных ядер и остальной территории, то в нашем примере (рис. 2) нововведение пришло в десять ядер

каким-то неслучайным образом, отличающимся от А-, Б- и В-логики, а далее от ядер распространялось строго по контактной модели (это можно проследить по направлениям бергштрихов на рис. 2). Возможно, подобное расчленение единого процесса пространственной диффузии на ряд составляющих (иерархических уровней, регионов, отрезков времени и др.) позволит хотя бы определиться с «логикой» движения инновации в данных составляющих. Однако это не отменяет поиск новых моделей диффузии, которые помогут понять ход всего процесса, без его деления на составляющие.

Второй пример: открытие вспомогательных почтовых пунктов на железнодорожных станциях Транссиба (от уездного города Курган до станции Маньчжурия с ответвлением на Сретенск; июль 1895 г. – декабрь 1902 г.) [2]. Всего на данном отрезке железнодорожного пути существовало 138 станций (объектов). На 54 станциях были открыты вспомогательные почтовые пункты (рис. 3).

Рис. 2. Распространение инновации по формированию местной почтовой сети среди уездов досоветской Сибири

Территория формирования почтовой сети в уезде-источнике нововведения обозначена ареалом сплошной черной заливки. Для указания направления движения инновации использованы бергштрихи.

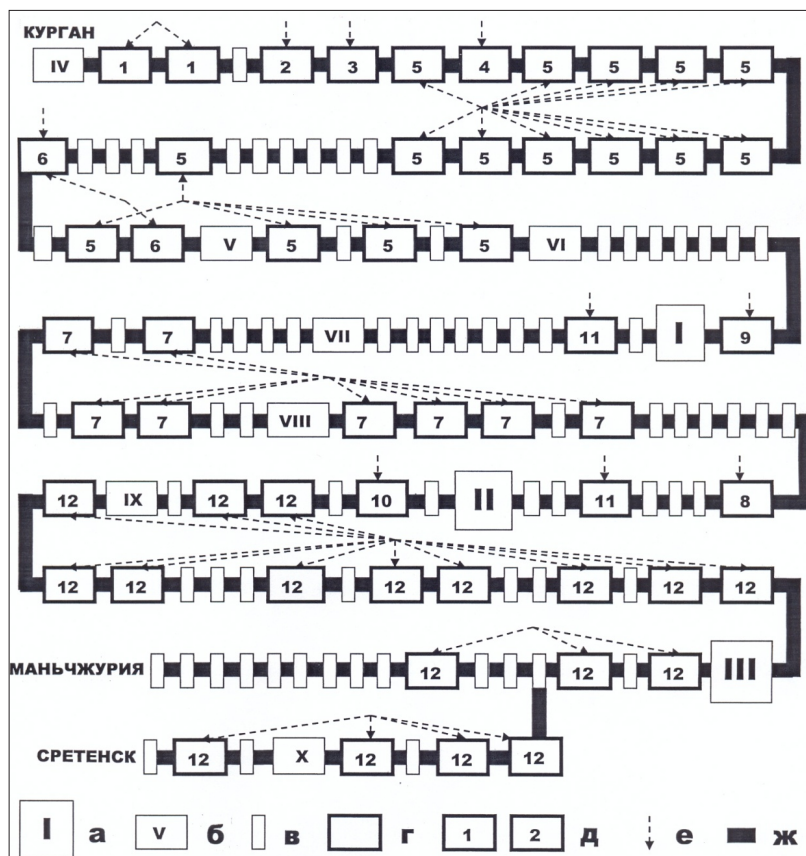

Рис. 3. Последовательность открытия вспомогательных почтовых пунктов на станциях Великого Сибирского железнодорожного пути (Транссиба) в 1895–1902 гг. (на участке от узлового города Кургана до станции Маньчжурия, с ответвлением на Сре́тенск)

Железнодорожные станции при: а – губернском городе, б – уездном городе, в – остальных поселениях.

Открытие вспомогательных пунктов на железнодорожных станциях: г – произошло в 1895 – 1902 гг., д – хронологическая последовательность (одинаковый порядковый номер присваивался нескольким станциям в случае открытия на них вспомогательных пунктов в один и тот же календарный месяц); е – направление развертывания почтовой сети, проходящее через железнодорожную станцию; ж – железнодорожный путь.

Губернские (областные) города: I – Красноярск, II – Иркутск, III – Чита. Уездные города: IV – Кургана, V – Мариинск, VI – Ачинск, VII – Канск, VIII – Нижнеудинск, IX – Верхнеудинск (ныне Улан-Удэ), X – Нерчинск.

Сущность данного нововведения заключалось в том, что на железнодорожных станциях, около которых возникали и стремительно развивались поселки, вместо создания государственного почтового учреждения со штатом почтово-телеграфных чиновников, арендуемым зданием и бюджетом открывался вспомогательный пункт, в котором операции по приему и выдаче корреспонденции возлагались на начальника станции. Несмотря на отсутствие страховых и денежных операций в таких пунктах, они все же способствовали улучшению почтового обслуживания населения. Перемещалось данное нововведение с запада на восток (рис. 3) по непонятной на первый взгляд пространственной «логике».

H_0 : случайное упорядочение 138 объектов и сравнение с реальной последовательностью распространения анализируемой инновации по этим объектам показало ($r_s = 0,098$ при критическом значении 0,219), что нулевую гипотезу следует отклонить и признать неслучайный характер диффузии.

А: если бы нововведение распространялось по контактной модели, то на каждой из 138 станций последовательно от Кургана до Маньчжурии (см. рис. 3) открывался бы вспомогательный почтовый пункт. Этого не произошло, но общее совпадение направленности пространственной А-логики и реального процесса позволило идентифицировать данный процесс как квазиконтактную диффузию ($r_s = 0,645$).

Б: при каскадном распространении инновации вспомогательные пункты должны были сначала открыться на станциях губернских и областных городов (таковых было три; рис. 3), затем — на станциях уездных городов и далее на всех оставшихся станциях. Однако на самом деле ни на одной станции при административном центре, расположенном на Транссибе, так и не был создан вспомогательный пункт ($r_s = 0,135$).

В: опираясь на ранее созданную имитационную модель распространения анализируемой инновации [2], была определена последовательность станций по пространственной В-логике и эта последовательность практически совпала с реальностью ($r_s = 1,000$). Таким образом, открытие вспомогательных почтовых пунктов на конкретных станциях Транссиба можно объяснить только процессом древовидного разрастания почтовой сети и ее проникновения сквозь железнодорожный путь в определенных местах (узлах), что соответствует сетевой диффузии.

Заключение. Эволюция общественно-географического знания об инновационно-диффузионных процессах происходила сле-

дующим образом: (а) любой процесс сводился либо к контактной, либо к каскадной модели, (б) затруднения с интерпретацией полученных результатов заставили начать оконтуривание сферы неопределенности, в которой не работали обе модели, (в) предпринимались попытки построения смешанной контактно-каскадной модели, (г) предложена идея многоуровневой и многоядерной диффузии, приводящая к расчленению единого процесса, (д) произошло открытие новой пространственной «логики» распространения нововведений, зафиксированной в сетевой модели. В данной статье продолжено расширение знания: (е) произведено разделение сферы неопределенности на случайные и неслучайные процессы, (ж) предложено использовать коэффициент ранговой корреляции для оценки сходства реальной последовательности распространения инновации с результатами моделирования, (з) введено представление о квазидиффузии, (и) показаны два варианта визуализации конкретных процессов и (к) приведен статистически значимый пример полного соответствия между реальным процессом и сетевой моделью.

Библиографический список

1. Бабуринов В.Л. Двухпространственная модель территориальной организации общества // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 5. География. — 2011. — № 1. — С. 3–15.
2. Блануца В.И. Диффузия почтовых нововведений в досоветской Сибири // География и природные ресурсы. — 2012. — № 4. — С. 30–39.
3. Блануца В.И. Почтовое освоение Сибири в досоветский период // География и природные ресурсы. — 2014. — № 3. — С. 171–180.
4. Доманский Р. Экономическая география: динамический аспект. — М.: Новый хронограф, 2010. — 376 с.
5. Тархов С.А. Социально-экономическая география: ее сущность, предмет изучения и методы // Региональные исследования. — 2013. — № 3. — С. 9–13.
6. Харгетт П. География: синтез современных знаний. — М.: Прогресс, 1979. — 684 с.
7. Blaut J. M. Diffusionism: An uniformitarian critique // Annals of Association of American Geographers. — 1987. — Vol. 77, № 1. — P. 30–47.
8. Brown L. A. Models for spatial diffusion research // Office of naval research, Geography Branch. — 1965. — Technical Report, № 3. — P. 19–25.
9. Brown L. A., Cox K. B. Empirical regularities in the diffusion of innovation // Annals of Association of American Geographers. — 1971. — Vol. 61, № 3. — P. 551–559.
10. Brown L. A., Malecki E. J., Gross S. R., Shrestha M. N., Semple R. K. The diffusion of cable television in Ohio: A case study of diffusion agency location patterns and processes of the polynuclear type // Economic Geography. — 1974. — Vol. 50, № 4. — P. 285–299.
11. Ding L., Haynes K. E., Li H. Modeling the spatial diffusion of mobile telecommunications in China // Professional Geographer. — 2010. — Vol. 62, № 2. — P. 248–263.
12. Hagerstrand T. Innovation Diffusion as a Spatial Process. — Chicago: The University of Chicago Press, 1967. — 212 p.
13. Huang J.-C. Diffusion in an urban hierarchy: The case of Rotary clubs // Economic Geography. — 1974. — Vol. 50, № 4. — P. 333–340.
14. Huff D. L., Lutz J. M. The contagion of political unrest in independent Black Africa // Economic Geography. — 1974. — Vol. 50, № 4. — P. 352–367.
15. Joseph A. E., Keddie P. D. The diffusion of grain corn production through southern Ontario, 1946 – 1971 // Canadian Geographer. — 1981. — Vol. 25, № 4. — P. 333–349.
16. Loboda J. The diffusion of television in Poland // Economic Geography. — 1974. — Vol. 50, № 1. — P. 70–82.

17. Pred A. R. Diffusion, organizational spatial structure, and city-system development // *Economic Geography*. – 1975. – Vol. 51, № 3. – P. 252–268.
18. Smallman-Raynor M., Cliff A. D. Epidemic diffusion process in a system of U.S. military camps: Transfer diffusion and the spread of typhoid fever in the Spanish-American war, 1898 // *Annals of the Association of American Geographers*. – 2001. – Vol. 91, № 1. – P. 71–91.
19. Sugiura Y. Diffusion of Rotary clubs in Japan, 1920 – 1940: a case of non-profit-motivated innovation diffusion under a decentralized decision making structure // *Economic Geography*. – 1986. – Vol. 62, № 2. – P. 125–143.
20. Trevelyan B., Smallman-Raynor M., Cliff A. D. The spatial dynamics of poliomyelitis in the United States: From epidemic emergence to vaccine-induced retreat, 1910 – 1971 // *Annals of the Association of American Geographers*. – 2005. – Vol. 95, № 2. – P. 269–293.
21. Wen T.-H., Lin M.-H., Fang C.-T. Population movement and vector-borne disease transmission: differentiating spatial-temporal diffusion patterns of commuting and non-commuting dengue cases // *Annals of the Association of American Geographers*. – 2012. – Vol. 102, № 5. – P. 1026–1037.
22. Werner Ch. Formal study of the railway network in Schleswig-Holstein // *Northwestern University Studies in Geography*. – 1971. – № 18. – P. 59–79.

Демидова Е.Е. (Москва)

ГЕОГРАФИЯ СОЦИАЛЬНЫХ ДЕВИАЦИЙ: ПОСТАНОВКА ПРОБЛЕМЫ, ПРИМЕРЫ РЕГИОНАЛЬНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ

Demidova E.E.

SOCIAL DEVIANCE GEOGRAPHY: PROBLEM DEFINITION, SELECTED REGIONAL RESEARCHES

Аннотация. В данной статье впервые в отечественной социально-экономической географии представлен подход к социальным девиациям как важным проблемно-страноведческим характеристикам. Дается определение общественных девиаций, указываются основные виды негативных и позитивных девиантных социально значимых явлений. Особое внимание уделяется региональному анализу распространения общественных девиаций с наименьшей латентностью – убийств и самоубийств.

Abstract. This article for the very first time in Russian social and economical geography presents an approach to deviant social phenomena as important cross-national distinctive characteristics. Definitions and classification of social and economical deviations are given. Special emphasis is put on the analysis of the regional features of the expansion of the least latent public deviations – homicide and suicide.

Ключевые слова: проблемное страноведение, девиантные общественные явления, негативные девиации, позитивные девиации, география убийств, география самоубийств, ареалы, индекс корреляции, индекс локализации убийств, индекс локализации самоубийств, регионы мира.

Keywords: regional geography, deviant social phenomena, negative deviations, positive deviations, geography of homicide, geography of suicide, areas, correlation index, homicide localization index, suicide localization index, world regions.

Общество в социо-экономическом пространстве характеризуется широчайшим спектром проявлений различных социальных «отклонений» (иными словами – девиаций), изучение распространения которых в территориальном контексте является настоящей «целиной» в отечественной социально-экономической географии. На Западе еще в прошлом веке активно развивалось направление географии социальных «отклонений»: например, география стресса (H.D. Foster), география отчаяния (H.M. Rose) и проч. В СССР, а позднее и в России среди исследований подобного типа выделя-

ются работы по географии преступности (например, А.А. Габияни, Р.Г. Гачечиладзе, Е.Н. Мазин, А.Д. Бадов).

Социальные, экономические и культурные условия, преломляясь через личностные особенности, зачастую реализуются именно в виде «актов несогласия». Форм подобных «протестных отклонений» великое множество – с разной степенью выраженности для окружающих (явных или латентных), ведущих как к негативным, так и позитивным последствиям. Данная статья – начальный этап предстоящего пути, этап формирования представления о предмете исследования, лишь отчасти приоткрывающий завесу

неизвестности относительно географических особенностей распространения некоторых (наименее латентных) видов общественных девиаций и намеренно оставляющий в стороне факторный анализ. Но даже в условиях фактологического подхода очевидно, что девиации являются «горячими точками» («hot spots»), отражающими те самые условия, которые их предопределяют; именно эти формы отношений становятся индикаторами состояния общества, являясь важной «проблемно-страноведческой» характеристикой общественного пространства.

Основные понятия. Понятие «девиация» не сводится лишь к его «кальке» с латинского языка (в переводе с латинского «deviatio» – отклонение). По своей сути, оно распадается на два разномасштабных явления.

1. Девиация как социальное отклонение личностного, индивидуального уровня, характеризующееся определенным девиантным поведением, под которым следует понимать «...поступок или действие человека (ограниченной группы лиц), не соответствующие официально установленным или фактически сложившимся в данном обществе нормам и ожиданиям» [3, с. 23].

2. Совокупность однотипных девиаций, характеризующиеся устойчивостью во времени и в пространстве, образует некий сложный социальный феномен – девиантность (по аналогии с терминами «рождаемость», «фертильность», «преступность» и проч.). Таким образом, «девиантность – это сложное социальное явление, выражающееся в относительно устойчивых формах (видах) человеческой деятельности, не соответствующих официально установленным или же фактически сложившимся в данном обществе нормам и ожиданиям» [3, с. 28].

Важнейшим понятием в восприятии сущности девиаций и девиантности на данном этапе становится «норма». Как в естественных, так и общественных науках под нормой понимаются некие пределы допустимого, «...границы, в которых вещи, явления, природные

и общественные системы, виды человеческой деятельности и общения сохраняют свои качества, функции, формы воспроизводства» [8, с. 278]. В отличие от естественных норм, одной из главных характеристик нормы общественной жизни является, как ни странно, ее релятивность [14]. Здесь норма выступает крайне мобильной субстанцией, изменяющейся как во времени, так и в пространстве¹, выражающая интервал допустимого (дозволенного или обязательного) поведения индивидов или социальных групп. Однако, существуют и общечеловеческие, общецивилизационные нормы, отклонение от которых одинаково неприемлемо в общественном пространстве мира (преднамеренные убийства, торговля людьми и человеческими органами и др.).

Виды девиаций. К наиболее распространенным видам девиаций относятся:

- терроризм;
- преднамеренное убийство, преднамеренное нанесение телесных повреждений, изнасилование;
- суицид (самоубийство);
- проституция;
- торговля людьми, человеческими органами;
- похищение людей, захват заложников;
- сексуальные отклонения (педофилия и др.);
- преступления против общественного порядка, чести и достоинства граждан (хулиганство, вандализм);
- имущественные преступления (кража, разбой, грабеж);
- коррупция (в т. ч. взяточничество, присвоение, растрата);
- незаконная торговля (например, оружием), «отмывание» денег;
- экологические преступления (в т.ч. экологический терроризм и экоцид) [5];
- наркотизм (включая изготовление, транспортировку, хранение и распространение наркотиков, собственно зависимость от них); алкоголизм, табакокурение и проч.;
- игромания (лудомания, гемблинг).

¹ Например, обычай суицида стариков в древних скандинавских и германских племенах сменился общественным неприятием суицидальных актов: самоубийство в странах западного цивилизационного типа настоящее время в большинстве случаев является «отклонением» от нормы. В некоторых азиатских странах (например, Китае, Индии, Японии) самоубийство относилось, а в особо традиционных обществах продолжает относиться, к числу санкционированных обычаев (например, харакири (сэппуку) в Японии, ритуальное самоубийство вдов в Китае и Индии и др.). Проституция официально узаконена в некоторых странах Западной Европы (Нидерланды, Германия, Бельгия и др.), тогда как в странах мусульманского мира, проституция осуждается и сурово карается. Хранение и употребление «легких» наркотиков легализовано в некоторых странах (Мексике, Германии, Швейцарии и др.); в большинстве стран мира хранение и распространение наркотиков рассматривается как уголовное преступление.

Отдельного упоминания требует такой тип социальной девиации как организованная преступность, которая включает в себя целый комплекс девиантных проявлений.

Перечисленные виды социальных отклонений носят, в подавляющем большинстве случаев, резко выраженный негативный характер; они дисфункциональны и дезорганизуют социум, в котором существуют. При этом, ряд как отечественных, так и зарубежных специалистов-девиантологов (в частности, N. Ben-Yehuda, D.M. Heckert, J. Kwasniewski, E. Sagarin; Я.И. Гилинский, О.С. Осипова, Э.В. Сминщикова, П.И. Остапенко и др.) придерживается мнения о наличии явления позитивной (продуктивной, конструктивной) девиантности – т. е. отклонений от нормы среднестатистического поведения в позитивном, творческом ключе. Согласно этой концепции (которую разделяет и автор данной статьи), различные формы выражения творческого, созидющего начала в деятельности человека также могут быть отнесены к разряду социальных отклонений в виде продуктивных девиаций. К продуктивным девиациям относится творчество во всех своих ипостасях (художественное, музыкальное, литературное, научное, техническое и т.д.). В этом случае девиации служат средством социально-экономического и культурного развития общества.

Также возможен подход к классификации социально-экономических «отклонений» с точки зрения вектора направленности их действия. Так, предлагается выделять экстравертные девиации, направленные «вовне» и характеризующиеся концентрацией интересов на внешних объектах (человеке или группе лиц). К ним относятся большинство видов преступлений против личности (в частности, убийства, торговля людьми, принудительная проституция), терроризм, взяточничество, подкуп и проч. В противоположность им выделяются интравертные девиации внутриличностного характера, «самодевиации», т.к. в этом случае девиантное поведение направлено на самого носителя девиации. К этой категории могут быть отнесены самоубийства, употребление наркотиков, алкоголизм и др.

Проявления девиаций различаются по степени латентности. Так, к наименее латентным формам девиаций относятся девиации в форме насилия; несколько в меньшей степе-

ни – «мания»-девиации (наркомания, алкоголизм), проституция, коррупция. Наиболее латентными принято считать внутриличностные девиации, а также иные виды девиаций в случае их неочевидности для внешнего восприятия.

Пространственные особенности распространения некоторых видов общественных девиантных явлений. Среди всего разнообразия девиантных социально-экономических отношений, наиболее изученной, в том числе и в среде географических наук, является преступность. Концентрация внимания именно на этом явлении вполне понятна: помимо актуальности и неснижающейся остроты данной проблемы, преступность, как объект изучения, обеспечена первичными статистическими данными, что имеет огромное значение для любых научных изысканий. Однако, несмотря на кажущуюся полноту данных и широту охвата, официальная «криминальная» статистика может и не отражать реальный уровень преступности. Регистрация преступлений в официальной статистике носит фрагментарный характер просто в силу латентного характера самой преступности. Кроме того, число зафиксированных (а тем более раскрытых) преступлений напрямую зависит от эффективности работы правоохранительных органов; поэтому высокие показатели в криминальной статистике могут свидетельствовать как о высоком уровне фактической преступности, так и об успехах правоохранительной деятельности. Для проведения межстранового компаративного анализа серьезную проблему также составляют различия в подходах учета преступлений (по числу преступлений, зарегистрированных полицией, заведенных уголовных дел или вынесенных судом решений). Комбинация подобных факторов значительно осложняет проведение исследований в области географии преступности, а, тем более, географии иных видов девиантных социальных и экономических явлений.

Наряду с этим, в группах экстравертных и интравертных девиаций существуют два вида девиантных отношений («экстремумов»), характеризующихся наименьшей латентностью (по сравнению с другими видами девиаций вследствие очевидности конечных последствий) и значительно менее

зависящих от эффективности работы правоохранительных/судебных органов и в отношении которых идентичны (а значит, и сопоставимы) системы учета. Это убийства и самоубийства (суицид).

География убийств. Убийство – причинение смерти другому человеку [2]. Это наиболее тяжкое преступление против личности, посягательство на высшее и самое реальное благо человека – на его жизнь. Несмотря на долгую историю существования самого явления – по сути, равную истории человечества – общемировая статистика убийств ведется лишь с начала 2000-гг. Именно в это время Всемирной организацией здравоохранения (ВОЗ), Управлением ООН по наркотикам и преступности (УНП ООН) и др. был проведен ряд исследований, позволяющих оценить общемировой масштаб насильственных смертей и собрать данные для оценки уровня убийств в некоторых странах мира. Впервые была названа ориентировочная цифра: в мире ежегодно происходит около 500 тыс. насильственных смертей, а уровень убийств составляет около 8 на 100 тыс. жителей Земли. Важные позитивные изменения в оценке масштаба убийств, а главное – географических особенностей их распространения, произошли в 2011 г. в связи с выходом пионерного доклада УНП ООН «Глобальное исследование по проблемам убийств – 2011: динамика, обстоятельства, данные».

Основной ценностью данной работы стала попытка приведения «разношерстных» статистических данных по преднамеренным убийствам из национальных и международных источников (в частности, ВОЗ, Евростат) к «единому знаменателю» и создания единой базы данных по количеству и уровню убийств более чем для 200 стран мира [12].

По данным УНП ООН, в 2010 г. в мире было совершено 460 тыс. убийств, и, таким образом, среднемировой уровень насильственных смертей составил 6–7 убийств на 100 тыс. жителей планеты. По материалам последующего исследования 2013 г., число преднамеренных убийств осталось примерно на том же уровне; точно также как сохранились и региональные особенности распространения данного типа девиантных отношений, что позволяет компилировать данные за 2010–2012 гг. и получить более подробную картину насильственной преступности мира начала 2010-х гг.² [13].

Таким образом, в общем приближении выделяется триада макрорегионов – Латинская Америка, Африка и Азия, аккумулирующих по 25–30% всех случаев насильственной смерти в мире и составляющих в совокупности 90% всех преднамеренных убийств. Однако концентрация убийств в данных регионах крайне неоднородна (максимальна в Латинской Америке, минимальна в Азии). На долю остальных стран (в т. ч. Европы и Северной Америки) приходится менее 10% совершенных убийств.

Таблица 1

Соотношение численности населения регионов к числу совершенных на их территории преднамеренных убийств и самоубийств в начале 2010-х гг.

Регион	Доля в населении мира (%)	Доля в общем числе совершенных убийств (%)	Доля в общем числе совершенных самоубийств (%)
Азия	58	23	65
Африка	15	33	9
Европа	8	2	8
Южная Америка	6	23	3
Северная Америка	5	менее 1	6
Страны СНГ	4	5	7
Страны Центральной Америки* и Карибского бассейна	3	13	1
Океания (вкл. Австралию, Новую Зеландию)	менее 1	менее 1	менее 1

* По классификации ООН, Мексика относится к странам Центральной Америки.
Составлено автором по: [12, 13, 15].

² Здесь и далее вычисления выполнены автором.

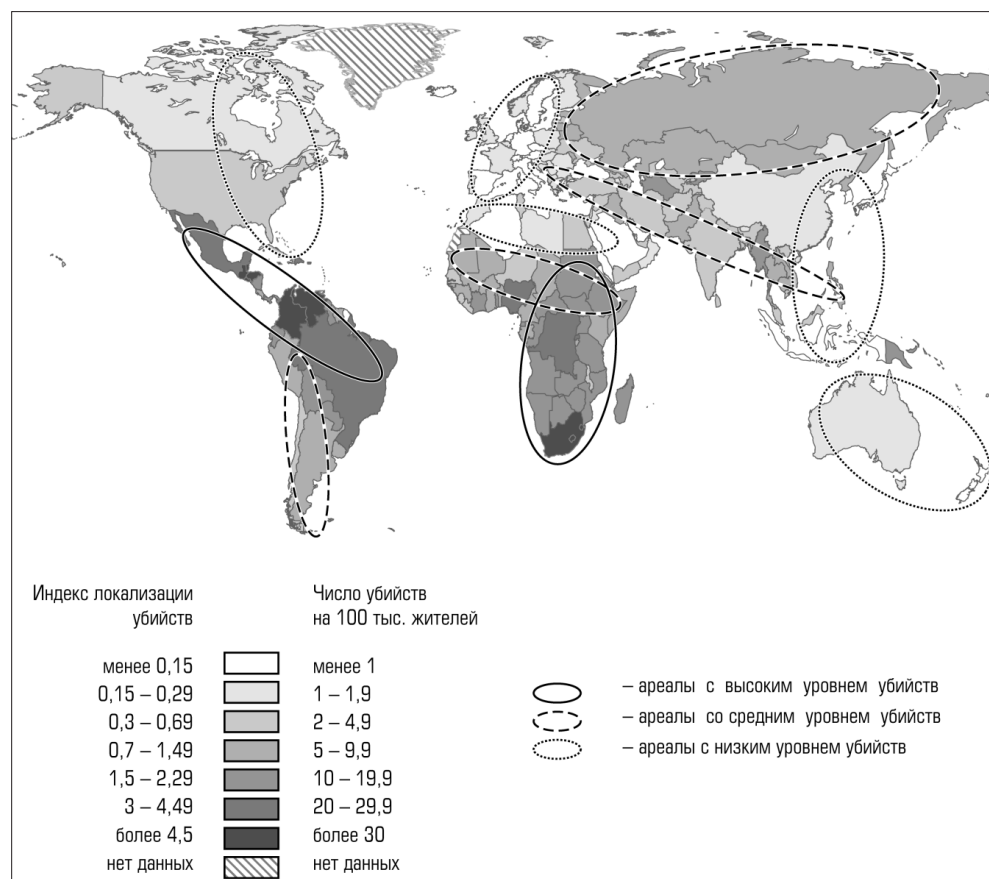

Рис. 1. Уровень убийств в мире в 2010–2012 гг.
 Составлено Е.Е. Демидовой, Л.А. Кадиловой по: [12, 13].

Даже беглый взгляд на «географическую картину убийств» (рис. 1), позволяет судить о крайне неоднородной внутрирегиональной структуре распространения данного девиантного явления. В данном случае, можно говорить о формировании особых страновых ареалов (зон), характеризующихся повышенными или пониженными фоном насильственной смертности, границы которых, в ряде случаев, не совпадают с принятой градацией стран по регионам мира.

География самоубийств. Убийства и самоубийства, несмотря на кажущуюся полярность, имеют единую суть – это акты крайнего насилия. В самом широком смысле под самоубийством (суицидом) понимают умышленное лишение себя жизни³.

В 2014 г. ВОЗ впервые опубликовала доклад «Предотвращение самоубийств:

Глобальный императив», где были собраны и, что самое главное, стандартизированы данные о завершённых суицидальных актах в 172 странах мира. Таким образом, по оценкам ВОЗ, в 2012 г. в мире число смертей от самоубийств достигло 800 тыс., что почти в 2 раза превысило число преднамеренных убийств. При этом среднемировой душевой показатель составил 10–11 самоубийств в расчете на 100 тыс. жителей планеты, что опять-таки значительно превышает показатель смертности в результате убийств [15].

Отличительная черта суицида как девиантного социального явления – высокая территориальная концентрация (табл. 1): около 2/3 совершенных суицидальных актов приходится на азиатский регион. При столь ярко выраженной концентрации абсолютного числа самоубийств, уровень суицидальности регионов в расчете на 100 тыс. жителей мира

³ Не считается самоубийством лишение себя жизни лицом, не осознающим смысл своих действий или их последствия (невменяемые, дети в возрасте до 5 лет).

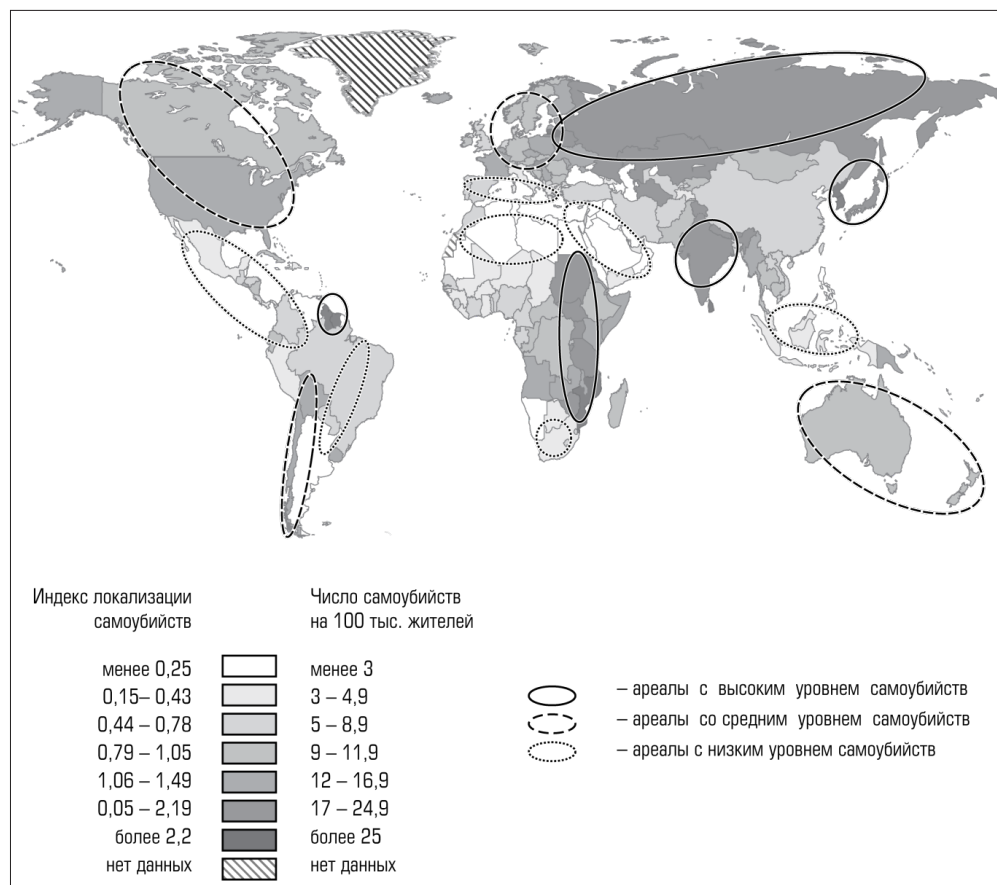

Рис. 2. Уровень убийств в мире в 2012 г.
 Составлено Е.Е. Демидовой, Л.А. Кадиловой по: [15].

демонстрирует крайне невысокие колебания относительно среднемирового показателя.

Таким образом, «суицидальная карта мира» характеризуется не меньшей (если не большей) мозаичностью, чем «карта убийств». При этом зоны (ареалы) с высоким уровнем убийств практически не совпадают с ареалами высокого уровня самоубийств. Напротив, довольно широко распространено обратное явление, когда низкий уровень убийств сочетается с достаточно высоким уровнем самоубийств (значительная часть стран Западной Европы) или высокий уровень убийств с низким уровнем самоубийств (подавляющая часть стран Латинской Америки).

Предположения о существовании обратного отношения между убийством и самоубийством можно встретить у исследователей в этой области еще в XIX в., в частности, у итальянских социологов-криминологов Ч. Ламброзо, Э. Ферри, Э. Мор-

селли. Однако при более пристальном взгляде на географические особенности распространения убийств и самоубийств в мире, также очевидным становится существование стран и регионов, где высокий уровень убийств сочетается с таким же высоким уровнем самоубийств (Восточная Африка, некоторые страны Юго-Восточной Азии, СНГ), или низкий уровень убийств с низким же уровнем самоубийств (страны Ближнего Востока, Северной Африки, Южной Европы). Наконец, корреляционный анализ данных уровней убийств и самоубийств свидетельствует о практически полном отсутствии связи между данными характеристиками (коэффициент корреляции за 2010–2012 гг. составил (- 0,09) – (- 0,06)). Поразительно, что главные выводы, полученные при изучении новейших данных о распространении явлений убийств и самоубийств в мире начала XXI в., озвучил в своих работах Э. Дюркгейм в конце XIX в.:

«Истина заключается в том, что здесь нет ни прямого, ни обратного отношения... Если в некоторых случаях оба явления уживаются друг с другом, по крайней мере, отчасти, то в других они находятся в явном антагонизме...» [4, с. 348–349].

В заключение, необходимо отметить, что пространственное распространение — это лишь видимая, наиболее очевидная часть «айсберга» девиантных общественных явлений. Безусловно, эта область представляет немалый научный интерес для социо-географа, но основное стремление автора связано

с желанием приблизиться к глубинной сущности этих явлений; рассмотреть особенности распространения девиаций не только на условных территориях, характеризующихся лишь географическим названием, а учитывая культурные, социальные, экономические особенности развития стран, которые причудливо переплетаясь, определяют живую ткань каждой из них. Именно это направление дает широчайшие возможности для дальнейшего исследования девиантных явлений в рамках страноведения и социально-экономической географии.

Библиографический список

1. Бадов А.Д. География преступности в России в постсоветский период: Монография. — Владикавказ: Изд-во СОГУ, 2009. — 333 с.
2. Большой юридический словарь он-лайн. [Электронный ресурс] URL: <http://law-enc.net/word/ubijstvo-6275.html>. (дата обращения 15.06.14.).
3. Гилинский Я.И. Девиантология: социология преступности, наркотизма, проституции, самоубийств и других «отклонений». — СПб.: Издательство «Юридический центр Пресс», 2004. — 520 с.
4. Дюркгейм Э. Самоубийство: Социологический этюд. — М., 1994. — 399 с.
5. Криминология. Учебник для вузов. Под ред. А.И. Долговой. — М.: Норма, 2005. — 912 с.
6. Осипова О.С. Девиантное поведение: благо или зло? // Социологические исследования. — 1998. №9. — С. 106–109.
7. Сминщикова Э.В. Позитивные девиации как фактор прогрессивного развития личности в современном социуме: автореферат дис. кандидата философских наук: 09.00.11. — Краснодар, 2012. — 22 с.
8. Философский словарь / Под ред. М.М. Розенталя, 1975. — 496 с.
9. Чиркова Е.Е. Региональные особенности распространения коррупции в мире // Известия РАН. Серия географическая. — 2005. — № 4. — С. 39–47.
10. Ben-Yehuda N. Positive and Negative Deviance: More Fuel for a Controversy // Deviant Behavior, 1990. Vol. 11. №3. P. 221–243.
11. Curra J. O. The Relativity of Deviance. SAGE Publications, Inc., 2014. 384 p.
12. Global Study on Homicide 2011: Trends, Contexts, Data. United Nations Office on Drugs and Crime. Vienna. 2011. 130 p.
13. Global Study on Homicide 2013: Trends, Contexts, Data. United Nations Office on Drugs and Crime. Vienna. 2013. 166 p.
14. Hecker D.M. Positive Deviance: A Classificatory Model // Free Inquiry in Creative Sociology, 1998. №26 (1). P. 23–30.
15. Preventing suicide: a global imperative. World Health Organization. Geneva. 2014.
16. World Development Report 2013, Washington, DC. 2012. 422 p.

РАЙОНИРОВАНИЕ В РОССИЙСКОЙ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ГЕОГРАФИИ: СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ И НАПРАВЛЕНИЯ РАЗВИТИЯ

Shuvalov V.E.

REGIONALIZATION IN RUSSIAN SOCIO-ECONOMIC GEOGRAPHY: DEVELOPMENT DIRECTIONS

Аннотация. Районирование всегда было «визитной карточкой» российской географии, включая ее социально-экономическую ветвь. В отечественной социально-экономической географии исторически преобладали работы по экономическому районированию. Однако в постсоветский период кардинально изменились приоритеты районирования. Произошла его «социологизация» и «гуманизация», что потребовало, в том числе, разработки новых, «мягких» методик районирования. «Экологизация» послужила причиной усиления значимости природно-хозяйственного и эколого-экономического районирования. Собственно экономическое районирование отошло на «второй» план. В то же время, экономико-географами были продолжены работы по некоторым классическим темам, в том числе по осмыслению нового содержания экономико-географического районирования, трансформации классического экономического районирования в новых условиях и др. В статье проанализированы приоритетные направления развития районирования в российской социально-экономической географии, сделаны некоторые обобщения и выводы по данной теме.

Abstract. Regionalization has always been a «landmark» of the Russian geography including its social and economic branch. Among the various types of regionalization, the works on economic regionalization historically prevailed in national socio-economic geography. Although in post-Soviet period its priorities have changed significantly. «Sociologization» and «humanitarization» took place and required the development of new, so-called «soft» methods of regionalization. «Environmentalization» caused increase in significance of natural-economic and environmental-economic regionalization. Economic regionalization as such have receded into the «background». Meanwhile economic geographers continued to work on some classic subjects, such as interpretation of the new content for the economic and geographical regionalization, transformation of classical economic regionalization under new conditions etc. The article analyzes the main directions of regionalization progress in Russian socio-economic geography, with some generalizations and conclusions on the topic provided.

Ключевые слова: районирование, экономико-географическое районирование, экономическое районирование, социально-экономическая география, трансформация методик районирования.

Keywords: regionalization, economic-geographical regionalization, economic regionalization, socio-economic geography, transformation of regionalization methods.

Районирование всегда было «визитной карточкой» российской географии: оно имеет самую богатую в мире историю, а теория и практика районирования органически связаны с формированием и развитием российской географии. Это утверждение относится и к ее социально-экономической ветви. Не случайно в советской экономической географии доминировала именно районная школа, в которой понятию района придавалось исключительное значение [46].

В отечественной социально-экономической географии (СЭГ) исторически преобладали (по крайней мере, до 80-х годов XX века) работы по экономическому районированию. При этом самые значимые исследования в этой области были посвящены интегральному экономическому районированию. Поэтому не случайно российскую школу рай-

онирования в СЭГ часто называют школой именно экономического районирования.

В 1970–1980-х гг. развитие теории и практики экономического районирования в России шло противоречиво. С одной стороны, отраслевой принцип управления плановой экономикой требовал максимального учета территориального подхода к регулированию развития хозяйства страны, а с другой – Госплан как орган, призванный его реализовывать на практике – не выполнял эту функцию, ограничиваясь статистическо-сводными и проектно-плановыми разработками. Развитие экономического районирования шло в отрыве от его практического использования и было направлено, прежде всего, на разработку и совершенствование методического аппарата. Из научных разработок вопросов экономического райониро-

вания в этот период наибольшее внимание уделялось методам дробного экономического районирования (Е.Е. Лейзерович (1927–2014), М.Д. Шарыгин), анализа и прогнозирования хозяйства районов (А.И. Чистобаев и др.), моделированию экономических районов (М.К. Бандман (1924–2002) и др.), применению математических методов при районировании (А.М. Трофимов (1937–2011) и др.), районированию обращения (И.И. Белоусов (1901–1978), теории районных ТПК (Т.М. Калашникова (1919–2002) и др.). Появились также значимые работы по природно-хозяйственному районированию (Ю.Г. Саушкин (1911–1982), Г.А. Приваловская (1929–2012), П.Я. Бакланов, В.М. Разумовский и др.). Некоторые ученые по аналогии с физико-географическими районами все виды районов в социально-экономической географии стали объединять термином «экономико-географические районы» [8]. Однако однозначная терминология в этой области так и не устоялась.

Важное место заняли работы экономико-географов по районистике как географической дисциплине, разрабатывающей систему принципов, подходов и общих методов географической систематизации явлений и процессов способом районирования (Б.Б. Родоман, В.Л. Каганский) [7, 30].

В постсоветский период значимость экономико-географического, в т.ч. экономического районирования, резко уменьшилась. Это объясняется целым комплексом причин, основными из которых являются кризис теории экономического районирования, сложившейся в советский период, и отсутствие значимого общественного (прежде всего – государственного) заказа на разработку целевых сеток экономико-географических районов, применимых в новых социально-экономических условиях.

Важным событием стало проведение в 2004 г. в Ростове-на-Дону Всероссийской научно-практической конференции «Районирование в современной экономической, социальной и политической географии: потенциал, теория, методы, практика» [29], в рамках которой был проведен своеобразный «смотр» экономико-географического интеллектуального потенциала, задействованного в разработке проблем экономико-географического районирования. Анализ опубликованных тезисов позволяет выделить в нем основные направления (табл. 1). При примерном паритете работ по интегральным и отраслевым видам районирования в российской СЭГ, среди последних резко выделялись работы по сельскохозяйственному районированию (22% от всего числа тезисов!).

Таблица 1
Тематика исследований по районированию в социально-экономической географии

	Виды районирования	2004*		2005–2014**	
		Количество тезисов		Количество статей	
		Единиц	%	Единиц	%
1	Общие вопросы	6	10%	13	22%
2	Интегральное районирование	20	35%	36	61%
2.1.	Интегральное экономическое районирование	7		10	
2.2.	Природно-хозяйственное районирование	1		1	
2.3.	Эколого-экономическое районирование	4		1	
2.4.	Культурно-географическое районирование	6		21	
2.5.	Рекреационно-географическое районирование	2		3	
3	Отраслевое районирование	24	41%	5	8,5%
3.1.	Природно-ресурсное районирование	4		1	
3.2.	Сельскохозяйственное районирование	13		2	
3.3.	Промышленно-географическое районирование	2		0	
3.4.	Транспортно-географическое районирование	2		1	
3.5.	Отраслевое социально-географическое районирование	3		1	
4	Другие	8	14%	5	8,5%
	Итого	58	100%	59	100%

* Составлено автором по материалам Всероссийской научно-практической конференции «Районирование в современной экономической, социальной и политической географии: потенциал, теория, методы, практика», 2004 г. [29].

** Составлено по списку географических журналов, представленных в табл. 2.

Среди первых по-прежнему была относительно большой доля работ по интегральному экономическому районированию (12%). Таким образом, в начале 2000-х годов традиционная тематика экономико-географического районирования в российской СЭГ еще преобладала.

В последнее десятилетие в тематике районирования в отечественной СЭГ произошли существенные изменения. Анализ статей по проблематике экономико-географического районирования в 12 ведущих российских журналах географического профиля за 2005–2014 гг. (см. табл. 1) показывает, что при возрастании интереса к общим вопросам (22%), стали преобладать работы по интегральным видам экономико-географического районирования (61%). При этом кардинально возросла доля работ по проблематике культурно-географического районирования (свыше 1/3 от всех публикаций!) при резком снижении работ по сельскохозяйственному и другим видам отраслевого экономического районирования.

Своеобразная специализация российских географических журналов по проблематике экономико-географического районирования (в широком смысле этого понятия) видна из табл. 2. В последнее десятилетие, как по общему числу публикаций, так и по их доле

среди других, лидирует Псковский региональный журнал, в котором наиболее широко представлены культурно-географические работы. Поэтому не случайно в нем 3/4 рассмотренных статей посвящены различным видам культурно-географического районирования, а его доля среди публикаций по данной тематике во всех географических журналах составляет свыше 1/2. Выше средней доля публикаций по экономико-географическому районированию (в расчете на 10 номеров) в журналах «Региональные исследования» и «География и природные ресурсы». В остальных публикации по тематике экономико-географического районирования встречаются редко или эпизодически.

В постсоветский период нами выделены следующие основные направления исследований российских экономико-географов в сфере районирования:

1. Осмысление нового сущностного содержания районирования и понятия района в отечественной социально-экономической географии. Доминирование экономического районирования над другими видами районирования в советской СЭГ, заложенное еще «госплановской школой» в 1920-е годы, привело к тому, что в менталитете отечественных экономико-географов оно стало восприниматься

Таблица 2

*Количество статей по экономико-географическому районированию в российских журналах географического профиля в 2005–2014 гг.**

Ранг	Название журнала, место издания	Кол-во статей на 10 номеров журнала	Общее кол-во статей
1	Псковский региональный журнал	7,6	16
2	Региональные исследования (Смоленск)	2,1	9
3	География и природные ресурсы (Иркутск)	1,5	6
4-6	Вестник Московского университета. Сер. 5. География	1,2	7
4-6	Известия РАН. Серия географическая (Москва)	1,2	7
4-6	Пространственная экономика (Хабаровск)	1,2	5
7-8	Вестник Воронежского университета. Серия География. Геоэкология	0,9	2
7-8	Вестник Тверского университета. Серия География и геоэкология	0,9	1
9	Известия Русского географического общества (Санкт-Петербург)	0,5	3
10-11	Балтийский регион (до 2009 г. – Регион сотрудничества) (Калининград)	0,33	1
10-11	Географический вестник (Пермь)	0,33	1
12	Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия Геология. География.	0,25	1
	Итого:	1,3	59

* Составлено автором по данным РИНЦ.

как понятие, включающее в себя практически все остальные виды районирования, разрабатываемые экономико-географами. В то же время, разнообразие подходов к районированию и его видов в отечественной СЭГ в последние десятилетия значительно возросло. Кроме традиционного интегрального экономического районирования и его отраслевых видов (природно-ресурсного, сельскохозяйственного, промышленного, транспортного и др.) стали разрабатываться идеи интегрального социально-экономического и/или общественного районирования, появились важные работы по культурному, социальному, когнитивному, рекреационному, эколого-экономическому и другим видам районирования.

Многообразие видов районирования является неотъемлемым атрибутом современной отечественной СЭГ. Однако наличие разных точек зрения у ученых даже на сущность отдельных видов районирования приводит к значительной индивидуализации и часто неоправданному возрастанию субъективного фактора при проведении конкретных видов районирования. Эта проблема в постсоветский период нашла свое отражение в ряде публикаций Т.М. Калашниковой, Л.В. Смирнягина, В.Е. Шувалова и др. [8, 35, 44, 46].

В рамках данной проблематики остановимся на трех методологически и концептуально важных вопросах: эволюционной смене видов интегральных районов как формы территориальной организации общества, обобщенного названия интегрального районирования в отечественной СЭГ и соотношения понятий «район» и «регион».

Эволюционный ряд видов интегральных районов, выделяемых в СЭГ, можно выстроить с учетом преимущественного воздействия на территориальную организацию общества трех основных факторов – природного, экономического (производственного) и социального. На разных этапах развития общества природно-хозяйственные, экономические и социальные районы могут выполнять функцию как отраслевых, так и интегральных районов, что обусловлено эволюционной сменой ведущего фактора: от природного к экономическому (производ-

ственному) и далее социальному (в широком смысле слова).

С этой точки зрения понятие и термин «экономическое районирование» и «экономический район» в качестве интегрального применим преимущественно для эпохи индустриализации и крупносерийного машинного производства. Исходя из этого положения только общее районирование страны, проведенное отечественными экономико-географами в конце XIX – первой половины XX вв. (от работ П.П. Семенова-Тян-Шанского до работ Н.Н. Колосовского), можно отнести собственно к экономическому по форме и названию, и интегральному – по содержанию. К другим опытам районирования в отечественной СЭГ некорректно автоматически использовать термин «экономический район».

Необходимо отметить, что какой-то единой трактовки понятия и определения экономического района в экономической географии нет: оно различно у разных научных школ и направлений¹. Например, в рамках хорологической концепции экономический район определялся как хозяйственный ландшафт, в районной школе советской экономической географии – как часть планового народного хозяйства страны (при его выделении доминировал производственный фактор). Напротив, в западной экономической географии (например, у А. Лёша) экономические районы выделялись с преимущественным учетом рыночного потребительского фактора, через рассмотрение совокупности рыночных зон, возникающих в результате взаимодействия разнонаправленных экономических сил.

В советской районной школе господствовало «госплановское» понимание интегрального экономического района как целостной части страны, представляющей собой территориально-производственный комплекс со специализацией в масштабе всей страны и рассматриваемый как звено цепи народного хозяйства и территориального разделения труда. Объективной основой интегрального экономического района служил «районный» ТПК. Таким образом, для выделения интегральных экономических районов использовались два основных

¹ Это утверждение верно и в целом для географии: понятие географического района в исторической ретроспективе неоднозначно. Оно существенно изменялось по мере смены географических парадигм и школ. В каждой классической географической школе представления о районе индивидуальны. Поэтому говорить об едином понятии района, в том числе экономико-географическом, представляется ошибочным.

признака (критерия): *специализация хозяйства*, обусловленная географическим разделением труда, и *комплексность*, понимаемая в широком смысле как взаимосвязанность важнейших элементов ее экономической и территориальной структур. При этом имманентные для географического района признаки – *целостность* (единство) и *индивидуальность* (специфика) – при такой трактовке отождествлялись с комплексностью и специализацией. Это привносило значительные трудности в методику выделения таких районов, т.к. категория специализации по своей территориальной структуре относится к свойствам однородных районов, а категория комплексности – узловых.

В последней четверти XX века этот вид районов стал переходить в разряд отраслевых, а на роль интегральных начали претендовать социальные («общественные») районы. Сущность и понятие последних разработаны в отечественной СЭГ слабо, равно как методология и методы собственно социального районирования (в широком смысле слова). Однако возрастание роли социального фактора в обществе в целом (и его территориальной организации в частности) приводит к необходимости разработки новых методологических принципов и методов интегрального социального районирования. Наиболее значительный вклад в решение этой проблемы сделан Л.В. Смирнягиным в работах, посвященных «районированию общества» [34, 38 и др.].

Интегральное районирование в СЭГ на современном этапе – это уже не экономическое, но еще и не социальное в полной мере. Скорее всего, оно носит переходный характер; иногда его называют социально-экономическим, хотя в нем могут присутствовать элементы и политического, и культурного районирования (понимаемых как подвиды социального районирования). Однако этот термин в практике не получил широкого распространения. Очень редко используется и термин «общественное районирование». Поэтому по аналогии с физико-географическим районированием логично называть такое районирование *экономико-географическим*², хотя в нем термин «социальное» «деюро» и отсутствует.

Важно еще раз подчеркнуть, что собственно экономическое районирование в

современных условиях перемещается (а в экономически развитых странах – уже давно «переместилось») из интегрального в разряд отраслевых видов районирования. Поэтому оперировать понятием и термином «экономический район» надо осторожно, делая различия между ним и другими видами «экономико-географических районов». Последний термин в принципе не отменяет и других понятий и терминов, таких как «социально-географическое», «культурно-географическое», «политико-географическое», «рекреационно-географическое» районирование, которые также могут претендовать на статус интегрального районирования в СЭГ.

В географии в целом и СЭГ в частности продолжается дискуссия о *соотношении понятий «района» и «региона»* [например, 5, 23, 36]. С нашей точки зрения, эта дискуссия имеет принципиальный характер [45, 46].

Понятия «район» и «регион» употребляются в географии либо как синонимы, либо как концептуально различные понятия. Первый подход, хотя и преобладает в настоящее время, опасен для географии, т.к. подменяет чисто географическую сущность понятия района. Район в географии – это часть территории, выделенная по какому-либо признаку (явлению, процессу) или совокупности признаков, отличающих ее от смежных территорий [46]. Часто под районом также понимают таксономическую единицу в различных системах территориального членения.

Понятию района присущи три основных признака [46]:

- 1) внутренне детерминированная территориальная структура: в однородном районе – слабо выраженная в виде ядра и периферии, в узловом районе – ярко выраженная, обычно в форме линейно-узловой территориальной структуры;
- 2) специфика данной территории, ее отличия от смежных территорий;
- 3) в итоге – наличие свойств территориального единства и целостности.

Для региона данные свойства вторичны, для него первостепенное значение придается таким параметрам, как местоположение, элементный состав (перечень входящих в него территориальных ячеек) и/или границы. Таким образом, регион – это относительно

² По данным Т.М. Калашниковой [8] данный термин предложен В.Ф. Павленко еще в 1950-е годы.

произвольно взятая исследователем территориальная ячейка, своеобразная «информационная» точка, для которой внутренняя структура не важна или, по крайней мере, не первостепенна.

Именно различия в понятиях района и региона во многом определяют отличия районного и регионального анализа. Районный анализ, как правило, предполагает упреждающее районирование и установление сетки районов, которую географы используют для дальнейших исследований и анализа. При региональном анализе можно использовать относительно произвольные территориальные ячейки, практически любую «нарезку» территории. В региональных науках в качестве последних обычно выступают административно-территориальные единицы, по которым имеется статистическая информация. Для регионального анализа их внутренняя структура второстепенна, они выполняют функцию «информационных точек» как в моделировании, так и проводимых типологиях и классификациях³. Таким образом, представляется достоверным утверждение, что *«любой район является регионом, но не любой регион является районом»*.

В последнее время термин «регион» завершает вытеснение из научного и повседневного использования термина «район». Все чаще и среди географов он применяется в качестве синонима. Более того, регион часто наделяется имманентными свойствами района. В этом отражается резкое ослабление позиций собственно географии не только в образовательном и научном пространстве, но и в целом на практике. Естественно, что образующуюся «экологическую нишу» заполняют активно развивающиеся «региональные науки» и, к сожалению, не лучшим образом.

2. Разработка «мягкой» методики географического районирования как альтернативы традиционной «жесткой» методики, базирующейся на принципах классической логики. Переход от традиционных к новым видам географического районирования в СЭГ, и прежде всего, от интегрального и отраслевого экономического районирования к интегральному и отраслевому соци-

альному (или социально-географическому в широком смысле слова) районированию, поставило задачу разработки его новых концептуальных и методических основ в рамках идей постмодернизма. Для этого потребовалось отойти от многих принципов классической логики, на которых основывалось традиционное районирование в географии, а именно: необходимости «заместить» сеткой районов всю территорию; следованию одному или четко фиксированному набору признаков на каждом уровне районирования; учету иерархической значимости свойств, используемых для районирования, на разных уровнях районирования и др.

Основные методические подходы к такому районированию были представлены Л.В. Смирнягиным в его книге «Районы США: портрет современной Америки»⁴ и развиты им в докторской диссертации [34] и серии публикаций [35, 37]. Важнейшее место среди них занял методический прием, получивший название *«плавающего признака»*, согласно которому на каждом уровне районирования может использоваться не один или жестко фиксированный набор признаков, а достаточно произвольный, «главный индивидуализирующий признак», по которому собственно и выделяется тот или иной район. Таким образом, такой признак на одном иерархическом уровне районирования может «плавать», варьировать от района к району, что противоречит принципам районирования, основанным на классической логике.

Значимое место в «мягкой методике» районирования занял принцип *«лакуны»* (т.е. пропуска, пробела), согласно которому не всю районлируемую территорию необходимо «покрыть» сеткой районов. Этот принцип применялся в экономическом районировании при выделении районов-ареалов и ранее, но чаще всего – как исключение – для слабоосвоенных территорий с очаговым характером заселения.

В духе идей постмодернизма можно рассматривать также принцип *«примата ядра над границей района»*. Проблема соотношения ядра и периферии, ядра и границы района для классического районирования не нова. Для целей управления и регулирования социальными и экономическими процессами

³ Следует отметить, что грань здесь достаточно размыта, т.к. чем мельче (и крупнее на картах) используемые для процедуры иерархической систематизации территориальные ячейки (ОТЕ – операционные территориальные ячейки), тем более географичны полученные результаты.

⁴ Смирнягин Л.В. Районы США: портрет современной Америки. – М.: Мысль, 1989. – 379 с.

более предпочтительно обратное соотношение. Однако при выделении социально-географических, особенно культурно-географических районов, установить их четкие границы, за редким исключением, представляется вряд ли возможным в принципе. Поэтому в этом случае приходится отходить от традиционного обозначения на картах границ районов в виде линий раздела и перейти к их изображению как переходных полос связи разной ширины и четкости.

3. Становление и активное развитие культурно-географического районирования. В последние годы количество работ по культурно-географическому районированию росло взрывообразно: только в ведущих отечественных географических журналах в 2005–2014 гг. было опубликовано свыше 20 статей по этой тематике, что составило свыше 1/3 от их общего числа по географическому районированию в СЭГ.

Среди относительно разработанных систем районирования, которые включают культуру как значимый компонент и имеют интегральный характер, можно выделить [18] культурно-ландшафтное [4, 9, 20, 41], историко-культурное и историко-географическое районирование [3, 21]. Представляется возможным в целом объединить их в рамках понятия и термина «культурно-географическое районирование».

Как подчеркивает А.Г. Манаков [18], системы культурно-ландшафтного районирования редко выходят за рамки какого-либо субъекта Российской Федерации, их сложно применить к другим регионам. С начала 2000-х годов интенсивно развивается историко-географическое районирование, частью которого может считаться и историко-культурное районирование. В его разработке активное участие принимают географы как естественно-научной, так и гуманитарной специализации [10, 19 и др.].

В культурно-географическом районировании наибольшее применение получили два «классических» методических подхода – «наложения» частных ареалов (или «метод Мауля») и «ведущего признака», и один нетрадиционный – «плавающего признака», о котором уже сказано выше. Для интегрального культурно-географического районирования характерны общие для многих видов районирования концептуальные и методические проблемы, например,

соотношения в одном районе критериев и однородного, и узлового районирования (как, например, и для «госплановского» экономического районирования), соотношения признаков на разных уровнях районирования (решается за счет введения «плавающего признака») и др. [18].

4. Адаптация к российским условиям концепции и методики выделения вернакулярных районов. Особую роль в последние 15 лет заняла проблема выделения вернакулярных районов, пришедшая в российскую СЭГ с Запада. Она тесно связана с тематикой региональной идентичности, которая заняла важное место в современной отечественной культурной географии. Однако это направление в районировании требует особого выделения.

Концепция вернакулярных районов рассматривает их как форму территориальной самоорганизации общества, которая отражается в самосознании самих жителей [24, 27, 34 и др.]. В рамках этого подхода можно разделить понятия района и его модуса, т.е. образа. Модус района формируется и закрепляется в сознании людей, находящихся внутри и вовне района. Таким образом, в массовом сознании отличаются друг от друга не сами районы, а их образы [13]. В этом отношении модусы, которые часто и называют вернакулярными районами, безусловно, субъективны.

Термин «вернакулярный район» обычно используется в рамках концепции территориальной идентичности человека или общности людей. Поэтому вернакулярный район может интерпретироваться и как «народный район», общепризнанный в восприятии всего местного сообщества, и как «ментальный район», свойственный пространственной перцепции отдельного взятого члена сообщества [11].

Хотя понятие и концепция вернакулярных районов в отечественной географии базируется на зарубежных исследовательских подходах, большое значение для их выделения имеет «мягкая методика» районирования.

Тематика вернакулярных районов тесно связана с культурно-географическим районированием. В то же время, рядом авторов отмечается [18], что результаты исследований региональной идентичности достаточно сложно применить в практике культурного районирования.

5. Продолжение работ в области интегрального природно-хозяйственного и эколого-экономического районирования. На стыке интегрального экономико-географического и комплексного физико-географического районирования развивается природно-хозяйственное и эколого-экономическое районирование⁵. Единой трактовки этих понятий и их соотношения в отечественной географии нет.

По мнению Т.Г. Руновой [32], в отечественной географии можно выделить три основных подхода к природно-хозяйственному районированию:

1. С позиций собственно экономической географии – как трансформация понятия экономического района в природно-экономический (хозяйственный) с точки зрения более полного учета природного фактора (Ю.Г. Саушкин⁶, И.Л. Савельева [33] и др.).

2. С позиций физической географии – как трансформация природного района в антропогенный (В.Б. Сочава, А.Г. Исаченко, Ф.Н. Мильков, И.И. Невяжский и др.).

3. С позиций выделения особых природно-хозяйственных районов или территориальных систем как переходных между экономическими и природными районами (В.Л. Бабурин, П.Я. Бакланов, Н.Н. Ключев, Г.А. Приваловская, Т.Г. Рунова и др.) [1, 2, 12, 26, 32].

Наибольшее распространение в отечественной СЭГ получил третий подход, в рамках которого подчеркивается значимость природно-ресурсного фактора и характера природопользования для сущности выделяемых районов. В территориальном аспекте данная тематика логично представлена преимущественно регионами Сибири и Арктики, для которых ресурсный фактор развития имеет первостепенное значение.

Что касается эколого-экономического районирования, то здесь наблюдается не меньший разбой мнений, на который дополнительно «накладывается» и размытость понятия этого вида районов. В отличие от природно-хозяйственного, интегральному эколого-экономическому районированию в отечественной СЭГ в постсоветский период уделялось меньше

внимания. Среди публикаций этого периода можно выделить книги В.М. Разумовского и М.Д. Шарыгина 1990-х гг. [28, 43], посвященные теоретическим аспектам эколого-экономического районирования, а в последние годы – работы казанских географов [39 и др.]. В 2000-х гг. целый ряд работ был сделан по эколого-экономическому районированию крупных российских регионов (Татарстан, Якутия и др.).

Сравнивая эти два вида географического районирования, следует отметить, что они принципиально отличаются по своим методологическим подходам при выстраивании взаимоотношений между Природой и Обществом (Человеком). Если в природно-хозяйственном районировании эти отношения выстраиваются на принципах «Базис (т.е. природные ресурсы и условия) – Надстройка (т.е. хозяйство)», то для эколого-экономического районирования характерна другая система отношений, построенная по «экологическому» принципу: «Объект (хозяйство или природа) – Среда (природная или экономическая)». Поэтому природно-хозяйственное районирование можно рассматривать как районирование хозяйства, развивающегося преимущественно на базе природно-ресурсного фактора его развития, а эколого-экономическое – либо как районирование хозяйства (экономики) с учетом накладываемых на его развитие экологических ограничений (уровней и видов техногенного воздействия), либо как районирование природы с учетом возможных предельных («критериальных») техногенных воздействий. Акцентирование внимания на этих различиях может помочь в нахождении консенсуса между экономико- и физико-географами в дискуссии о сущности и соотношении этих видов географического районирования.

6. Продолжение работ по тематике классического экономического районирования. В постсоветский период работы в области собственно экономического районирования не прекратились. Наиболее значимый вклад в это направление сделан Е.Е. Лейзеровичем (1927–2014), главной темой исследований которого с конца 1970-х гг. было экономическое микрорайонирование.

⁵ Здесь не рассматривается природно-ресурсное районирование и его отдельные виды.

⁶ Саушкин Ю.Г. Природно-хозяйственные районы Советского Союза // Вестник Моск. ун-та. Сер. 5. География. – 1980. – № 4. – С. 3–13.

Его сетка экономических микрорайонов страны, которая впервые опубликованная в 1988 г.⁷, затем была несколько раз модернизирована [15] и в последнем варианте (по состоянию на 2008 г.) включала на территории России 464 микрорайона [16]. По своему значению она стоит в одном ряду со знаменитой сеткой из 1065 торгово-промышленных микрорайонов Европейской России В.П. Семенова-Тян-Шанского, выполненной в начале XX в. В то же время, последняя опубликованная работа автора посвящена уже проблематике экономического макрорайонирования [17].

Проблемы экономического районирования наиболее важны для обширных восточных территорий России. Поэтому не случайно их разработкой продолжают заниматься экономико-географы Института экономических исследований ДВО РАН в Хабаровске (А.Н. Демьяненко и др.), Института географии ДВО РАН во Владивостоке (П.Я. Бакланов, М.Т. Романов), в меньшей степени – Института географии СО РАН в Иркутске [6, 22, 31].

Проблематика трансформации классической или формирования новой теории экономического районирования значительного развития в постсоветский период в отечественной СЭГ не получила. Исключением является статья А.Н. Пилясова [25], в которой в качестве альтернативы «большим» районам Н.Н. Колосовского предлагаются «малые» экономические районы Алаева-Бекаттини «как основные драйверы современных инновационных преобразований в пространстве России» [25, с. 44].

7. Издание учебных пособий по географическому, экономико-географическому и экономическому районированию. Во многих университетах России по-прежнему традиционно читаются курсы лекций по гео-

графическому и экономическому районированию, что обусловило издание по ним учебных пособий Т.М. Калашниковой, Е.Е. Лейзеровичем, Э.Л. Файбусовичем и др. [8, 14, 40, 42].

Выводы. В целом следует отметить, что при общем сокращении работ по экономико-географическому районированию, в постсоветский период кардинально изменилась его тематика и структура.

Во-первых, произошла его «социологизация» и «гуманизация», что привело к резкому смещению акцента с экономического на социальное, прежде всего – культурно-географическое районирование, и потребовало разработки новых, так называемых «мягких» методик районирования. В связи с этим важное место заняла проблема выделения вернакулярных, или «обыденных» районов как формы территориальной самоорганизации общества.

Во-вторых, произошла «экологизация» экономико-географического районирования, что послужило причиной усиления значимости природно-хозяйственного и эколого-экономического районирования.

Собственно же экономическое районирование отошло на «второй» план. В то же время, экономико-географами ведутся работы по некоторым классическим темам: по осмыслению нового содержания экономико-географического районирования, трансформации классического экономического районирования в новых условиях, проблемам административно-территориального деления и его связи с экономическим районированием и др.

Представляется, что эти тренды в развитии экономико-географического районирования останутся основными в российской социально-экономической географии и в дальнейшем в среднесрочной перспективе.

Библиографический список

1. Бабури В.Л. Развитие территориальных природно-хозяйственных систем как основы экономики // Вестник Моск. ун-та. Сер. 5. География. – 2012. – № 5. – С. 5–13.
2. Бакланов П.Я., Ганзей С.С., Ермошин В.В. Природно-хозяйственное районирование трансграничных территорий // География и природные ресурсы. – 2005. – № 4. – С. 107–113.
3. Вампилова Л.Б., Манаков А.Г. Опыт историко-географического районирования территории России // Известия Русского географического общества. – 2013. – Т. 145. – Вып. 2. – С. 25–36.
4. Веденин Ю.А. Культурно-ландшафтное районирование России – ориентир культурной политики // Ориентиры культурной политики. Информационный выпуск № 2. – М.: ГИВЦ МК РФ, 1997. – С. 3–99.
5. Гладкий Ю.Н. Регион как научная категория: реальный конструкт или «мусорный ящик»? // Псковский регионологический журнал. – 2009. – №8. – С. 3–10.

⁷ Лейзерович Е.Е. Рекомендации по районированию территории СССР для целей расселения и районной планировки. – М.: Стройиздат, 1988. – 216 с.

6. Демьяненко А.Н., Изотов Д.А. Территориальная организация экономики КНР и проблема экономического районирования // *Пространственная экономика*. – 2008. – №1. – С. 43–61.
7. Каганский В.Л. Основные практики и парадигмы районирования // *Региональные исследования*. – 2003. – № 2. – С. 16–30.
8. Калашникова Т.М. Экономико-географическое районирование. Учебное пособие. – М.: Изд-во Моск. ун-та, 1999. – 56 с.
9. Калущков В.Н. Прикладное культурно-географическое районирование России // *Известия РАН. Сер. геогр.* – 2014. – № 6. – С.30–39.
10. Калущков В.Н. Культурно-географическое районирование России: геоконцептуальный подход // *Псковский регионологический журнал*. – 2015. – № 22. – С. 97–108
11. Карлова Е.В., Харченко С.В. О связи географических границ городских вернакулярных районов с природными рубежами (на примере крупных городов) // *Региональные исследования*. – 2014. – № 3 – С.112–123.
12. Клюев Н.Н., Яковенко Л.М. Постсоветская Россия: природно-хозяйственное районирование // *Проблемы региональной экологии*. – 2004. – № 4. – С. 3–12.
13. Кудрявцев А.Ф. Проблема объективного и субъективного в понимании районов и районирования. // *Вестник Удмуртского университета. Сер. Биология. Науки о Земле*. – 2009. – Вып. 2. – С. 75–82.
14. Лейзерович Е.Е. Теория и практика экономического районирования. Курс лекций. – М.: Изд-во Российского открытого ун-та, 1994. – 72 с.
15. Лейзерович Е.Е. Экономические микрорайоны России (сетка и типология). – М.: Трилобит, 2004. –128 с.
16. Лейзерович Е.Е. Сетка экономических микрорайонов России. Вариант 2008 года // *Региональные исследования*. 2010. – № 4. – С. 14–28
17. Лейзерович Е.Е. Об основных экономических районах (макрорайонах) России // *Региональные исследования*. – 2014. – № 3. – С. 4–11.
18. Манаков А.Г. Культурное районирование: теория и практика // *Феномен культуры в российской общественной географии: экспертные мнения, аналитика, концепты*. Под ред. А.Г. Дружинина и В.Н. Стрелецкого. – Ростов-на-Дону: Изд-во Южного фед. ун-та, 2014. – С. 84–96.
19. Манаков А.Г. Новый подход к культурно-географическому районированию России // *Псковский регионологический журнал*. – 2014. – № 20. – С. 106–119.
20. Манаков А.Г., Андреев А.А. Культурно-ландшафтное районирование Северо-Запада России // *Балтийский регион* – 2011. – № 4. – С. 134–144.
21. Манаков А.Г., Андреев А.А. Историко-географическое районирование России как междисциплинарный исследовательский проект // *Псковский регионологический журнал*. – 2011. – №12. – С. 101–112.
22. Медведкова Э.А. Развитие идей дробного экономического районирования Сибири (к 100-летию В.А. Кротова) // *География и природные ресурсы* – 2005. – № 3. – С.146–151.
23. Межевич Н.М. Определение категории «регион» в современном научном дискурсе // *Псковский регионологический журнал*. – 2006. – № 2. – С. 3–21.
24. Павлюк С.Г. Ключевые вопросы изучения вернакулярных районов // *Вопросы экономической и политической географии зарубежных стран*. Вып. 18. – М.–Смоленск: Ойкумена, 2009. – С. 46–56.
25. Пиласов А.Н. Контуры новой теории экономического районирования России (основные элементы) // *Современная регионалистика: структура, проблемы, перспективы*. – СПб.: Изд-во СПбГЭУ, 2013. – С. 31–44.
26. Приваловская Г.А., Волкова И.Н. Рейтинговая оценка региональных сочетаний природных и социально-экономических ресурсов развития России // *Природопользование в территориальном развитии современной России*. Под ред. И.Н. Волковой, Н.Н. Клюева. – М.: Медиа-Пресс, 2014. – С. 198–221.
27. Пузанов К.А. Стереотипы городских районов // *Вестник Моск. ун-та. Сер. 5. География*. – 2012. – № 2. – С. 13–18.
28. Разумовский В.М. Эколого-экономическое районирование. Теоретические аспекты. – Л.: Наука, 1989 – 156 с.
29. Районирование в современной экономической, социальной и политической географии: потенциал, теория, методы, практика. Тезисы докладов Всерос. научн. конф. с межд. участием (Ростов-на-Дону, 23–26 сентября 2004 г.). Под ред. А.Г. Дружинина и В.Е. Шувалова. – Ростов-на-Дону–М.: ИнфоСервис, 2004. – 248 с.
30. Родоман Б.Б. География, районирование, картоиды. Сборник трудов. – Смоленск: Ойкумена, 2007. – 368 с.
31. Романов М.Т. Проблемы экономического районирования и административно-территориального устройства России в новых условиях // *Известия РАН. Сер. геогр.* – 2006. – №3. – С. 57–66.
32. Рунова Т.Г. Опыт природно-хозяйственного районирования России // *Природопользование в территориальном развитии современной России*. Под ред. И.Н. Волковой, Н.Н. Клюева. – М.: Медиа-Пресс, 2014. – С. 120–130.
33. Савельева И.Л. Природно-хозяйственное районирование России // *География и природные ресурсы*. – 1997. – № 4. – С. 24–38.
34. Смирнягин Л.В. Районирование общества: теория, методология, практика: На материалах США: Дисс. ... докт. геогр. наук / Ин-т географии РАН. – М., 2005. – 296 с.
35. Смирнягин Л.В. Узловые вопросы районирования // *Известия РАН. Сер. геогр.* – 2005. – № 1. – С.5–16.
36. Смирнягин Л.В. Мегарегионы как новая форма территориальной организации общества // *Вестник Моск. ун-та. Сер. 5. География*. – 2011. – № 1. – С. 9–15
37. Смирнягин Л.В. Методические подходы к районированию в общественной географии // *Вестник*

- Моск. ун-та. Сер. 5. География. – 2011. – № 6. – С. 13–19.
38. Смирнягин Л.В. Районирование общества: методика и алгоритмы // Вопросы экономической и политической географии зарубежных стран. Вып. 19. Общественная география: многообразие и единство. – М.–Смоленск: Ойкумена, 2011. – С. 55–82.
39. Трофимов А.М., Рубцов В.А., Кучерявенко Д.З., Рожко М.В. Принципы, пути и методы эколого-экономического районирования // Экологический консалтинг. – 2011. – № 4. – С. 2–10.
40. Трофимов А. М., Рубцов В.А. Районирование. Математика. ЭВМ: Учеб. пособие. – Казань: Изд-во Казан. ун-та, 1992. – Т. 1. – 133 с.; 1995. – Т. 2. – 102 с.
41. Туровский Р.Ф. Культурные ландшафты России. – М.: Ин-т Наследия. 1998. – 210 с.
42. Файбусович Э.Л., Герасименко Т.И. Регионалистика. Курс лекций. – Оренбург: ОГУ, 2010. – 94 с.
43. Шарыгин М.Д. Эколого-экономические районы (теоретико-методические аспекты развития). – Пермь: Изд-во Перского ун-та, 1995. – 192 с.
44. Шувалов В.Е. Экономико-географическое районирование в контексте модернизации российского общества // Институциональная модернизация российской экономики: территориальный аспект. Отв. ред. А.Г. Дружинин, В.Е. Шувалов. – Ростов-на-Дону: Изд-во Рост. ун-та, 2004. – С. 172–187.
45. Шувалов В.Е. Концептуальные проблемы развития отечественной районной школы социально-экономической географии // Вестник Моск. ун-та. Сер. 5. География. – 2005. – № 1. – С. 13–24.
46. Шувалов В.Е. Район в социально-экономической географии. Районная школа. Экономический район. // Социально-экономическая география: понятия и термины. Словарь-справочник. Отв. ред. А.П. Горкин. – Смоленск: Ойкумена, 2013. – С. 201, 204–205, 307–308.
-

СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ РАЗВИТИЯ РЕГИОНОВ РОССИИ

Ляшенко Е.В. (Москва)

ДЕФОРМАЦИИ ТАРИФНО-ТРАНСПОРТНОГО ПОЛЯ РОССИИ (НА ПРИМЕРЕ МАГИСТРАЛЬНЫХ ПАССАЖИРСКИХ АВИАСООБЩЕНИЙ)

Lyashenko E.V.

DEFORMATIONS OF TRAVEL COSTS AREAS

(EXAMPLE OF LONG- AND MEDIUM-HAUL PASSENGER AIR TRANSPORTATION)

Аннотация. В статье рассмотрены наиболее значимые для трансформации пассажирских авиаперевозок в России изменения тарифно-транспортного поля в период с 2009 по 2013 г. Тарифно-транспортное поле рассматривается в контексте повышения транспортной связности страны. На примере пассажирских авиасообщений Москвы с административными центрами субъектов Федерации выявлены региональные особенности деформаций, а также пространственные формы тарифно-транспортных полей. Рассмотренные примеры авиасообщений трех крупнейших экономических центров с административными центрами субъектов Федерации позволили сравнить удельную стоимость авиаперевозок на разных направлениях и выявить зоны транспортной дискриминации на региональном уровне, систематизировать города России по критерию их тарифно-транспортной доступности воздушным транспортом.

Abstract. This article is dedicated to transformation of travel costs areas between 2009 and 2013 when the most essential changes in passenger transportation took place, i.e. first launch of low cost airlines and rapid railway transportation. Based on example of long- and medium-haul passenger air transportation the regional peculiarities such as space shrinkage and expansion and travel costs areas of various hierarchical levels were defined. On example of connections between Moscow and regional capitals of Russia the trends of travel cost areas were investigated. This allowed to determinate areas with weak access in terms of travel costs and areas showing positive development. On example of connections of 3 major economical centers of Russia besides Moscow the peculiarities of travel cost areas were defined with comparison to Moscow-centered connections.

Ключевые слова: пассажирские авиаперевозки, транспорт, транспортная доступность, тариф, стоимость перевозки, тарифное поле, аэропорты России, сжатие пространства.

Key words: passenger air transportation, transportation, transportation accessibility, travel cost areas, fare, transportation costs, airports of Russia, space shrinkage.

Введение и постановка проблемы. Традиционно в качестве основных параметров в географических исследованиях транспорта принято использовать время, метрическое или топологическое расстояние между начальной и конечной точками. В стороне остается оценка тарифного поля, имеющего высокую изменчивость и отличающегося от временного поля конфигурацией и высокой нелинейностью. Изменчивость тарифно-транспортного поля определяется динамикой стоимости авиаперевозок, на которую оказывают влияние конкуренция по отдельным направлениям, себестоимость перевоз-

ки, регулирование со стороны государства, а также стратегии отдельных авиакомпаний.

Тарифы на авиаперевозки являются в современных условиях России одним из основных факторов, ограничивающих подвижность населения. С переходом к рыночной экономике и с последующим за этим изменением механизмов формирования тарифов и субсидирования авиаперевозок тарифная составляющая доступности становится одной из ключевых. При этом исследований по этой тематике крайне мало и, как правило, они охватывают либо общие вопросы ценообразования, либо анализ ситуации

только на отдельных направлениях. Целью проведенного исследования явилось выявление особенностей территориальной проекции тарифного поля, сформированного магистральными пассажирскими авиасообщениями, и его деформаций в России в современный период для определения зон транспортной дискриминации населения. Автором были взяты авиационные сообщения Москвы с центрами субъектов Федерации, а также Санкт-Петербурга, Екатеринбургa и Новосибирска как крупнейших экономических центров страны. Это позволило, с одной стороны, провести исследование в масштабах всей страны, а с другой, – охватить территории с разными характеристиками доступности, в частности, регионы с максимальной физической удаленностью, территории без альтернатив авиасообщению, а также регионы, для которых авиасообщение является одним из основных видов транспорта наряду с железнодорожным и автобусным сообщением.

Тарифно-транспортное поле может рассматриваться как эффективный инструмент повышения транспортной связности страны, что определило в качестве первоочередных задач исследования оценку динамики его трансформаций и выявление кризисных регионов, тарифная доступность которых не имеет положительной динамики.

Подходы к исследованию тарифного поля. Тарифно-транспортное поле представляет собой совокупность значений стоимости авиаперевозок на рассматриваемые направления, спроецированное на уровень аэропортов. В данной статье рассматриваются моноцентричные тарифно-транспортные поля, образуемые связями региональных аэропортов с одним городом. Основным методом исследования был выбран пространственный анализ, а именно, распределение значений стоимости перевозок между Москвой и административными центрами субъектов Федерации, позволяющий проектировать рассматриваемое явление на территорию. Тарифная составляющая в транспортных исследованиях используется редко, в частности, из-за отсутствия исходных данных на разных уровнях авиасообщений.

В период с 2009 по 2013 г. автором были собраны данные по стоимости авиаперевозок между Москвой и административными

центрами субъектов Федерации, в 2013 г. база данных была расширена за счет значений стоимости перевозок между Санкт-Петербургом, Екатеринбургом и Новосибирском и центрами субъектов Федерации. Рассмотрение связей с Москвой позволяет учесть в исследовании наиболее значимые с точки зрения территориальной целостности страны направления, а включение крупнейших экономических центров страны – оценить развитость регионального авиасообщения. Всего было проведено 20 замеров в зимний и летний периоды. Для получения сопоставимых результатов при сборе информации соблюдены следующие условия: рассматривались только прямые рейсы, сбор информации осуществлялся с сопоставимым сроком бронирования авиабилета (за 40 дней до даты вылета), учет проводился для авиабилетов в одном направлении (OW – One Way ticket – в терминологии авиаперевозчиков), учитывались как билеты по полному, так и по акционному тарифу для целей отражения реальной картины стоимости авиаперевозок для конечных пассажиров. Наряду со стоимостью авиаперевозок были собраны сведения о расстоянии и времени в пути между рассматриваемыми парами городов.

Изучение динамики тарифно-транспортного поля приобретает особую актуальность в периоды кардинальных трансформаций социально-экономического пространства. По А.И. Трейвишу существует два понятия сжатия пространства – сжатие-сближение и сжатие-стягивание [9]. Под сжатием-сближением подразумевается изменение пространства за счет развития связей и снижения/увеличения затрат на преодоление пространства. Под сжатием-стягиванием – сокращение обжитых, экономически активных территорий. В большинстве случаев географические исследования затрагивают вопросы трансформации пространства по критериям времени преодоления расстояний. Так, Г.А. Гольц оценивал доступность из центров городов именно во временном измерении [1]. По Н.С. Мироненко и М.Ю. Сорокину на сжатие пространства существенное влияние оказывают технологические факторы (новые виды техники, новые транспортные пути), изменение геополитических условий и снижение барьерных функций границ [6]. Ранее Д. Джанеллем сжатие пространства, связанное с развитием транспортных средств, было

обозначено как пространственно-временная конвергенция [12]. В выше перечисленных работах сжатие рассматривается через призму расстояния или времени, при этом упускается такой его измеритель как стоимость перевозки. Среди немногочисленных работ, учитывающих стоимостной параметр при оценке сжатия пространства необходимо отметить работу П. Хаггета. По Хаггету сжатие, или имплозия, проявляются в транспортной сфере в применении прямых рейсов вместо рейсов с пересадками, в сокращении транспортных расходов [11]. Актуальность данной тематики в современных отечественных исследованиях высока за счет того, что на уровне региональных и местных связей существует потенциал сжатия за счет оптимизации маршрутной сети. В работе С.А. Тархова проводится кластеризация авиационного пространства, обозначаются особенности развития каждого из них [8]. Подобные исследования дают представление о текущей связности пространства, во многом отражающие современные экономические связи. В то же время на всех уровнях авиационных связей происходят процессы деформации не только связности, но и тарифного пространства, лишь часть из которых приво-

дит к сжатию пространства по критерию стоимости перевозки.

Особенности деформации тарифного поля. Анализ деформаций тарифного поля на примере магистральных пассажирских авиаперевозок проводился отдельно для связей административных центров регионов России с Москвой в динамике с 2009 по 2013 г., а также сообщений между Санкт-Петербургом, Екатеринбург и Новосибирском с центрами субъектов в 2013 г. В качестве ключевого параметра использовалось средневзвешенное значение стоимости авиаперевозки на рассматриваемых направлениях. Среди компонент конечной стоимости авиаперевозки можно выделить составляющие, имеющие линейную зависимость и нелинейные переменные. Их наложение дает реальную картину изменения зависимости издержек от расстояния с учетом отклонений, вызванных увеличением стоимости обслуживания в северных регионах, а также различиями в стоимости топлива в регионах. Для отдельных составляющих стоимости перевозки на воздушном транспорте применимы типы изменения затрат на авиаперевозки, представленные ниже.

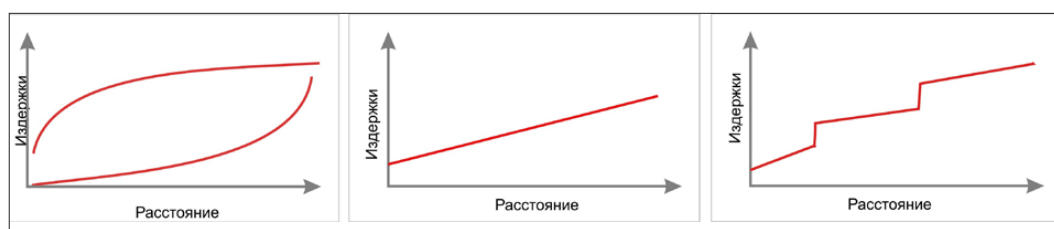

Рис. 1. Типы изменения затрат на авиаперевозки в зависимости от расстояния (слева направо – нелинейная, линейная, многофакторная)

Источник: <http://people.hofstra.edu/geotrans/eng/ch7en/conc7en/frictionspace.html> (дата обращения 04.09.2014)

Нелинейная зависимость связана с прочими расходами на авиаперевозки, которые нелинейно изменяются в зависимости от расстояния (сборы аэропортов, обслуживание пассажира на борту самолета, заработная плата экипажа, питание и прочее).

Линейная зависимость связана с теми компонентами, величина которых прямо пропорциональна расстоянию между соответствующими аэропортами (например, расходы на топливо, аэронавигационные сборы).

Многофакторная зависимость определяется как линейной, так и дополнительно к ней нелинейной зависимостью (различной

модификации), которые вместе дают зависимости типа «ломаной» кривой. Отличие данного типа зависимости от рассмотренных выше состоит в том, что помимо прямых затрат, связанных с выполнением рейса, на характер кривой влияют местные особенности, институциональные факторы, стратегии авиакомпаний в рассматриваемый период и др. Как правило, конечная стоимость авиаперевозки представляет собой зависимости именно такого вида.

Традиционно при анализе структурных изменений стоимости авиаперевозок рассматривают себестоимость перевозки, состо-

ящую из показателей стоимости топлива, лизинга, расходов на персонал, аэронавигационное обслуживание и др. Часть этих составляющих напрямую зависит от операционных показателей деятельности аэропортов обслуживания и используемых судов. На другие показатели оказывают влияние институциональные факторы, например, государственное субсидирование перевозок. Помимо себестоимости авиаперевозок на конечную стоимость авиабилета влияет стратегия авиакомпании в рассматриваемый период времени. Она может быть нацелена на повышение маржинальности, завоевание доли на рынке и т.д. В связи с этим не все полеты оказываются для перевозчиков коммерчески оправданными. Для пассажиров авиационного транспорта это означает наличие отклонений в стоимости перевозок.

В качестве примера можно отметить различия в стоимости билета из Москвы во Владивосток. За период наблюдений минимальная средняя стоимость билета в сопоставимых ценах составила 6700 руб., максимальная – 24333 руб.¹ Абсолютные значения разницы составляют 17633 руб., или 129% от средней стоимости билета на данном направлении. В тарифном пространстве России наиболее существенные отклонения в абсолютных значениях наблюдались на направлениях, связывающих Москву с регионами Дальнего Востока и Сибири, что во многом связано для Дальнего Востока с возобновлением субсидирования авиасообщений, для Сибири – увеличением конкуренции, повлекшим за собой снижение стоимости авиаперевозок.

Ввиду того, что на конечную стоимость авиаперевозок оказывают влияние разные факторы, конечное распределение связей в системе координат «расстояние – стоимость перевозки» предполагает нелинейность распределения. Реальная картина распределения демонстрирует минимум две группы связей с различающейся картиной распределения стоимости перевозки, и, следовательно, отличающейся динамикой деформации тарифно-транспортного пространства. Для территорий с равномерным потоком пассажиров и невысокой разнородностью институциональных факторов удельные значения стоимости перевозки, то есть стоимости 1 км полета, тем выше, чем ближе расстояние перевозки. В то же время для территорий, связь между которыми осуществляется с определенными ограничениями, проявляющимися либо в нестабильном потоке пассажиров, либо в завышенных затратах на наземное обслуживание, названное в данной статье как «факторы территории», распределение зависимости стоимости перевозки от расстояния будет иметь большую дисперсию.

Анализ удельной стоимости перевозки демонстрирует сопоставимые значения для направлений с интенсивным пассажиропотоком (Москва – Санкт-Петербург, Москва – Казань) и для направлений с нестабильными невысоким потоком (Москва – Белгород, Москва – Петрозаводск, расчет по данным 2013 г.). Таким образом, несмотря на принципиально разные направления в поясе ближне-средних связей (до 1000 км) распределение удельного тарифа приближается к степенной функции (рис. 2). Исключения-

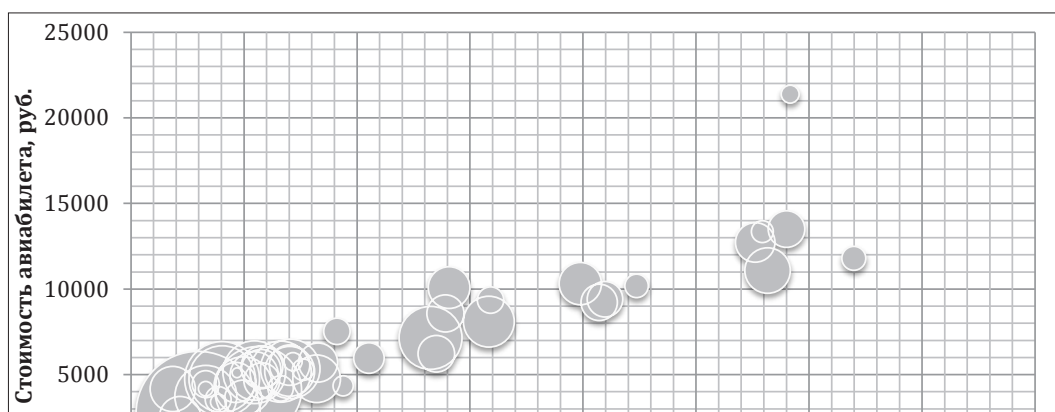

Рис. 2. Зависимость стоимости авиаперевозки от расстояния от Москвы (размер окружности равен объему пассажиропотока в Москву на 2013 г.)

¹ Здесь и далее расчеты проведены в сопоставимых ценах с учётом коэффициента дефлятора.

ми в данном распределении являются линии из Москвы в Нижний Новгород (с максимальной удельной стоимостью полета при минимальном летном расстоянии) и Тамбов (с нерегулярным авиасообщением).

При включении большего количества аэропортов, в том числе в регионах Крайнего Севера, удельная стоимость перевозки на дальних расстояниях будет менее однородна, так как более активно будут проявляться дополнительные затраты, связанные с их географическим положением.

Для сравнения расчеты, проведенные в 2009 г., демонстрируют большую дисперсию распределения зависимости стоимости перевозки от расстояния. Помимо аэропортов Крайнего Севера, которые не рассматриваются в рамках данного исследования, отклонения от линейной зависимости стоимости авиабилета от расстояния наблюдались почти для всех аэропортов восточнее Урала. Так, для Новосибирска, Иркутска, Владивостока, Хабаровска были характерны более высокие значения удельной стоимости перевозки, чем для других аэропортов, удаленных на сопоставимые расстояния от Москвы.

Сравнивая территориальную проекцию показателей удельной стоимости авиаперевозок в 2009 и 2013 гг., необходимо отметить векторы сжатия тарифного пространства. Из 59 рассмотренных направлений, для которых существовала авиасвязь с Москвой как в 2009 г., так и в 2013 г., в 8 случаях (13,5%) стоимость полета в сопоставимых ценах увеличилась. К ним относятся сообщения из Москвы в аэропорты Петрозаводска, Курска,

Саранска, Махачкалы. Увеличение стоимости перевозки для них варьировало от 7 до 36%. Другими экстремумами стали авиасообщения, стоимость перевозки пассажиров по которым существенно снизилась. Так, стоимость авиабилетов из Москвы в Санкт-Петербург, Новосибирск, Екатеринбург, Владивосток, Хабаровск и Иркутск снизилась на 60% и более в сопоставимых ценах.

Значительную группу (21 город, или 36% выборки) образуют города, стоимость сообщения с Москвой для которых снизилась на 25% и менее. Для такой же по численности группы городов снижение стоимости перевозки произошло от 25 до 50%. Ключевыми причинами снижения стоимости перевозок для случаев с максимальной глубиной падения стоимости явились государственные дотации авиаперевозок на Дальний Восток и увеличение конкуренции на ряде направлений (например, для сообщения Москвы с Санкт-Петербургом за счёт «бюджетных» авиаперевозок и скоростного железнодорожного сообщения).

В территориальной проекции динамики тарифного поля можно выделить несколько зон деформаций с максимальными отклонениями:

- зона дотируемых перевозок на Дальний Восток. Для нее характерно значительное снижение стоимости перевозки (до 60% от уровня 2009 г. в сопоставимых ценах).
- зона дальних магистральных авиасообщений Сибири, для которой также характерно существенное снижение стоимости, но за счет иных механизмов. Изначально рассматриваемые на-

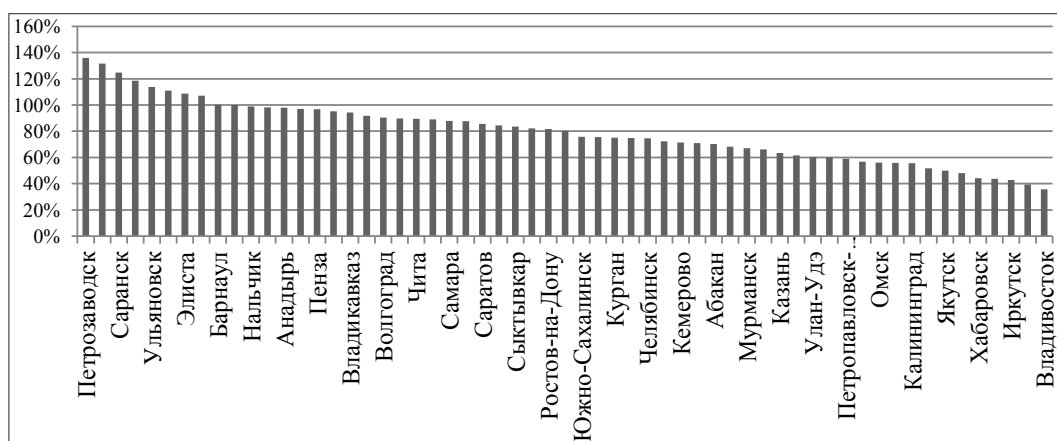

Рис. 3. Динамика изменения цен на авиасообщение (2013 к 2009 г. в сопоставимых ценах)

правления (Новосибирск, Улан-Удэ, Иркутск и др.) отличались уровнем тарифов выше среднего распределения, обеспечивая высокую дисперсию зависимости стоимости билета от расстояния (рис. 3). Снижение стоимости перевозки, в частности за счет роста конкуренции между авиакомпаниями на этих направлениях, привело к приближению значений к коридору текущего распределения зависимости стоимости от расстояния.

- центры существенного снижения стоимости перевозки на направлениях со стабильно высоким потоком, не образующие единой зоны. Среди примеров таких очагов следует отметить авиасообщения Москвы с Санкт-Петербургом, Екатеринбург, Краснодаром, Калининградом. Для этих и других городов этой группы характерно несколько этапов снижения стоимости авиасообщения с Москвой. С 2009 по 2013 г. на стоимость перевозок сообщений этой группы оказали влияние не только «бюджетные» авиакомпании, деятельность которых с

2007 по 2011 г. повлекла за собой снижение стоимости авиаперевозок среди традиционных авиакомпаний, но и усиление конкуренции на направлениях среди традиционных перевозчиков, связанное с расширением влияния скоростного железнодорожного сообщения. Для очагов этого типа снижение стоимости авиаперевозки произошло в коридоре от 40 до 55% в сопоставимых ценах.

- регионы Европейской части России с неустойчивым авиасообщением, для которых характерен рост стоимости авиаперевозки в сопоставимых ценах. Примерами таких направлений являются связи Москвы с Петрозаводском, Курском, Ульяновском и др. Для них характерен неустойчивый поток, связанный в частности с традиционно высокой ролью железнодорожного и автобусного сообщения, а также инфраструктурными ограничениями развития авиационного транспорта.

Таким образом, все сообщения с Москвой можно систематизировать следующим образом (табл. 1):

Таблица 1
Распределение сообщений с Москвой по критерию изменения средней стоимости перевозки в 2009–2013 гг.

Отклонение стоимости авиаперевозки (2013 г. к 2009 г.,%)	Кол-во сообщений	Примеры региональных центров
101 – 136	8	Петрозаводск, Курск, Саранск, Махачкала, Ульяновск, Чебоксары, Элиста, Киров
100	2	Барнаул, Ставрополь
76 – 99	21	Нальчик, Норильск, Анадырь, Нижний Новгород, Пенза, Салехард, Владикавказ, Белгород, Волгоград, Оренбург, Чита, Ижевск, Самара, Воронеж, Саратов, Благовещенск, Сыктывкар, Тамбов, Ростов-на-Дону, Уфа, Южно-Сахалинск
Менее 75	28	Зона дотируемых перевозок: Владивосток, Петропавловск-Камчатский, Магадан, Хабаровск Зона дальних связей: Улан-Удэ, Якутск, Иркутск, Красноярск, Новосибирск, Омск, Ханты-Мансийск, Тюмень, Кемерово, Абакан, Томск Центры снижения стоимости со стабильно высоким потоком: Санкт-Петербург, Калининград, Казань, Пермь, Краснодар, Екатеринбург Центры Европейской части России и Урала с умеренным и низким потоком: Нарьян-Мар, Курган, Мурманск, Архангельск, Астрахань, Липецк, Челябинск

Составлено по расчетам автора.

Для более комплексной оценки тарифно-транспортного поля помимо связей с Москвой были проанализированы регио-

нальные авиасообщения на примере связей крупнейших экономических центров с административными центрами субъектов Феде-

рации. Региональные авиасообщения отличаются от рассмотренных выше связей с Москвой следующими особенностями:

- меньшими по объемам и регулярности связей потоками пассажиров,
- более высокой конкуренцией с альтернативными видами транспорта, обусловленной, прежде всего, более низким уровнем доходов населения и, как следствие, меньшей стоимостной доступностью авиаперевозок,
- более высокими удельными тарифами на авиаперевозки (рис. 4).

В связи с этими дополнительными факторами для обеспечения компенсации затрат зачастую авиакомпании вынуждены назначать более высокую стоимость. Нами были проанализированы как прямые рейсы, так и рейсы с пересадками для авиасообщений трех городов – Санкт-Петербурга, Екатеринбурга и Новосибирска с другими региональными центрами России. Анализ тарифного поля авиасообщений аэропорта Пулково в Санкт-Петербурге показал близкую к линейной зависимость стоимости билета от расстояния, что во многом объясняется большой людностью города и относительно устойчивым потоком авиапассажиров, а также положением города вдали от крупнейших экономических центров страны, что предопределяет большую зависимость пассажирских перевозок от авиасообщения. Тарифно-транспортное поле, сформированное связями Санкт-Петербурга с городами России, имеет ряд экстремумов, подавляющее боль-

шинство которых расположено в зоне более высокого относительно линейного распределения значения уровня тарифа при сопоставимых расстояниях. Максимальной дисперсией распределения отличаются значения для направлений в радиусе 1500–2200 км от Санкт-Петербурга. Экстремумами являются как города с низким потенциалом обмена (Курган, Нальчик, Чебоксары), отличающиеся максимальными значениями, так и города-центры ресурсных регионов с традиционно высоким обменом с Санкт-Петербургом (Салехард), отличающиеся минимальными значениями.

Наиболее интересны примеры авиасообщений Екатеринбурга и Новосибирска, зависимость стоимости поездки от расстояния для которых нелинейна. По мере снижения ранга основного аэропорта наблюдается переход от линейной зависимости (Московский авиаузел, Санкт-Петербург) к полиномиальной (Екатеринбург) и далее к высокодисперсному распределению (Новосибирск). Как следствие, существенно деформируется тарифно-транспортное поле, образованное связями этих узлов с другими региональными центрами России.

Для аэропорта Кольцово в Екатеринбурге характерен в среднем более высокий уровень удельного тарифа в сравнении с тарифами из Москвы и Санкт-Петербурга. Пространственная проекция демонстрирует высокий разброс значений стоимости перевозок в коридоре от 1000 до 2000 км, в котором сконцентрировано наибольшее количе-

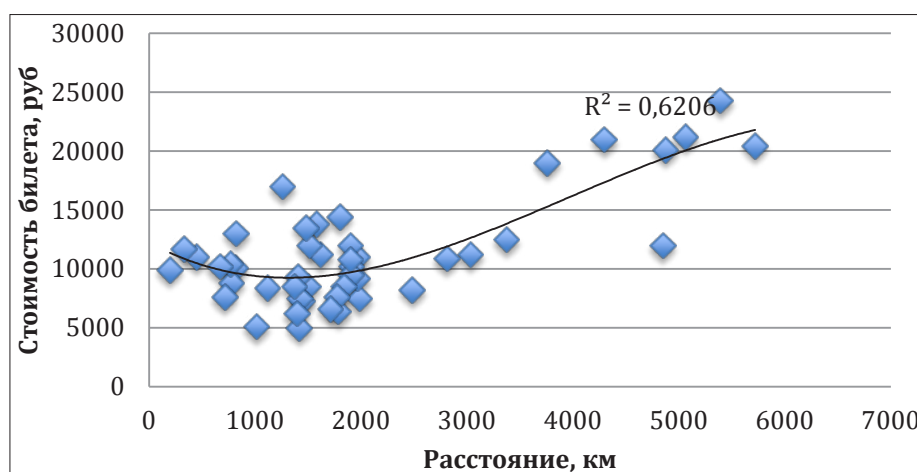

Рис. 4. Распределение стоимости билетов из Екатеринбурга в административные центры субъектов Федерации в 2013 г.

Составлено автором.

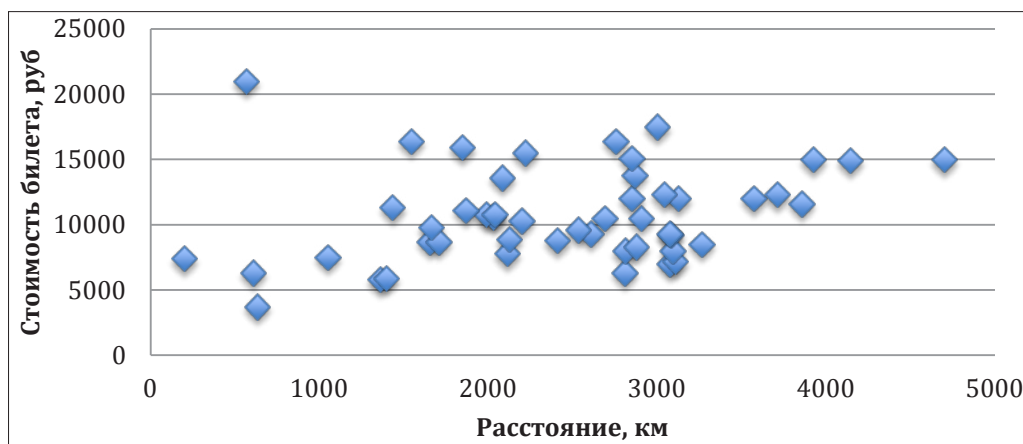

Рис. 5. Распределение стоимости билетов из Новосибирска в административные центры субъектов Федерации в 2013 г.
Источник: база данных по тарифам, собранная автором.

ство связей. Главным критерием их разграничения в рамках сопоставимых значений удаленности является наличие прямого авиасообщения.

В случае анализа связей Новосибирска с административными центрами регионов России важнейшим фактором высокодисперсной картины распределения является необходимость полета через Москву в подавляющем большинстве случаев. Данная картина в меньшей степени характерна для связей Санкт-Петербурга и Екатеринбурга с регионами России. В связи с этим наблюдаются сопоставимо высокие (свыше 10000 руб.) значения стоимости как для расстояний в 1500, так и в 5000 км (рис. 5).

Пространственная проекция тарифного поля для Новосибирска характеризуется более «близким» по стоимостному параметру положением некоторых экономических центров (Красноярск, Екатеринбург, Москва, Санкт-Петербург) при высоких значениях стоимости перевозки в регионы ресурсного типа, курортные районы, территории с отсутствием альтернатив авиасообщению и небольших центров субъектов Федерации. Во многом подобную картину объясняет неразвитая сеть авиаперевозок, являющаяся следствием низкого спроса на авиасообщения, в частности, из-за их высокой стоимости.

Основные выводы. Рассмотренные особенности тарифно-транспортных полей авиасообщений в России позволили выявить следующие их особенности: для тарифно-транспортного поля авиаперевозок в России

типична нелинейность распределения значений зависимости стоимости от расстояния. При неустойчивом потоке или отсутствии конкуренции она объясняется преимущественно технологическими факторами. На рынках с высокой дисперсией территориальных и институциональных факторов нелинейность тарифного поля усиливается. Проведенный анализ авиасообщений Москвы с регионами России в 2009–2013 гг. выявил сглаживание экстремумов тарифного поля. Основными факторами, оказывающими влияние на данную динамику, стали повышение конкуренции на ряде направлений, а также государственная политика по субсидированию авиаперевозок.

Трансформации тарифно-транспортного поля в России на примере авиасообщений в современный период происходят крайне неравномерно и имеют различную направленность в зависимости от особенностей спроса на отдельных направлениях. Налицо сжатие тарифно-транспортного пространства для дотируемых авиасообщений Москвы с городами Дальнего Востока и Юга Сибири. В то же время существуют центры, для которых выявлено снижение стоимости авиаперевозок. Подобный тип динамики характерен для направлений с относительно низким пассажиропотоком и традиционно высоким использованием населением железнодорожного и автобусного сообщений.

Для рассмотренных региональных авиасообщений, отличающихся высокой неустойчивостью пассажиропотока, характерна инверсия тарифного пространства.

Она проявляется в нарушении линейности зависимости стоимости перевозки от расстояния. Подобные случаи также характерны для некоторых связей Москвы с регионами России, но в случае региональных связей инверсии более глубоки, а различия в стоимости билета выше при сопоставимом шаге удаленности. Тарифное поле, представляющее собой совокупность значений стои-

мости авиаперевозок на заданном направлении, имеет высокую изменчивость. Вопреки мнению о постоянном повышении тарифа, реальные значения стоимости авиабилета для большинства регионов России с 2009 по 2013 г. снижались. Это во многом объясняется изменяющимися показателями деятельности авиакомпании в период растущего и стабилизирующегося рынков.

Библиографический список

1. Гольц Г.А. Транспорт и расселение. – М.: Наука, 1981. – 248 с.
2. Дубовик В.О. Методы оценки транспортной доступности территории // Региональные исследования. – 2013. – №4 (42). – С. 11–19.
3. Кауркина О.А., Лесничий И.В., Самойлов В.И. Развитие региональных авиаперевозок в Российской Федерации // Сборник научных трудов ГосНИИ ГА. № 311. – М., 2010. – С. 21–26.
4. Ляшенко Е.В. Изменение транспортной доступности Москвы и Санкт-Петербурга в пассажирском сообщении в результате введения скоростного железнодорожного и «бюджетного» авиационного сообщения // Вестник Моск. ун-та. Сер. 5. География. – 2014. – № 3. – С. 30–35.
5. Ляшенко Е.В., Уваров А.В. Возможности формирования «бюджетных» авиаперевозок в России (на примере Московского авиационного узла) // Территориальная организация общества и управление в регионах. Мат-лы Всеросс. научн.-практ. конф. Ч. 1. – Воронеж, 2007. – С. 68–74.
6. МIRONENKO Н.С., СОРОКИН М.Ю. Факторы сжатия географического пространства // География. Приложение к газете «Первое сентября». – 2001. – №48. – С. 3–6.
7. Сжатие социально-экономического пространства: новое в теории регионального развития и практике его государственного регулирования / Отв. ред. С.С. Артоболевский. – М.: Эслан, 2010. – 428 с.
8. Тархов С.А. Изменение связности пространства России (на примере авиапассажирского сообщения). – М.–Смоленск: Ойкумена, 2015. – 154 с.
9. Трейвиш А.И. Сжатие социального геопространства: между реальностью и утопией // Демоскоп Weekly. – 2012. – № 507–508. [Электронный ресурс] URL: http://demoscope.ru/weekly/2012/0507/s_map.php#1
10. Фридлянд А.А., Низаметдинов Р.Р. Основные положения концепции развития авитранспортного комплекса Республики Саха (Якутия) // Научный Вестник ГосНИИ ГА. – 2011. – №1. – С. 215–221.
11. Хагетт П. География: синтез современных знаний. – М.: Прогресс, 1979. – 685 с.
12. Janelle D. Central place development in a time-space framework // The professional Geographer. – 1968. – № 20. – P. 5–10.

РЕГИОНАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ В СОВРЕМЕННОМ МИРЕ

Белозеров В.С., Супрунчук И.П. (Ставрополь)

ПРОСТРАНСТВЕННО-ВРЕМЕННЫЕ ЧЕРТЫ ТЕРРОРИСТИЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В ЕВРОПЕ В 1970–2010-Х ГГ.

Belozerov V.S., Suprunchuk I.P.

SPATIAL AND TEMPORAL CHARACTERISTICS OF TERRORIST ACTIVITIES IN EUROPE IN 1970–2010-IES.

Аннотация. В статье рассматривается пространственно-временной подход к исследованию террористической деятельности. Предложен интегральный показатель уровня интенсивности террористической деятельности, и на его основе выделены шесть регионов террористической деятельности. Каждый из регионов характеризуется специфическими историческими особенностями, а также имеет отличие по таким параметрам как интенсивность, сформированность и масштабность террористической деятельности. На примере Европейского террористического региона описана модель территориальной структуры террористической деятельности, рассмотрены историко-географические черты его формирования. Подробно проанализированы внутренние особенности террористической деятельности в ключевых европейских странах – Великобритании, Испании, Франции, Германии и Италии.

Abstract. The article deals with the space-time approach to the investigation of terrorist activities. The integrated indicator of the intensity of terrorist activities, and, based on identified six regions of terrorist activities. Each region is characterized by specific historical features, as well as a difference in parameters such as intensity, formedness and scale of terrorist activities. On the example of the European model of terrorism in the region described territorial structure of terrorist activities, considered historical and geographical features of its formation. Analyzed in detail the internal features of terrorist activities in key European countries – the UK, Spain, France, Germany and Italy.

Ключевые слова: террористическая деятельность, терроризм, территориальная структура, пространственно-временной анализ, национальная безопасность, европейский терроризм, терроризм в Великобритании, терроризм в Испании, терроризм во Франции, терроризм в Германии, терроризм в Италии.

Keywords: terrorist activities, terrorism, territorial structure, spatial-temporal analysis, national security, the European terrorism, terrorism in the UK, terrorism in Spain, terrorism in France, terrorism in Germany, terrorism in Italy.

Место социально-экономической географии в междисциплинарном исследовании терроризма. Терроризм как объект научного изучения достаточно молод, однако очень сложен и многогранен – в нем в различной степени сочетаются социальные, идеологические, религиозные, этнические, психологические компоненты. Он оказывает активное влияние на развитие общества на протяжении последних двухсот лет, к началу XXI столетия превратившись в одну из главных угроз глобальной безопасности человечества, приводящей к массовым человеческим жертвам [5].

В результате терроризм стал объектом изучения юридических, политических

и социальных наук, пытающихся понять и объяснить существование этого явления, и в каждой из которых формируется свой взгляд на терроризм и его интерпретация. Современной тенденцией в «террористических» исследованиях должен стать междисциплинарный подход. В зарубежной научной среде предпринимается попытка создания единой науки – «террологии» или «терро-рологии», однако пока она малоуспешна [2]. Важным звеном в развитии междисциплинарных исследований выступает пространственно-временной анализ [4]. Он позволяет выявить территориальную структуру террористической деятельности, под которой в современной социально-экономической гео-

графии понимается «...пространственное строение, разделение территории на части с различным географическим обликом, их взаиморасположение и способ сочленения. В территориальной структуре противостоят два разнонаправленных процесса – 1) стремление к равномерному охвату территории и 2) концентрация в узлах, ядрах и вдоль осей развития» [13].

В данном исследовании применяется концепция территориальных структур, предложенная И.М. Маергойзом и разрабатываемая в дальнейшем П.М. Поляном и А.И. Трейвишем [9]. Она позволила выделить модель территориальной структуры, состоящей из таксонов различного ранга. Для этого введен комплексный интегральный показатель интенсивности террористической деятельности (ТД), который учитывает 7 показателей: количество терактов и жертв, среднее количество жертв за 1 теракт, а также коэффициенты специализации по числу жертв и терактов относительно площади и численности населения стран. По каждому из них методом ранжирования высчитан средний ранг для каждой из 152 стран мира, в которых зафиксирована ТД и совершено 102787 террористических актов, жертвами которых стали 433616 человек.

На его основе на мировом уровне выделены территории с высоким, средним и низким уровнем интенсивности ТД, которые в совокупности с внутренними особенностями формируют высшую таксономическую единицу – террористический регион. Террористический регион – единая территория, характеризующаяся общностью сложившихся особенностей ТД: преобладающих видов и форм, идеологии, тактики деятельности террористических группировок. В свою очередь, террористический регион имеет внутреннюю трехчленную структуру, определяемую интегральным уровнем интенсивности ТД, в которой выделяются следующие элементы:

а) I зона – территория с высокой интенсивностью ТД (показатель среднего рейтинга от 1 до 50);

б) II зона – территория со средней интенсивностью ТД (показатель среднего рейтинга от 51 до 100);

в) III зона – территория с низкой интенсивностью ТД (показатель среднего рейтинга более 100).

К I зоне относится 37 стран, ко II зоне – 75 стран, ко III зоне – 40 стран. Кроме того, в отдельных регионах выделяются подзоны – территории, географически отдаленные от основной зоны, отличающиеся от нее по некоторым признакам, но характеризующиеся высоким уровнем интенсивности ТД. В рамках зон выделяется следующий таксономический элемент – страна, который, как правило, географически совпадает с границами конкретного государства. В стране выделяются более мелкие таксономические единицы – террористические районы. Под террористическим районом нами понимается единая часть территории страны, обладающая общими чертами ТД и выделяющаяся интенсивностью террористических действий. Как страна, так и террористический район также могут быть дифференцированы на три элемента структуры (зоны), в зависимости от степени интенсивности и характера ТД. Наконец, наименьшей единицей таксономического ряда выступает террористический центр – населенный пункт в котором проявляется ТД.

На мировом уровне территориальная структура ТД представляет совокупность шести террористических регионов – азиатского, ближневосточного, североафриканского, южно-африканского, европейского и американского (табл. 1).

Регионы ТД отличаются по ряду параметров:

1) интенсивность – частота ТД в регионе за определенный период;

2) сформированность, учитывающая исторические особенности возникновения и развития ТД, продолжительности и непрерывности ее проявления. Выделяются: а) «зрелые» регионы, отличающиеся длительной историей террористических действий; и б) «формирующиеся», на территории которых интенсивные террористические действия стали проявляться только с конца 1980-х гг.;

3) масштабность, которая характеризуется показателем среднего числа жертв за теракт. К мелкомасштабному типу следует отнести теракты с показателем среднего числа жертв за теракт в интервале 1,46–3,38 чел./теракт, к среднемасштабному – 3,39–5,31, к крупномасштабному – 5,32–7,21 чел./теракт.

Наибольший объем ТД приходится на два интенсивных, зрелых и крупномасштабных

Таблица 1

Основные показатели мировых регионов террористической деятельности в 1970–2013 гг.

Регион	Число терактов	Число жертв	Среднее число жертв за теракт	Доля по числу терактов в мире (%)	Доля по числу жертв в мире (%)	Число крупных терактов (более 100 жертв)
Азиатский	29 264	168 582	5,76	28,4	38,9	172
Ближневосточный	19 224	130 257	6,78	18,7	30,1	220
Южно-африканский	5 761	41 557	7,21	5,6	9,6	47
Североафриканский	4 716	27 511	5,83	4,6	6,3	29
Европейский	13 732	20 042	1,46	13,4	4,6	40
Американский	30 090	45 667	1,52	29,3	10,5	40
Всего	102 787	433 616	4,22	100,0	100,0	548

Составлено автором по данным [15].

региона – Азиатский и Ближневосточный (доля в общемировом количестве терактов 28,4% и 18,7%, а по числу жертв – 38,9% и 30,1%, соответственно). Наиболее высокая степень интенсивности зафиксирована в 1990-е гг. – 715 террористических инцидентов в год в азиатском регионе и 421 террористический инцидент в год в ближневосточном регионе. В последние три года интенсивность ТД достигла максимального уровня – 2288 и 1329 террористических инцидентов в год, соответственно. ТД в этих двух регионах отличается очень высокой степенью концентрации – на страны I зоны приходится более 90% объема ТД, на II зону приходится 4–5%, на III зону – около 1%.

Южно-африканский и североафриканский регионы являются интенсивными, формирующимися и крупномасштабными – первый всплеск терроризма в них отмечается в 1980-х гг., наибольшая интенсивность террористических действий здесь также наблюдается в последние 5 лет. Степень концентрация ТД ниже, чем в предыдущих регионах – на I зону приходится 75–80% объема ТД. За счет «слабости» I зоны на долю II зоны приходится значительный объем ТД – 18–20%.

Европейский и американский регионы по характеру ТД относятся к малоинтенсивным, зрелым и мелкомасштабным. Максимальное число террористических инцидентов приходится на 1970–1980 гг. Среднее число жертв за теракт почти в 3 раза ниже общемирового показателя. Особенностью территориальной структуры является высокая доля II зоны по числу терактов – 69,8% и по числу жертв –

69,0% в европейском регионе и 21,8% терактов и 21,0% жертв в американском.

Историко-географические особенности формирования европейского террористического региона. Началом современного периода развития терроризма считается XIX в., а водоразделом, отделяющим предысторию и современную историю терроризма – Великая французская революция. Ее главный итог для терроризма заключался в том, что впервые революционным путем была свергнута монархия, режим который на протяжении многих веков практически во всех европейских странах был непоколебим. Пример Французской революции вызвал рост в Европе революционного движения [1]. Однако явление терроризма в XIX в. в первую очередь основывалось на глобальных процессах того времени. Во-первых, промышленная революция в странах Европы привела к возникновению социальных конфликтов, деформации общественных моделей. Во-вторых, начался процесс роста национального самосознания – многочисленные народы, входившие в состав империй, стали требовать образования собственных государств. В таких условиях терроризм стал средством выражения несогласия и протеста.

В 1820-х гг. в Италии возникают организации, стремящиеся к созданию национального государства – на юге страны возникает братство карбонариев, раскинувшее свою сеть по всей Италии. Впоследствии организация карбонариев приобретает политический характер и ставит задачи борьбы с

австрийским владычеством, используя террористические методы, устрашает тюремщиков, помещиков, офицеров полиции и государственных чиновников [6].

Революционный подъем в Европе в 1830–1840-х гг. сопровождается ростом и развитием радикальных организаций, которые все чаще начинают обращаться к насильственным методам политической борьбы. На короля Франции Луи Филиппа было совершено семь покушений. В 1858 г. совершено покушение на Наполеона III. В 1854 г. был убит герцог Пармский, совершены покушения на Фердинанда III Неаполитанского и испанскую королеву Изабеллу. В 1868 г. был убит сербский князь Михаил Обренович III. По два покушения пережили прусский король Вильгельм I и канцлер Отто Бисмарк [12].

В начале XX в. в ходе борьбы между ведущими мировыми державами, которая потом вылилась в Первую мировую войну, многие из них начинают поддерживать террористические группировки на территории стран-противников. Например, Германия поддерживала ирландских сепаратистов, Россия – армянских националистов, Австро-Венгрия – грузинских сепаратистов. В свою очередь, итоги Первой мировой войны во многом повлияли и на развитие терроризма. Приход к власти в России и Германии «левых» сил означал легализацию их идей и отказ от террористических методов борьбы. Распад крупных европейских империй удовлетворил некоторые требования националистических террористических организаций. Великобритания предоставила независимость Ирландии, что позволило снизить активность Ирландской республиканской армии (ИРА) на некоторое время [14].

Следующим важным моментом в развитии европейского террористического региона становятся политические процессы, начавшиеся по окончании Второй мировой войны. Европа становится ареной противостояния двух военно-политических блоков, во главе которых стали СССР и США, которые в своей борьбе использовали создание и поддержку террористических групп. Советский Союз старался поддерживать «левые» движения, а США любые антикоммунистические силы. Вновь обостряются этнические конфликты, приводящие к росту сепаратистской террористической активности.

Период 1970–1990 гг. характеризуется максимальным ростом количественных и качественных характеристик терроризма в Европе. Началом данного периода можно назвать 1968 г. – год студенческих бунтов, охвативших многие страны Европы. Их разгон спровоцировал рост левого движения в Европе, прежде всего, в Германии, Франции, Италии [3]. В ответ на «левый» терроризм в Европе активизируется контрреволюционный правый. Особенно ярко процесс активизации ультраправых террористов происходил в Германии, Италии, Испании.

В это же время в странах Европы развивается этнический терроризм. В ряде государств региона формируются движения за национальное освобождение:

- Испания (Страна Басков, Южная Каталония, Галисия, Канарские острова и Андалусия);
- Франция (Корсика, Бретань, Северная часть Страны Басков, Северная Каталония, Аквитания и Эльзас);
- Великобритания (Северная Ирландия, Шотландия, Уэльс и Корнуолл);
- Италия (Падания, Сардиния);
- Нидерланды (Фрисландия);
- Бельгия (Фландрия, Валлония).

К районам, где решающим аргументом в споре за независимость становится оружие, относятся североирландский узел, баскский сепаратизм и проблема Корсики. Действия членов движения за национальное освобождение – реальная угроза существованию таких государств, как Испания, Франция и Великобритания. Неравномерность экономического развития регионов внутри одного государства служит благодатной почвой для возникновения «процветающих регионов», не желающих кормить «бедные» провинции своих стран (Фландрия в Бельгии, Падания на севере Италии, Шотландия в Соединённом Королевстве, Страна Басков в Испании) [10]. Кроме того, в странах Европы наметилась тенденция к росту терроризма со стороны религиозных экстремистов, в первую очередь, исламских.

Европейский террористический регион: современное состояние и основные угрозы. Европейский террористический регион имеет богатейшую историю терроризма и наряду с Ближним Востоком может считаться его идеологической и методологической

Таблица 2

*Внутрирегиональная структура террористической деятельности
в европейском террористическом регионе в 1970–2012 гг.*

Структура	Состав	Число терактов	Число жертв	Доля по числу терактов в регионе (%)	Доля по числу жертв в регионе (%)	Среднее число жертв за теракт
I зона	Испания, Великобритания	3851	5698	28,0	28,4	1,48
II зона	Греция, Хорватия, Россия, Босния и Герцеговина, Франция, Албания, Италия, Бельгия, Германия, Сербия, Македония, Мальта, Швейцария, Ирландия, Молдова, Австрия, Португалия, Нидерланды, Норвегия, Латвия	9589	13819	69,8	69,0	1,44
III зона	Беларусь, Болгария, Украина, Дания, Словакия, Швеция, Венгрия, Чехия, Словения, Польша, Румыния	292	525	2,1	2,6	1,79

Составлено автором по данным [15].

«родиной». По доле количества терактов и их жертв в общемировом масштабе на европейский регион приходится 13,4 и 4,6% соответственно. В регионе совершено 40 крупных терактов (более 100 человеческих жертв). Высокоинтенсивная зона европейского террористического региона включает Великобританию и Испанию, на долю которых приходится 28% терактов и 28% жертв терактов в регионе при среднем показателе жертв за теракт 1,48. Особенностью территориальной структуры ТД региона является высокая доля II зоны по числу терактов – 69,8% и числу жертв – 69,0% (табл. 2).

Максимальное число террористических инцидентов приходится на конец 1970-х и начало 1980-х гг. По количеству жертв в регионе выделяется первое десятилетие XXI в. – 7826 жертв терроризма при 2662 террористических инцидентах. В 1970-х и 1980-х гг. эти показатели составляют 5534 чел. при 4752 терактах и 4691 чел. при 4828 терактах соответственно (рис. 1).

Особенностью этого региона является высокая интенсивность ТД в 1970-е и 1990-е гг., когда совершалось от 800 до 1 тыс. инцидентов в год соответственно. В первом десятилетии XXI в. число терактов значительно сокращается (в 1,8 раза), но число жертв значительно выросло – 470 чел. в год в 1990-е гг. до 780 в 2010-е гг. Ведущим видом терроризма в европейском регионе выступает сепаратистский – 52% по числу совершенных терактов и 34% по числу жертв. По числу жертв он уступает

исламскому только за счет нескольких крупных терактов в Мадриде и Лондоне, являясь при этом исторически традиционным видом в регионе.

С началом XXI в. в европейский регион проникает исламский терроризм и сразу становится одним из основных направлений развития всего европейского терроризма. По доле жертв он занимает лидирующую позицию – 46%, однако по числу инцидентов он находится только на третьем месте, уступая сепаратистскому и леворадикальному. Крупнейшие теракты в европейской истории (в 2004 г. в Мадриде, в Лондоне в 2005 г., недавний теракт в Париже) связаны именно с этим видом терроризма. Миграционные тенденции последних десятилетий привели к возникновению на территории Франции, Испании, Великобритании, Италии, Германии исламского терроризма, который уже проявил себя крупными терактами [7].

Леворадикальный вид ТД получил значительное распространение в европейском регионе, достигнув пика своей интенсивности в 1970–1980-х гг. Ведущими странами для этого вида были Италия и Германия. Однако с распадом в начале 1990-х гг. коммунистического лагеря, потеряв идеологическую основу и находясь в условиях жестких контртеррористических действий, он резко пошел на спад и на данный момент практически утратил актуальность [8].

Особый интерес представляет рассмотрение особенностей террористической

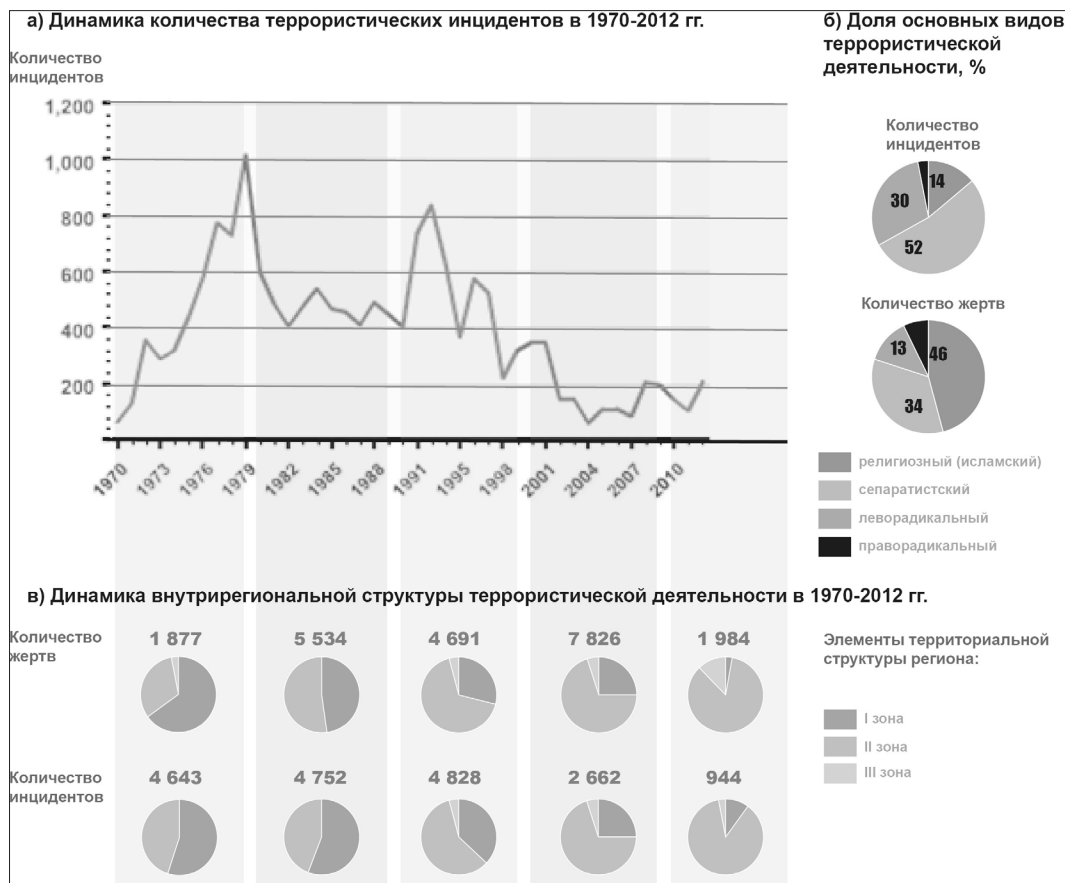

Рис. 1. Пространственно-временные особенности террористической деятельности в европейском террористическом регионе в 1970–2012 гг.

деятельности в крупнейших европейских странах – Великобритании, Испании, Франции, Германии и Италии. Эти страны входят в состав I и II зоны европейского террористического региона и обладают значительной террористической «историей». На их суммарную долю приходится 8,4% террористических инцидентов и 1,9% их жертв в мире (табл. 3). Также следует отметить их важную экономическую, политическую и социально-культурную значимость в рамках всей Европы и мира в целом.

Очевидным становится общий характер динамики террористических инцидентов для выбранных стран (рис. 2). Он имеет два ярко выраженных пика – в конце 1970-х и середине 1990-х гг. В это время в каждой стране совершалось по несколько сотен инцидентов в год. Период между «пиками» также отмечается достаточно высокой интенсивностью ТД. Общим является и снижение до мини-

мального уровня террористической активности в конце 1990-х – 2000-х гг.

Анализируя основные формы совершенных террористических инцидентов (табл. 6), можно выявить схожие и отличительные черты ТД в исследуемых странах. Так, наиболее распространенной формой, как и в целом в большинстве стран мира, выступает взрыв. Однако его доля между странами сильно различается – от 31,5% в Германии (где он даже уступает диверсиям, на которые приходится 41,0%) до 80,6% во Франции. Помимо Германии, высока доля диверсионной деятельности в Великобритании и Италии – 24,0% и 21,8% соответственно. По доле, приходящейся на убийства, лидируют Испания (18,6%) и Великобритания (15,4%). Рассматривая взаимоотношения основных террористических форм в данных странах, их можно дифференцировать в определенные типы. Так, Францию и

Таблица 3

Основные показатели террористической деятельности в Испании, Великобритании, Франции, Италии и Германии в 1970–2013 гг.

Страна	Всего террористических инцидентов	Всего жертв, чел.	Среднее число жертв за 1 террористический инцидент	Доля по числу террористических инцидентов в мире, %	Доля по числу жертв в мире, %
Испания	3239	3211	0,99	3,0	0,7
Великобритания	637	2493	3,91	0,6	0,6
Франция	2564	1110	0,43	2,4	0,3
Италия	1524	789	0,52	1,4	0,2
Германия	1147	873	0,76	1,0	0,2
Всего	9111	8476	0,93	8,4	1,9

Составлено автором по данным [15].

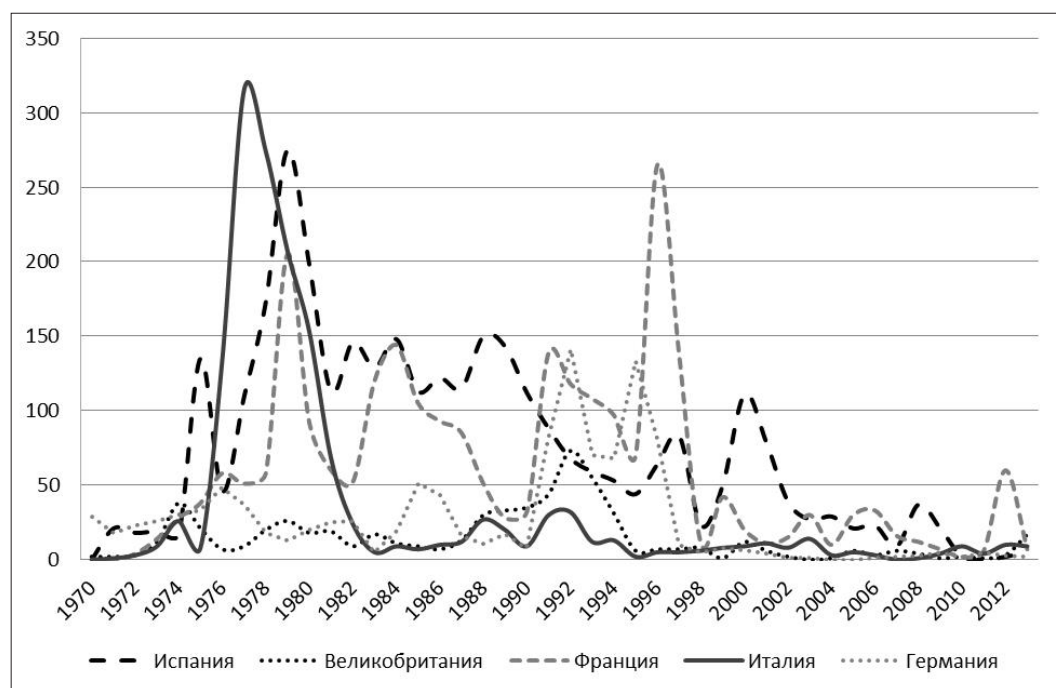

Рис. 2. Количество террористических инцидентов в Испании, Великобритании, Франции, Италии и Германии в 1970–2013 гг.

Германию можно отнести к условно «взрыво-диверсионному» типу, который характеризуется малым числом жертв за 1 теракт и может быть назван более «гуманным» с точки зрения масштабов жертв ТД. Близка в этом отношении к ним и Италия, однако развитость нескольких форм ТД заставляет определить эту страну в условный «смешанный» тип. Наконец, два «террористических европейских лидера» — Великобритания и Испания обладают высокими для региона показателями среднего числа жертв за 1 инцидент, а соотношение ведущих форм ТД: взрывов и убийств свидетельствует о

том, что это наиболее масштабные и «кровавые» формы терроризма.

Не менее важным представляется и анализ целей ТД в данных странах, т.е. объектов против которых непосредственно совершались террористические инциденты (табл. 5). Во всех странах первое место занимает цель под общим названием «частный бизнес». Дело в том, что в ходе террористических действий часто страдают сразу несколько типов «целей», одним из которых практически всегда выступают частные владельцы. Поэтому этот факт не позволяет идентифицировать характерные черты ТД

Таблица 4

Доля основных форм террористической деятельности в Испании, Великобритании, Франции, Италии и Германии в 1970–2013 гг., %

Формы	Испания	Великобритания	Франция	Италия	Германия
Похищение	2,9	0,9	0,7	4,1	1,1
Невооруженное нападение	0,0	1,3	0,4	0,6	2,4
Убийство	18,6	15,4	6,3	13,4	6,3
Вооруженное нападение	9,3	4,2	3,7	14,5	11,6
Взрыв	58,3	52,6	80,6	42,9	31,5
Диверсии	9,0	24,0	5,4	21,8	41,0
Угон транспортных средств	0,2	0,2	0,2	0,4	0,4
Захват заложников	0,3	0,5	0,7	1,2	0,3
Другое	1,3	0,9	2,0	1,2	5,3
Всего	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0

Составлено автором по данным [15].

Таблица 5

Основные цели террористической деятельности в Испании, Великобритании, Франции, Италии и Германии в 1970–2013 гг., %

Цели	Испания	Великобритания	Франция	Италия	Германия
Аэропорты, самолеты	1,6	3,2	2,4	3,9	2,2
Телекоммуникации	1,1	0,6	0,8	0,3	0,3
Туристы	0,7	0,5	0,9	1,0	0,9
Инженерная инфраструктура	2,9	0,6	1,0	1,2	1,6
Правительство	12,8	14,4	20,9	20,2	10,0
Органы правопорядка	22,0	3,1	7,3	12,7	6,0
Частные граждане	9,6	13,1	18,0	8,9	14,8
Террористы	0,3	0,5	1,4	0,3	0,3
Политические партии	0,2	0,3	0,2	2,2	0,0
Дипломаты	1,5	4,2	4,8	4,6	7,2
СМИ и журналисты	2,3	1,7	2,1	4,8	1,3
Военные	6,0	7,6	1,9	4,2	10,2
Некоммерческие частные фонды	0,1	0,6	0,4	0,1	0,3
Транспорт	5,0	7,9	1,4	2,0	3,7
Частный бизнес	31,4	36,0	29,5	28,4	35,3
Образовательные организации	0,9	0,9	0,9	2,9	1,4
Морской и водный транспорт	0,2	0,5	0,2	0,0	0,2
Религиозные объекты	0,5	2,5	1,9	1,3	2,7
Другие	0,9	1,9	4,0	1,0	1,5
Всего	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0

Составлено автором по данным [15].

в данных странах. Во Франции и Италии на втором месте находятся правительственные объекты – более 20% всех инцидентов. Это говорит об акцентируемой деятельности террористов против власти, с минимизацией пострадавших среди мирных граждан. Великобританию и Германию сложно охарактеризовать подобным образом, так как «цели» распределялись более равномерно. Возможно, следует выделить доста-

точно высокую долю правительственных целей в Великобритании (14,4%) и военных в Германии (10,0%). «Целевой» структурой ТД отличается Испания – здесь на органы правопорядка приходится 22,0% совершенных инцидентов, что объясняется особенностями террористических действий баскских группировок.

Таким образом, становятся очевидными роль и конкретное место социально-

географических исследований в изучении проблемы терроризма. Они позволяют вести полимасштабный пространственно-временной анализ террористической деятельности, выявляя ее территориальную структуру, а также отслеживать развитие терроризма в пространстве и времени на территориях различного ранга. Европейский террористические регион уникален

по многим показателям, и, несмотря на значительное снижение террористической активности за последние 20 лет, сохраняет значительный конфликтогенный и террористический потенциал [11]. Он также обладает сложнейшей внутрирегиональной структурой терроризма, в которой практически каждая страна имеет уникальный «террористический» профиль.

Библиографический список

1. Арас Д. Терроризм вчера, сегодня и навеки. – Баку: SADA, 2003.
2. Боташева А.К. Терроризм как феномен современной политической реальности. – Ставрополь: Ставролит, 2009. – 272 с.
3. Витюк В.В., Эфиров С.А. «Левый» терроризм на Западе: история и современность. – М.: Наука, 1987. – 318 с.
4. Гладкий Ю.Н. Теоретическая география: кризис или «бифуркация» идей? // Региональные исследования – 2009. – № 1. – С. 3–10.
5. Гладкий Ю.Н., Гдалин Д.А. Глобальные проблемы человечества // Технологии социального ориентирования человека в глобальном информационном пространстве. – СПб: Росс. гос. пед. ун-т им. А.И. Герцена, 2007. – С. 10–57.
6. Замковой В.И., Ильчиков М. Терроризм – глобальная проблема современности. – М.: Гардарики, 1996. – 80 с.
7. Иноземцев В.Л. Иммиграция: новая проблема нового столетия // Социологические исследования. – 2003. – № 4. – С. 64–72.
8. Кожушко Е.П. Современный терроризм: анализ основных направлений. – Минск: Харвест, 2000. – 448 с.
9. Полян П.М. Территориальные структуры – урбанизация – расселение: теоретические подходы и методы изучения. – М.: Новый Хронограф, 2014. – 788 с.
10. Попов И.В. Виды и степень интенсивности терроризма в Европейском союзе // Региональные исследования. – 2009. – №1. – С. 37–42.
11. Попов Ф.А. География сецессионизма в современном мире. – М.: Новый хронограф, 2012. – 683 с.
12. Раззаков Ф.И. Век террора: хроника покушений. – М.: Вагриус, 1997. – 521 с.
13. Тархов С.А. Социально-экономическая география: ее сущность, предмет изучения и методы // Региональные исследования. – 2013. – №3 – С. 9–13
14. Требин М.П. Терроризм в XXI веке. – Минск: Харвест, 2004. – 816 с.
15. The National Consortium for the Study of Terrorism and Responses to Terrorism (START) a U.S. Department of Homeland Security Center of Excellence based at the University of Maryland. [Электронный ресурс] URL: <http://www.start.umd.edu/gtd>.

Зиновьев А.С. (Санкт-Петербург)

ГЕОПОЛИТИЧЕСКИЙ РАСКОЛ В ЭЛЕКТОРАЛЬНОЙ ГЕОГРАФИИ ЛИТВЫ

Zinovyev A.S.

GEOPOLITICAL CLEAVAGE IN ELECTORAL GEOGRAPHY OF LITHUANIA

Аннотация. В статье рассматривается влияние геополитического раскола на электоральную географию постсоветской Литвы. Проанализированы восемь избирательных кампаний (1991–2014 гг.). Электоральные процессы в данной работе рассматриваются в рамках пространственно-временных электоральных систем с применением экологического подхода. По итогам исследования в Литве выделяются три зоны различной геополитической ориентации.

Abstract. The article examines the impact of geopolitical cleavage in the electoral geography of the post-Soviet Lithuania. Eight election campaigns (1991–2014) are analyzed. The electoral processes in this research are discussed in the framework of the space-time electoral systems with the use of ecological approach. According to the research Lithuania is divided into three zones of different geopolitical orientation.

Ключевые слова: электоральная география Литвы, геополитический раскол, пространственно-временные электоральные системы

Key words: electoral geography of Lithuania, geopolitical cleavage, space-time electoral systems.

Введение и постановка проблемы. Радикальные преобразования в социальной, экономической, духовной и политической сферах были характерны для всех постсоветских обществ в условиях транзита, в том числе и для стран Балтии. Одним из ключевых аспектов трансформации постсоветских стран стал геополитический раскол, выразившийся в различном отношении к советскому периоду истории (от резко негативного до ностальгического). Лимитрофное положение прибалтийских государств определило их активное движение на Запад, в том числе через вступление в различные интеграционные группировки. В электоральном пространстве Литвы это выразилось, во-первых, в появлении политических деятелей и партий, стоящих на правых националистических позициях с отрицательным отношением к советскому прошлому, а, во-вторых, политических деятелей и партий, придерживающихся левых взглядов с прагматичным отношением к Советскому Союзу [10]. Подобный геополитический раскол политической элиты стал одним из ключевых факторов территориально-политической организации литовского общества, проявившись в отчетливых зональных различиях массового избирательного поведения. Основной целью работы выдвигается оценка роли фактора геополитического раскола в пространственной дифференциации электоральных предпочтений граждан Литвы. Другие традиционные электоральные расколы, выделяемые

в западной географии (между центром и периферией, государством и церковью, городом и селом, собственниками и рабочими) [7], в данной работе не рассматриваются.

Методика. Поставленная автором цель потребовала последовательного анализа электоральной статистики в территориальном разрезе. Электоральные процессы в данной работе рассматривались в рамках пространственно-временных электоральных систем. Это связано с тем, что важнейшими характеристиками устойчивости проявления политического интереса в обществе служат его степень повторяемости и степень пространственного рассеяния.

Под пространственно-временными электоральными системами понимаются системы, которые ограничены в пространстве, в нашем случае – границами Литовской Республики, и во времени – применительно к данной работе – постсоциалистическим периодом [4]. Условием появления пространственно-временной системы является совпадение ее взаимосвязей в пространстве и во времени. Рассматривая электоральные процессы, при наличии устойчивого раскола в электоральном поле, который проявляется на протяжении времени в разных типах голосований, можно судить о существовании пространственно-временных электоральных систем [4]. Одной из методик изучения динамики пространственно-временных электоральных систем является теория электораль-

ных перегруппировок (теория критических выборов) [2, 3, 6, 15–20], положения которой также применялись в нашем исследовании.

На первом этапе по итогам анализа пространственных результатов итогов голосования на двух референдумах о независимости Литвы в 1991 г. и о вступлении в ЕС в 2003 г. были выделены районы с различной геополитической идеологией. На втором этапе исследования были рассмотрены выборы на высший государственный пост Литовской республики – президента. Особое внимание было уделено избирательным кампаниям 1993, 1998, 2003, 2004, 2014 гг., где наблюдалось противостояние двух кандидатов. Именно голосование за одну из двух электоральных альтернатив наиболее отчетливо показывает территориально-политические расколы в обществе. На третьем этапе было проведено сравнение выявленной пространственной структуры в геополитической ориентации и электоральных предпочтений литовского общества по итогам президентских выборов в рамках экологического подхода в электоральной географии. Первым шагом здесь стал корреляционный анализ динамической квадратной матрицы данных итогов голосований в период с 1991 по 2014 г. в разрезе муниципалитетов страны. Это позволило выделить устойчивые во времени группы электоральных альтернатив, противоположные по геополитической ориентации. Вторым шагом выступило построение модели перетекания электората по двум проведенным референдумам и президентским выборам в Литве.

Работа основывалась на данных электоральной статистики, опубликованных на официальном сайте Центральной избирательной комиссии Республики Литвы [22].

Пространственная структура геополитической ориентации избирателей Литвы. Вопрос выбора т.н. «геополитической ориентации» перед литовским обществом после восстановления независимости ставился как минимум дважды на общенародных референдумах: о независимости 9 февраля 1991 г. и о вступлении в ЕС 10–11 мая 2003 г. Существуют различные интерпретации результатов состоявшихся референдумов. Так, например, считается, что голосование за независимость Литвы в 1991 году демонстрировало тяготение большей части литовского общества к пространству Запада. Несмотря на то,

что вступление в ЕС накладывало на любое государство некоторое ограничение его суверенитета и передачу его части на наднациональный уровень, такой выбор избирателей в 2003 г. трактовался как последний шаг на пути к окончательному разрыву с советским прошлым. Голосование же против вступления в ЕС интерпретировалось как геополитический шаг навстречу России.

В общей сложности свыше 20% жителей юго-восточной и северо-восточной частей Литвы проголосовали против ее независимости в 1991 году (рис. 1А). Этот «просоветский» регион Литвы имел три очевидных ядра с самым высоким количеством избирателей, отметивших в бюллетене вариант ответа «нет». Для данного региона также был характерен низкий уровень явки, а в отдельных районах она не достигала и 50%. Первое ядро (свыше 20% голосов против независимости) – Швянченский, Вильнюсский и Шальчининкайский районы – это пояс районов вдоль литовско-белорусской границы со значительной долей компактно проживающего польского населения, которое не было глубоко интегрировано в литовское общество в советский период их совместного проживания. Второе ядро – Зарасайско-Игналинское (11–17% голосов против независимости) – очевидно, частично также сформировалось на этно-конфессиональной основе, так как эти районы являются территорией традиционного расселения русских-старообрядцев, переселившихся на окраину Российской Империи в период гонений. Кроме того, именно здесь находится город атомщиков Висагинас (до 1992 г. Снечкус) в 32,5 тыс. чел. [13], с преимущественно русским населением, являвшийся одним из ключевых мест приложения труда и сбыта продукции для окрестных сельских населенных пунктов. Третьим центром является Пакруойский район (свыше 15% голосов против независимости) – ядро «протеста» наиболее социально уязвимой в сложившихся экономических условиях части общества. Помимо значимого железнодорожного узла Пакруойс аналогичный тип голосования продемонстрировали промышленные центры: Акмене, Аникщай, Йонава, Кедайняй, Кельме и крупные железнодорожные узлы Купишкис и Радвилишкис. Эти три «просоветских» ядра, по нашему мнению, оказали довольно сильное

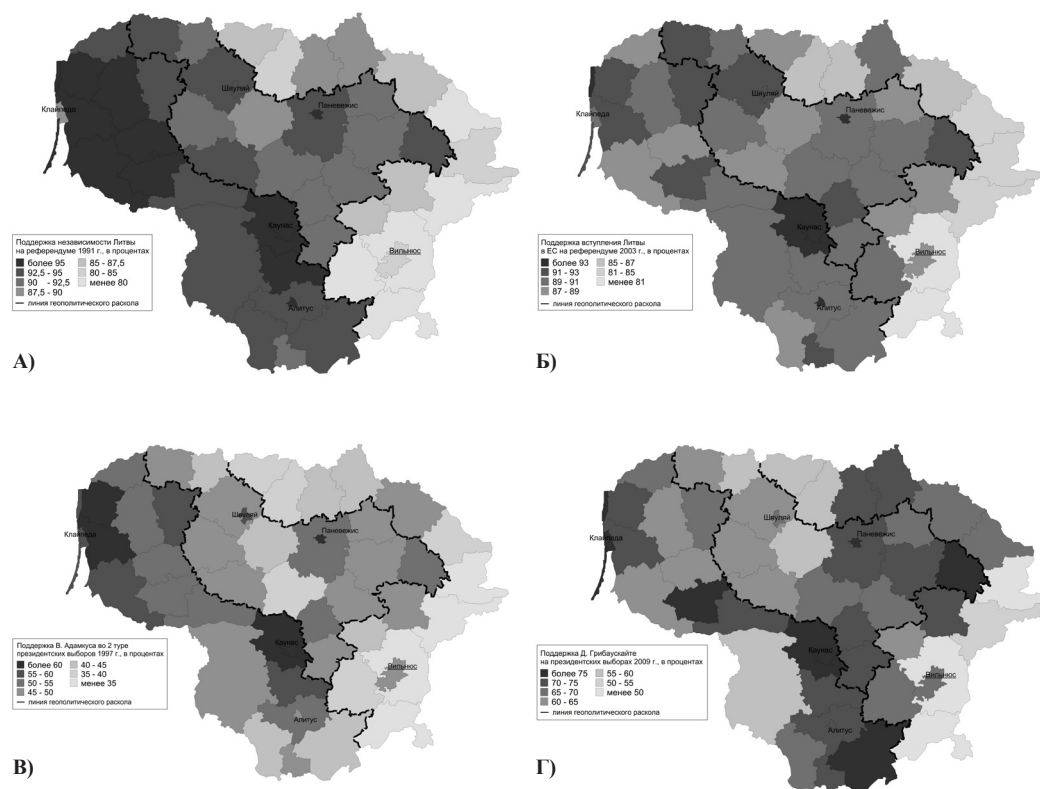

Рис. 1.

1А – Распределение голосов за независимость Литвы на референдуме 1991 г.;
 1Б – Распределение голосов за вступление Литвы в ЕС на референдуме 2003 г.;
 1В – Распределение голосов за В. Адамкуса во 2 туре президентских выборов 1997 г.;
 1Г – Распределение голосов за Д. Грибаускайте на президентских выборах 2009 г.
 Составлено автором по [22].

влияние на литовское приграничье на севере и востоке страны, заложив здесь потенциал для формирования самобытного политико-географического района.

Точно также значительное отличие в голосовании юго-восточной и северо-восточной Литвы отмечается нами на референдуме о вступлении в ЕС в 2003 г. (рис. 1Б). Членство Литвы в ЕС нашло меньше всего поддержки в поясе расселения поляков (около 20% голосов против вступления в ЕС). Зарасайско-Игналинское ядро также продемонстрировало евроскептицизм (15–17% голосов против вступления в ЕС), что можно отчасти объяснить необходимостью консервации Игналинской АЭС как одним из условий интеграции в ЕС. Пакруойский центр (13% голосов против вступления в ЕС) и зона его тяготения также отличились повышенной долей голосов евроскептиков. Таким образом, стабильная центр-периферийная

структура нетрадиционного типа голосования на северо-востоке Литвы показывает устойчивость сложившейся там зоны геополитической ориентации.

Второй ярко выраженной зоной геополитической ориентации является западная и юго-западная Литва, где избиратели и в 1991 г. и в 2003 г. придерживались «прозападных» взглядов. В 1991 г. менее 5% принявших участие в голосовании высказались против независимости. Двумя основными ядрами данного типа голосования выступила приморская Литва и пояс земель между двумя крупными городскими центрами – Каунасом и Мариямполе. Можно заметить, что аналогичная картина сложилась и в 2003 г. на референдуме о вступлении в ЕС, приморская Литва и территории вдоль линии Каунас – Мариямполе сохранили наиболее «прозападную» позицию, поддерживав интеграцию в Европейский Союз. Наиболее

вероятной причиной формирования такой зоны является историко-культурный фактор. Клайпедский регион и Сувалкия – это территории, более других воспринявшие немецкое влияние [9].

Существование двух описанных выше зон демонстрирует наличие геополитического раскола, который находит свое отражение в политической сфере через электро-ральный процесс. На западе и юго-западе Литвы проживают носители доминирующей в стране наиболее «прозападной» ментальности, на востоке и юго-востоке – «антизападной». Остальную часть территории страны можно отнести к Центральной Литве, разделяющей умеренно «прозападную» ориентацию. Устойчивость этой зоны также подтверждается стабильностью ее центр-периферийной структуры голосования на референдумах 1991 и 2003 гг. В 1991 г. лишь промышленная Утена и крупный город Паневежис выступили ядрами повышенной поддержки «антисоветских» настроений. В 2003 г. ядро «еврооптимистов» было не столь очевидно, но Паневежис и линия Утена – Аникшчй, тем не менее, выделились на общем фоне.

Геополитические зоны и президентские выборы в Литве. В странах с устойчивой партийно-политической системой (чаще всего двух-трех-четырех партийной) ключевые территориальные расколы обычно проявляются на парламентских выборах. В Литве же эта система не отличается стабильностью. Так, например, даже партии, преодолевшие 5% барьер на выборах и попавшие в Сейм через некоторое время растворяются в других партийных проектах или вовсе исчезают (Партия национального возрождения 2008 г., Путь смелости 2012 г.). Таким образом, только выборы высшего должностного лица государства позволяют выделять и анализировать ключевые ценностно-идеологические расколы в обществе. Как отмечалось выше, пять раз из шести выборы Президента Литвы проходили при противостоянии двух электро-ральных альтернатив. В случае совпадения пространственных структур итогов голосования и их идеологического наполнения на президентских выборах мы сможем говорить о значимости геополитического раскола в электро-ральной географии Литвы.

На первых постсоветских выборах 14 февраля 1993 г. в избирательном бюллетене числилось два кандидата: бывший руководитель советской Литвы, лидер победившей на парламентских выборах Демократической партии труда Литвы (создана в результате реформирования Коммунистической партии Литвы) Альгирдас Бразаускас и поддерживаемый практически всеми остальными партиями, включая на тот момент имеющую еще очень сильные позиции Саюдис, сын бывшего министра иностранных дел независимой Литвы, проживающий с 1940 г. в эмиграции, Стасис Лазорайтис.

В условиях антисоветской эйфории, охватившей Литву после обретения независимости, в материалах СМИ того времени Председатель Сейма А. Бразаускас представлялся «старым коммунистом» и «другом Москвы», а С. Лазорайтис воплощал идею «Литвы, которую мы потеряли», подчеркивалась его не вовлеченность в местную политику и нежелание отождествлять себя с какой-либо политической силой («Президент народного согласия») [11].

На выборах победил А. Бразаускас, набравший 60% голосов, в то время как за С. Лазорайтиса отдали свои голоса около 38% избирателей. Начало формирования пространственной структуры электро-ральных предпочтений на президентских выборах в Литве оказалось довольно близким к пространственным итогам рассмотренных выше референдумов. Более 50% голосов С. Лазорайтис смог набрать только в Каунасе и Каунасском районе. Также достаточно высокую поддержку (от 40 до 50% голосов) С. Лазорайтис получил в приморской Литве и в г. Паневежисе. А. Бразаускас наибольшее количество голосов (более 75%) получил в юго-восточной Литве (в самом «польском» районе – Шальчининкайском – 89%).

Следующие выборы Президента Литвы прошли в 2 тура (21 декабря 1997 г. и 4 января 1998 г.). А. Бразаускас решил не баллотироваться на второй срок, заявив, что «пришло время для нового поколения политиков, не несущих на себе бремени прошлого» [12]. Таковым А. Бразаускас счел 44-летнего беспартийного юриста Артураса Паулаускаса, бывшего генерального прокурора, проводившего несколько громких обвинительных антикоррупционных процессов. Его соперником по 2 туру стал бывший руководитель

избирательного штаба С. Лазорайтиса, еще один литовский эмигрант, бывший высокопоставленный чиновник Управления по охране окружающей среды США, 71-летний Вальдас Адамкус.

Победу на выборах с небольшим перевесом в 14 тыс. голосов одержал В. Адамкус (49,96%), А. Паулаускас набрал 49,22%. Смену настроений в большей части литовского общества эксперты связали с начавшейся планомерной подготовкой страны к будущему вступлению в ЕС и НАТО [11]. Несмотря на различия в итоговом геополитическом выборе, пространственные особенности волеизъявления граждан сохранились. В. Адамкус получил наибольшую поддержку на западе и юго-западе страны, где он получил более 55% голосов, а ядром его поддержки выступили приморская Литва (Клайпедский и Кретингский районы – более 60%) и Каунас с максимальным результатом в 67%. А. Палаускаса поддержали на востоке Литвы, где он набрал более 60% (максимум вновь отмечен в Шальчининкайском районе – 88,4%). Центр-периферийная структура третьей из ранее выделенных нами зон Центральной Литвы подтверждает доминирование геополитического раскола в политической системе страны в 1997 г. Центральная Литва поддержала В. Адамкуса больше, чем на Юго-Востоке и Северо-Востоке, но меньше, чем на Западе и Юго-Западе. Такой усредненный уровень поддержки В. Адамкуса соответствует умеренной «прозападности» Центральной Литвы, проявленной на референдумах. Максимального уровня поддержка В. Адамкуса здесь была достигнута в городах Паневежис и Утена, именно они оказывали наибольшую поддержку независимости Литвы и ее вступлению в ЕС на референдумах. Таким образом, все три геополитических зоны, выделенных нами ранее, продемонстрировали схожую пространственную структуру голосования на выборах Президента в 1997 г. (рис. 1В).

Очередные выборы Президента Литвы состоялись через пять лет. 22 декабря 2002 г. по итогам первого тура В. Адамкус, по-прежнему имевший широкую поддержку политического истеблишмента страны, опережал своего основного конкурента Роландаса Паксаса на 15%. Однако 5 января 2003 г. во втором туре был показан

противоположный результат и третьим президентом постсоветской Литвы был избран инженер-пилот по образованию, закончивший Ленинградскую академию гражданской авиации, дважды избиравшийся мэром столичного Вильнюса, дважды уходивший с поста премьер-министра (один раз в знак протеста против продажи крупнейшего нефтеперерабатывающего завода Литвы в г. Мажейкяй американской компании), лидер сначала партии Союз либералов, затем Либерально-демократической партии Литвы, а также неоднократно обвинявшийся в лоббировании интересов российских компаний (в частности, «ЛТУКойла») Р. Паксас.

Пространственная структура поддержки В. Адамкуса несколько изменилась по сравнению с 1997 г. Ядра поддержки альтернативного кандидата Р. Паксаса появились в традиционно «прозападной» зоне. Если голосование свыше 70% за Р. Паксаса в Тельшайском и Мажейкяйском районах можно объяснить «эффектом друзей и соседей», так как Р. Паксас родом из Тельшяя, то появление ареала его поддержки на юго-западе страны (более 60% голосов) в Вилкавишском, Мариямпольском и Калварийском муниципалитетах может говорить о потере высокой значимости геополитического фактора для данной зоны. Сохранение высокой поддержки В. Адамкуса в традиционном ядре «прозападной» зоны г. Каунасе и Каунасском районе лишь подчеркивает рассеивание прежнего единства данной территории.

Зона «пророссийской» геополитической ориентации также изменила свою пространственную структуру. Если Юго-Запад (с преобладанием польского населения) за исключением космополитичного столичного центра Вильнюса продолжил активно поддерживать «пророссийского» кандидата (более 70% голосов за Р. Паксаса), то голоса Северо-Запада были разделены между обоими кандидатами. Центральная Литва за исключением своей северо-западной части, испытывавшей влияние Тельшайско-Мажейкяйского ядра поддержки Р. Паксаса, в целом сохранил умеренную «прозападность» и пространственную структуру. Паневежис и линия Утена-Анякшяй вновь стали основными центрами поддержки В. Адамкуса в этой зоне.

13 и 27 июня 2004 г. состоялись 2 тура досрочных выборов Президента Литвы. Необходимость в досрочных выборах воз-

ника в связи с первым в истории европейских стран импичментом президенту Р. Паксасу.

В этот раз основным соперником 78-летнего В. Адамкуса стала первый премьер-министр Литвы после восстановления независимости, неоднократно обвинявшаяся политическими конкурентами в связях с КГБ, а на момент выборов председатель Союза партий крестьян и новой демократии Казимира Прунскене. Отстраненный экс-президент Р. Паксас поддержал кандидатуру К. Прунскене, но полностью свою электоральную поддержку передать не смог, и победу во 2 туре с перевесом в 70 тыс. голосов одержал В. Адамкус. Возможно, по этой причине или по причине инертного поведения избирателей пространственная структура голосования не изменилась с прошлых выборов. Все ареалы поддержки Р. Паксаса также продемонстрировали повышенный уровень голосования за К. Прунскене, а традиционная центр-периферийная пространственная структура голосования за В. Адамкуса сохранилась и в 2004 г.

Выборы 17 мая 2009 г. завершились в один тур и впервые столь безоговорочной победой одного из кандидатов. Президентом стала Даля Грибаускайте, отчасти олицетворившая своей биографией обе геополитические ориентации. Отца Д. Грибаускайте, участника Великой Отечественной войны обвиняют в службе в НКВД. Сама Д. Грибаускайте до 1991 г. успела закончить Ленинградский государственный университет им. А.А. Жданова по специальности политэкономика, побыть членом КПСС, поработать в Вильнюсской высшей партийной школе, выучиться в аспирантуре при Академии общественных наук при ЦК КПСС в Москве. В 1991 г. уехала на обучение в США, в дальнейшем работала на различных должностях в министерстве иностранных дел, была министром финансов, а после вступления Литвы в ЕС работала в Брюсселе еврокомиссаром.

Несмотря на уверенную победу Д. Грибаускайте в 56 муниципалитетах из 60 (Шальчининский и Вильнюсский районы проголосовали за лидера Избирательной акции поляков Литвы Вальдемара Тамашевского; Вилкавишский район поддержал бывшего заместителя начальника местной управы, а ныне лидера Социал-демократической

партии Литвы Альгирдаса Буткявичюса; в Висагинасе победила К. Прунскене), центр-периферийная пространственная структура голосования в целом не изменилась. «Прозападная» зона геополитической ориентации традиционно проголосовала за кандидата, поддерживаемого политическим истеблишментом (Каунас – 83,2%). В Центральной Литве Паневежисское ядро и территории вдоль линии Утена – Аникщай отдали большее количество голосов за Д. Грибаускайте (рис. 1Г), а в «пророссийской» зоне «польский» Юго-Восток вновь продемонстрировал устойчивое геополитическое голосование, не приняв «прозападного» кандидата (Шальчининкайский район – 20,9%, Вильнюсский район – 35,8%).

Очередные выборы Президента Литвы прошли в 2 тура 11 и 25 мая 2014 г. Во второй тур вышли действующий президент Д. Грибаускайте и депутат Европарламента, бывший министр транспорта и финансов, член Социал-демократической партии Зигмонтас Бальчитис. Во втором туре как представителю левых сил и альтернативе «прозападному» кандидату З. Бальчитису удалось аккумулировать голоса других участников первого тура, имевших высокую поддержку в зоне «пророссийской» геополитической ориентации (лидер Избирательной акции поляков Литвы В. Тамашевский и бывший спикер Сейма, участник 2 тура выборов Президента 1997 г., а ныне член Партии труда А. Паулаускас). Максимальное количество голосов З. Бальчитис получил на Юго-Востоке (Шальчининкайский район – 87,78%, Вильнюсский район – 71,1%), голоса Северо-Востока были поделены между обоими кандидатами. В зоне «прозападного» кандидата вновь ядрами поддержки выступили Каунас и Каунасский район (более 70%) и приморская Литва (65–70%). Исключение составила территория, входящая также в одномандатный избирательный округ в Сейм, где З. Бальчитис трижды избирался депутатом, здесь он победил, набрав около 60% (Шилальский район). В Центральной Литве также сохранились традиционные ядра повышенной поддержки «прозападного» кандидата – г. Паневежис (66,29%), территории вдоль линии Аникщай – Утена (60–65%).

Региональные различия в активности избирателей во время президентских выборов и двух геополитических референду-

мов не образуют четкой пространственной структуры при общем уровне снижения явки. Единственное, что обращает на себя внимание, это пониженная явка юго-восточной Литвы во время избирательных кампаний до 2009 г. и напротив повышенная явка в этом самобытном регионе во время президентских выборов 2009 и 2014 гг., когда в них участвовал «свой» кандидат для местного польского большинства – В. Тамашевский. Тем не менее, отмеченная нами трансформация доминирующего политико-территориального раскола (геополитического), начиная с выборов 2003 г., очевидно, не связана с пространственной структурой явки избирателей и ее динамикой.

Модель перетекания электората в 1991–2014 гг. На третьем этапе исследования с помощью математических методов будет проведено сравнение результатов двух референдумов и электоральных предпочтений литовского общества по итогам президентских выборов для выяснения степени устойчивости геополитического раскола в электоральной географии Литвы.

Исходными данными для выявления геополитических размежеваний в территориальной структуре электоральных предпочтений населения Литвы служат статистические данные в разрезе муниципалитетов по референдумам 1991 г. о независимости Литвы и 2003 г. о вступлении Литвы в состав Европейского Союза, а также результатам президентских выборов за период с 1993 по 2014 г. На основании указанных избирательных кампаний нами была построена матрица, в которую были включены доли голосов в процентах, поданных за ту или иную электоральную альтернативу, рассчитанные от числа проголосовавших избирателей.

Основным применяемым методом выступает корреляционный анализ, часто исполь-

зуемый в рамках экологического подхода в электоральной географии [2, 4, 5, 8, 21]. Исходные данные сформировали матрицы, по которым и были рассчитаны линейные коэффициенты корреляции Пирсона при уровне значимости $\alpha = 0,001$ (0,1%) или доверительной вероятности 99,9% для каждого выборов.

Наличие значимой корреляционной зависимости между двумя пространственными распределениями электоральных альтернатив говорит о наличии и характере связи между ними и их территориальных различиях. В случае положительной значимой корреляции между парой электоральных распределений существует возможность того, что избиратели одной и той же территориальной единицы могли отдать свои голоса как одной, так и другой из них. Таким образом, можно сделать вывод, что данные избирательные альтернативы «питаются» одним и тем же электоратом. В рамках нескольких избирательных кампаний при этом можно говорить о последовательном перетекании электората. Напротив, отрицательная значимая корреляция между парой электоральных распределений говорит о территориальном несовпадении зон поддержки данных альтернатив. Данный факт позволяет сделать вывод о невозможности перехода электората между этой парой альтернатив.

В результате анализа квадратных матриц корреляции взаимных зависимостей пространственных распределений электоральных альтернатив, их совокупность четко разделилась на две группы (табл. 1).

Такое деление электоральных альтернатив не является случайным. В первую группу вошли пространственные распределения названных нами условно «прозападных» альтернатив, во вторую – условно «пророссийских». Каждый член этих групп имеет значимую положительную корреляционную

Таблица 1

Группировка электоральных альтернатив 1991–2014 гг.

Группа 1	Группа 2
За независимость Литвы 1991 г. С. Лозарайтис на выборах 1993 г. В. Адамкус во вторых турах выборов 1998 г., 2003 г., 2004 г. За вступление Литвы в ЕС 2003 г. Д. Грибаускайте на выборах 2009 г. Д. Грибаускайте во втором туре выборов 2014 г.	Против независимости Литвы 1991 г. А. Бразаускас на выборах 1993 г. А. Паулаускас во втором туре выборов 1998 г. Р. Паксас во втором туре выборов 2003 г. Против вступления Литвы в ЕС 2003 г. К. Прунскене во втором туре выборов 2004 г. З. Балчйтис во втором туре выборов 2014 г.

Составлено автором.

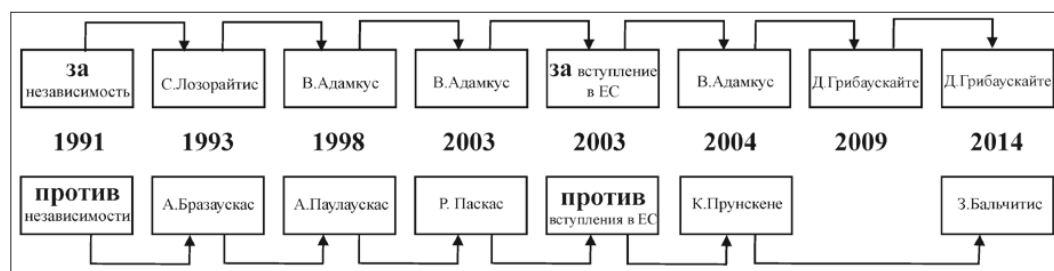

Рис. 2. Модель перетекания электората в 1991–2014 гг.
Составлено автором.

связь минимум с одной из альтернатив своей группы и не имеет таковых с представителями противоположной. Отрицательные же связи имеют место только между представителями разных групп. Таким образом, можно говорить о замкнутости этих групп относительно друг друга. Действительно, наличие или отсутствие значимой корреляционной зависимости между альтернативами говорит не только о характере связи между их электоратами, о возможности его перетекания от одной альтернативы к другой или об ее отсутствии, но и о существовании некой устойчивой пространственной структуры в выборе избирателей. Это позволяет нам построить модель вероятного перетекания электората между альтернативами. На схеме хорошо прослеживается тенденция перехода электората преимущественно внутри обозначенных выше идеологических полюсов.

Выводы. Сравнение пространственной структуры геополитической ориентации по итогам референдумов 1991 и 2003 гг. и предпочтений избирателей на президентских выборах позволило нам оценить важность и степень влияния геополитического раскола на общественно-политическую систему постсоветской Литвы. Геополитический раскол выступал доминирующим ценностно-идеологическим фактором при волеизъявлении граждан до вступления страны «де-факто» в ЕС и НАТО, что отражают пространственные структуры рассмотренных нами итогов голосования вплоть до 2003 г. Результаты нашего анализа показали, что наиболее «прозападный» регион сформировался на западе и юго-западе Литвы еще по итогам референдума о независимости в 1991 г., затем здесь благоприятно отнеслись и к «американским» литовцам

С. Лазарайтису и В. Адамкусу. Альтернативные политики без поддержки политического истеблишмента нашли поддержку в «пророссийской» зоне геополитической ориентации, выделенной нами на юго- и северо-востоке страны. Центральная Литва с умеренным уровнем «прозападности» поддерживала альтернативных кандидатов больше, чем на западе и юго-западе, но меньше, чем на юго- и северо-востоке. Центр-периферийная пространственная структура итогов президентских выборов в Центральной Литве также повторила аналогичную дифференциацию по итогам двух геополитически значимых референдумов в этой зоне.

По итогам проведенного анализа, было установлено, что критические изменения в общественно-политической системе страны произошли на рубеже 2002 и 2003 гг., то есть после решения со стороны ЕС и НАТО пригласить Литву вступить в эти интеграционные группировки. Пространственная структура итогов выборов перестала в полной мере отражать сложившийся ранее геополитический раскол. Перегруппировка электоральных структур, выразившаяся в снижении роли фактора геополитической ориентации, началась с «критических», для сложившейся ранее электоральной структуры, президентских выборов 2003 и 2004 гг., когда большая часть «прозападной» зоны геополитической ориентации, часть Центральной Литвы и северо-восток «пророссийской» зоны геополитической ориентации стали, очевидно, руководствоваться при волеизъявлении иными ценностно-идеологическими установками (в первую очередь, социально-экономическими). В ходе последующих президентских избирательных кампаний вытеснение фактора геополитического раскола как доминирующего для избирателей Литвы

повсеместно продолжилось. Единственная территория, сохранившая особенности прежней электоральной системы, продолжающая проявлять свой политический интерес «геополитически», это юго-восток Литвы, где компактно проживает польское меньшинство, сформировавшее вокруг столицы литовского государства специфический политико-географический район (эффект «пространственного резонанса» [1]). Эксперты это объясняют низким уровнем доверия поляков к выбранному Литвой направлению политического и социально-экономического развития [11]. Основные ядра поддержки «прозападной» геополитической ориентации (Каунас, приморская Литва), равно как и аналогичные точки Центральной Литвы (Паневежис, территории вдоль линии Аникщай –

Утена) продолжают сохранять свою самобытность.

Вслед за политико-географом Дж. Агню, мы можем говорить о значимости «пространственного контекста», согласно которому, модели голосования в разных частях страны зависят от присущих каждой местности уникальных социально-экономических, историко-культурных и других особенностей [14]. Пример западной и юго-западной Литвы, с 2003 г. все меньше руководствующихся геополитическими мотивами при голосовании, и, напротив, юго-востока Литвы, по-прежнему решающему кому отдать свой голос по геополитическим причинам, демонстрирует нам различный пространственный контекст в этих регионах, что должно стать предметом дальнейшего изучения.

Библиографический список

1. Аксенов К.Э. Пространство и политика. Концептуальные подходы к изучению особой предметной области (препринт научного доклада). – СПб.: ТООТК «Петрополис», 1993.
2. Аксенов К.Э. Тайны избирательного бюллетеня. Электоральные бури и штили Северной столицы 1989–2004: Монография. – СПб.: Изд-во Санкт-Петерб. ун-та. 2008. – 333 с.
3. Аксенов К.Э. Пространственно-временные закономерности электоральных перегруппировок и систем в Санкт-Петербурге в 1989–2004 гг. // Региональные исследования. – 2009. – №3 (24). – С. 15–22.
4. Аксенов К.Э. Трансформация общественно-географического пространства метрополиса в постсоветской России: дисс. ... д-ра геогр. наук. – СПб., 2011.
5. Ахременко А.С. Политический анализ и прогнозирование. Введение в количественные методы. – М.: Изд-во Моск. ун-та, 2012.
6. Ахременко. А.С. Социальные размежевания и структуры электорального пространства России // Общественные науки и современность. – 2007. – № 4. – С. 80–81.
7. Липсет С., Роккан С. Структуры размежеваний, партийные системы и предпочтения избирателей. Предварительные замечания // Политическая наука. – 2004. – № 4. – С. 208–225.
8. Михайлов А.С. Пространственная структура электоральных предпочтений в России: дисс. на соискание ученой степени канд. географ. наук. – СПб: СПбГУ, 2001.
9. Повилайтис Р., Каминскас Р., Стейкунене А. Культурные особенности географических регионов Литвы и вызовы глобализации: материалы междунар. конф. (г. Санкт-Петербург, 28–31 марта 2011 г.) – СПб: СПбГУ, 2011. – С. 738–741.
10. Туровский Р.Ф. Географические закономерности электорального транзита в посткоммунистических странах // Полития. – Зима 2004/2005. – №4. – С. 110–150.
11. Фурман Е.Д. Становление партийной системы в постсоветской Литве. – М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2009. – 200 с.
12. Эхо Литвы. – 1997. 9 окт. – №198.
13. 1989 metų visuotinio gyventojų surašymo duomenys / ruošė I. Mazūrienė ... [et al.] T. 1. – Vilnius: Statistikos departamentas prie Lietuvos Respublikos Vyriausybės, 1991.
14. Agnew J. Mapping politics: how context counts in electoral geography // Political Geography. 1996. Vol. 15. No. 2. P. 129–146.
15. Agnew J.A. Place and Politics. The Geographical Mediation of State and Society. Boston, 1987.
16. Burnham W.D. Critical Elections and the Mainsprings of American Politics. New York, 1970. 20 p.
17. Campbell A. A Classification of the Presidential Elections // Electoral Change and Stability in American Political History / Ed. by J.M.Clubb, H.W.Allen. New York, 1971.
18. Key V.O. A Theory of Critical Elections//Electoral Change and Stability in American Political History / Ed. By J.M. Clubb, H.W. Allen. New York, 1971.
19. Key V.O. Southern Politics in State and Nation. New York, 1949.
20. Petrulis V., Kavaliauskas P. The assessment of sustainability for political environment of balanced social field: possibilities of electoral method // International Journal of Environment and Sustainable Development (IJESD). 2008. No. 7(1). P. 63–77.
21. Taylor P.J., Johnston R.J. Geography of Elections. London, 1979.
22. <http://www.vrk.lt/> - официальный сайт Центральной избирательной комиссии Республики Литвы.

СТРУКТУРНЫЕ И ГЕОГРАФИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ФАРМАЦЕВТИЧЕСКОЙ ПРОМЫШЛЕННОСТИ ЗАПАДНОЙ ЕВРОПЫ В НАЧАЛЕ XXI В.

Podgornev P.V.

STRUCTURAL AND GEOGRAPHICAL FEATURES OF THE WESTERN EUROPEAN PHARMACEUTICAL INDUSTRY IN THE BEGINNING OF XXI CENTURY

Аннотация. В статье рассмотрены особенности фармацевтической промышленности Западной Европы как ключевого региона в глобальной фармацевтической индустрии. Проведена типология стран Западной Европы по характеру развития фармацевтической индустрии. Выполнено районирование отрасли на внутристрановом уровне, проведена типология районов.

Abstract. This article presents features of the pharmaceutical industry in Western Europe as the key region in global pharmaceutical business. The typology of Western European countries by main characteristics of pharmaceutical industry was created. The Western European pharmaceutical industry was zoned on in-country level with classification of regions.

Ключевые слова: география промышленности, фармацевтическая промышленность, химическая промышленность, типология стран, районирование промышленности, Западная Европа.

Key words: geography of industry, pharmaceutical industry, chemical industry, typology of countries, geographical zoning.

Введение. Современное состояние фармацевтической промышленности Западной Европы¹, обусловлено уникальностью роли и места региона в международном разделении труда (далее – МРТ) в фармацевтической промышленности и мировом хозяйстве. Задача данного исследования – исследовать особенности фармацевтической индустрии Западной Европы и показать различия в размещении фармацевтической промышленности внутри региона. Для выполнения исследовательской задачи были сформированы цели, к которым относится выявление различий в характере развития отрасли на страновом уровне (с типологией стран) и районирование отрасли с выделением агломераций – центров сосредоточения фармацевтической индустрии. Фармацевтика представляет научный интерес для экономико-географического исследования, поскольку является примером высокотехнологичной отрасли, что нашло отражение в классификации ЮНИДО [1, с. 338]. Значение НИОКР в отрасли опережает производственную составляющую; ключевые конкурентные преимущества фармацевтических компаний создаются в их научно-исследовательских подразделениях

[12, с. 43]. Для разработки и вывода на рынок нового ЛС² необходимо затратить в среднем 1,5 млрд. долл. (2012 г.) и 10–12 лет исследований [14] – поэтому фармацевтические компании инвестируют в НИОКР свыше 14% своей выручки (в химической промышленности – всего 1,6% [15]). В связи с этим в данной статье фармацевтическое производство будет рассматриваться в тесной связи с научно-исследовательской базой отрасли. Интерес к отрасли также обусловлен её особым значением в рамках химической промышленности – темпы роста фармацевтики составляют ок. 10% в год, тогда как в химической индустрии всего 2–3%. Наконец, отрасль выступает локомотивом роста обрабатывающей промышленности в масштабе целых стран – например, в Ирландии и некоторых новых индустриальных странах. Таким образом, фармацевтическая промышленность может выступать актуальным «полигоном» для экономико-географического исследования отраслей постиндустриального типа.

Обзор ранее выполненных работ. По теме данной статьи существует большая диспропорция в объеме исследований между

¹ В статье под Западной Европой подразумевается 15 стран-членов Европейского Союза, вступивших до расширения 2004 г. (за исключением Люксембурга ввиду недостаточности данных), а также Исландия, Норвегия и Швейцария – всего 17 стран.

² В настоящей статье понятия «лекарственное средство», «ЛС», «препарат», «медикамент», «фармацевтическая продукция» определяются как синонимы. В стоимость продаж ЛС уже включена стоимость всех полупродуктов.

отечественными и зарубежными экономико-географами. В отечественной науке преобладают исследования фармацевтических рынков, выполненные рядом организаций – например Внешэкономбанком, российским подразделением АМФП³, консалтинговыми организациями Strategy Partners, РБК, ЦСР, ЦМИ «Фармэксперт». С точки зрения экономической географии отрасль рассматривается преимущественно в рамках химической промышленности (В.М. Сокольский), либо обрабатывающей промышленности (А.П. Горкин, И.А. Родионова). Тем не менее, интерес к отрасли в среде отечественных экономико-географов растёт, о чём свидетельствуют успешные защиты диссертаций по данной тематике (А.И. Кротков). Отдельно стоит отметить интерес государства к проблеме размещения отрасли, выраженный в стратегии развития фармацевтической промышленности РФ до 2020 г., где на официальном уровне принята кластерная политика развития фармацевтической отрасли и введено понятие фармацевтического кластера. В зарубежной экономико-географической литературе фармацевтике уделяется большее внимание. Отмечается ряд исследований в области размещения фармацевтической промышленности, выполненные в Краковском педагогическом университете Польши (С. Дороцки), Каролинском университете Швеции (Й. Линдман, Й. Тимсё, Н. Озбек), Вустерском политехническом институте США (К. МакЭлис), итальянскими исследователями А. Гамбарделло, Л. Орсениго и Ф. Паммолли. Кроме этого существует множество аналитических отчётов по фармацевтическому рынку (и некоторым аспектам фармацевтической промышленности), выполненные международными консалтинговыми компаниями EY, PwC, Euromonitor, Business Monitor, IMS Health; а также ассоциациями фармацевтических производителей EFPIA, PhRMA, IFPMA, VFA и др.

Полученные результаты. Западная Европа – один из ведущих мировых регионов по объёмам производства лекарственных средств. Сильная конкуренция и разви-

тие фармацевтического бизнеса в Западной Европе сделали регион одним из крупнейших в мире производителей фармацевтической продукции. В 2006 г. объём производства в заводских ценах составил ок. 240 млрд долл. (38%); у США – 170 млрд долл. (27%); у Японии – 60 млрд долл. (10%) [17]. По состоянию на 2012 г. регион имеет непрочное лидерство в мировом производстве медикаментов; в настоящее время объём производства в Западной Европе составляет 260 млрд долл. (30%), в США 255 млрд долл. (29%), в Китае – 130 млрд долл. (15%) в Японии – 80 млрд долл. (9%). Из приведённых данных видно, что Западная Европа в последние годы теряет роль главного производителя медикаментов, что связано как с воздействием мирового экономического кризиса, так и с активным ростом производителей в развивающихся странах (особенно азиатских производителей).

Внутри региона существуют территориальные диспропорции в размещении фармацевтической промышленности. Для их первичного анализа был использован индекс локализации фармацевтики, рассчитанный по показателям валового объёма производства фармацевтической продукции и объёма производства обрабатывающей промышленности в целом. Согласно полученным результатам, отрасль выступает базовой (т.е. индекс локализации больше 2) в трёх странах региона – Ирландии ($k = 4,45$), Швейцарии (2,71), Дании (2,23). Незначительная роль продукции отрасли в продукции обрабатывающей промышленности зафиксирована в Финляндии (0,24), Норвегии (0,33), Австрии (0,48), ФРГ (0,49).

Для более детального анализа характера развития фармацевтической промышленности стран Западной Европы была выполнена классификация стран по показателю производительности труда⁵ и показателю наукоемкости отрасли. Отдельным показателем роли каждой страны в фармацевтической промышленности региона в целом выступает объём производства медикаментов, который также учитывается в данной типологии (см. рис. 1).

³ Ассоциация международных фармацевтических производителей.

⁴ Расчет осуществлен по формуле $k = (C_1/C_2) \times 100$, где C_1 – доля выпуска фармацевтической отрасли страны N в объеме выпуска обрабатывающей промышленности страны N, C_2 – доля выпуска фармацевтической отрасли в общем объеме выпуска обрабатывающей промышленности Западной Европы.

⁵ Здесь и далее по тексту производительность труда рассчитывается как объём выпуска продукции (в долл. США) в расчёте на одного занятого в отрасли.

На графике чётко прослеживаются две группы стран, для которых характерно преобладание либо инновационной, либо производственной составляющей (на рис. 1 они обозначены соответственно под номерами 2 и 3). Страны, для которых показатель наукоёмкости производства выше, чем в среднем для Западной Европы (объём затрат на НИОКР составляет в среднем 10% от объёма выпуска медикаментов в регионе), были отнесены к типу стран с «инновационной» фармацевтикой. Страны с показателем производительности труда выше среднего по Западной Европе (470 тыс. долл./чел в год) были отнесены к типу стран с «производственной» фармацевтикой.

Помимо показателей наукоёмкости и производительности труда в фармацевтической промышленности стран Западной Европы важно учитывать глобальную роль каждой из стран в отраслевом МРТ. Фактически страны нетто-экспортёры (указаны темным тоном на рис. 1) играют значительную роль в МРТ как поставщики продукции на международный рынок. Таким образом, в круг крупнейших нетто-экспортёров входят Швейцария, ФРГ и Ирландия. К ключевым нетто-импортёрам отнесены Греция, Испания, Португалия, Норвегия, Финляндия и Италия. Для стран, специализирующихся на фармацевтической промышленности в рамках МРТ характерны высокие объёмы нетто-экспорта в торговле ЛС со странами вне Западной Европы, как в абсолютном масштабе, так и относительно объёмов производства ЛС в стране. Наиболее ярко выражена международная специализация у Великобритании и Бельгии; немногим ниже уровень специализации у Дании и Австрии.

С целью уточнения специализации стран на фармацевтике в рамках МРТ из объёмов внешней торговли каждой страны были вычтены суммы внешнеторгового оборота со странами-партнёрами из Западной Европы. В итоге, отрицательное сальдо в торговле со странами вне Западной Европы отмечено только у Норвегии, в остальных странах данный показатель положителен (в т. ч. незначительное положительное сальдо в странах нетто-импортёрах).

К странам с преимущественно «инновационным» характером развития (группа №2) фармацевтической промышленности можно отнести Францию, Великобританию,

ФРГ и Бельгию (среди ведущих производителей ЛС, на которые суммарно приходится 40% выпуска медикаментов в регионе), а также Австрию, Финляндию и Норвегию (среди небольших производителей медикаментов). Важно отметить, что из указанных стран нетто-импорт медикаментов характерен только для Финляндии и Норвегии, что в целом говорит о связи инновационной и экспортной ориентации фармацевтической отрасли в регионе.

Группа №3 в фармацевтической промышленности Западной Европы – это страны с «производственным» характером развития промышленности, на которые приходится 34% объёма выпуска медикаментов в регионе. К данной группе отнесены Италия, Ирландия, Испания и Нидерланды. Ирландия также обладает самым высоким индексом локализации фармацевтической промышленности в регионе, став «производственным цехом» Западной Европы. Италия и Испания – крупнейшие нетто-импортёры в регионе, в основном за счёт отрицательного сальдо в торговле с США.

На рисунке 1 представлены страны, которые нельзя однозначно отнести к одной из категорий; для них были выделены две дополнительные группы. Страны со сравнительно низким объёмом производства (менее 1% от совокупного объёма производства в регионе) выделены в группу № 4 (ок. 2% выпуска ЛС в регионе), включающую Португалию, Грецию и Исландию: фактически это «задворки» местной фармацевтической промышленности, не играющие важных ролей ни в научных исследованиях, ни в производстве медикаментов. Кроме этого, все страны данной группы относятся к нетто-импортёрам. Страны с объёмом производства свыше 1% от суммарного показателя по региону были отнесены к странам с «комплексным» характером развития фармацевтической промышленности (группа №1; 24% выпуска ЛС в регионе). Внутри этой группы лидирует Швейцария – ядро фармацевтической индустрии Западной Европы, ключевой производитель и нетто-экспортёр медикаментов в регионе. Другие две страны, отнесённые к типу стран с «комплексным» характером развития фармацевтической индустрии – это Дания и Швеция; на территории которых гармонично развиты промышленные мощности и инфраструктура научных исследований; указанные страны

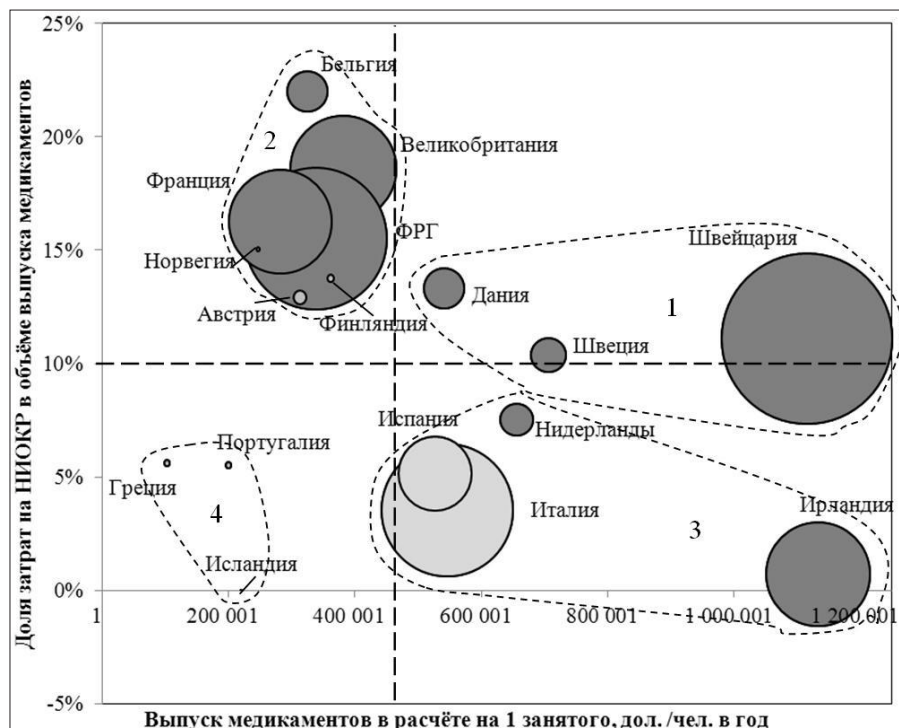

Рис. 1. Типология фармацевтической промышленности стран Западной Европы (2012); диаметр круга пропорционален годовому объёму выпуска ЛС в стране)
Составлено по [8, 16].

также специализируются на фармацевтической промышленности в рамках международного разделения труда. Особо отмечена специализация Дании на торговле со странами вне Западной Европы (на них приходится почти 80% экспорта ЛС из Дании).

Несмотря на весомую роль Западной Европы в мировой фармацевтической промышленности, внутри региона выделяются страны – «локомотивы» индустрии; есть и страны с незначительными объёмами производства ЛС на фоне других стран мира. По итогам исследования пространственной структуры фармацевтической промышленности Западной Европы сделан вывод, что странами-локомотивами отрасли в мировом масштабе выступают Швейцария, ФРГ, Ирландия, Великобритания и Франция, которые занимают видное место как в глобальном производстве и экспорте медикаментов, так и в разработке новых лекарственных средств. Отдельно отмечена роль Дании как страны с самой сильной специализацией на экспорте ЛС за пределы Западной Европы. Большинство стран изучаемого региона сохраняют стабильную специализацию в течение последних 30 лет, кроме Швеции,

Австрии (перешли в категорию нетто-экспортёров в указанном периоде) и Италии (перешла в категорию нетто-импортёров в указанном периоде).

Существующие данные по размещению активов фармацевтических корпораций позволили изучить пространственную структуру западноевропейской фармацевтики на внутристрановом уровне. На базе этой информации было проведено районирование отрасли в изучаемом регионе с целью выделения главных районов и центров фармацевтической индустрии, обеспечивающих ключевую роль Западной Европы в МРТ в фармацевтической промышленности.

При районировании фармацевтической отрасли на территории Западной Европы были определены 13 районов концентрации предприятий, научно-исследовательских подразделений и головных офисов фармацевтической индустрии. В пределах районов выделены четыре главных центра фармацевтического производства, в которых наблюдается наибольшая концентрация предприятий по выпуску медикаментов, принадлежащих двадцати ведущим мировым фармацевтическим ТНК.

При выделении уникальных районов учитывалась взаимосвязанность элементов (предприятий, лабораторий, штаб-квартир) по признаку их функций, корпоративной принадлежности, исторической общности возникновения и, самое главное – территориальной общности (соседства). Таким образом, районирование проводилось на базе данных из корпоративных источников (размещение предприятий и лабораторий, потоки капитала и продукции между подразделениями, объемы выпуска продукции и объемы затрат на научные исследования), а также исторического обзора фармацевтической индустрии Западной Европы. Отметим, что для целей районирования были учтены только активы двадцати крупнейших глобальных ТНК, на которые в совокупности приходится ок. 3/4 мировых продаж ЛС. На территории региона указанные компании контролируют 303 учреждения, из которых 70 – корпоративные лаборатории и центры НИОКР (22%). Районированием охвачено 293 объекта, т.е. 97% всех объектов рассматриваемых ТНК в Западной Европе.

Для каждого из 13 районов рассчитаны показатели объема производства медикаментов (по формуле $V_p = V_c * (\sum_r / \sum_c)$, где V_p – объем выпуска медикаментов в районе в долл. за 2012 г.; V_c – объем выпуска медикаментов в стране, на территории которой расположен район; $\sum_r$ – количество производственных предприятий на территории района; $\sum_c$ – количество производственных предприятий на территории страны⁶. Если район охватывает территорию двух стран и более, то рассчитывался суммарный показатель по каждой из стран.

Если доля района в совокупном выпуске медикаментов выше, чем доля района в количестве всех точек на территории Западной Европы, то такой район отнесен к категории «производственных». К данной категории относится меньшая часть районов – Альпийский, Шотландско-Ирландский, Миланский и Барселонский.

Выделенные районы представлены на рисунке 2; районы с преимущественно производственной ориентацией (в порядке убывания мощностей): Шотландско-Ирланд-

ский (в рамках данного района на Шотландию приходится порядка 10% мощностей), Парижский, Миланский, Скандинавский, Средняя Италия, Средняя Англия, Центрально-Восточная Германия.

Высокая наукоёмкость⁷ фармацевтической промышленности, а также наличие спроса на ЛС в городах (которые относятся к зонам высокой концентрации спроса) приводят к тому, что фармацевтическое производство в регионе сосредоточено в агломерациях. Согласно А.П. Горкину, «агломерация в географии промышленности – это особая форма условий размещения промышленного производства, представляющая собой их фокусирование на относительно ограниченном участке территории, что способствует образованию т.н. агломерационной экономики (снижению издержек производства в результате его концентрации)» [7, с. 17]. В Западной Европе поддерживаются комфортные условия для возникновения фармацевтических кластеров, которые являются преобладающей формой организации инновационных отраслей промышленности. Обеспечение научными кадрами в фармацевтической промышленности Западной Европы происходит благодаря присутствию в регионе большого количества ведущих мировых университетов и лабораторий, специализирующихся на исследованиях в области биологии, медицины и фармацевтики.

Внутри районов наиболее высокая степень концентрации фармацевтических производств отмечена в Базеле, Милане, Лондоне и Дублине; совокупный объем производства в них составляет свыше 1/3 от суммарного выпуска ЛС в Западной Европе. Кроме этого, в Базеле и Лондоне находятся по две штаб-квартиры крупнейших мировых фармацевтических ТНК. Указанные агломерации выступают полюсами развития фармацевтической индустрии региона, при этом Базель является одной из крупнейших агломераций фармацевтической промышленности в глобальном масштабе – в одном ряду с Нью-Йорком, Токио и Шанхаем (в каждой из этих агломераций объем выпуска медикаментов приближается к отметке 40 млрд долл./год)⁸. Крупнейший центр инноваций

⁶ В настоящей статье делается допущение, что для всех предприятий объем выпуска продукции в денежном эквиваленте сопоставим.

⁷ Согласно А.П. Горкину, наукоёмкость производства представляет собой «отношение затрат на НИОКР к стоимости выпускаемой продукции» [1, с. 283].

⁸ Авторская оценка, на базе [17].

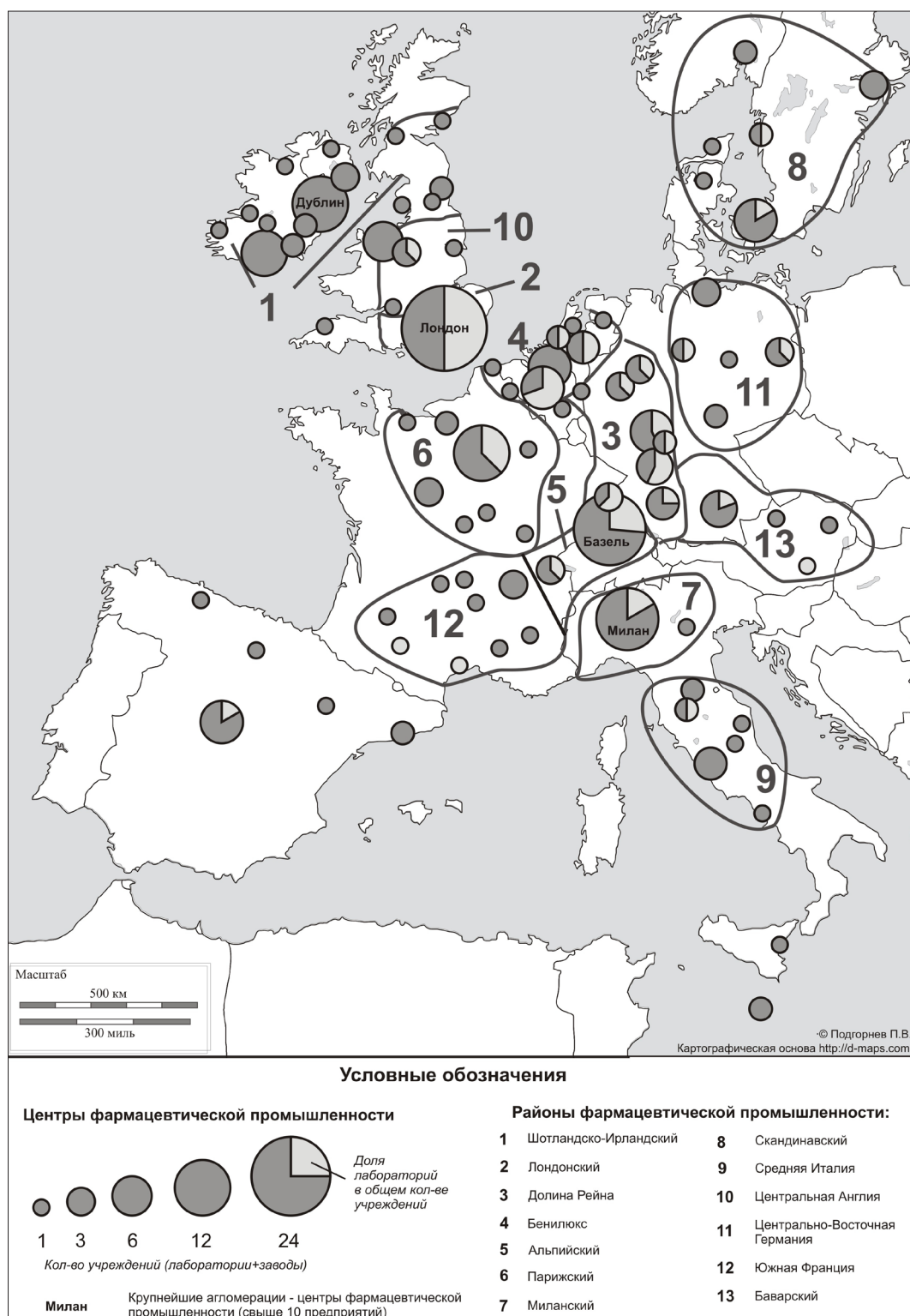

Рис. 2. Районы и центры фармацевтической промышленности Западной Европы
Составлено по данным корпоративных веб-сайтов.

в фармацевтической отрасли на территории региона – Лондон (14 лабораторий вместе с Кембриджем), Базель и Брюссель (по 5 лабораторий), а также Париж (4 лаборатории).

Таким образом, в фармацевтической промышленности Западной Европы существуют пространственные неоднородности, анализ которых позволил выделить по совокупности признаков районы, каждый из которых обладает уникальным набором свойств (их описание остаётся за пределами данной статьи).

Выводы. Западная Европа играет одну из важнейших ролей в мировой фармацевтической промышленности. Исторически Европа – место зарождения современной традиционной медицины и инновационной фармацевтики: в Европе для развития отрасли существовали и существуют три ключевых условия размещения отрасли: объём и динамика рынка, наличие высококвалифицированной рабочей силы и наличие научных кадров. Сочетание этих условий было конкурентным преимуществом Западной Европы в течение всего периода развития современной фармацевтической промышленности. Тем не менее, в начале XXI в. регион постепенно теряет свою долю в глобальном фармацевтическом производстве.

На основе показателей наукоёмкости и производительности труда, а также с учётом роли в МРТ были определены роли, которые каждая из стран играет в западноевропейской фармацевтике, при этом некоторые страны схожи по наборам характеристик. Швейцария, Дания и Швеция обладают комплексным характером развития индустрии (1/4 производства ЛС в регионе); ФРГ, Франция, Великобритания и Бельгия отнесены

к странам-«инноваторам» (40% производства ЛС); Ирландия, Испания, Италия и Нидерланды – «производственные цеха» Западной Европы (1/3 производства ЛС); отстают в развитии фармацевтики Португалия, Греция и Исландия.

Для изучения более детальных причин различий в размещении фармацевтической отрасли Западной Европы проведено районирование, по результатам которого можно сделать заключение, что фармацевтическая промышленность региона состоит из ряда территориальных общностей – районов, обладающих уникальными параметрами (корпоративная структура, история развития, значение для местного и внешнего фармацевтического рынка). Из пространственной структуры отрасли видно, что предприятия и лаборатории тяготеют либо к крупнейшим агломерациям, либо к историческим центрам фармацевтики (где отрасль возникла на базе химической промышленности). Определено четыре ядра сосредоточения фармацевтической промышленности региона: агломерации Базель, Лондон, Милан и Дублин; при этом Базель – один из ключевых мировых центров фармацевтического производства (наряду с Нью-Йорком, Токио и Шанхаем) и может быть назван «столицей» западноевропейской фармацевтической индустрии. Территориальная структура фармацевтической индустрии Западной Европы свойственна развитой отрасли со значительным количеством не только производственно-сбытовых, но и научных связей (потoki информации между лабораториями, трансфер технологий и миграции высококвалифицированных кадров), что подчеркивает постиндустриальный характер отрасли.

Библиографический список

1. Горкин А. П. География постиндустриальной промышленности (методология и результаты исследований, 1973–2012 годы). – Смоленск: Ойкумена, 2012.
2. Кондратьев В. Б. Глобальная фармацевтическая промышленность // Фонд исторической перспективы «Перспективы», 2011. [Электронный ресурс] URL: <http://www.perspektivy.info/print.php?ID=96421> (дата обращения 02.02.2015).
3. Кротков А.И. Особенности пространственной структуры мировой фармацевтической отрасли на современном этапе // География в школе. – 2013. – № 4. – С.19–25.
4. Родионова И. А. Мировая экономика: индустриальный сектор: Учеб. пособие. – М.: РУДН, 2010. – 606 с.
5. Современное состояние фармацевтической отрасли РФ и международный опыт // Материалы для сводной рабочей группы Комиссии при Президенте РФ по модернизации и технологическому развитию / Strategy Partners Group. [Электронный ресурс] URL: <http://www.strategy.ru/UserFiles/File/Medicina/SPC.pdf> (дата обращения 02.02.2015).
6. Сокольский В.М. Глобализация мировой химической промышленности: макрогеографические процессы и индикаторы // Общественная география: многообразие и единство / Вопросы экономической и политической географии зарубежных стран. Вып. 19. Под ред. И.С. Ивановой, И.М. Кузиной, А.С. Фетисова. – М.– Смоленск, 2011. – С. 95–115.

7. Социально-экономическая география: понятия и термины. Словарь-справочник. Отв. ред. А.П. Горкин. – Смоленск: Ойкумена, 2013.
 8. Фармацевтическая промышленность и глобальное здравоохранение: факты и цифры. Ассоциация международных фармацевтических производителей. – М., 2013. [Электронный ресурс] URL: http://www.ifpma.org/fileadmin/content/Publication/2013/Facts_and_figures_2013_Russia_web.pdf. (дата обращения 02.02.2015).
 9. Юданов А.Ю., Вольская Е.А., Ишмухаметов А.А., Денисова М.Н. Фармацевтический маркетинг. – М.: Ремедиум, 2007. – 589 с.
 10. Dorocki S., Contemporary Trends in the Development of the Pharmaceutical Industry in the World. – Studies of the Industrial Geography Commission of the Polish Geographical Society, Vol. 25, Warszawa–Kraków 2014.
 11. Gambardella A., Orsenigo L., Pammolli F. Global Competitiveness in Pharmaceuticals: A European Perspective // IMT Institute For Advanced Studies, Lucca, November 2000.
 12. Lindman J., Timsjo J., Ozbek N. Looking over the shoulders of giants. // VINNOVA, -Stockholm, 2008.
 13. McAlice K. The Globalization of the Pharmaceutical Industry. // Worcester Polytechnic Institute, 2009.
 14. The Global Use of Medicines: Outlook Through 2015. // IMS Institute for Healthcare Informatics, – May 2011.
 15. The European Chemical Industry Facts and Figures, 2013 Edition [Электронный ресурс] URL: <http://asp.zone-secure.net/v2/index.jsp?id=598/765/42548>. (дата обращения 02.02.2015)
 16. The Pharmaceutical Industry in Figures, Editions 2005–2014 // European Federation of Pharmaceutical Industries and Associations. – Brussels. [Электронный ресурс] URL: <http://www.efpia.eu/facts-figures>. (дата обращения 02.02.2015)
 17. United Nations Industrial Statistics Database 2009. [Электронный ресурс] URL: <http://www.unido.org/en/resources/statistics/statistical-databases.html> (дата обращения 02.02.2015)
-

РЕГИОНАЛЬНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ НАРОДОНАСЕЛЕНИЯ

Абылкаликов С.И. (Москва)

МИГРАЦИОННАЯ АКТИВНОСТЬ И ПРИЖИВАЕМОСТЬ НАСЕЛЕНИЯ РЕГИОНОВ РОССИИ¹

Abylkalikov S.I.

MIGRATION ACTIVITY AND ADAPTATION OF POPULATION IN REGIONS OF RUSSIA

Аннотация. Многочисленные отечественные и зарубежные исследования установили, что люди, имеющий миграционный опыт, легче меняют место жительства еще раз по сравнению с теми, кто ни разу этого не делал. Мигранты делятся на 2 основные группы – недавно вселившихся новоселов и старожилов, проживших в месте вселения длительное время, а также переходную группу от новоселов к старожилам. К регионам, где новоселы приживаются лучше всего, относятся Москва, Санкт-Петербург и их области. В большинстве субъектов Дальнего Востока и Сибири (за исключением ХМАО и ЯНАО) длительное время многочисленность приехавших компенсировалась многочисленностью уехавших.

Abstract. Many Russian and foreign studies have established that people with a migration experience easier change their place of residence again, compared with those who never did not. The migrants divided into two main groups – new settlers and old residents, who have lived in the site of invasion for a long time and an intermediate group from newcomers to old-timers. The regions where the settlers adapt best are Moscow, St. Petersburg. In most regions of the Far East and Siberia (except Khanty-Mansi and Yamalo-Nenets Autonomous Okrugs) large number of migrants compensated by the large number of who left.

Ключевые слова: миграционная активность, приживаемость мигрантов, длительность проживания, перепись населения.

Keywords: migration activity, adaptation of migrants, duration of residence, census.

Введение и постановка проблемы. Согласно данным переписи-2010, население России составило 142,8 млн человек, из них более половины (56,2%) имели тот или иной миграционный опыт. Большая часть мигрантов (или почти четверть всего населения) проживают в регионе рождения, то есть являются внутрирегиональными или возвратными мигрантами, имеют опыт переселения. Методологические ограничения переписи-2010 не позволяют разделить две совершенно разные категории – внутрирегиональных и возвратных мигрантов между собой. Одна пятая часть населения (28 млн россиян) – внутренние мигранты, но уже проживающие не в регионе своего рождения. 10,7 млн человек (7,6%) родились в бывших союзных республиках, при этом не менее трети из них переселились в пределах государственных границ СССР. Уроженцы дальнего зарубежья составляют 0,3% населения

страны (408 тыс. человек). Миграционный статус 3,9 млн россиян (2,7%) по данным переписи 2010 г. остался неизвестным, вероятно в силу того, что данные респонденты отказались отвечать на «миграционные» вопросы, либо их переписные листы были заполнены по административным данным [18]. Немигранты составляют почти 44% россиян. Это не аномально по отношению к другим странам мира. Так, немигрантами являются 70,3% населения Индии [22] и 39% жителей Италии (без учета возвратных мигрантов) [21]. Большая же часть населения России хотя бы раз в своей жизни участвовала в переселении, при этом внутренних мигрантов несравнимо больше, чем международных.

Помимо численных характеристик и направления совершенных переселений, важной характеристикой результативности миграции является длительность проживания

¹ Исследование выполнено в рамках программы фундаментальных исследований НИУ ВШЭ.

ния на новом месте. От длительности проживания во многом зависит процесс закрепления мигрантов в составе постоянных жителей территории вселения, называемый приживаемостью. Новоселы обладают намного большей миграционной подвижностью, чем местные уроженцы рассматриваемой территории и те, кто переселился длительное время назад. Чем больше времени прошло с момента смены места жительства, тем ниже вероятность нового переезда [6, 16].

Определить то, какая именно часть переехавших в итоге становится старожилами, является затруднительным в силу методологических ограничений источников информации. Но можно выявить миграционную активность населения косвенно, имея информацию о численности мигрантов и продолжительности их проживания в месте вселения. Так, миграционную активность можно оценить по доле новоселов во всем населении региона, а приживаемость – вычислив соотношение старожилов среди всех мигрантов в регионе. Таким образом, мы сделаем попытку определить, в каких регионах выше, а где ниже миграционная активность населения и приживаемость новоселов, а также как эти характеристики изменялись с течением времени. Для этого определим реперные точки, отделяющие новоселов от старожилов, проследим изменения выбранных показателей, произошедшие за доступный промежуток времени, а также составим типологию регионов.

Обзор ранее выполненных исследований. В России, как и в СССР, основными источниками данных о миграции являются текущий учет и переписи населения. Данные переписи и текущего учета часто не совпадают между собой, что вскрывает неполноту учета миграции. Так, разница между миграционным приростом населения России в результате международной миграции в 1989–2002 гг. по данным переписи 2002 г. превысило 1,8 млн. человек, а в 2003–2010 гг. по данным переписи 2010 г. – 968 тыс. чел. по сравнению с текущим учетом [15].

По мнению В.И. Переведенцева, текущая статистика никогда не заменяла данных переписей, особенно в плане миграции, текущий учет которой далеко не идеален. Так, в 1960-е гг. по текущей статистике получалось, что население Красноярского края растет за счет мигрантов из Дальнего Востока. Но на самом деле в этот край переселялось много людей, прибывших на Дальний Восток

недавно и выехавших оттуда [17]. Таким образом, переписи предоставляют информацию о конечных результатах переселений, тогда как текущий учет собирает информацию о миграционных событиях, а не непосредственно о самих людях. Один и тот же человек может в течение жизни совершить несколько миграций. При этом данные текущего учета являются более используемыми в миграционных исследованиях т.к. они отличаются большей оперативностью. Текущий учет фиксирует миграции по мере их возникновения, а переписи проводятся с длинным интервалом (обычно раз в 10 лет) и больше подходят для анализа за длительное время.

Несмотря на то, что по переписям населения уточняются и корректируются данные текущего учета, абсолютизировать достоверность переписей населения было бы ошибочным. Так, у исследователей имеются сомнения в достоверности итогов последних переписей по таким регионам, как Москва, Республика Дагестан и некоторым другим в силу больших расхождений результатов с ожидаемыми оценками [2].

В отечественной переписи 1970 г. был задан вопрос о месте жительства в установленный момент в прошлом. Изучались миграции, произошедшие в течение 2-х лет до даты проведения переписи. Эти данные сопоставимы с информацией о мигрантах, проживающих в месте жительства (населенном пункте) менее 2-х лет, полученных в ходе всех последующих переписей – 1979, 1989, 2002 и 2010 гг., а также более ранней переписи 1926 г., по которой доступна информация на уровне экономических районов и приравненных к ним территориальных образований. В переписях 2002 и 2010 гг. вопрос, характеризующий длительность проживания, звучал следующим образом: «С какого года вы непрерывно проживаете в этом населенном пункте?». Ответы записывались в двух возможных вариантах: с рождения, либо записывался год начала непрерывного проживания.

Исследования, проведенные в СССР в 1960–1970 гг., выявили, что интенсивность миграции у лиц, проживших в месте вселения до 5 лет выше, чем у тех, кто прожил более 5 лет, в 6–7 раз. А из новоселов, проживших менее 2-х лет, уезжало до 30–60% [6].

Западные авторы подтверждают эти цифры. Р. Morrison на основе данных нидерландского регистра населения выявил, что вероятность повторной миграции у проживших менее 2-х лет в месте вселения составляет 30%. Причем

эта вероятность зависит от возраста. Среди молодежи в возрасте 18–24 года повторно меняют место жительства почти 60% [26].

К. Land продолжил работу по исследованию миграционной активности новоселов и выяснил, что вероятность нового переезда у вселившихся менее 2-х лет назад составляет 20,5% для мексиканского города Монтеррей и 34,6% для Амстердама (Нидерланды). Он также выявил большую миграционную активность у молодежи. Так, для возраста 21–24 лет вероятность повторного перемещения из Монтеррея возрастает до 32% [25]. Эти же исследования установили, что у проживших менее 2 лет вероятность переезда в 3–6 раз выше, чем у тех, кто прожил 10 лет и больше [25, 26].

Современных исследований приживаемости мигрантов мало, но имеющиеся лишь подтверждают выводы, сделанные в 1960–1970-х гг. Так, С. Dustmann и Y. Weiss на примере Великобритании выяснили, что возвратная международная миграция достигает максимума в течении первых лет, после въезда (до 40% мужчин и 55% женщин), а после 10 лет сходит к минимуму [24], аналогичные данные получены и по другим европейским странам – Бельгии, Франции, Швейцарии, Германии и Нидерландам [23].

При этом в разных условиях продолжительность периода, по истечении которого новоселы по своей подвижности сравниваются с коренным населением и переехавшими ранее старожилами, могут отличаться. К примеру, людям старше 40 лет становится сложно трудоустроиться на новом месте из-за проявлений на рынке труда дискриминации по возрасту [12], выходцы из села закрепляются в городе лучше, чем бывшие горожане в сельской местности [6], а внутрироссийским мигрантам, в большинстве случаев, проще обустроиться на новом месте, чем приедем из других стран.

Тем не менее, в силу ограниченности имеющихся статистических данных – невозможности по данным большинства используемых переписей отделить одни виды миграций от других, установим единые реперные точки для определения приживаемости мигрантов в регионе, заключающихся в доле новоселов, остающихся в месте вселения спустя время. В данной работе будем считать, что новоселами являются мигранты, прожившие в месте вселения менее 2-х лет, а старожилами тех, кто прожил к моменту проведения переписи 10 лет и более. Выбранные реперные отметки являются условными, тем не менее, отече-

ственные и зарубежные исследования подтверждают, что они могут отразить различия в миграционной активности переселенцев в зависимости от длительности проживания.

Новоселы в населении регионов. Доля новоселов, проживающих в месте вселения менее 2-х лет в населении России представлена на рис. 1, использованы данные переписей 1926, 1979, 1989, 2002 и 2010 гг. В 1926–1989 гг. происходил рост доли новоселов в населении, однако в длительный период между переписями 1926 и 1970 гг., когда в программах переписей отсутствовали вопросы о миграции, могли происходить сильные флуктуации [1]. Миграционная активность населения возрастала в связи с продолжающимися процессами урбанизации, а также освоения малозаселенных территорий азиатской части страны и регионов Европейского Севера с неблагоприятными природными условиями. Увеличивалась активность и в 1970-е гг., затем стабилизировалась на уровне чуть менее 9% к 1989 г. Постсоветские переписи зафиксировали резкое снижение миграционной активности в 3 раза, по сравнению с переписью 1989 г., затем к 2010 г. доля новоселов в населении несколько увеличилась (с 2,9% до 3,3%).

В советское время большую роль играли организованные переселения – всесоюзные стройки, оргнабор, распределение после окончания учебных заведений, комсомольские призывы, освоение целины, призыв на воинскую службу, а также принудительные миграции и депортации в первой половине XX века. Форсированное освоение малозаселенных территорий с суровыми природными условиями и недостаточно развитой инфраструктурой вызывало приток населения на короткое время, сменявшееся дальнейшим оттоком обратно.

После распада СССР произошло резкое снижение миграционной активности. Вследствие тяжелейшего социально-экономического кризиса в 1990-х гг. и связанной с ним неопределенности, почти полностью прекратились организованные переселения, а также распространились временные виды миграции. В постсоветское время реально действующими формами организованной миграции остаются лишь программы по переселению из некоторых регионов Крайнего Севера в среднюю полосу России. Важным ограничителем миграции в современное время является неразвитость рынка жилья, тогда как при организованных переселениях жилищная проблема решалась централизованно.

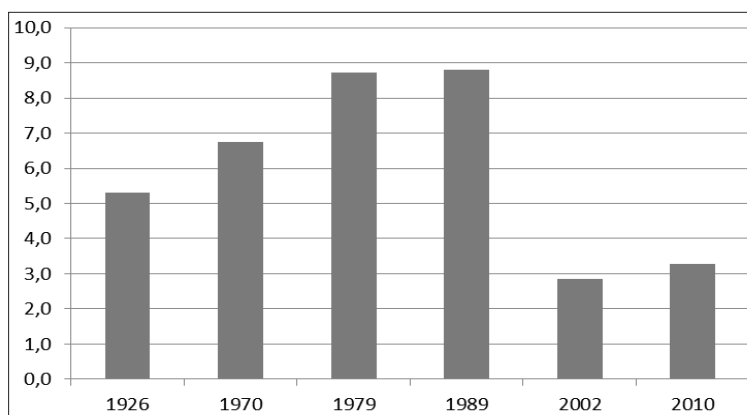

Рис. 1. Доля новоселов, проживающих в месте вселения менее 2-х лет в населении России, в %

Составлено автором по данным переписей населения за соответствующие годы.

Изменение доли новоселов и старожилов также в значительной степени связано с процессом урбанизации. Так, по данным 1926 года, наибольшая доля новоселов, помимо активно колонизируемого Дальнего Востока и Сибири, была в наиболее урбанизирующихся к тому времени территориях – в Ленинградско-Карельском, Северо-Кавказском, Центрально-Промышленном и Уральском экономических районах. Согласно данным переписи 1970 г. по направлению село–город переселились 31% новоселов (38% пришлось на направление город–город, из села в село переселились 17%, а из города в село – 14%). К концу к концу 1970-х гг. урбанизация замедлилась, большая часть уроженцев сел, желающих переселиться в город, к этому моменту уже реализовали свое стремление. Но при этом были и те регионы, в которых процесс урбанизации только зарождался (Дагестан, Бурятия, Тыва и т.д.). И сегодня миграционная активность селян хоть и незначительна, но выше, чем у горожан. Так, по данным переписи 2010 г. доля мигрантов, проживающих более 10 лет в городском населении составляет 55,5%, а в сельском 47,6%. Доля мигрантов, проживающих в городе более 30 лет 36,2%, а в селе – 25,7%, у проживающих 40 лет и более разрыв сохраняется – 19,8% для городского населения и 12,3% для сельского. При этом проживали ли мигранты до переезда в городской или сельской местности по данным переписи-2010 установить невозможно.

Соотношение старожилов и новоселов среди мигрантов. Попытаемся проследить динамику распределения новоселов и старожилов среди самих мигрантов. Группировку по длительности проживания для сопоставимости будем использовать исходя из разработанных таблиц переписей 1979 и 1989 гг. (менее 2 лет, 2–5, 6–9, 10–14, 15–19, 20 лет и более).

По переписи 1926 г. доля новоселов в общей численности населения ниже, чем в последующих переписях, но при этом среди самих мигрантов их доля выше, то есть большая часть мигрантов переселилась незадолго до проведения переписи (до 10 лет). Это связано с процессами колонизации Сибири и Дальнего Востока, наиболее активно происходивших в начале XX века, все усиливающейся урбанизацией, а также перемещениями воинских контингентов и гражданского населения, связанными с революцией и гражданской войной. В последующих переписях наибольшие изменения касаются в первую очередь тех, кто живет менее 5 лет – их доля стремительно падает, от 1/3 до 1/7, а также увеличивается доля проживающих длительное время (причем в 2002 и 2010 гг. половину мигрантов составили те, кто переехал более 20 лет назад), что является важным индикатором снижения миграционной активности населения. В группах 6–9; 10–14 и 15–19 лет изменений почти нет, что в определенной степени подтверждает справедливость выбранных реперных точек для определения группы новоселов (рис. 2).

Используя базу данных Всероссийских переписей населения 2002 и 2010 гг., можно рассмотреть длительность проживания мигрантов в зависимости от направления миграций (рис. 3). Так внутрирегиональные и возвратные мигранты в 2010 г.

Используя базу данных Всероссийских переписей населения 2002 и 2010 гг., можно рассмотреть длительность проживания мигрантов в зависимости от направления миграций (рис. 3). Так внутрирегиональные и возвратные мигранты в 2010 г.

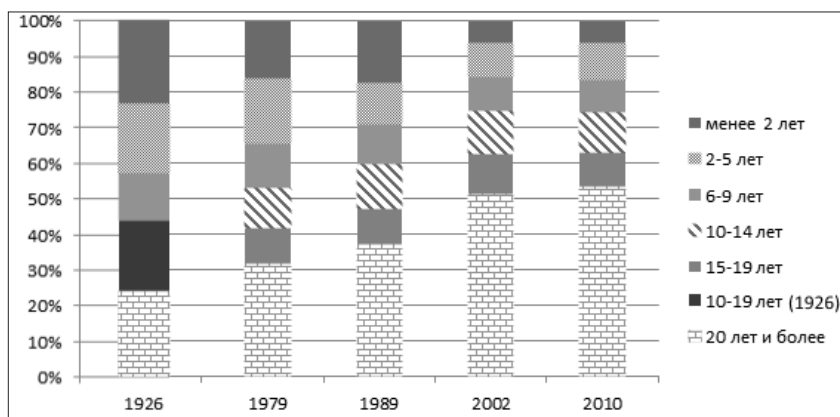

Рис. 2. Распределение мигрантов по длительности проживания по данным переписей, в %

Составлено автором по данным переписей населения за соответствующие годы.

имеют схожую структуру по длительности проживания с межрегиональными мигрантами. У уроженцев республик бывшего СССР (включая страны Балтии, Грузию, Абхазию и Южную Осетию) доля живущих 10 лет и более близка к внутрироссийским мигрантам (более 70%), но большая доля живущих 10–14 и 15–19 лет, что соответствует массовому переезду в 1990-е гг.

У немногочисленной в масштабе населения страны группы уроженцев стран дальнего зарубежья – крайне высокая доля лиц, живущих до 5 лет. Около половины уроженцев стран дальнего зарубежья переселились с момента распада Советского Союза и связанных с этим изменений: возвращением потом-

ков эмигрантов и высланных из страны лиц, выводом военнослужащих и членов их семей из стран Социалистического блока, в первую очередь, из бывшего ГДР и других территорий, а также усилением международной миграции с дальним зарубежьем вследствие разрушения «железного занавеса» и открытия границ для перемещения для обычных граждан.

Фактически больше половины мигрантов в России по данным на 2010 г. совершили перемещения до 1991 г. (из них треть – до 1981 г., шестая часть – до 1971 г.). При этом в отдельных регионах мигрантов, переселившихся до распада СССР, более 60% (Мурманская область, Республика Мордовия). Наименьшая доля переселившихся в советское

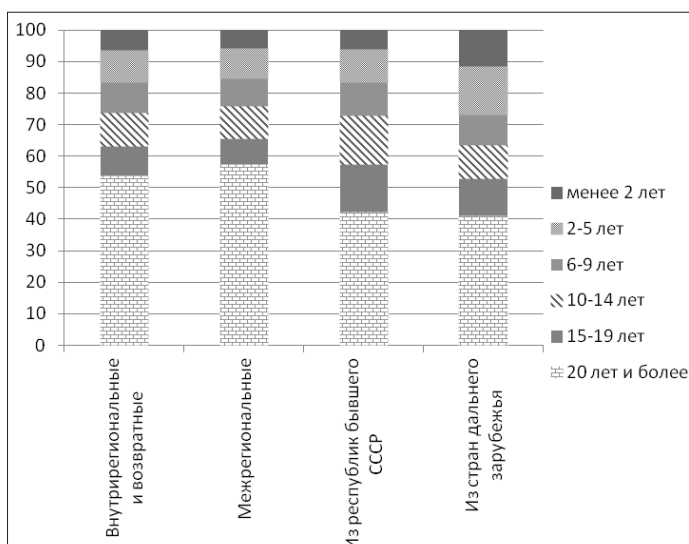

Рис. 3. Распределение мигрантов по длительности проживания в 2010 г., в %

Составлено автором по данным базы микроданных Всероссийских переписей населения 2002 и 2010 гг.

время мигрантов в Тыве (меньше трети), а в Республике Алтай почти 40%.

Таким образом, за последние десятилетия произошло общее снижение миграционной активности, выражающееся и в уменьшении доли новоселов (переселившихся менее 2 лет назад) в населении регионов и в увеличении доли старожилов (проживающих в месте вселения более 10 лет) среди мигрантов. При этом сокращение численности населения регионов Дальнего Востока и Восточной Сибири произошло не только из-за отъезда местных уроженцев и мигрантов, проживающих длительное время, но и из-за стремительного многократного сокращения «пула» новоселов, в отдельные годы составлявшего 12–15% от населения данных регионов.

Типология регионов по миграционной активности. В XX столетии в регионах России происходили значительные изменения миграционной активности, закрепления новоселов на территориях прибытия и дальнейшей приживаемости. Большое разнообразие «траекторий» изменений не ограничивается противопоставлением Запад-Восток, а имеет более сложную форму. Проведем типологизацию регионов по их миграционной активности на основе данных переписей населения 1970–2010 гг.

Используя информацию о доле новоселов в населении и доле старожилов среди мигрантов за доступные переписи, были выделены основных 8 типов регионов. На рис. 4 представлена картосхема с территориальным расположением выделенных типов, а на рис. 5 – миграционные характеристики представителя регионов каждого типа.

В первую группу регионов вошли преимущественно европейские регионы с невысокой долей новоселов в населении, для которых была характерна низкая миграционная активность в 1970–1980-е гг., еще больше снизившаяся в 1990–2000-х гг. Именно эти регионы, вместе со второй группой и были длительное время основным источником пополнения населения Восточных регионов страны переселенцами. Для этой группы регионов также характерна высокая доля мигрантов, проживающих более 10 лет, которая увеличилась, в среднем, с 50% в 1979 г. до 75% по данным переписи 2010 г. В качестве наиболее типичного региона была выбрана Рязанская область (рис. 5).

Вторая группа, включающая регионы европейской части России, а также несколько субъектов Южной Сибири, схожа с первой группой. Но они отличаются большей долей

новоселов в 1970-е гг., и более сильным обвалом показателя в постсоветское время. По доле старожилов среди мигрантов группа практически идентична предыдущей, что подтверждают и показатели Кировской области.

В третью группу включены столичные регионы. Для них характерна довольно невысокая доля новоселов за все время, несмотря на то, что эти города являются магнитами для мигрантов. Это означает, что мигранты, переселяющиеся в столицы, больше остальных ориентированы на закреплении на постоянное жительство и, переселившись в столицы, уже не переезжают на другое место. При этом даже в 1970-е гг. старожилов среди мигрантов было около 70%, хотя в Московской и Ленинградской областях показатель был несколько ниже, чем в столицах. Возможно, это вызвано тем, что столичные области зачастую выступают как промежуточный этап для переезда в столицы [13].

Четвертая группа наиболее территориально дифференцирована – в ее состав вошли Мурманская область, Калмыкия, Коми, а также ряд регионов Восточной Сибири и Дальнего Востока. Для этих регионов в 1970–1980-е гг. была характерна высокая доля новоселов (в среднем, 12–13% от населения, в Амурской области в 1989 г. и вовсе 16,2%), однако затем произошло стремительное снижение (до 3–4%). Также в постсоветское время увеличилась доля старожилов (с 40% до 70% от всех мигрантов). На рис. 5 данная группа представлена Красноярским краем.

В пятую группу вошли национальные республики Восточной Сибири и Якутия. Регионы выделяются довольно высоким уровнем новоселом в населении в советский период, а в постсоветский и вовсе стали лидерами в стране, смотря на снижение с 12–15% до 7–8% к 2010 г. Старожилов тоже всегда было мало, и несмотря на увеличение их доли с 30–35% до 60%, регионы данной группы по-прежнему остаются наименее привлекательными для длительного проживания мигрантов.

Шестой тип составляет компактная группа дальневосточных регионов с довольно суровыми природными условиями. Для них характерна крайне высокая доля новоселов в населении (до 23,5% в Магаданской области в 1970 г.), снизившееся после распада СССР до 4–5% не только из-за массового оттока местного населения, но и закрытия многих производств и сильного сокращения числа пенитенциарных учреждений. Старожилов в группе также было намного меньше, чем в других

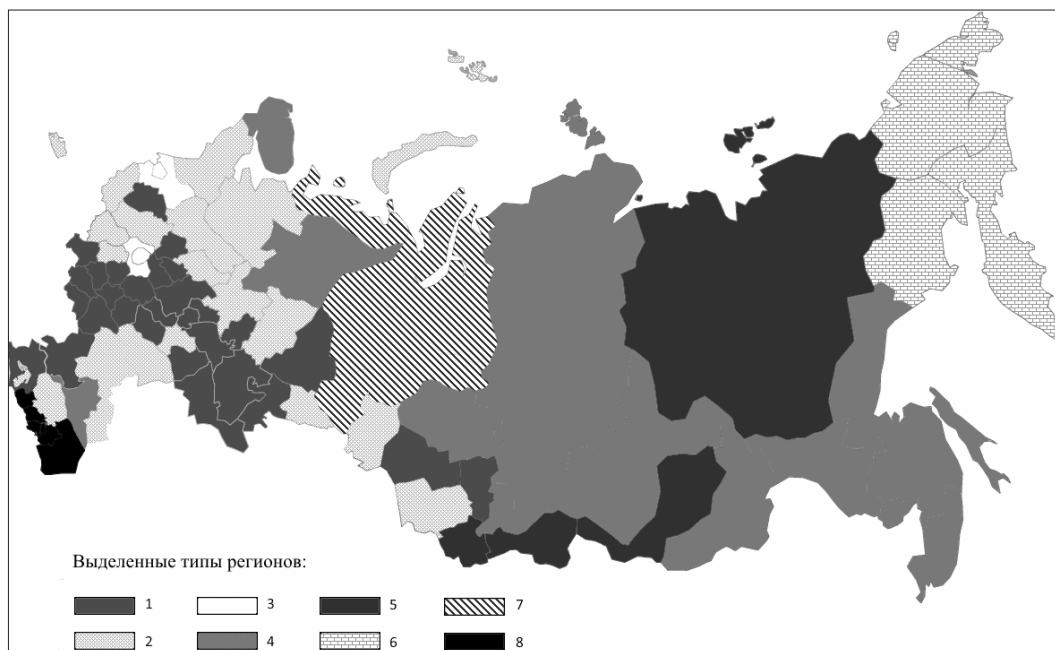

Рис. 4. Типология регионов России по миграционной активности населения, 1970–2010 гг.
Составлено автором по данным переписей населения за соответствующие годы.

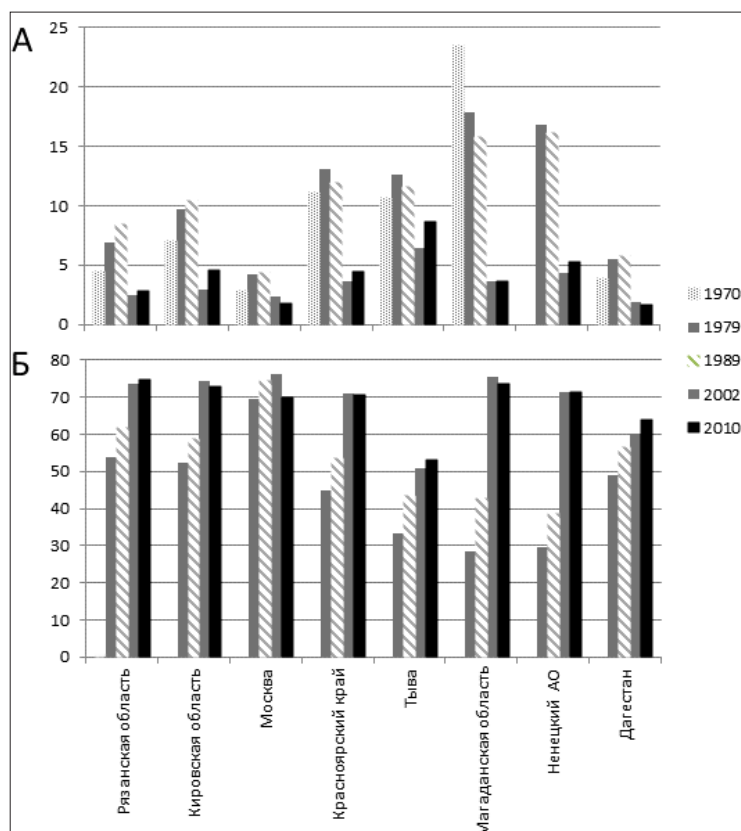

Рис. 5. Миграционные характеристики регионов каждого типа
А. Доля новоселов, проживающих в месте вселения менее 2-х лет в населении, по отдельным регионам, в %.
Б. Доля мигрантов, проживающих 10 лет и больше среди всех мигрантов, по отдельным регионам, в %.
Составлено автором по данным переписей населения за соответствующие годы.

регионах, но в 1990-е их доля увеличилась в среднем с 30% до 70% (на Чукотке произошел рост с 22% до 57%), так как большая часть новоселов выехала, остались лишь те, кто по разным причинам не может выехать, либо полностью ориентирован на длительное проживание, став старожилами.

Ресурсодобывающие регионы включены в седьмую группу. Для них в 1970–1980-е гг. характерна высокая доля новоселов, а затем произошло резкое снижение (в 4 раза). Со старожилами ситуация обратная – в советское время их доля среди мигрантов была невысока (в среднем, 20%), затем она стремительно увеличилась до 70% (в Ямало-Ненецком округе рост был еще большим – с 13% до 65%). В 1970-е началось активное освоение газовых и нефтяных месторождений, строительство новых городов, а в 1990–2000-е гг. эти регионы вырвались в лидеры по уровню экономического развития, наряду со столицами [20]. Переехавшие туда переселенцы стали закрепляться надолго.

Северокавказские республики, составляющие восьмую группу, отличались невысокой миграционной активностью за весь период, но в постсоветское время новоселов в населении стало еще меньше (снижение с 4% до 2%), что подчеркивает миграционную изолированность данных регионов. Старожилов среди мигрантов, по сравнению с другими группами регионов, было немного (50% в 1970 г.), но их доля постепенно увеличилась до 70%. По-видимому, этому способствовало то, что мигрантов из других регионов здесь мало, а местные предпочитают селиться за пределами этих республик. На рис. 5 северокавказские республики представлены Дагестаном.

Несмотря на условность приведенной типологизации, она позволяет выделить основные типы в развитии миграционной активности за доступный для анализа период. Типологизация показала, что регионы основной полосы расселения (группы 1 и 2), за исключением столиц и их областей, в целом сходны между собой, тогда как регионы Дальнего Востока, Западной и Восточной Сибири, национальных республик Северного Кавказа, некоторых регионов Европейского Севера весьма неоднородны. Различия в уровне экономического и социального развития, суровости природных условий, история освоения и хозяйственного развития, наличие крупных городов и транспортная доступность накладывают серьезный отпечаток на миграционное

формирование населения и закрепление новоселов на этих территориях.

Выводы. В России в XX–XXI вв. происходили значительные миграционные процессы, вследствие этого большая часть населения страны имеет опыт переезда: кто-то переселялся на небольшие расстояния, внутри «своих» регионов, кого-то «носило» по всей стране, в том числе с неоднократной сменой места жительства. При этом часть переселенцев обосновывалась на новом месте на долгий срок, а часть приезжала лишь на относительно короткое время и уезжала дальше, либо возвращалась на территорию исхода.

С 1920-х гг. и до самого распада СССР миграционная активность населения возрастала, и этому способствовало несколько причин. Во-первых, урбанизация. Миграция из сел в города длительное время являлось основным направлением территориальных перемещений в России. Урбанизация способствовала индустриализации, увеличению числа и людности городов, возникновению городских агломераций и заселению азиатской части страны. Количественная стадия урбанизации в целом по стране завершилась к 1980-м гг. и можно сказать, что ресурс села почти исчерпан. При этом до сих пор есть небольшое число республик, в которых активная фаза урбанизации продолжается до сих пор. Именно они и являются современными лидерами по удельному числу новоселов в своем населении.

Во-вторых, решающая роль государства в регулировании миграции. Государство использовало различные формы организованных миграций, а также осуществляло косвенное регулирование (путем дифференцирования заработной платы, снабжения товарами и продовольствием). Данное регулирование привело к возникновению «лишнего» населения на тех территориях, где в других условиях оно бы не появилось. При этом использовались ограничительные меры для заселения в те места, где новоселы приживаются лучше всего – в крупнейшие города.

В-третьих, освоение малозаселенных территорий с неблагоприятными природными условиями – Сибири, Дальнего Востока, Европейского Севера. В данных регионах происходила своеобразная «текучка кадров», многочисленность выбывающих компенсировалась числом прибывающих. То есть большой миграционный оборот не вызывал большого числа накопленных мигрантов вследствие их низкой приживаемости.

В постсоветский период миграционная активность населения заметно сократилась. Разрушение административно-распределительной системы значительно снизило роль многих прежних регионов-лидеров по привлечению переселенцев. Развитие рыночных отношений способствовало тому, что наиболее активные люди получили возможность высоких заработков не уезжая за тысячи километров.

Снижение миграционной активности населения происходит и из-за развития других форм миграции и усложнение ее моделей. Все большее распространение получает работа вахтовым методом, различные виды маятниковой миграции, современное отходничество, в определенной степени способные заменить собой переезд на постоянное жительство. При этом работа вахтовым методом, в отличие от переезда на постоянное жительство, не требует переезда членов семей вахтовиков.

В перспективе тенденция к увеличению среднего возраста населения в России приведет к еще большему снижению миграционной активности, т.к. чем старше человек, тем он меньше склонен к переселению, за исключением короткого промежутка, связанного с выходом на пенсию.

Распад СССР и последующий социально-экономический кризис показал, что в первую очередь теряют население регионы с миграционно неустойчивым населением. Таким образом, попытки форсированного освоения территорий с низкой приживаемостью населения приводят к массовому обратному выезду населения. Поэтому при проведении региональной миграционной политики наиболее важной задачей является не столько достижение высокой численности прибывающих, сколько обеспечение приживаемости новоселов в месте вселения, а оно зависит в основном от социально-экономического развития регионов и отдельных населенных мест.

Библиографический список

1. Абылкаликов С.И. Изучение миграции в переписях населения в России // Демоскоп Weekly. – 2011. – № 469–470.
2. Андреев Е.М. О точности результатов российских переписей населения и степени доверия к разным источникам информации // Вопросы статистики. – 2012. Т. 11. – С. 21–35.
3. База микроданных Всероссийских переписей населения 2002 и 2010 годов. [Электронный ресурс] URL: <http://std.gmcrosstata.ru/webapi/jsf/tableView/customiseTable.xhtml>
4. Всесоюзная перепись населения 1926 года. – М.: Издание ЦСУ Союза ССР, 1930.
5. Всесоюзная перепись населения 1970. – М.: Статистика, 1974.
6. Зайончковская Ж.А. Новоселы в городах. – М.: Статистика, 1972.
7. Зайончковская Ж.А., Ноздрин Н.Н. Миграционный опыт населения региональных центров России // Проблемы прогнозирования. – 2008. – № 4. – С. 98–112.
8. Итоги Всероссийской переписи населения 2002 года. Продолжительность проживания населения в месте постоянного жительства. – М.: Статистика России, 2005.
9. Итоги Всероссийской переписи населения 2010 года. – Т.8. Продолжительность проживания населения в месте постоянного жительства. [Электронный ресурс] URL: http://www.gks.ru/free_doc/new_site/perepis2010/croc/perepis_itogi1612.htm
10. Итоги Всесоюзной переписи населения 1979 года. Статистич. сборник. – М.: Госкомстат СССР, 1990.
11. Итоги Всесоюзной переписи населения 1989 года. – М.: Госкомстат СССР, 1990.
12. Карачурина Л.Б. Демографические факторы динамики миграционной активности населения России: современная ситуация и перспективы // Демоскоп Weekly. – 2007. – № 285.
13. Мкртчян Н.В., Карачурина Л.Б. Миграция в России: потоки и центры притяжения // Демоскоп Weekly. – 2014. – № 595–596.
14. Моисеенко В.М. Территориальное движение населения. – М.: Мысль, 1985.
15. Население России 2010–2011. Восемнадцатый-девятнадцатый ежегодный демографический доклад / Отв. ред. А.Г. Вишневский. – М.: Издательский дом НИУ ВШЭ, 2013. – 475 с.
16. Переведенцев В.И. Методы изучения миграции населения. – М.: Наука, 1975.
17. Переведенцев В.И. Спор о переписи // Литературная газета. – 1967. – № 2. – 11 января.
18. Пьянкова А.И. Методические проблемы сопоставимости данных переписей населения 2002 и 2010 годов (на примере Московской области) // Региональные исследования. – 2014. – № 1. – С. 109–121.
19. Рыбаковский Л.Л. Миграция населения: Стадии миграционного процесса // Приложение к журналу «Миграция в России». – 2001. – № 5.
20. Успенская Т.Н. Миграционное поведение населения Ханты-Мансийского автономного округа. – М.: ЦСП, 2006.
21. 15° Censimento popolazione e abitazioni 2011 [Электронный ресурс] URL: <http://www.istat.it/it/censimento-popolazione/popolazione-2011>
22. Bhagat R.B. Assessing the Measurement of Internal Migration in India // Asian and Pacific Migration Journal, 2008 Vol. 17, № 1, pp. 91–102.
23. Dustmann C., Bentolila S., Faini R. Return migration: the European experience // Economic policy. 1996. С. 213–250.
24. Dustmann C., Weiss Y. Return migration: theory and empirical evidence from the UK // British Journal of Industrial Relations. 2007. Vol. 45, № 2. С. 236–256.
25. Land K. C. Duration of residence and prospective migration: Further evidence // Demography. 1969. Vol. № 2. С. 133–140.
26. Morrison P. A. Duration of residence and prospective migration: the evaluation of a stochastic model // Demography. 1967. Vol. № 2. С. 553–561.

ОЦЕНКА ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОГО ПОТЕНЦИАЛА РЕГИОНА (НА ПРИМЕРЕ СМОЛЕНСКОЙ ОБЛАСТИ)¹

Borovikova T.V., Filinov V.A.

ASSESSMENT OF INTELLECTUAL POTENTIAL OF RUSSIAN REGIONS

Аннотация. В статье представлена оценка интеллектуального потенциала региона с позиции экономической целесообразности, где в качестве системных составляющих выступает образовательный и научный потенциал территории. В основе оценки интеллектуального потенциала региона лежит интегральный показатель, позволяющий ранжировать регионы по уровню интеллектуального потенциала.

Abstract. The article presents an assessment of the intellectual potential of the region with the system approach, where the system components supports the educational and research potential of the area. In the basis of assessment of intellectual potential of the region is an integral indicator that allows you to rank the regions according to the level of intellectual potential.

Ключевые слова: интеллектуальный потенциал, регион, образование, высшее образования, территория.

Keywords: intellectual potential, region, education, higher education, public.

В современных условиях приоритетным направлением инновационного развития экономики становятся распространение и использование знаний. На фоне инновационного развития все более актуализируется проблема формирования и эффективного использования интеллектуального потенциала субъектов экономики, определяемого общим уровнем развития образования, науки и культуры.

Особую значимость, данная проблема приобретает при разработке программ социально-экономического развития регионов, которые становятся субъектами конкурентных отношений, где решающее значение имеет признание интеллектуального потенциала региона фактором экономического роста и роста благосостояния населения территории.

Проблема формирования и развития интеллектуального потенциала региона привлекает внимание многих отечественных и зарубежных исследователей. Наиболее известными теоретическими концепциями в области инноваций являются концепции постиндустриального и информационного общества Д. Белла [1], Дж. Гэлбрейта [6] и др.

Приоритетные социально-экономические проблемы развития регионов освещены в трудах отечественных ученых: А.Г. Гранберга [5], Н.В. Зубаревич [7], А.П. Катровского [8], О.В. Кузнецовой [9], А.И. Татаркина [10], Т.В. Боровиковой [2], В.А. Филинова [11] и др.

Отдельные аспекты природы знаний и управления интеллектуальным потенциа-

лом отражаются в трудах Э. Брукинга [4], Л. Эдвинссона [12] и др.

Вместе с тем недостаточно исследованными остаются вопросы регионального и межрегионального анализа состояния интеллектуального потенциала; отсутствует обобщенная картина состояния интеллектуального потенциала высшей школы региона и тенденций его развития в условиях перехода к инновационной экономике, что подчеркивает актуальность данной проблемы [11, с. 71].

В настоящее время наиболее привлекательной является концепция развития интеллектуального потенциала, в которой интеллектуальное развитие человека рассматривается как основная цель и критерий общественного прогресса, а экономический рост – как средство его достижения. Под интеллектуальным потенциалом региона мы понимаем совокупность трудовых и информационных ресурсов, взаимодействующих с внешней средой, которые в процессе своего производительного потребления, создают результаты интеллектуального труда (новые знания, технологии, продукты), способствующие повышению конкурентоспособности региона и обеспечивающие устойчивый экономический рост в постоянно изменяющейся внешней среде [3, с. 18].

С позиции компетентностного подхода интеллектуальный потенциал региона отражает интеллектуальную сторону человеческой деятельности – способность и готовность к рациональной постановке целей и

¹ Издано при поддержке Российского гуманитарного научного фонда.

поиску средств их реализации, что обеспечивает социально-экономическое развитие территории и рост уровня жизни населения региона. Интеллектуальный потенциал региона мы рассматриваем как уровень определенных компетенций, измеряющий влияние знаний, умений и навыков на устойчивое экономическое развитие и повышение благосостояния населения региона [2, с. 19].

Для количественного сопоставления уровней социально-экономического развития регионов ООН разработан специальный показатель – индекс развития человеческого потенциала (ИРЧП), основными составляющими которого являются следующие равнозначные компоненты: долголетие, образование, доход.

В 2013 г. ИРЧП в России составил 0.778, что позволило РФ войти в группу стран с высоким уровнем развития человеческого потенциала (57 место из 188). Анализ составляющих ИРЧП позволяет увидеть, что столь высокие позиции Россия занимает благодаря индексу уровня образования. По этому показателю РФ находится на 49 месте в мире [13].

Следовательно, развитие системы высшего образования, ее адаптация к потребностям экономики является важнейшей задачей государства, поскольку именно современная и эффективная система образования остается основным источником формирования интеллектуального потенциала России, предпосылкой личной успешности и благосостояния людей.

Не менее важной, на наш взгляд, проблемой формирования и развития интеллектуального потенциала в России является его региональная дифференциация. Разрыв регионов по уровню развития интеллектуального потенциала является весьма значительным. Так, например, в Москве, Санкт-Петербурге, Томской, Новосибирской областях, республике Татарстан уровень интеллектуального потенциала, по показателям: количество студентов вузов в расчете на 10 тыс. населения региона; финансирование отрасли «Образование» региона; результативность послевузовского образования региона, соответствует уровню развитых стран – Швейцарии, Нидерландов, Швеции, Японии и др. Наиболее слабо развитые регионы России, такие, как республика Тыва, Мари Эл, Ингушетия сопоставимы со странами, имеющими низкий уровень развития интеллектуального потенциала –

Киргизией, Гватемалой, Таджикистаном, Монголией, Молдавией и др. [3, с. 27].

Подобный разрыв регионов России в развитии интеллектуального потенциала замедляет развитие всей страны. Кроме того, такая дифференциация не может не отражаться на состоянии региональных образовательных систем, уровне их ресурсного обеспечения и, соответственно на уровне социально-экономического развития. Это, с одной стороны, способствует нарастанию социально-экономического неравенства регионов, а с другой – инвестиционная привлекательность и возможность эффективного экономического роста во многом определяются уровнем профессионального образования населения [8, с. 37].

В связи с этим возрастает значимость оценки интеллектуального потенциала региона, необходимой для выработки эффективных решений по повышению уровня социально-экономического развития территории в условиях быстро меняющейся внешней среды.

В статье «Интеллектуальный потенциал региона: методика оценки» [3, с. 40] авторами предложена методика оценки интеллектуального потенциала региона, включающая в себя следующие критерии: образовательный, научный, культурный, и инновационный потенциалы. В данном исследовании мы опираемся на критерии образовательного и научного потенциалов региона, которые выражаются следующими показателями: уровень образованности населения, количество высших учебных заведений в регионе, количество кандидатов и докторов наук.

Однако, по-нашему мнению, для проведения более глубокого анализа интеллектуального потенциала региона в его оценку необходимо включить такой показатель, как доля расходов на образование и науку в валовом региональном продукте.

Для оценки регионального интеллектуального потенциала, в исследовании, основной акцент сделан на все ступени высшего образования, поскольку именно в этой сфере осуществляется подготовка профессиональных компетентных кадров, являющихся основой регионального инновационного развития [2, с. 18].

В качестве объектов оценки регионального интеллектуального потенциала и сравнительной характеристики уровня их социально-экономического развития, нами предложены Смоленская и Калужская области,

которые, по нашему мнению, могут быть сравнены по определенным социально-экономическим характеристикам, а именно размеру территории, количеству населения, среднему душевому доходу, структуре региональной образовательной системы и др.

Оценка интеллектуального потенциала региона проводится в два этапа. На первом этапе отбираются и анализируются количественные показатели:

Обеспеченность образовательными услугами высшего образования – показатель, определяющий численность студентов вузов в регионе к количеству экономически активного населения региона. Этот показатель важен, для интегральной оценки интеллектуального потенциала региона, и как показатель привлекательности вузов для потенциальных абитуриентов (количество студентов вузов в регионе), и с точки зрения оценки доступности качественного высшего образования в регионе (количество вузов, наличие и количество бюджетных мест, стоимость платного обучения). За 2012, 2013 и 2014 гг. по этому показателю анализируемые регионы имеют следующие данные: Калужская область 2012 г. – 4,6%; 2013 г. – 5,8%; 2014 г. – 6,1%; Смоленская область – 8,9%; 9,1%; 8,8% соответственно [13].

Результативность третьей ступени высшего (послевузовского) образования – не менее важный показатель, отражающий численность защитившихся аспирантов к количеству экономически активного населения региона, так как именно сфера научного труда составляет основу интеллектуального потенциала региона. В настоящее время региональная экономика ориентирована на инновационное развитие и в числе показателей инновационной активности территории выделяют долю научно-исследовательских подразделений и организаций, участвующих в создании инновационной продукции. Рассматриваемый показатель может быть, по нашему мнению, оценен как показатель интеллектуального потенциала инновационного развития региона. По данному показателю имеем следующие данные за 2012, 2013 и 2014 гг.: Калужская область – 0,05%; 0,09%; 0,11%; Смоленская область – 0,1%; 0,11%; 0,11% [14].

Профессиональная образованность населения региона – показатель наличия высшего образования у трудоспособного населения к количеству экономически активного населе-

ния региона. Нами данный показатель используется как ориентир, позволяющий сопоставить уровень интеллектуального потенциала разных регионов: Калужская область: 2012 г. – 16,6%; 2013 г. – 19,2%; 2014 г. – 20,3%; Смоленская область: 2012 г. – 17,6%; 2013 г. – 17,8%; 2014 г. – 18,1% [14].

По показателю «доля расходов на образование и науку в валовом региональном продукте», анализируемые регионы имеют следующие показатели: Калужская область: 2012 г. – 4,9% (ВРП в 2012 г. – 288 млрд руб.); 2013 г. – 6,1% (ВРП в 2013 г. – 318,4 млрд руб.); 2014 г. – 7,2% (ВРП в 2014 г. – 335,3 млрд руб.); Смоленская область: 2012 г. – 3,2% (ВРП в 2012 г. – 201 млрд руб.); 2013 г. – 2,4% (ВРП в 2013 г. – 215,3 млрд руб.); 2014 г. – 1,9% (ВРП в 2014 г. – 252 млрд руб.) [14].

На втором этапе пронумерованные по максимальному значению показатели суммируются, после чего определяется интегральный показатель уровня интеллектуального потенциала региона (как их среднеарифметическое значение). Полученный интегральный показатель позволяет ранжировать регионы по уровню интеллектуального потенциала и вырабатывать стратегические решения по развитию данного потенциала в условиях инновационной экономики. Результаты нашего исследования представлены в таблице 1.

Анализируя данные таблицы 1, можно сделать вывод, интеллектуальный потенциал Смоленской и Калужской областей имеет разнонаправленные векторы развития. В Калужской области наблюдаются устойчивые тенденции наращивания интеллектуального потенциала, прежде всего, за счет увеличения расходов на образование и науку в валовом региональном продукте с 4,9% в 2012 г. (14,1 млрд руб.) до 7,2% в 2014 г. (24,1 млрд руб.), а также за счет роста профессиональной образованности экономического активного населения региона.

В Смоленской области также наблюдается рост основных показателей формирования интеллектуального потенциала, однако величина интегрального показателя интеллектуального потенциала региона имеет тенденцию к снижению с 7,45% в 2012 г. до 7,05% в 2014. Это, прежде всего, связано со снижением расходов на образование и науку в валовом региональном продукте с 3,2% (6,4 млрд руб.) до 1,9% (4,8 млрд руб.) соответственно. В Смо-

Таблица 1

*Сравнительная характеристика Смоленской и Калужской областей
по уровню интеллектуального потенциала*

Показатели	Регионы (место по ЦФО/России)	Смоленская область (11/56)			Калужская область (2/10)		
		2012	2013	2014	2012	2013	2014
Количество студентов высших учебных заведений в регионе (в % к численности экономически активного населения региона)		8,9	9,1	8,8	4,6	5,8	6,1
Количество кандидатов и докторов наук (в % к численности экономически активного населения региона)		0,10	0,11	0,11	0,05	0,09	0,11
Профессиональная образованность населения региона (в % к численности экономически активного населения региона)		17,6	17,8	18,1	16,6	19,2	20,3
Доля расходов на образование и науку в валовом региональном продукте (в % к численности экономически активного населения региона)		3,2	2,4	1,9	4,9	6,1	7,2
Интегральный показатель интеллектуального потенциала региона (% от численности экономически активного населения региона)		7,45	7,35	7,05	7,28	8,54	9,15

ленском регионе наблюдается рост показателя «количество вузов в регионе», однако увеличение количества вузов не оказывает существенного влияния на рост интеллектуального потенциала области.

Важно отметить, что с 2009 г. в Калужской области принята и успешно реализуется региональная программа «Человек – центр инвестиций», что позволило увеличить ВРП Калужской области с 2009 по 2013 гг. в 2,3 раза.

Таким образом, можно сделать вывод, что рост интеллектуального потенциала региона зависит от того, насколько:

1) развита региональная система профессионального образования, формирующая необходимый уровень компетенций;

2) эффективны условия привлечения специалистов в регион;

3) от объемов финансирования образования и науки.

Представленная оценка позволяет выявлять различия в уровне интеллектуального потенциала регионов и разрабатывать мероприятия, направленные на создание условий сбалансированного социально-экономического развития регионов.

Библиографический список

- Белл Д. Грядущее постиндустриальное общество. – М., 2000. – 198 с.
- Боровикова Т.В. Формирование исследовательской компетенции в условиях двухуровневого высшего образования // Вестник Челябинского государственного педагогического университета – Челябинск, ЧГПУ. – № 3. – 2014. – С. 17–23.
- Боровикова Т.В., Филинов В.А. Интеллектуальный потенциал региона: методика оценки // Региональные исследования. – № 3. – 2014. – С. 38–42.
- Брукинг Э. Интеллектуальный капитал: ключ к успеху в новом тысячелетии. – СПб., 2004. – 267 с.
- Гранберг А.Г. Основы региональной экономики. Учебник для вузов. – 4-е изд. – М.: Изд. дом ГУ ВШЭ, 2004. – 495 с.
- Гэлбрейт Дж. Новое индустриальное общество. – М., 2009. – 217 с.
- Зубаревич Н.В. Регионы России: неравенство, кризис, модернизация. – М.: Независимый институт социальной политики, 2010. – 160 с.
- Катровский А.П. Высшая школа в системе регионального развития и рыночных отношений // Региональные исследования. – 2002. – № 1. – С. 35–42.
- Кузнецова О.В. Региональная политика России. – М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2013. – 392 с.
- Татаркин А.И., Шаймарданов Н.З. Развитие профессионального образования как фактор структурной модернизации экономики России // Университетское управление. – 2010. – № 3. – С. 7–11.
- Филинов В.А. Интеллектуальный труд как фактор инновационного развития региона // Материалы международной научно-практической конференции «Творческое наследие А.С. Посникова и современность». – Смоленск: Изд-во СмолГУ, 2014. – С. 67–73.
- Эдвинссон Л. Интеллектуальный капитал // Новая постиндустриальная волна на Западе. Антология. – М., 2009. – 434 с.
- Доклад о развитии человека 2010/2014 – <http://www.un.org/russian/esa/hdr/2014>
- <http://www.gks.ru/> – официальный сайт Федеральной службы государственной статистики.

Дружинин А.Г. (Ростов-на-Дону)

ЭТНОДЕМОГРАФИЧЕСКИЕ ТРАНСФОРМАЦИИ В ЦЕНТРО-ПЕРИФЕРИЙНОЙ СТРУКТУРЕ РОСТОВСКОЙ ОБЛАСТИ (ПОСТСОВЕТСКИЕ ТРЕНДЫ)

Druzhinin A.G.

ETHNO-DEMOGRAPHIC TRANSFORMATIONS IN THE CORE-PERIPHERY STRUCTURE OF THE ROSTOV REGION (POST-SOVIET TRENDS)

Аннотация. Идентифицированы основные компоненты центрo-периферийной структуры Ростовской области. На основе анализа данных переписей населения 1989, 2002 и 2010 гг. установлены приоритетные ареалы локализации наиболее крупных по численности этносов. Выявлена сопряжённость пространственных этнодемографических трансформаций с центрo-периферийной структурой региона. Показано, что при наличии многовариантности моделей локализации этносов (связанной с историей их расселения в регионе, а также культурной и экономической спецификой) и повсеместной дисперсии представителей тех или иных этносов по всей территории региона, доминирующим является процесс «стягивания» населения (представителей всех этнических групп) в центральный ареал региональной социально-экономической системы.

Abstract. Identified the components of the center-periphery structure of Rostov region. Based on an analysis of data census of 1989, 2002 and 2010. set the priority areas of localization of the largest ethnic groups. Spotted conjugation ethno-demographic spatial transformations with the center-periphery structure of the region. It is shown that in the presence of a multivariate model of localization of ethnic groups (related to the history of their settlement in the region and the cultural and economic specifics) and widespread dispersion of representatives of various ethnic groups throughout the region, the dominant process is a «contraction» of the population (of all ethnicities) in central area of the regional socio-economic system.

Ключевые слова: этнодемографическая трансформация, центрo-периферийная структура, Ростовская область.

Keywords: ethno-demographic transformation, core-periphery structure, Rostov region.

Введение. Российская Федерация – страна масштабных по своим амплитудам и следствиям изменений и существеннейших территориальных социально-экономических контрастов [8, 9, 10, 13]. Пространственная организация российского общества динамична и иерархична, зависима от множества факторов; в её исторически выстроенной и спонтанно видоизменяющейся «матрице» черты фундаментальной и долгосрочной тенденции всё явственнее обретает рост полиэтничности, проявляющийся в сложной чересполосице моноэтнических (и моноконфессиональных) и полиэтнических территорий, «укоренении» иноэтнических диаспор, формировании разномасштабных этноконтактных ареалов и зон с интенсивной трансформацией этнодемографической структуры [5]. Геоэтнодемографические процессы корреспондируют с общей архитектурой территориальной социально-экономической системы и детерминированы присущими ей устойчивыми полимасштабными центрo-периферийными градиентами (акцентированными и концептуализированными в работах И. фон Тюнена, В. Кристаллера,

И. Валлерстайна, Ф. Броделя, Дж. Фридмана, П. Кругмана и др.), что, в частности, рельефно проявляется на региональном уровне и хорошо иллюстрируемо аналитикой по Ростовской области.

Центро-периферийная структура Ростовской области: общая архитектоника. Сложившееся в силу природных, исторических и социально-экономических обстоятельств многообразие субрегиональных и локальных «центров» Ростовской области (объединяющей 11 городов областного подчинения и 43 сельских административных района) сочетается с выраженной моноцентричностью всей территориальной социально-экономической системы, порождая ситуацию не только фактического «взаимонапластования», но и четкой иерархии пространственных центрo-периферийных структур. Их идентификация и компаративистика по совокупности демографо-экономических (численность населения и его динамика, миграционная привлекательность территории), административно-статусных (статус «региональной столицы»,

«города областного подчинения»), экономико-локализационных (рабочие места в сфере управления, финансовой сфере; размещение сетевых структур торговли и др.), социально-инфраструктурных (локализация учреждений образования, здравоохранения областного и межрайонного масштаба и т.п.) и пространственно-локализационных параметров (степень приближенности к региональной «столице», а также важнейшим транспортно-коммуникационным «коридорам» федерального и межрегионального значения) позволили осуществить структурирование ТЭС Ростовской области (табл. 1), обособив в её архитектонике «центральный ареал» (занимающий 5,3% площади территории области), «полупериферию» (локализованную на удалении до 180–200 км от Ростова-на-Дону, т.е. находящуюся в пределах его непосредственного экономического влияния) и, наконец, обширную (80% территории) и слабозаселённую периферию (средняя плотность населения в отнесённых к «периферии» муниципальных образованиях составляет 19 чел./км², в то время как на «полупериферии» – 48, а в пределах «центрального ареала» области – 325 чел. / км²).

Сложившаяся центрально-периферийная структура стабильна и, одновременно, измен-

чива. Базовый её постсоветский тренд – рост центрально-периферийных градиентов – с середины 2000-х гг. оказался дополненным (в русле метрополизации [7]) активной пространственной экспансией общеобластного (Ростов-на-Дону) и ряда субрегиональных центров (Волгодонск, Каменск-Шахтинский, Миллерово, Морозовск, Зерноград, Сальск), «освоением» и «переработкой» ими (в соответствии с имеющимся потенциалом) сопредельной полупериферии и периферии. Это привело, в частности, к фактическому социально-экономическому «выплеску» Ростова-на-Дону на сопредельные территории (формированию «Большого Ростова» [3]), реконфигурации (воссозданию в новых политико-экономических условиях) ряда других групповых систем расселения (в первую очередь – Волгодонской, объединившей до полумиллиона жителей востока области); центрально-периферийные контрасты, при этом, устойчиво воспроизводятся и локально нарастают, стимулируя центростремительные демографические «перетоки». Симптоматично, что если в середине 2000-х гг. «центральный ареал» ТЭС области концентрировал 36% всего её населения, а 29% демографического потенциала региона было локализовано на территориях, иден-

Таблица 1

Центро-периферийная стратификация территориальной социально-экономической системы Ростовской области

Компоненты центрально-периферийной структуры		Города и сельские районы области
Центральный ареал	Центр центра	Ростов-на-Дону
	Полупериферия центра	Батайск, Азов, Аксайский район
	Периферия центра	Новочеркасск, Азовский район, Мясниковский район
Полупериферия	Центры полупериферии	Таганрог, Шахты, Каменск-Шахтинский
	Периферия полупериферии	Гуково, Зверево, Донецк, Новошахтинск, Белокалитвинский, Красносулинский, Куйбышевский, Матвеево-Курганский, Неклиновский, Октябрьский, Родионово-Несветайский районы
Периферия	Центры периферии	Волгодонск, Волгодонский район, Цимлянский район
	Полупериферия периферии	Багаевский, Веселовский, Егорлыкский, Зерноградский, Кагальницкий, Сальский, Семикаракорский, Усть-Донецкий, Целинский районы
	Периферия периферии	1) север: Боковский, Верхнедонской, Каменский, Кашарский, Константиновский, Миллеровский, Милютинский, Морозовский, Обливский, Советский, Тарасовский, Тацинский, Чертковский, Шолоховский районы 2) юг: Дубовский, Заветинский, Зимовниковский, Мартыновский, Орловский, Песчанокосский, Пролетарский, Ремонтненский районы

Составлена автором по результатам аналитического исследования, проведённого совместно с С.А. Сухининым.

тифицированных как «полупериферия», то в настоящее время аналогичные показатели составляют 40,5 и 29,3%. Реализующаяся в формате центрo-периферийной модели демографo-экистическая динамика коррелирует с этнодемографическими трансформациями как на региональном, так и на локальном уровне.

Этнодемографическая структура региона: постсоветский тренд. Ростовская область (по своим этнодемографическим характеристикам) в целом моноэтнична; доля русских в населении (по итогам переписи 2010 г.) достигает 88,7% (в 1989 г. – 89,6%, 2002 г. – 89,3%), что существенно превышает средний показатель по РФ (77,7%). В этнодемографическом и этнокультурном отношении это, фактически, – не только достаточно типичная (в ещё 42 субъектах РФ удельный вес русских в структуре населения также более 85%) составляющая массива территорий с абсолютным численным преобладанием русского населения (по терминологии В.Н. Стрелецкого – геокультурного мегаэдра [12] страны), но и один из узловых регионов Юга России, лишь отчасти инкорпорированный в Южнороссийскую этноконтактную зону [6] своей юго-восточной периферией. Характерно, также, что темп «дерусификации» этнической структуры региона несколько ниже, чем в целом по России (за 2002–2010 гг. численность русских в целом по стране сократилась на 4,4% [4], в то время как в области – на 3,6%). При этом, в этнической «палитре» Ростовской области достаточно заметны укоренённые армянская (2,6% всего населения) и украинская составляющие (1,8%), причём последняя весь постсоветский период динамично сокращается, приближаясь к среднему по РФ показателю (1,3% населения). Удельный вес представителей тюркоязычных народов, напротив, устойчиво растёт (прежде всего, за счёт переселившихся в область на рубеже 1980–1990-х гг. турок-месхетинцев), составляя около 2%; «диаспоры» коренных этносов Северного Кавказа (характеризуясь разнонаправленными демографическими трендами) в целом (в совокупности) практически стабилизировались в своей численности (табл. 2).

Наблюдаемая в постсоветский период асимметричность динамики численности основных составляющих этнической струк-

туры населения Ростовской области сочетается с наличием выраженной специфики в их пространственной локализации, включая преимущественную приуроченность к тем или иным элементам центрo-периферийной структуры, к городским, либо руральным формам расселения. Так, в частности, до 94% представителей турецкого этноса проживают в сельской местности; выше средней по области (а это – 32,8%) степень «руральности» характерна и для армянского населения (48%), а также для чеченцев (89%), даргинцев (87%) и аварцев (68%). Проживающие на территории области грузины и азербайджанцы, напротив, преимущественно «урбоцентричны» (горожанами являются 79 и 72% представителей соответствующих этносов). Ситуация, тем не менее, всю последнюю четверть века демонстрировала свою нестатичность; существенное влияние на неё оказывают центрo-периферийные градиенты (различия между территориями по возможностям трудоустройства, приобретения недвижимости, получения комплекса образовательных, медицинских и иных услуг и др.), создающие мотивацию (равно как и барьеры) для пространственной этнодемографической динамики.

Локализация этносов в центрo-периферийной структуре Ростовской области: инвариантность и тождество моделей. Общий, практически повсеместный и характерный для всего постсоветского периода тренд – население области (вне зависимости от его этнической принадлежности) неспешно (но устойчиво) «стягивается» в немногие лидирующие в социально-экономическом отношении урбанистические центры (и формируемые ими городские агломерации), воспроизводящие, в результате, присущую им моноэтничность (в населении Ростова-на-Дону удельный вес русских в 1989 г. составлял 87%, 2002 – 89% и в 2010 г. – 88,2%) и, одновременно, во всё более заметной мере выступающие «фокусами» полиэтнических взаимодействий. Показательна в этом отношении, прежде всего, пространственная динамика собственно русского населения (табл. 3), устойчиво «перетекающего» в «центральный ареал» ТСЭС (фактически – в сам Ростов-на-Дону, непосредственно примыкающие к нему города-спутники Батайск и Азов, а также Аксайский район).

Таблица 2

Основные составляющие этнодемографической структуры Ростовской области

Этносы и их группы	Удельный вес в населении области, %		
	1989 г.	2002 г.	2010 г.
Славянские народы	94,7	92,7	91,0
в т.ч. русские	89,6	89,3	88,7
украинцы	4,2	2,7	1,8
Народы Закавказья	1,9	3,1	3,3
в т.ч. армяне	1,4	2,5	2,6
азербайджанцы	0,3	0,4	0,4
грузины	0,2	0,2	0,2
Народы Северного Кавказа	0,9	0,9	0,9
в т.ч. чеченцы	0,4	0,3	0,3
даргинцы	0,1	0,1	0,2
аварцы	0,1	0,1	0,1
Тюркоязычные этносы	1,1	1,7	2,0
в т.ч. турки	0,0	0,6	0,8

Составлено автором по данным переписей населения 1989, 2002 и 2010 гг.

Таблица 3

Локализация русских в центрo-периферийной структуре Ростовской области

	1989 г.		2002 г.		2010 г.	
	Чел.	% от общей численности русских в регионе	Чел.	% от общей численности русских в регионе	Чел.	% от общей численности русских в регионе
Центральный ареал, в т.ч.	1349047	35,4	1470126	37,4	1480837	39,0
центр центра	887754	23,3	950628	24,2	960883	25,3
полупериферия центра	190623	5,0	252028	6,4	268484	7,1
периферия центра	270670	7,1	267470	6,8	251470	6,6
Полупериферия, в т.ч.	1236932	32,5	1247350	31,7	116643	30,8
центры полупериферии	590070	15,5	585471	14,9	549128	14,5
периферия полупериферии	646862	17,0	661879	16,8	620515	16,3
Периферия, в т.ч.	1265458	32,1	1217359	30,9	1173550	30,2
центры периферии	211637	5,6	210003	5,3	207268	5,5
полупериферия периферии	377229	9,9	372085	9,5	353034	9,3
периферия периферии	676602	16,6	635271	16,1	613248	16,2

Составлено автором по данным переписей населения 1989, 2002 и 2010 гг.

Важно отметить, что в 2000-е гг. по ряду социально-экономических и демографических причин (включая рост трудовой маятниковой миграции, а также всё более заметный «выход» за административные границы доминирующего города не только промышленных активов, но и торговли, логистики, жилищного строительства [3]) в Ростовской области наблюдалось некоторое снижение интенсивности центростремительного демо-

графического «перетока» при одновременной стабилизации численности населения ряда периферийных территорий. Это лимитировало «русскую» внутриобластную миграцию как в периферийные муниципалитеты «центра», так и в урбанистические центры «периферии», стимулируя, тем самым, подвижки в их этнодемографической структуре (симптоматично, что если в 2002 г. доля русских в населении г. Новочеркасска достигала

92,1%, а Волгодонска – 90,3%, то в 2010 г. – 90,4 и 88,1% соответственно).

Локальным этнодемографическим изменениям в регионе благоприятствовало и фактическое «расползание» ранее сложившихся ареалов компактного расселения тех или иных этносов, причём, динамику данному процессу, безусловно, придали характерные для постсоветского периода масштабные миграционные (в том числе и трансграничные) потоки (основной их пик пришёлся на первую половину 1990-х гг. [6]).

Видоизменение пространственной конфигурации ареала расселения под воздействием интенсивной миграции извне хорошо иллюстрируемо на примере армянской составляющей населения Ростовской области: если в 1989 г. около 80% всех проживающих здесь армян было сконцентрировано в г. Ростове-на-Дону и соседствующим с ним Мясниковском сельском районе (т.е. в сложившемся с конца XVIII историческом ареале проживания данного этноса [1]), то в 2002 г. (при повсеместном росте абсолютных значений в 1990-е годы, характеризующиеся как «десятилетие массовой миграции для армян» [2]) – лишь 60%, причём к 2010 г. соответствующий показатель уменьшился до 57%. Показательно также, что за 1989–2010 г. число проживавших в пределах «центрального ареала» ТЭС области представителей армянского этноса увеличилось почти в 1,5 раза (на

полупериферии – в 3,77 и периферии – в 3,4 раза); при этом, на «центральный ареал» пришлось около 50% всего численного прироста армянского населения (в итоге, его доля в этнической структуре соответствующего кластера муниципальных образований возросла с 3% в 1989 г. до 4% в 2002, лишь ненамного снизившись в последующее десятилетие). Пространственная диффузия диаспоры (чья позитивная демографическая динамика на территории Ростовской области в постсоветский период практически наполовину оказалась обеспечена внешней миграцией), таким образом, дополнялась действием центростремительных векторов; наиболее динамичными этноструктурными изменениями (ростом «армянской составляющей» в населении) характеризовались, при этом, сопредельные с областным центром территории (в первую очередь – гг. Азов и Батайск), а также сельские районы полупериферии (табл. 4).

Акцентируем, ориентация иноэтнических миграций на важнейшие «ядра» социально-экономического благополучия (крупнейшие города и городские агломерации) – носит преимущественный, но не повсеместный и абсолютный характер. Яркая иллюстрация тому – локализационная модель оказавшихся на территории области с начала 1990-х гг. [14] представителей турецкого этноса (турок-месхетинцев); перепись 1989 г. констатировала их «нулевую» численность.

Таблица 4

*Локализация армянского населения
в центрально-периферийной структуре Ростовской области*

	1989 г.		2002 г.		2010 г.	
	Чел.	% от общей численности этноса в регионе	Чел.	% от общей численности этноса в регионе	Чел.	% от общей численности этноса в регионе
Центральный ареал, в т.ч.	51982	83,9	75971	69,0	74912	67,6
центр центра	31183	50,3	44223	40,1	41553	37,5
полупериферия центра	837	1,4	5977	5,4	6587	5,9
периферия центра	19962	32,2	25771	23,5	26772	24,2
Полупериферия, в т.ч.	4690	7,6	16454	15,0	17709	16,0
центры полупериферии	2715	4,4	8295	7,6	8283	7,5
периферия полупериферии	1975	3,2	8159	7,4	9426	8,5
Периферия, в т.ч.	5287	8,5	17469	15,9	18106	16,4
центры периферии	703	1,1	1650	1,5	1608	1,4
полупериферия периферии	3205	5,2	9241	8,4	9833	8,9
периферия периферии	1379	2,2	6578	5,4	6665	6,1

Составлено автором по данным переписей населения 1989, 2002 и 2010 гг.

Таблица 5

**Территории приоритетной локализации турецкого населения
в Ростовской области**

Районы	2002 г.		2010 г.		Динамика за 2002 – 2010 гг.	Удельный вес турок в общей численности населения, 2010 г., %
	Численность турецкого населения, чел.	% от общей численности этноса в регионе	Численность турецкого населения, чел.	% от общей численности этноса в регионе		
Багаевский	2538	9,2	3270	9,0	1,29	9,4
Волгодонской	2583	9,4	3638	10,1	1,41	10,8
Мартыновский	6803	24,6	7672	21,2	1,13	21,0
Сальский	4921	17,8	6558	18,1	1,33	6,1
Семикаракорский	2167	7,9	2988	8,3	1,38	5,7

Составлено автором по данным переписей населения 2002 и 2010 гг.

Руральная, с сохраняющимся преимущественным тяготением к ограниченному числу изначально избранных в качестве места проживания территорий (в пяти сельских районах оказалось сконцентрировано в 2002 г. – 68,9, а в 2010 г. – 66,7% всех идентифицированных в пределах Ростовской области турок, табл. 5) локализация турецкого населения наблюдается преимущественно либо на «полупериферии периферии» (44,6% в 2010 г. проживало именно в муниципальных образованиях с подобными типологическими характеристиками), либо «периферии периферии» (38,3%). Тем не менее, и в этой ситуации диффузия из доминантных ареалов локализации практически также

имеет место, вследствие чего динамика численности этноса за последний межпереписной период в «центральной ареале» (в 1,54 раза) превышает среднюю по области (1,31). Наиболее же интенсивно (оставаясь минимальной в этнической структуре) «турецкая составляющая» населения возросла в г. Ростове-на-Дону (в 2,5 раза).

Куда более существенный (в сопоставлении с турками-месхетинцами) диффузионный «выплеск» за пределы сложившегося ранее ареала проживания (с одновременным существенным снижением общего «присутствия» в этнической структуре Ростовской области) в постсоветский период продемонстрировало чеченское население (табл. 6).

Таблица 6

**Локализация чеченского населения
в центрo-периферийной структуре Ростовской области**

	1989 г.		2002 г.		2010 г.	
	Чел.	% от общей численности этноса в регионе	Чел.	% от общей численности этноса в регионе	Чел.	% от общей численности этноса в регионе
Центральный ареал, в т.ч.	782	5,5	1261	8,2	1307	11,4
центр центра	782	5,5	946	6,2	1073	9,3
полупериферия центра	-	-	144	0,9	124	1,1
периферия центра	-	-	171	1,1	110	1,0
Полупериферия, в т.ч.	-	-	599	3,9	281	2,3
центры полупериферии	-	-	236	1,5	143	1,2
периферия полупериферии	-	-	363	2,4	138	1,1
Периферия, в т.ч.	13388	94,5	13437	87,9	9953	86,3
центры периферии	-	-	242	1,6	254	2,2
полупериферия периферии	606	4,5	505	3,3	455	3,9
периферия периферии	12782	90,0	12690	83,0	9244	80,2

Составлено автором по данным переписей населения 1989, 2002 и 2010 гг.

Согласно переписи 1989 г., на территории Ростовской области чеченское население проживало исключительно в г. Ростове-на-Дону и ещё 10 сельских районах; 90% от их общей численности в тот период приходилось на долю специализированных на овцеводстве территорий юга «периферии периферии» (Заветинский, Ремонтненский, Дубовский районы и др.). К 2010 г. благодаря «центроориентированной диффузии» число локализованных на юго-востоке области чеченцев (на фоне одновременного роста аварской и даргинской диаспор) сократилось практически на треть, что существенно превысило характерный для данных территорий масштаб «русской» депопуляции (за два последних межпереписных периода численность русских в сельских районах юго-востока области уменьшилась на 8,5%). В итоге, общий рост этнической гетерогенности сельских территорий юго-востока Ростовской области парадоксально сочетается (в целом ряде ситуаций) с увеличением в этнодемографической структуре «русской составляющей» (табл. 7).

«Замещающие» чеченцев (в их традиционном ареале проживания и хозяйствования) аварская и даргинская «диаспоры» оказались более рассредоточенными (по сравнению с чеченцами); собственно на юго-востоке области (на юге её «периферии периферии») по

данным переписи 2002 г. было сконцентрировано лишь чуть более 58% от общей численности всех проживающих в регионе аварцев и даргинцев (у чеченцев – более 83%); к 2010 г. данный показатель остался практически неизменным. За все же 2000-е гг. в пределах Ростовской области рост суммарной численности представителей двух наиболее крупных народов Дагестана (в 1,22 раза) практически соответствовал темпу их естественного воспроизводства; более интенсивная динамика присуща лишь сельским районам «периферии периферии», а также самой региональной «столице» (рост в 1,56 раза), что вновь (как и в рассмотренных ранее случаях) иллюстрирует потенциальную существенность для расселения того или иного этноса (даже изначально, в своей значительной массе ориентированного на аграрные хозяйственные практики) доминирующих в территориальной организации общества центростремительных векторов и процессов.

Заключение. Характерное, трендовое для современной Российской Федерации неуклонное сокращение гомогенности как русского, так и нерусского населения [11] сочетается с одновременным, доминантным в своих проявлениях ростом гетерогенности этнодемографической структуры на всех территориально-иерархических уровнях.

Русские, чеченцы, аварцы и даргинцы в некоторых сельских районах юго-востока Ростовской области (численность и удельный вес в населении)

Таблица 7

	1989 г.		2002 г.		2010 г.	
	Чел.	% от всего населения	Чел.	% от всего населения	Чел.	% от всего населения
Заветинский район						
Русские	13659	72,7	13184	71,2	13771	79,8
Чеченцы	3810	20,3	3920	21,2	2146	12,4
Аварцы	-	-	109	0,6	58	0,3
Даргинцы	-	-	499	2,7	636	3,7
Ремонтненский район						
Русские	18050	77,6	17022	79,2	13106	68,4
Чеченцы	2376	10,2	1600	7,4	991	5,2
Аварцы	-	-	97	0,5	62	0,3
Даргинцы	-	-	1631	7,6	2000	10,4
Дубовский район						
Русские	19659	77,6	18790	78,1	18074	78,6
Чеченцы	2148	8,5	1673	7,0	1422	6,2
Аварцы	-	-	495	2,1	495	2,2
Даргинцы	-	-	854	3,6	1116	4,9

Составлено автором по данным переписей населения 1989, 2002 и 2010 гг.

Целостность и будущее России, в этой связи, несомненно, связаны с ее полиэтничностью [15], чья локальная инвариантность (равно как и вся видоизменяющаяся пространственная «палитра» этнодемографической реальности) в ощутимой мере корреспондирует с общей архитектурой

территориальной социально-экономической системы, с присущими ей центро-периферийными градиентами и центроостремительными векторами. Базирующаяся на данных трёх последних переписей населения аналитика по Ростовской области – наглядное тому подтверждение.

Библиографический список

1. Ананян Ж., Хачатурян В. Армянские общины России. – Ереван, 1993. – 256 с.
2. Богоявленский Д.Д. Этнический состав населения России // Социс. – 2001. – № 10. – С.88–93.
3. Дружинин А.Г. Пространственные возможности и барьеры постиндустриального развития региональной метрополии (на примере Ростова-на-Дону) // Региональные исследования. – 2013. – № 2. – С. 25–32.
4. Дружинин А.Г. «Северокавказская составляющая» трансформации этнической структуры регионов России: (аналитика и комментарии к итогам всероссийских переписей населения 2002 и 2010 гг.) // Южно-российский форум: экономика, социология, политология, социально-экономическая география. – 2013. – № 2 (7). – С. 3–15.
5. Дружинин А.Г. Геодемографические детерминанты этнокультурного диалога в центро-периферийной системе современной России // Южно-российский форум: экономика, социология, политология, социально-экономическая география. – 2014. – № 1 (8). – С. 3–14.
6. Дружинин А.Г. Юг России в меняющемся геостратегическом контексте: важнейшие структурные компоненты и тренды (взгляд географа-обществоведа) // Научная мысль Кавказа. – 2014. – № 3. – С.58–66.
7. Дружинин А.Г. Метрополии и метрополизация в современной России: концептуальные подходы в политико-географическом контексте // Известия РАН. Сер. Географическая. – 2014. – № 1. – С.19–27.
8. Каганский В.Л. Культурный ландшафт и советское обитаемое пространство. – М.: Новое литературное обозрение, 2001. – 576 с.
9. Постсоветское пространство: двадцать лет перемен. Под ред. В.Л. Бабурина. – Смоленск: Универсум, 2013. – 300 с.
10. Пространство современной России: возможности и барьеры развития (размышления географов-обществоведов) / Отв. ред. А.Г. Дружинин, В.А. Колосов, В.Е. Шувалов. – М.: Изд-во «Вузовская книга», 2012. – 336 с.
11. Рыбаковский Л.Л., Сигарёва Е.П., Харланова Н.В. Этнический фундамент населения России // Социс. – 2001. – № 4. – С.86–93.
12. Стрелецкий В.Н. Сдвиги в этническом расселении в России в конце XX – начале XXI веков и их некоторые культурно-географические аспекты // Южно-российский форум: экономика, социология, политология, социально-экономическая география. – 2011. – № 1 (2). – С. 51–72.
13. Трейвиш А.И. Город, район, страна и мир. Развитие России глазами страноведа. – М.: Новый хронограф. 2009. – 372 с.
14. Турки-месхетинцы // Народы России. Атлас культур и религий. – М.: Дизайн. Информация. Картография, 2010. – 320 с.
15. Хунагов Р.Д., Шадже А.Ю. Кавказский фактор в современной России // Социс. – 2001. – № 3. – С. 77–80.

Ефремова В.А. (Москва)

ОТЕЧЕСТВЕННЫЙ И ЗАРУБЕЖНЫЙ ОПЫТ ИЗУЧЕНИЯ ГОРОДОВ, ТЕРЯЮЩИХ НАСЕЛЕНИЕ: ТЕМАТИКА, МЕТОДЫ И ЦЕНТРЫ ИССЛЕДОВАНИЙ

Efremova V.A.

RUSSIAN AND INTERNATIONAL RESEARCH ON SHRINKING CITIES: THEMES, METHODS AND CENTERS

Аннотация. Проблемы, связанные с сокращением численности населения городов, часто обозначаемые как «сжатие», представляют одно из ключевых направлений современных урбанистических исследований. В статье представлено обобщение отечественных и зарубежных работ, рассматривающих города со значительной убылью населения. Проведен обзор публикаций, в которых содержится анализ динамики населения городов России в 1990–2000-е гг.; выделены работы, посвященные типологическим и региональным группам городов с выраженной убылью населения. В анализе международного опыта рассмотрены ключевые исследовательские проекты по вопросам развития «сжимающихся» городов, реализованные в 2000-е гг.; отмечены тематика, методические приемы и основные центры исследований. В заключение обсуждается возможность применения термина «сжимающийся город» при исследовании городов России.

Abstract. The population loss that is defined as «shrinkage» represents one of the key issues of recent research in urban studies. This article provides the summary of Russian and international sources on shrinking cities. The literature review includes publications about the population dynamics of Russian cities in 1990–2000-ies and particularly on papers describing typological and regional groups of cities that are most affected by population decline. The analysis of international studies considers the key projects on shrinking cities in the 2000s and underlines the main themes, methods and research centers. The conclusion indicates the potential use of the term «shrinking city» in Russian context.

Ключевые слова: «сжимающиеся» города, литературный обзор, география городов, методы и приемы исследований.

Key words: shrinking cities, literature review, urban geography, research methods and techniques.

Введение. Современное развитие урбанизации проявляется в концентрации населения в крупных городах и тяготеющих к ним пригородных зонах. Обратная сторона этого процесса – сокращение числа жителей в городах, оказавшихся в тени полюсов роста. Ресурсные и индустриальные города, интенсивно развивавшиеся на протяжении XX в., теряют привлекательность для проживания. Отрицательная динамика характерна также для малых и средних городов, выполняющих функции центров для депопулирующей сельской местности.

Динамика населения – один из наиболее доступных и простых индикаторов социально-экономического развития города. Убыль населения, обусловленная вкладом естественной убыли или миграционного оттока, свидетельствует о деформированной возрастной структуре города, неблагоприятной ситуации на рынке труда, низком качестве жилья и городской среды.

Последствия негативной демографической динамики для городского развития значительно различаются в зависимости от размера города, причин убыли, особенностей

планировочной структуры и жилищного фонда города. Одна из ключевых проблем городов, теряющих население, – нарушение равновесия между спросом и предложением на жилищный фонд, объекты инженерной и социальной инфраструктуры. Адаптация объектов городского хозяйства к изменившейся численности города требует значительных финансовых ресурсов, часто превышающих возможности муниципального бюджета.

Варианты будущего развития таких городов часто становятся предметом общественных дискуссий, в которых выделяются два противоположных мнения. Одна точка зрения предполагает поиск возможностей для восстановления позитивной динамики развития через инструменты инвестиционной политики, развитие отдельных сфер экономики города, проведение масштабных мероприятий. Альтернативное суждение основано на необратимости существующих демографических тенденций, при которых только отдельные крупные центры будут привлекать население, в то время как большинство других городов ждет постоянная и

устойчивая убыль. В качестве управленческих решений в таком случае предлагаются поддержка миграции из городов, теряющих население, и градостроительные меры по развитию крупных городов, ориентированные на дополнительный рост численности.

Города со значительной убылью населения, будучи относительно новым явлением для России, еще не получили глубокого отражения в научной литературе и управленческой практике. В связи с этим актуально обозначить состояние отечественных и зарубежных исследований городов с подобной динамикой, выявить основные тематические сюжеты, сравнить управленческие подходы к решению возникающих проблем. Цель данной статьи – обзор и обобщение российского и зарубежного опыта изучения городов со значительной убылью населения, определение возможных направлений исследования таких городов. Представлены результаты основных исследовательских проектов, благодаря которым тематика «сжимающихся городов» получила внимание со стороны специалистов по городскому развитию из различных стран. Отмечены ведущие центры исследований, сложившиеся в Германии и США – странах, где проблема «сжимающихся городов» наиболее выражена. В заключительной части статьи обсуждается возможность применения термина «сжимающийся город» и связанных с ним управленческих подходов в российской практике.

Опыт исследования городов России, теряющих население. В России убыль населения как траектория развития городов отмечается сравнительно недавно. На протяжении почти всего XX в. доминировал рост городов и числа городских жителей. Примеры угасания отдельных городов встречались (города-центры добычи угля в Тульской, Свердловской, Кемеровской областях, Пермском крае), но это не составляло значимого в масштабе страны явления. Основное внимание в исследованиях городского расселения уделялось изучению крупных центров, агломераций, районов нового освоения на Европейском Севере, в Сибири и Дальнем Востоке, где преобладал рост городов и расширение их сети. Сокращение населения отмечалось только для небольшого числа малых городов.

Резкое изменение социально-экономических и институциональных условий в 1990-е

годы привело к появлению на карте городов России ареалов со значительным сокращением населения. Ключевая особенность современного пространственного развития страны состоит в росте различий между регионами и городами, усилении неравенства и поляризации, что метафорично обозначается как «сжатие» пространства [34].

В работе «Город и деревня в Европейской России: сто лет перемен» отмечается, что в 1990-е годы города России поделились на численно близкие группы, характеризующиеся ростом и убылью населения [23]. Т.Г. Нефедова и А.И. Трейвиш отметили города с убылью населения в 1990–2000-х гг., продолжив временной ряд выделения городов с отрицательной динамикой, проведенный для межпереписных периодов 1959–1970–1979–1989 гг. американским географом Р. Роулэндом. В 1990-е гг. доля городов (людность, превышающая 15 тыс. чел.) с убылью населения составляла 56% всех городов России, на Дальнем Востоке достигая 90%, но на Северном Кавказе – всего 20%. Сопоставление числа городов Европейской России, терявших население в 1979–1989 гг. и в 1990–2000 гг., показывает, что особенности географического распределения таких городов довольно устойчивы: это города старопромышленных районов северо-восточной и южной части Центральной России, города Горнозаводского Урала, новым ареалом убыли населения в 1990-е гг. стали северные регионы. Значительно выросло число городов, испытывающих сокращение населения, среди них появились и отдельные крупные города, динамика населения которых в предыдущие периоды отличалась устойчивым ростом.

Сопоставление людности больших городов по данным переписей 1989 и 2002 гг., проведенное С.А. Тарховым, показывает, что сокращение населения наблюдалось в 91 городе, что превышает число городов с растущей численностью населения [33]. Среди сильно депопулировавших городов отмечены региональные центры Крайнего Севера, города с устаревшими промышленными технологиями, транзитно-пограничные города Сибири и Дальнего Востока, потерявшие выгоды своего уникального экономико-географического положения.

Особенности демографической динамики городов и административных районов России с использованием материалов переписей

населения 1989, 2002 и 2010 гг. рассмотрены в работах Л.Б. Карачуриной и Н.В. Мкртчяна [11, 12, 13]. В качестве основы исследования привлечена центрально-периферийная концепция пространственного развития, согласно которой в региональных центрах и ближайших к ним районах происходит концентрация населения, тогда как остальные территории (если они не связаны с добычей ресурсов или обладают уникальным положением) теряют население. Для характеристики центрально-периферийного градиента использованы данные о ранге соседства и расстоянии до регионального центра. Оценка ключевых факторов, объясняющих динамику населения, выполнена с помощью группировок территориальных ячеек по плотности и административному статусу (города, районные центры, сельская местность). Анализ динамики численности городов представлен по относительному значению роста/убыли за период 1989–2002 и 2003–2010 гг. и группам плотности [11]. Города со снижением численности составляли не менее половины от всех городов в рассматриваемые межпереписные периоды, однако их состав значительно изменился. Число городов с экстремально высокой убылью населения (более 25%, 25–50%) в 2000-е гг. по сравнению с 1990-ми значительно сократилось. В составе этой группы – преимущественно северные города, для которых в 1989–2002 гг. был характерен сильный миграционный отток населения (так, в городах Билибино, Певек, Игарка, Сусуман и Северо-Курильск численность населения сократилась более, чем на 50%). Наиболее многочисленная группа среди выделенных градаций динамики численности в оба периода – города с убылью 5–25%. Если в 1989–2002 гг. в группе преобладали малые и средние города, но встречались примеры и отдельных крупных городов (Северодвинск, Рыбинск, Березники, Нижний Тагил, Комсомольск-на-Амуре и др.), то в 2003–2010 гг. состав группы стал более однородным по численности, с доминированием небольших городов. Таким образом, в 1990-е гг. основной «полюс» убыли населения составляли города Севера и Дальнего Востока и отдельные малые города, а в 2000-е гг. более выраженным стал центрально-периферийный градиент: среди городов, теряющих население, возросло число малых и средних городов, удаленных от регионального центра.

Города России с отрицательной динамикой значительно различаются между собой по численности населения, географическому положению, роли в системе расселения и экономической специализации. Поскольку динамика численности может выступать индикатором социально-экономического благополучия города, то для характеристики массива литературы по вопросам сокращения населения также можно обратиться к исследованиям депрессивных и кризисных городов. Г.М. Лаппо в обзоре итогов урбанизации России к концу XX в. отмечает, что в наиболее трудном положении оказались районные центры территорий, отличающихся периферийным положением, и монофункциональные промышленные центры, в особенности текстильные, угольные, горнорудные [15, 16]. Характеристика социально-экономического состояния городов России на основе семи ключевых индикаторов, отражающих занятость и уровень доходов, экономическую ситуацию, благоустройство, проводится Т.Г. Нефедовой и А.И. Трейвишем [21, 22, 23]. Оценки городов, подготовленные на 1996, 2003 и 2007 гг., иллюстрируют связь благополучия города с размером, местоположением и функциями. При группировке городов по плотности наиболее низкими оценками отличаются малые города, а по экономическому профилю – центры лесной и целлюлозно-бумажной, легкой промышленности. Определенное внимание обозначенным типологическим группам уделяется в рамках отдельных направлений геоурбанистики, связанных с изучением малых и монопрофильных городов.

Многочисленность группы малых городов, их опорная роль в локальных системах расселения, историко-культурный потенциал формируют традиционный интерес к изучению этого типа городов в географии, экономике, социологии. Малые города часто отличаются негативной динамикой, в силу узости рынка труда, ограниченных возможностей для получения образования и ряда других причин. Так, согласно материалам Федеральной программы «Возрождение и развитие малых городов России», на начало 1990-х гг. по характеру динамики социально-экономического развития выделялось 192 стагнирующих и 20 «умирающих» городов, почти все «умирающие» города были расположены в Европейской России [7].

Обобщение социально-экономических проблем, специфичных для малых городов

России, а также эффективных инструментов социально-экономической политики, представлено в коллективной работе сотрудников Фонда «Институт экономики города» [31]. Среди ключевых проблем – трансформация функциональной структуры, неблагоприятная демографическая ситуация и низкий уровень качества жизни, кризисное состояние городского хозяйства, недостаток муниципальных финансов. Для реструктуризации основных сфер города предложены территориальный маркетинг, развитие малого бизнеса, реформирование жилищно-коммунального хозяйства и системы социальной защиты.

В 1990-х–начале 2000-х гг. государственные и некоммерческие структуры разработали ряд программ социально-экономического развития малых и средних городов, однако они были реализованы с ограниченной успешностью. В 2000-е гг. основной акцент городской политики сместился на проблемы монопрофильных городов, тогда как малые города остались несколько в тени, хотя состав групп малых и монопрофильных городов частично пересекается.

Помимо исследований и государственных программ, направленных на экономическое развитие малых городов, можно привести примеры работ, акцентирующих внимание на социально-политической ситуации, образе жизни и ценностях горожан, пространственной организации и характере городской среды. Среди них выделяются исследование под руководством В.Л. Глазычева «Глубинная Россия: 2000–2002» [8] и проект Института этнологии и антропологии РАН и Российского государственного гуманитарного университета «Социальная антропология современного российского города» [19]. Данные публикации представляют собой результаты полевых исследований малых городов России, в рамках которых собран обширный эмпирический материал, иллюстрирующий различные сферы жизни города.

Другое русло городских исследований, объект интереса которого во многом включает в себя города с убылью населения – изучение монопрофильных городов. Такие города отличаются преобладанием одной компании или отрасли в экономике города, в качестве критериев монопрофильности могут быть использованы показатели занятости, производства промышленной продукции, налоговых поступлений. В конце 2000-х гг. в ответ на кризис-

ную ситуацию в отдельных городах сформировались принципы государственной политики в отношении монопрофильных городов. Суть программы состоит в финансовой поддержке проектов, нацеленных на диверсификацию экономики города. Условием получения финансирования является наличие комплексного плана развития, включающего в себя набор проектов по снижению зависимости города от одного предприятия [25]. Критерии отнесения города к монопрофильным, списки таких городов, успешность предложенных мер поддержки стали одной из значимых тем исследовательского интереса как в академической, так и в прикладной сфере.

Наиболее полным исследованием считается проект «Монопрофильные города и градообразующие предприятия» [18]. Мониторинг ситуации в моногородах проводился коллективом Научно-методического центра «Города России» под руководством В.Я. Любвского [14, 17]. Выполнен анализ демографической ситуации, рынка труда, экономической базы поселений в целом и основных градообразующих предприятий, выявлены основные тенденции в развитии монопрофильных поселений в переходной экономике и механизмы их адаптации. Внимание к монопрофильным городам на федеральном уровне, декларируемая политика диверсификации побудили рост внимания исследователей к альтернативным вариантам городского развития. Так, применение концепции циклического развития отдельных отраслей к динамике монопрофильных городов показывает, что для таких городов может быть выделена завершающая фаза жизненного цикла [35]. В проекте для компании «Базовый Элемент» предложена типология развития моногородов по степени благополучности градообразующего предприятия и альтернативных сфер городской экономики. Для населенных пунктов с отсутствием перспектив ведущего предприятия и других сфер экономики предложен сценарий «управляемого сжатия», предполагающий оптимизацию территории и обеспечение занятости и переселения жителей [10]. В обзоре сотрудников Фонда «Институт экономики города» типология на основе критериев потенциала градообразующего предприятия и других сфер экономики города дополнена характеристиками численности населения и доступности аль-

тернативных рынков труда, расширен набор управленческих механизмов в зависимости от типа города [25]. Также эта типология стала основой для обзора зарубежной практики развития монопрофильных городов, подготовленного А.Н. Пилясовым и Н.Ю. Замятиной [9].

В региональном отношении убыль населения особенно выражена для городов Европейского Севера, Нечерноземья, Горнозаводского Урала, Восточной Сибири и Дальнего Востока. Характер динамики населения городов этих территорий отмечается в обзорных работах по демографическому развитию и городскому расселению, подготовленных в отдельных региональных исследовательских центрах – Тверском университете [6], Уральском экономическом университете [3, 4], Институте географии СО РАН [26], Тихоокеанском институте географии ДВО РАН [1, 30]. В отдельное направление выделяется изучение северных территорий. В 1990-е гг. произошел резкий перелом траекторий развития городов Крайнего Севера: положительная демографическая динамика сменилась на значительную убыль большинства городов, за исключением некоторых региональных центров и городов, связанных с добычей нефти и газа. В России действует несколько центров междисциплинарных исследований северных и арктических территорий (Центра экономики Севера и Арктики СОПС, Институт социально-экономических и энергетических проблем Севера в Коми научном центре УрО РАН, Институт экономических проблем им. Г.П. Лузина в Кольском научном центре РАН). Исследовательские коллективы этих центров в 1990–2000-е гг. подготовили ряд монографий, в которых прослежена социально-экономическая трансформация регионов Крайнего Севера и Арктики [24, 27, 28, 29]. Однако основная проблематика связана с вовлечением в использование минеральных ресурсов, развитием транспортной инфраструктуры, тогда как демографическая динамика городов, структура населения и особенности пространственного развития городов остаются на втором плане. Между тем, именно в городах Севера последствия убыли населения наиболее заметны. Массовый миграционный отток в 1990-е гг. в сочетании со стремлением сохранить «северную прописку» привел к тому, что в жилищном фонде города появилось боль-

шое число пустующих квартир с невыясненными правами собственности.

Интересно отметить, что анализ городов в свете негативной демографической динамики и ее влияния на процессы городского развития проведен для городов Юга – региона, отличающегося стабильным естественным приростом и миграционной привлекательностью в масштабе страны [37]. В работе сопоставлены динамика численности населения городов региона в 1989–2014 гг. и материалы демографических прогнозов и документов территориального планирования. Траектория роста остается предпочтительным сценарием при проектировании городского развития даже в случае проявления тенденций убыли населения.

В заключении обзора работ, посвященных развитию городов России в 1990–2000-е гг. стоит отметить, что внимание к городам, теряющим население, формируется, однако в целом при изучении городов доминируют экономические аспекты. Тематика изучения влияния демографических процессов на другие сферы городского развития еще не получила должного отражения, однако характер и масштаб тенденций убыли населения позволяют предположить, что это может стать актуальной тематикой. Проявления сокращения населения для социально-экономического и пространственного развития городов пока не изучались. На данном этапе развития последствия сокращения населения наиболее заметны в сельской местности. Влияние депопуляции и «сжатия» пространства на агропроизводство и социальное развитие сельской местности прослежено в работах Т.Г. Нефедовой [20], К.В. Аверкиевой [2], механизмы трансформации сети объектов сферы услуг в районах с интенсивной убылью населения предложены коллективом исследователей под руководством И.В. Стародубровской [32].

Тематика и основные центры исследования «сжимающихся» городов в зарубежных странах. В современных зарубежных исследованиях «нисходящей фазы» развития городов преобладает термин «сжимающийся город» (англ. *shrinking city, shrinking* – сжимающийся, съеживающийся и *city* – город). Эта метафора эпизодически употреблялась в 1970–1980-е гг. исследователями Германии и США для описания кризисных явлений в социально-экономическом развитии [41]. Термин стал широко востребован в 1990-е гг.

при изучении городов Восточной Германии. Изменения в экономической и управленческой системе, связанные с объединением Германии в 1990 г., привели к значительному сокращению численности населения городов восточных земель. Убыль населения была обусловлена действием как демографических (низкий уровень рождаемости, не обеспечивавший простое воспроизводство населения), так и миграционных процессов (отток населения в западные земли по экономическим мотивам и в пригороды с целью улучшения жилищных условий). Сокращение населения заметно сказалось на облике городов, после десятилетий дефицита жилья появилось значительное число пустующих квартир. Эта ситуация получила широкий отклик в научных исследованиях и общественном обсуждении. В 2000-е гг. была предложена федеральная программа обновления городов «Stadtumbau Ost», одной из ключевых мер которой стал снос жилья [43].

К «сжимающимся» относят города со значительной убылью населения, часто вызванной структурным кризисом городской экономики [45]. Уменьшение размера города требует адаптации пространственной структуры, жилищного фонда, мощности и характера расположения сети объектов инженерной инфраструктуры, школ и больниц. Все эти процессы могут метафорично обозначены как «сжатие» (urban shrinkage).

Благодаря активной работе представителей университетов и исследовательских центров Германии термин «сжимающийся город» стал употребляться при изучении особенностей развития городов США, Великобритании, Франции, Японии и некоторых других стран. При ведущем участии немецких специалистов реализовано несколько международных проектов («Shrinking Cities», 2002–2008 [49]; «Shrink Smart: The governance of shrinkage within European context», 2009–2012 [55]; «Cities Regrowing Smaller», 2009–2013 [39]).

В 2002–2008 гг. под руководством архитектора Филиппа Освальта реализован исследовательский и выставочный проект «Shrinking Cities» [49]. Проект проводился при поддержке Правительства Германии с участием Федеративного фонда культуры Германии (Kulturstiftung des Bundes) и фонда «Bauhaus-Dessau». Цель исследования – обзор причин сокращения населения городов

и его последствий в Германии и других странах для предложения стратегий городского развития. Особое внимание уделено публичному освещению результатов проекта: подготовлен «Атлас сжимающихся городов» [36], материалы проекта экспонировались в ряде музеев и выставочных центрах мира, в том числе в Москве и Санкт-Петербурге.

В исследовании феномен сокращения населения городов рассмотрен в историческом и географическом ракурсе. Основное отличие современной ситуации от доиндустриального периода урбанизации состоит в доминирующих причинах и географических особенностях сокращения населения. Ранее «сжимающиеся города» были своего рода «точечным» явлением, связанным с эпизодическими природными или социальными бедствиями. Развитие городов на современном этапе определяется глобальными социально-экономическими изменениями – демографическим переходом, ростом мобильности населения, деиндустриализацией и развитием третичного сектора, изменением жилищных предпочтений в сторону малоэтажного жилья. В 1990-е гг. убыль населения стала определяющей траекторией развития для ¼ городов мира с населением более 100 тыс. чел [53].

Обзор «сжимающихся» городов в масштабе всего мира дополнен рассмотрением отдельных примеров (Детройт, Ливерпуль и Манчестер, Лейпциг и Галле, Ивановская область). Все эти города, по мнению кураторов исследования, представляют собой различные типы и ситуации «сжатия». В Детройте убыль населения – следствие субурбанизации, в Ливерпуле и Манчестере – деиндустриализации. Сокращение населения в городах Ивановской области рассмотрено как проявление постсоветских трансформаций при переходе к рыночной экономике, а ситуация в Лейпциге и Галле – пример сопряженного действия нескольких факторов.

Особое внимание в проекте уделено осмыслению тенденций сокращения населения как новой ситуации для городского планирования. Современная практика градостроительства сложилась в условиях роста городов, когда большинство проектов были связаны со развитием новых городов и отдельных районов, расширением застроенных территорий и увеличением плотности застройки. Однако в случае «сжимающихся» городов традиционные приемы городского планирования приме-

нимы ограничено. В качестве альтернативы предложено несколько подходов к развитию «сжимающихся» городов: «Deconstructing» (дезурбанизация, восстановление природных объектов на ранее застроенных территориях), «Reevaluating» (альтернативные варианты использования заброшенных и пустующих участков), «Reorganizing» (учет социальных процессов, отношений и предложение инициатив, связанных с включением горожан в развитие города), «Imagining» (вопросы коммуникации в городской среде, идентичность жителей и возможности различных социально-культурных проектов) [54].

Авторы проекта рассматривают феномен «сжимающихся городов» как потенциал для развития теории и практики архитектуры, подобно тому, как стремительный рост городов в конце XIX – начале XX вв. стал импульсом появления ряда градостроительных концепций и направлений. Убыль населения городов может стать основой переосмысления отношения между пространством и его функциональным использованием: от проектирования прежде всего физической, материальной составляющей городской среды к созданию условий, способствующих складыванию определенных социальных отношений.

В 2009–2012 гг. проводились исследования в рамках проекта «Shrink Smart: the governance of shrinkage within European context» [55], поддержанного рамочной программой Европейского Союза по развитию исследований и технологий. Проект реализован при ведущем участии Центра по изучению окружающей среды (Helmholtz-Zentrum für Umweltforschung), расположенном в Лейпциге. Цель исследования – выявление проблем развития «сжимающихся» городов и ответных мер, предпринимаемых органами власти для их решения.

В методическом отношении исследование строится на сравнительном подходе. Рассмотрено 7 примеров городов (или групп городов), расположенных в староосвоенных районах Европы – Лейпциг и Галле (Германия), Манчестер и Ливерпуль (Великобритания), Острава (Чехия), Сосновец и Бытом (Польша), Генуя (Италия), Тимишоара (Румыния), Донецк и Макеевка (Украина). Работа велась коллективами институтов и исследовательских центров, представляющих изучаемые регионы.

Исследование оперирует двумя ключевыми понятиями: «сжатие» (urban shrinkage) и городское управление (urban governance) [48]. При разработке методики исследования дан обзор определений понятий, сложившихся в различных национальных контекстах. В качестве теоретической основы изучения городского управления использована концепция городских политических режимов. Предложена единая для всех городов программа изучения, набор индикаторов и критериев для характеристики процессов «сжатия» и складывающихся моделей городского управления.

В рассмотренных городах процессы «сжатия» имеют различную длительность и характер проявлений: в городах Западной Европы негативная демографическая динамика отмечается уже с 1950–1960-х гг., тогда как для городов Восточной Европы сокращение населения стало одним из симптомов социально-экономической трансформации 1990-х гг. Обзор управленческих решений показывает, что ключевая проблема в том, что существующие демографические тенденции зачастую не принимаются во внимание, недоучитываются последствия «сжатия» для городского развития.

Проект «Cities Regrowing Smaller» [39], реализованный в 2009–2013 гг., был ориентирован прежде всего на установление контактов между исследователями, вовлеченными в изучение «сжимающихся городов». Проект поддержан в рамках Европейской программы сотрудничества в области научных исследований и технологий (COST – Cooperation in Science and Technology). Проект объединил исследователей из 23 стран Европы. Координацию исследований осуществляли представители Технического университета Дортмунда (Thorsten Wiechmann), Кайзерслаутерна (Karina Pallagst), Амстердамского университета (Marco Bontje). В рамках проекта действовало несколько исследовательских групп, объединенных общей задачей, в числе которых были обзор существующей литературы по теме, типология и картографирование «сжимающихся городов», оценка управленческих решений и создание базы лучших практик. Одним из ключевых результатов проекта стала карта «сжимающихся городов» Европы, на которой представлены типы городов по характеру динамики населения и

вкладу естественного и миграционного движения в общее изменение численности.

Интерес к теме «сжимающихся городов» нашел также отражение в подготовке специальных выпусков международных академических журналов по географии и городскому планированию (*International Journal of Urban and Regional Research* (2012) [47], *Built Environment* (2012) [38], *URBAN DESIGN International* (2013) [56], *European Planning Studies* (2015) [40]). Вопросам развития «сжимающихся городов» посвящено несколько коллективных монографий [50, 51, 57]. В большинстве стран Европы, США, Канаде, Австралии, Японии действуют исследовательские группы, рассматривающие развитие «сжимающихся городов» в своем национальном контексте. Обращение к теме «сжимающихся городов» прослеживается не только в регионах мира, в которых представлены индустриальные районы, своего рода «очаги» сжатия, но и в странах с относительно меньшей ролью тяжелой промышленности в экономике и более благоприятной демографической ситуацией (страны Южной Европы, Латинской Америки, есть даже пример публикации по «сжимающимся городам» Китая [52]).

Однако наиболее значимые исследовательские центры «сжимающихся городов» сложились в Германии и США. Города этих стран, Лейпциг и Галле, Детройт, Янгстоун и Буффало часто рассматриваются как хрестоматийные примеры «сжатия». В Германии видимые эффекты «сжатия» связаны с возникновением резкого контраста в уровне жизни между восточными и западными землями в рамках объединенной Германии. Проблемы демографического развития городов и их последствия получили внимание на государственном уровне. Обследование демографической динамики и социально-экономического развития городов проводится Федеральным институтом исследований в области строительства, городского хозяйства и пространственного развития (Bundesinstitut für Bau-, Stadt- und Raumforschung – BBSR), результаты представлены на интерактивной карте «Растущие и сжимающиеся города и общины» [46]. В США проблема «сжатия» связана с особенностями пространственной структуры городов и высокой степенью подвижности населения – отдельные изменения в социально-экономической ситуации, колебания на рынке жилья приводят к тому,

что в городах появляются отдельные невосребованные дома и пустующие участки. Если в Германии внимание к «сжимающимся городам» формулируется на федеральном уровне, предлагаются программы национального значения, то в США большинство инициатив связано с локальным уровнем, преобладают отдельные решения на уровне градостроительного проектирования, создания муниципальных земельных банков и др. Сопоставление основных исследовательских центров, сложившихся в Германии и США, их тематики и применяемых методов представлено в таблице 1.

Сокращение населения городов и его последствия: взгляд со стороны практики городского планирования. Краткий обзор исследований городов со значительной убылью населения показывает, что эта тематика актуальна для изучения, задает широкий ряд вопросов и имеет приложения к практике городского и территориального планирования. Сокращение населения характерно для определенных типологических и региональных групп городов России, однако это явление еще не получило должного описания и внимания в научной и прикладной сфере. В зарубежных странах исследования городов, теряющих населения, сформировалось в отдельное предметное направление. В связи с этим возникает вопрос, уместно ли использование предложенного в международных исследованиях термина «shrinking city» и связанным с ним управленческим подходам к развитию городов, к описанию ситуации в России.

В социальных науках велико значение применяемых терминов – они отражают определенную традицию, представляют ту или иную нормативную установку, встраивают проблему в сложившуюся систему взглядов. Так, введение терминов «shrinking cities», «urban shrinkage» в активное использование строилось на противопоставлении распространенному в англо-саксонском контексте термину «urban decline», который можно перевести как «упадок городов» [41]. Исследователи отмечают, что каждое из этих выражений отражает особый подход к восприятию ситуации в городе. Термин «упадок городов» употребляется в контексте внимания к экономическим аспектам развития города, а «сжатие городов» – к демографическим, динамике численности населения.

Таблица 1

Ведущие центры изучения «сжимающихся городов» в США и Германии

Исследовательский центр	Исследователи	Тематика работ	Методы
Центр исследований окружающей среды, рабочая группа «Городские и региональные исследования» (Helmholtz-Zentrum für Umweltforschung, Working Group «Urban and Regional Research») / Лейпциг, Германия	Annegret Haase, Katrin Grossman, Dieter Rink, Manuel Wolff	Социальные и пространственные последствия «сжатия» в городах Восточной Европы; городское управление; пустующее жилье и развитие районов панельного жилья; реурбанизация	Анализ статистических показателей; полевые наблюдения; экспертные интервью; моделирование процессов городского развития
Технический университет Кайзерслаутерна, кафедра «Международные системы городского планирования» (TU Kaiserslautern, Department International Planning Systems) / Кайзерслаутерн, Германия	Karina Pallagst, René Fleuschuriz	Сравнение систем городского планирования в различных странах (в особенности в США и Германии), анализ подходов городского управления в условиях роста и «сжатия»	Анализ документов городского планирования; полевые наблюдения, глубинные интервью
Колумбийский университет, Высшая школа архитектуры и городского планирования (Columbia University, Graduate School of Architecture, Planning and Preservation) / Нью-Йорк, США	Robert Beauregard	Оценка демографического развития городов США в длительной перспективе с выделением распространения, масштаба, устойчивости и регионального охвата тенденций убыли населения	Анализ данных о численности населения городов, обзор документов территориального планирования и материалов СМИ
Массачусетский технологический институт, кафедра городских исследований и планирования (MIT, Department of Urban Studies and Planning) / Бостон, США	Brent Ryan	История городского планирования и подходов к архитектурному проектированию в индустриальных городах США, проявления «сжатия» на внутригородском уровне, политика «управляемого сжатия» (rightsizing)	Картографический анализ городской застройки (типологии зданий, пустующие участки), полевые исследования
Университет Колорадо в Денвере, факультет городского планирования и дизайна (University of Colorado, Planning and Design Faculty) / Денвер, Колорадо	Jeremy Németh	Варианты временного использования пустующих территорий, общественные пространства в «сжимающихся городах»	Архитектурно-градостроительный анализ, полевые наблюдения
Университет Тафтса, кафедра городской и экологической политики и планирования (Tufts University, Department of Urban and Environmental Policy and Planning) / Медфорд, США	Justin Hollander	Использование городских технологий и больших массивов данных при принятии решений (smart decline); варианты развития бывших промышленных территорий	Статистический анализ и моделирование с использованием геоинформационных технологий
Университет Кента, Центр городского дизайна Кливленда (Kent State University, Cleveland Urban Design Collaborative) / Кливленд, США	Terry Schwarz, Steve Rugare	Подходы к улучшению качества городской среды в «сжимающихся городах»: варианты временного использования пустующих территорий, социальные инициативы, развитие парков и зеленых зон	Архитектурно-градостроительный анализ, полевые наблюдения

Составлено автором.

С 1950–1960-х гг. англоязычных странах в научной литературе и практике городского планирования утвердились термины «urban decline», «urban decay». Шеффилд, Манчестер, Ливерпуль в Великобритании, Кливленд, Питтсбург, Балтимор в США испытывали отток населения в силу экономической реструктуризации после упадка традиционных отраслей промышленности – угледобычи и черной металлургии. Эти тренды усилились действием субурбанизации, начавшейся на пике индустриального упадка в 1960-е гг. Термин «urban decline» сложился в условиях преобладающего роста городов, когда убыль была точечным явлением. Корень проблем депрессивных городов виделся исследователям в цикличности экономического и городского развития, которое можно представить как последовательную смену этапов роста и упадка отдельных отраслей, городских районов и определенных типов городов [42]. Практическое следствие такой интерпретации убыли населения состояло в предложении мер городской политики, направленных на преодоление негативных тенденций и возобновление экономического роста.

В настоящее время сокращение населения стало распространенной тенденцией городского развития. Это требует пересмотра управленческих практик, акцент должен быть сделан на адаптации экономики, жилищного фонда, инфраструктурных сетей к меняющемуся размеру города. Такую ситуацию, по мнению современных исследователей, емко описывает термин «urban shrinkage». Сопоставление терминов «urban decline» и «urban shrinkage» представлено в таблице 2.

В настоящее время термин «shrinking city» широко распространен в международной практике для обозначения городов с «нисходящими» тенденциями городского развития, термин часто употребляется без перевода. В России для описания городов с выраженными тенденциями убыли населения используется термин «убывающие», «депрессивные», «депопулировавшие», «сокращающиеся». Наиболее часто встречается вариант «убывающие города». Это выражение применялось в российской части проекта «Shrinking Cities» под руководством Филиппа Освальта при изучении городов Ивановской области [49], использовано в статье о городах Республики Коми [5],

также термин встречается в отдельных примерах общественных дискуссий.

Однако представленный литературный обзор позволяет предложить в качестве предпочтительного термина вариант «сжимающиеся города». Это наиболее точный перевод выражения «shrinking cities», что позволяет встроить российские исследования в формирующуюся международную научную традицию. Также предлагаемый термин вторит концепции «сжатия» пространства (коммуникационного и освоенческого), согласно которой социально-экономическое развитие концентрируется в отдельных узлах, связи между которыми становятся теснее, нежели с остальной территорией.

Определенная критика термина связана с тем, что он не описывает современное пространственное развитие городов – часто наблюдается «расползание», рост территории под малоэтажной застройкой. Действительно, в России сохраняется высокий спрос на жилье, и ситуация, сходная с Германией и США, отнюдь не характерна. Однако не стоит понимать «сжатие» буквально, как движение от некоторой площади к точке. «Сжатие» города – это прежде всего уменьшение размера города, что означает снижение потенциального значения города в экономике и системе расселения. Подобная ситуация отмечена в городах Восточной Европы, где спрос на жилье по-прежнему не насыщен. Однако исследователи Центра исследований окружающей среды (UFZ) в Лейпциге отмечали применимость термина «shrinking city», значение которого шире, чем только пространственные аспекты [44].

Помимо вовлечения в использование самого термина, следует также отметить возможность изучения и использования связанных с ним управленческих подходов. Проблема нахождения компромисса в определении траектории развития города, испытывающего убыль населения, обусловлена тем, что часто предлагаются диаметрально противоположные варианты. Один из вариантов состоит в переселении жителей в более успешные города, с развитым рынком труда. Другой вариант связан с поиском нового стимула развития городской экономики. Однако каждого из вариантов в «полном виде» затратно и имеет ряд ограничений: не все жители города стремятся уехать, а реализация крупных инвестиционных проек-

Таблица 2

Сопоставление подходов к восприятию кризисных явлений в городском развитии

Период	Упадок городов / депрессивные города	«Сжатие» городов / «сжимающиеся города»
	1950–1960-е гг.	1990–2000-е гг.
Страны, в которых появилась концепция	Великобритания, США	Германия
Принципы государственной политики, характерные для периода	«Государство всеобщего благосостояния»: масштабная социальная политика, региональные программы, направленные на выравнивание развития территорий	Внедрение рыночных принципов в государственной политике: конкуренция между регионами и муниципалитетами за финансовые ресурсы, применение принципов рыночной «эффективности» при проведении социальной и региональной политики
Отношение к сокращению населения городов	Временная фаза в циклическом процессе городского развития, связанная со сменой технологических укладов, стадий урбанизации	Необратимый, структурный и устойчивый процесс – проявление на локальном уровне глобализации, деиндустриализации, демографического перехода
Стратегия развития города	Поиск спроса на продукцию и услуги города (стремление привнести в город отрасли, которые будут востребованы со стороны других регионов и городов)	Поиск места города в системе городов региона (обращение внимания на внутренние резервы города, акцент на качество городской среды)
Меры городской политики	Новое развитие, способное приостановить тенденцию убыли (создание инфраструктуры поддержки высокотехнологичных отраслей экономики, малого бизнеса; привлечение международных компаний; развитие туризма, сферы услуг)	Адаптация всех компонентов городской среды к сокращению населения (снос пустующего жилья, озеленение открытых пространств, оптимизация сетей инженерной инфраструктуры)

Составлено автором.

тов, проведение масштабных мероприятий, строительство инфраструктурных объектов, которые рассматриваются как средство привлечения в город финансовых ресурсов, часто еще более усиливают зависимость города от колебаний мировой экономики.

Распространение термина «shrinking city» обусловлено стремлением утвердить подход к развитию городов, альтернативный росту. Такой «возвратный шаг» часто воспринимается негативно, как нежелательная и крайняя мера. Однако «сжатие» не означает исчезновения города. Примеры управленческих решений, предполагавших выселение всех жителей города, показывают, что это очень затратная и сложная с точки зрения реализации мера, применимая лишь для территорий с экстремальными природными условиями. Все города играют роль определенного звена в системе расселения, встроены в сложившиеся экономические, транспортные и социальные связи. Использование понятия «сжимающийся город» позволяет подчеркнуть, что зна-

чение города в национальной, региональной и местной системе расселения постоянно меняется, как в сторону усиления, так и уменьшения. В связи с этим логичным шагом представляется аккуратный учет современных демографических тенденций при планировании социально-экономического и пространственного развития города. Важно также рассматривать процессы развития сложившихся городских территорий и умеренно вовлекать под застройку свободные площади.

Заключение. В статье проведен обзор отечественного и зарубежного опыта исследования «сжимающихся городов». В России формируется определенное внимание к этому явлению, хотя число работ, посвященных городам, теряющим население, как отдельному объекту научного интереса, пока незначительно. Вместе с тем, широко представлены работы, посвященные исследованию малых и монопрофильных городов – типологических групп городов, в наи-

большей степени затронутых сокращением населения. Преобладающей тематикой является изучение экономической составляющей развития города, с ограниченным вниманием к социально-демографическим, градостроительным аспектам, развитию жилищной сферы. Проблематика «сжимающихся» городов гораздо шире представлены в работах зарубежных ученых, во многом благодаря ряду исследовательских инициатив представителей Германии, где в 1990-е гг. убыль населения в некоторых городах восточных земель превышала 20% за десятилетний период. Эта тема также актуальна для городов США, где сложилось несколько иссле-

довательских центров, разработавших ряд управленческих и планировочных механизмов регулирования городского развития в условиях «сжатия». В заключение отмечена возможность применения термина «сжимающийся город» и связанных с ним подходов к развитию городов в российском контексте. Обращение к опыту зарубежных стран, столкнувшихся с проблемами сокращения населения городов, полезно при изучении городов России, однако использование управленческих решений должно опираться на всесторонний учет местных особенностей и принимать во внимание интересы жителей города.

Библиографический список

1. Авдеев Ю.А., Сидоркина З.И., Цицашвили Г.Ш. Проблемы населения Дальнего Востока. – Владивосток: Дальнаука, 2004.
2. Аверкиева К.В. Инновации в сельском хозяйстве Нечернозёмной зоны России как ответ на «сжатие пространства» // Известия РАН. Серия географическая. – 2012. – № 4. – С. 20–31.
3. Анимиджа Е.Г., Власова Н.Ю., Дворякина Е.Б., Сурнина Н.М. Структурная трансформация экономики городов старопромышленного региона. – Екатеринбург, 2001.
4. Анимиджа Е.Г., Медведева И.А., Сухих В.А. Малые и средние города: тенденции и стратегия социально-экономического развития. – Екатеринбург, 2004.
5. Антонов Е.В., Денисов Е.А., Ефремова В.А., Фаддеев А.М. Современные проблемы развития убывающих городов на северо-востоке Республики Коми // Вестник Московского университета. Сер. 5. География. – 2014. – № 2. – С. 55–61.
6. Богданова Л.П., Ткаченко А.А., Щукина А.С. Демографическое развитие Тверского региона. – Тверь: ЧуДО, 2001.
7. Возрождение и развитие малых городов России: Основные положения Федеральной программы и экономических методов ее практической реализации. – М.: АО «Панас-Аэро», 1994.
8. Глазычев В.Л. Глубинная Россия: 2000–2002. – М.: Новое издательство, 2003.
9. Замятина Н.Ю., Пилясов А.Н. Инновационный поиск в монопрофильных городах: блокировки развития, новая промышленная политика и план действий. – М.: УРСС, 2015.
10. Землянский Д.Ю., Ламанов С.В. Сценарии развития монопрофильных городов России // Вестник Московского университета. Сер. 5. География. – 2014. – № 4. – С. 69–74.
11. Карачурина Л.Б. Демографические трансформации городов постсоветской России // Региональные исследования. – 2013. – № 3. – С. 23–36.
12. Карачурина Л.Б., Мкртчян Н.В. Динамика численности населения муниципальных образований РФ как отражение центрo-периферийной концепции пространственного развития (1989–2002 гг.) // Региональные исследования. – 2010. – № 3. – С. 69–83.
13. Карачурина Л.Б., Мкртчян Н.В. Изменение численности населения административных районов и городов России (1989–2010 гг.): центрo-периферийные соотношения // Вопросы географии. Сб. 135: География населения и социальная география / Отв. ред. А.И. Алексеев, А.А. Ткаченко. – М.: Издательский дом «Кодекс», 2013. – С. 82–107.
14. Кузнецова Г.Ю. Социально-экономические трансформации монопрофильных поселений в переходной экономике // Региональные исследования. – 2004. – № 1. – С. 33–43.
15. Лаппо Г.М. Итоги российской урбанизации к концу XX века // Россия и ее регионы в XX веке: территория – расселение – миграции / Под ред. О. Глезер и П. Поляна. – М.: ОГИ, 2005. – С. 187–214.
16. Лаппо Г.М. Урбанизация в Европейской России: процессы и результаты // Город и деревня в Европейской России: сто лет перемен / Под ред. П. Поляна, Т. Нефедовой, А. Трейвиша. – М.: ОГИ, 2001. – С. 124–154.
17. Любовный В. Я. Монопрофильные города в условиях кризиса: состояние, проблемы, возможности реабилитации. – М.: ЗАО «Дортранспечать», 2009.
18. Монопрофильные города и градообразующие предприятия. В 5 тт. / Под ред. И.В. Липсица. – М.: Издательский дом «Хроникер», 2000.
19. Мы здесь живем: Социальная антропология малого российского города / Отв. ред. В.А. Тишков; Редкол.: Н.А. Антропова, О.Ю. Артемова, М.Ю. Мартынова. – М.: РГГУ, 2013.
20. Нефедова Т.Г. Депопуляция сельской местности и агропроизводство // Россия и ее регионы в XX веке: территория – расселение – миграции / Под ред. О. Глезер и П. Поляна. – М.: ОГИ, 2005. – С. 341–356.
21. Нефедова Т.Г. Российская периферия как социально-экономический феномен // Региональные исследования. – 2008. – № 5. – С. 14–31.
22. Нефедова Т.Г., Трейвиш А.И. Города и сельская местность: состояние и соотношение в пространстве России // Региональные исследования. – 2010. – № 2. – С. 42–57.

23. Нефедова Т.Г., Трейвиш А.И. Динамика и состояние городов в конце XX века // *Город и деревня в Европейской России: сто лет перемен* / Под ред. П. Поляна, Т. Нефедовой, А. Трейвиша. – М.: ОГИ, 2001. – С. 196–222.
24. Пилиясов А.Н. И последние станут первыми: северная периферия на пути к экономике знания. – М.: УРСС, 2009.
25. Пузанов А.С., Попов Р.А., Ланцев Д.М. Государственная поддержка моногородов в России. – М.: Фонд «Институт экономики города», 2014.
26. Рыков П.В. Социально-демографическая трансформация городов Приангарья в условиях переходного периода / Отв. ред. К.Н. Мисевич. – Иркутск: Изд-во Института географии СО РАН им. В.Б. Сочавы, 2010.
27. Север и Арктика в пространственном развитии России. – Апатиты, 2010.
28. Север как объект комплексных региональных исследований / Отв. ред. В.Н. Лаженцев. – Сыктывкар, 2005.
29. Север: проблемы периферийных территорий / Отв. ред. В.Н. Лаженцев. – Сыктывкар, 2007.
30. Сидоркина З.И., Цициашвили Г.Ш. Определение факторов стабильности в динамике численности населения городов Дальнего Востока // *География и природные ресурсы*. – 2009. – № 4. – С. 129–134.
31. Социально-экономическое развитие малых городов России / Г.Ю. Ветров, Д.В. Визгалов, Е.Ю. Елагина, Ю.С. Зайцева, Д.М. Ланцев, Н.И. Шевырова; Под ред. Г.Ю. Ветрова. – М.: Фонд «Институт экономики города», 2002.
32. Стародубровская И.В. Предоставление социальных услуг на территориях интенсивной депопуляции: есть ли решение? // *Вопросы экономики*. – 2013. – № 11. – С. 89–111.
33. Тархов С.А. Предварительные итоги переписи населения России 2002 года: географический анализ // *Известия РАН. Серия географическая*. – 2004. – № 4. – С. 50–63.
34. Трейвиш А.И. «Сжатие» пространства: трактовка и модели // *Сжатие социально-экономического пространства : новое в практике территориального развития и практике его государственного регулирования* / Под ред. С.С. Артоболевского и Л.М. Синцера. – М.: Эслан, 2010. – С. 16–31.
35. Тургель И.Д. Монофункциональные города России: от выживания к устойчивому развитию. – М.: Директ-Медиа, 2014.
36. Atlas of shrinking cities (Introduction) / Ed. by Oswalt P., Rieniets T. Ostfildern: Hatje Cantz, 2006. [Электронный ресурс] URL: http://www.shrinkingcities.com/fileadmin/shrink/downloads/pdfs/Atlas_Intro.pdf (дата обращения 05.05.2015).
37. Batunova E. Shrinking cities of Southern Russia: specifics of the shrinkage pattern // *Proceedings of the International Conference on Changing Cities II: Spatial, Design, Landscape & Socio-economic Dimensions*. Porto Heli, Greece, June 22–26, 2015.
38. Built Environment, 2012, № 38 (2). Special issue: Understanding Shrinkage in European Regions.
39. COST Action TU0803 Cities Regrowing Smaller [Электронный ресурс] URL: <http://www.shrinkingcities.eu/> (дата обращения 10.05.2015).
40. European Planning Studies, 2015, № 23 (1). Special issue: Responding to Tough Times: Policy and Planning Strategies in Shrinking Cities.
41. Fol S., Cunningham-Sabot E. «Déclin urbain» et Shrinking Cities: une évaluation critique des approches de la décroissance urbaine // *Annales de géographie*, 2010, № 4. P. 359–383.
42. Friedrichs J. A theory of urban decline: economy, demography and political elites // *Urban Studies*, 1993, № 30 (6). Pp. 907–917.
43. Glock B., Häußermann H. New trends in urban development and public policy in eastern Germany: dealing with the vacant housing problem at the local level // *International Journal of Urban and Regional Research*, 2004, № 28 (4). Pp. 919–929.
44. Großmann K., Haase A., Rink D., Steinführer A. Urban shrinkage in East Central Europe? Benefits and limits of a cross-national transfer of research approaches / Nowak M.; Nowosielski M. (Eds.) *Declining cities/Developing cities: Polish and German perspectives*. Wydawnictwo Instytutu Zachodniego, Poznań, 2008. Pp. 77–98.
45. Haase A., Rink D., Grossmann K., Bernt M., Mykhnenko V. Conceptualizing urban shrinkage // *Environment and Planning A*, 2014, № 46. Pp. 1519–1534.
46. Interaktiv Karte: Wachsende und schrumpfende Städte und Gemeiden [Электронный ресурс] URL: <https://www.bbr-server.de/imagemap/SWSGEM/WEB/INDEX.HTML> (дата обращения 22.05.2015).
47. *International Journal of Urban and International Research*. 2012, № 36 (2).
48. Rink D., Haase A., Bernt M. Specification of working model. Shrink Smart Project, Workpackage 1. Leipzig, Helmholtz Centre for Environmental Research, 2009. [Электронный ресурс] URL: http://www.ufz.de/export/data/400/39013_WP1_Paper_D1_D3_FINAL300909.pdf (дата обращения 10.05.2015).
49. Shrinking cities [Электронный ресурс] URL: <http://www.shrinkingcities.com> (дата обращения 10.05.2015).
50. Shrinking cities: A global perspective (Regions and Cities Series) / Ed. by Richardson H.W., Nam C.W. New York, Routledge, 2014.
51. Shrinking cities – International perspectives and policy implications / Pallagst K., Martinez-Fernandez C., Wiechmann Th. (Eds.). New York, Routledge, 2013.
52. Shrinking cities in China [Электронный ресурс] URL: <http://www.beijingcitylab.com/projects-1/15-shrinking-cities/> (дата обращения 30.07.2015).
53. Shrinking cities. Volume 1 – International research (Introduction) / Ed. by Oswalt P. Hatje Cantz Verlag, 2006. [Электронный ресурс] URL: http://www.shrinkingcities.com/fileadmin/shrink/downloads/pdfs/SC_Band_1_eng.pdf (дата обращения 05.05.2015).
54. Shrinking cities. Volume 2 – Interventions (Introduction) / Ed. by Oswalt P. Hatje Cantz Verlag, 2006. [Электронный ресурс] URL: http://www.shrinkingcities.com/fileadmin/shrink/downloads/pdfs/SC_Band_2_eng.pdf (дата обращения 05.05.2015).
55. Shrink Smart – The governance of shrinkage within European context [Электронный ресурс] URL: <http://www.shrinksmart.eu/> (дата обращения 10.03.2015).
56. URBAN DESIGN International, 2013, № 18 (1). Special issue: Shrinking cities.
57. Villes et régions européennes en décroissance, maintenir la cohésion territoriale / Baron M., Cunningham-Sabot E., Grasland C., Rivière D., Van Hamme G. (Dir.) Paris, Lavoisier, 2010.

МОНОПРОФИЛЬНЫЕ ПОСЕЛЕНИЯ РОССИИ В СИСТЕМАХ ГОРОДСКОГО РАССЕЛЕНИЯ

Mikryukov N.U.

RUSSIAN COMPANY TOWNS IN URBAN SETTLEMENT SYSTEMS

Аннотация. Положение монопоселений в системах городского расселения является наименее изученным и одновременно важным по своей значимости вопросом. Риски монопрофильности, в которых вынуждены развиваться поселения этого типа, могут быть нивелированы влиянием рынка труда ближайших городов, где население может найти работу. В статье предлагается подход к оценке влияния значимых для монопоселений центров систем расселения с учетом расстояния до них и наличия маятниковых миграций. Проведена дифференциация систем расселения по количеству входящих в них монопоселений и степени значимости центров систем расселения. Выделены основные географические закономерности интенсивности маятниковых миграций в отдельных экономических районах и регионах страны.

Abstract. Company towns's position in urban settlement systems is the least studied and also important on the importance of the matter. Risks of single-industry, which have to develop in company towns can be leveled influence nearby towns, where people can find a job, moving through commuting. The paper proposes an approach to assessing the impact of significant settlement systems centers for company towns, taking into account distance, and the presence of commuting. The differentiation was carried out for significant for company towns urban settlement systems by numerous of included in this settlement company towns and degree of significance of urban settlement centers. The based geographical patterns of intensity degree of commuting were detected in select economical areas and regions of the country.

Ключевые слова: моногород, поселок, рынок труда, агломерация, система расселения, маятниковые миграции.

Keywords: company town, the village, the labor market, agglomeration, settlement system, commuting.

Введение и постановка проблемы.

Монопрофильные поселения – это населенные пункты, рынок труда которых характеризуется высокой степенью зависимости от единственного градообразующего предприятия или нескольких предприятий, работающих в общей производственно-технологической цепочке. Помимо специфики рынка труда они характеризуются высокой зависимостью бюджетов и жилищно-коммунального хозяйства от градообразующего предприятия. К монопрофильным поселениям в России чаще всего относят города и поселки городского типа, а в единичных случаях – и сельские поселения промышленной специализации. Отсутствие в таких поселениях значимых альтернативных мест приложения труда делает в условиях кризиса проблему трудоустройства сокращенных работников градообразующего предприятия практически неразрешимой. Однако, если они находятся в зоне 1,5 или 2-х часовой транспортной доступности от других относительно крупных городских поселений, то часть жителей может там трудоустроиться, совершая ежедневные маятниковые трудовые поездки. Таким образом, риск монопрофильности в

этом случае может быть отчасти нивелирован и он будет значительно меньшим, чем для изолированных монопоселений.

Учитывая выше изложенное, важно выделить городские системы расселения, в состав которых входят монопоселения, провести в них анализ интенсивности трудовых связей, учесть фактор транспортно-географического положения монопоселений. Оценка влияния фактора положения монопоселений в городских системах расселения является главной задачей данного исследования.

Изученность проблемы. Одной из наиболее известных и многоаспектных работ, посвященных монопрофильным поселениям в России, является обзорный доклад Экспертного института «Монопрофильные города и градообразующие предприятия» (2000 г.), под руководством И.В. Липсица, в котором подробно рассмотрены проблемы развития моногородов России и различные подходы к их решению [16]. В качестве одного из критериев монопрофильности городов в этом исследовании предлагается значительная удаленность поселения от других, более крупных населенных пунктов. Однако главный акцент в данной монографии сделан на

отраслевом и даже финансовом положении городов и градообразующих предприятий.

В публикациях Г.Ю. Кузнецовой и В.Я. Любовного [10, 15], научном сборнике «Проблемы урбанизации на рубеже веков» [20], а также в монографиях, изданных коллективом авторов на базе Финансового университета при Правительстве РФ [22, 23], подчеркивается важность учета положения монопоселений в городских агломерациях. Однако ключевой акцент в них сделан на отраслевых и социально-экономических вопросах самих монопоселений. В монографии И.В. Тургель [27] основное внимание уделяется историческому развитию уральских и западно-сибирских моногородов. В ней вопрос их положения в системах городского расселения иллюстрируется отдельными примерами. Так, выделена Екатеринбургская городская агломерация с городами-спутниками по критерию стокилометровой близости к ядру, оценено ее влияние на деформацию южного и восточного сегментов Нижнетагильской агломерации. Таким образом, во всех рассмотренных работах фактор положения монопоселений в системах городского расселения был рассмотрен лишь отчасти.

Вопрос изучения самих систем городского расселения является традиционным для экономико-географической науки. Н.Н. Баранский в своей статье «Экономико-географическое изучение городов» [2] ввел понятие «опорный каркас расселения территории». П.М. Полян рассмотрел это понятие применительно ко всей системе расселения СССР, выделив узлы каркаса различной степени значимости, в том числе внутрирегиональной. Вопросы изучения систем городского расселения рассматривались и в контексте единого странового каркаса расселения [19].

С 1960-х годов в советской науке началось углубленное изучение городских агломераций, формирование различных критериев и методик их выделения. К 1980-м гг. оформилось два основных подхода к выделению городских агломераций: Центрального научно-исследовательского института проблем градостроительства (Ф.М. Листенгурт) [14, 21] и Института географии Академии наук СССР (Г.М. Лаппо, П.М. Полян) [12, 19]. Общим для обоих подходов было использование критерия выделения город-

ских агломераций по зонам транспортной доступности. Вместе с тем, Г.М. Лаппо и П.М. Полян указывали на потенциальный характер делимитации агломераций при таком подходе и необходимость учета внутренних связей в агломерациях, в первую очередь маятниковых миграций. Конкретные исследования, например, Чебоксарской агломерации [24], показали значительное превышение численного значения теоретического радиуса агломераций, рассчитанного по критерию транспортной доступности, над величиной радиуса, полученного с учетом реальной существующих маятниковых миграций.

Экономико-географами используются также гравитационный и энтропийный подходы к выделению городских агломераций: первый предложен О. Контом по аналогии с физическими гравитационными моделями, второй обоснован С.Е. Ханиным и С.М. Гусейн-Заде. Если гравитационный принцип больше отражает центростремительные тенденции периферийной зоны к ядру агломерации, то энтропийный характеризует «тенденцию к рассредоточению населения и выравниванию плотности населения по территории» [11].

Проблема модернизации депрессивных территорий и городов рассматривается многими учеными. Так, в статье А.С. Городецкой [4] и книге под редакцией И.В. Стародубровской [25] отмечается, что, как правило, инновационного развития и экономического роста в депрессивных регионах и городах в зарубежных странах удавалось добиться за счет системы мер, направленных на стимулирование производства высокотехнологичной продукции. Вместе с тем авторами признается, что при этом чаще всего не удавалось переломить негативные демографические тенденции: города и регионы продолжали терять население (Питтсбург, Дортмунд, Эссен), а в Руре так и не удалось в полной мере решить проблему безработицы. В то же время, убыль населения и отток квалифицированных кадров удалось остановить лишь там, где была обеспечена хорошая транспортная связность моногородов с крупными городскими агломерациями. Так, соединение текстильного депрессивного Лилля высокоскоростными железными дорогами с Парижем, Лондоном и Брюсселем, во многом, обеспечило переход города от сжатия и депрессивной фазы к положитель-

ному экономическому и демографическому развитию. Следует заметить, что это произошло только после того, как Лилль оказался в зоне 2-х часовой транспортной доступности от этих трех крупных европейских столиц.

В статье Д.Ю. Землянского и С.В. Ламанова [8], в которой рассматриваются пути социально-экономического развития монопоселений, в методике оценки потенциала развития монопоселений рассчитывается их агломерационный потенциал по гравитационной модели. По всей видимости, это было первое исследование, где была проведена количественная оценка нахождения монопоселений в городских системах расселения.

Вместе с тем вопрос нахождения всех монопоселений России в городских системах расселения остается малоизученным. Это делает актуальным дальнейшее исследование влияния фактора положения в системах городского расселения, как важнейшего вопроса с точки зрения социально-экономического развития монопрофильных поселений.

Материалы и методы. В качестве основной базы данных в данном исследовании использовалась статистическая информация из паспортов поселений, входящих в перечень монопрофильных городов, утвержденный приказом Министерства регионального развития России от 26 июля 2013 г. № 312. Выбор именно этого массива обусловлен наличием значимой статистической информации, аккумулированной в паспортах монопрофильных городов.

Для оценки величины маятниковых миграций из монопоселений необходимо оценить уровень занятости работоспособного населения вне города. В некоторых случаях экспертами применяется показатель отношения численности занятых в экономике к численности трудоспособного населения: если он не превышает рубеж в 60% [1], то рынок труда в населенном пункте признается кризисным. Необходимо учитывать, что в состав трудоспособного населения включают и население, не занимающееся поиском работы. Поэтому более точную картину должно дать отношение численности занятых в экономике города к численности экономически активного населения.

Численность экономически активного населения в монопрофильных населенных пунктах определялась Росстатом согласно положению о мониторинге показателей для

моногородов, который проводился ежеквартально, начиная с 2010 г. (кроме 2009 г., когда значение показателя было взято как среднее за год). При этом численность занятых в экономике моногородов начала оцениваться только с 2013 г. В этой связи, занятость населения «вне города» рассчитывалась по состоянию на середину 2013 г., как отношение занятых в экономике города к численности экономически активного населения, на основании чего была получена доля экономически активного населения, не занятого в экономике города. Причины незанятости населения могут быть разными, включая работу вахтовым методом в отдаленных местах, маятниковую миграцию на работу в близлежащие города, занятость в городе или пригороде без трудового договора (теневая экономика) и др.

Методика выделения значимых для монопоселений систем городского расселения. Показатель незанятости населения в экономике, трактуемый в условиях изолированности моногородов как однозначный индикатор проблем на рынке труда, принимает совсем другой характер, когда монопоселение входит в зону трудового тяготения крупного города, рынком труда которого могут пользоваться его жители. Для оценки влияния близлежащих населенных пунктов по монопрофильным поселениям заполняли специальные разделы паспортов, в которых указывался населенный пункт, имеющий с монопоселением социально-экономические связи различного характера, в том числе трудовые по типу маятниковых миграций и/или кооперации предприятий.

Ценность данного мониторинга заключалась в том, что поселения давали информацию о тех населенных пунктах, с которыми действительно сложились связи трудового и экономического характера, так как в камеральных условиях мы имеем возможность оценить лишь потенциал таких связей через расстояние до ближайшего крупного города. Оценка в самих поселениях значимости близлежащих городов позволяет придать исследованию большую фактологическую значимость.

В городских исследованиях, как правило, значимыми представляются населенные пункты, находящиеся в зоне 2-х часовой транспортной доступности от поселения. Экспертно [1] значимой считается удален-

ность в пределах 100 км: большее расстояние лимитируется временными затратами и высокой стоимостью поездки. Проведенный анализ данных показал, что маятниковые миграции в подавляющем большинстве случаев возможны лишь там, где расстояние до центра системы расселения не превышает 100 км, в случае его превышения предпочтительней становится вахтовая занятость.

Некоторые монопоселения расположены рядом с населенным пунктом, который не является центром маятниковых миграций в силу своей малой людности и низкой степени концентрации экономических ресурсов. Это обуславливает необходимость учета не только расстояния между монопоселением и центром городской системы расселения, но и численности населения последнего. В качестве такого «плавающего» критерия, учитывающего и численность населения, и расстояние до города, может служить показатель, рассчитанный на базе модели потенциала поля расселения, которая многократно использована в разное время исследователями [5, 6, 13, 17].

Рассчитаем данный показатель потенциала городских систем расселения, имеющих значимость для моногородов, последующей формуле:

$$P = \frac{P_i}{R_{ij}},$$

где P – показатель потенциала поля расселения; P_i – численность населения города-центра поля; R_{ij} – расстояние от моногорода до центра поля расселения.

Согласно экспертным оценкам [18], высокую значимость для территории представляют города с населением более 100 тыс. человек. Именно по наличию в системе расселения городов – «стотысячников» обычно делают вывод об относительной устойчивости системы расселения в целом.

С учетом этих двух пороговых критериевых значений (наличия городов-центров с населением свыше 100 тыс. человек и предельного расстояния между рассматриваемыми поселениями не более 100 км) предельный условный показатель потенциала поля расселения, в границе которого город будет представляться значимым для рассматриваемого монопоселения, будет равен 1000 чел/км. При значении данного показателя менее 1000 трудовые маятниковые

миграции между рассматриваемыми городами практически отсутствуют.

Таким образом, критериями выделения городских систем расселения для наших целей исследования будут выступать следующие:

1. Стокилометровое расстояние между данным монопоселением и более крупным городом;
2. Значение показателя потенциала поля расселения ближнего города для монопоселения больше, чем 1000;
3. Наличие в паспортах моногородов информации о трудовых маятниковых связях с ближним городом и практическое отсутствие вахтовой формы занятости экономического активного населения.

С учетом этих критериев из общего массива монопоселений были выделены те, которые входят в зоны влияния более крупных городов. Оценка значимости центров систем расселения проводилась также по показателям естественного и миграционного прироста на 1000 жителей и средней заработной платы, скорректированной на величину регионального прожиточного минимума. Естественный прирост отражает возрастную структуру поселения. Предполагается, что при прочих равных, города с высокой долей молодого населения обладают лучшими конкурентными преимуществами, являются более инвестиционно привлекательными, чем города, характеризующиеся постепенным старением кадров и нарастающим дефицитом молодых специалистов. Если, по крайней мере, за последние 3 года, в городе был зафиксирован естественный и миграционный прирост, а величина заработной платы была выше среднероссийской, то такой центр признавался значимым. В противном случае его развитие характеризовалось как неустойчивое и центр признавался малозначимым.

Результаты и их обсуждение. Первоначально нами было рассмотрено 342 монопрофильных поселения согласно списку Минрегиона России. Далее была оценена монопрофильность каждого из них по показателям зависимости рынка труда и муниципальных бюджетов от градообразующего предприятия, также объектов коммунальной инфраструктуры от источников тепла и электроэнергии, находящихся на балансе градообразующего предприятия. После этого было отобрано 256 монопрофильных

поселений, удовлетворяющих критериям монопрофильности рынка труда, а 88 их них (34,4%) вошли в состав систем расселения, возглавляемых более крупным по людности поселением. При этом всего таких городских систем расселения оказалось 47, большинство из которых имеют в своем составе только по одному монопрофильному поселению. Однако среди них есть и городские системы расселения агломерационного типа, в состав которых входит несколько монопоселений. Так, Новокузнецкая городская агломерация включает в себя 5 монопрофильных городов, в том числе два крупных моногорода: Прокопьевск и Междуреченск.

Необходимо выделить особое явление так называемых замещающих миграций, когда население одного монопрофильного поселения едет на работу в другое, а население того города, куда оно совершает маятниковые миграции, в свою очередь совершает трудовые поездки в третий, как правило, более крупный город, что может происходить из-за значительной удаленности третьего города от первого. Таким образом, города выстраиваются в своего рода цепочки трудовых маятниковых миграций и нарушение одного из звеньев может привести к выпадению из нее других городов, разрыву цепи по принципу «домино» и проблемам на рынках труда каждого из моногородов. Как правило, такие агломерационные цепочки в своем конце являются «завязанными» на один крупный город и, таким образом, зависят от него. Когда социально-экономические проблемы охватывают глав-

ный город, происходит вытеснение с рынка труда приезжих из других городов, что незамедлительно скажется на рынках труда этих зависимых городов. В этой связи замещающие миграции важно рассматривать в контексте зависимости всей цепочки от одного крупного города (рис. 1).

В ходе исследования было установлено, что наиболее значимыми для развития монопрофильных поселений являются 16 городских агломераций, в состав которых входит более одного монопоселения. Наиболее интенсивные маятниковые миграции наблюдаются в 3-х агломерациях Нечерноземья (Брянская, Шуйская и Кинешмская), а также в Кировской агломерации.

Шесть городских агломераций имеют средние показатели по удаленности центров агломераций и интенсивности маятниковых миграций, причем особенно интенсивные компьютерные связи наблюдаются в Набережно-Челнинской, Новокузнецкой и Орской системах. Относительно низкую степень интенсивности развития связей, прежде всего, из-за большой удаленности монопоселений от ядер агломераций, имеют семь систем, включающих в себя разное количество монопоселений. Несколько особняком стоит Екатеринбургская агломерация, где средней уровень развития маятниковых миграций сочетается с максимальной удаленностью монопоселений от ядра системы. Это объясняется уровнем развития города-миллионника Екатеринбурга и его высокой миграционной привлекательностью по сравнению с другими ядрами.

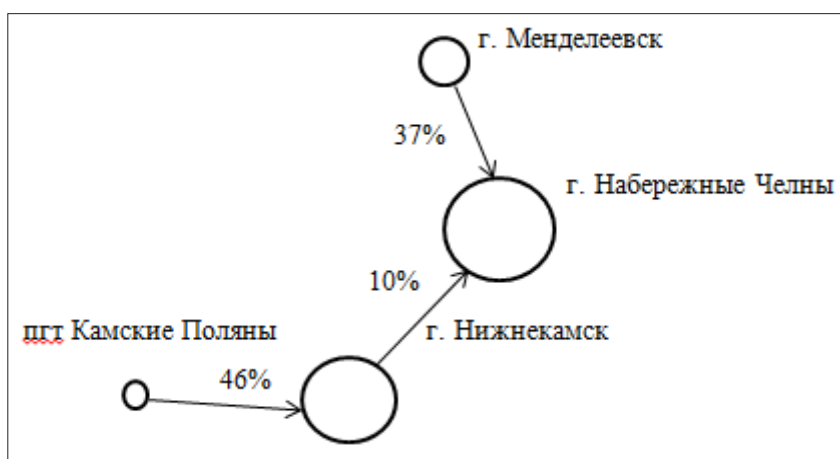

Рис. 1. Схема замещающих маятниковых миграций в агломерации Набережных Челнов.

Цифрами показана доля экономически активного населения, работающего в другом городе.

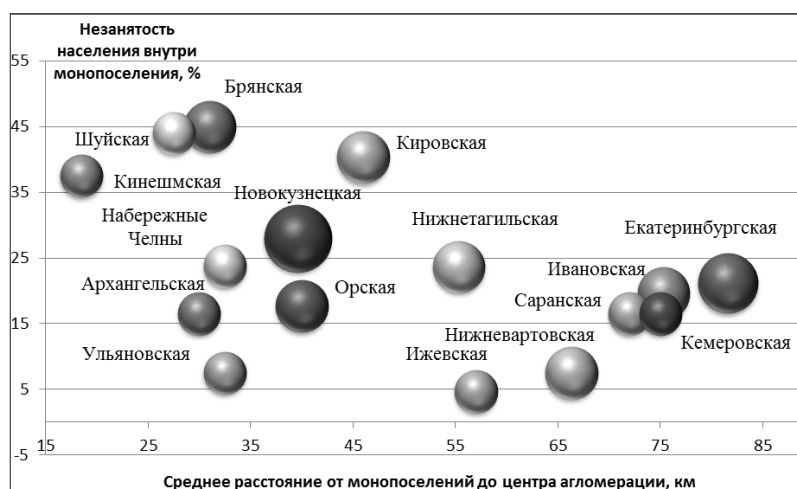

Рис. 2. Значимость городских агломераций, в состав которых входит более одного монопоселения

Составлено по данным паспортов моногородов.
Размер круга прямо пропорционален количеству монопрофильных поселений, входящих в городскую агломерацию

Как было уже отмечено, для большинства выделенных городских систем расселения характерно наличие в их составе только одного монопрофильного поселения. Для анализа интенсивности трудовых связей внутри них был построен аналогичный график (рис. 3). В нескольких агломерациях уровень незанятости внутри монопоселения составляет около 50%. Это и Казанская агломерация с Зеленодольском, Нижнекамск с пгт Камские Поляны, два города Кемеровской области: Анжеро-Судженск и Белово. Таким образом, Кузбасс является регионом сосредоточения наибольшего количества значимых для монопоселений городских агломераций: Новокузнецкой, Кемеровской, Анжеро-Судженской и Беловской.

Выделяются региональные центры, значимые для одного монопрофильного поселения, входящего в их системы расселения (Курская, Смоленская, Петрозаводская). Отдельно следует сказать о внутрирегиональных центрах систем расселения, значимых для монопрофильных поселений: Рыбинск и Ростов Великий в Ярославской области, Великий Устюг в Вологодской области. При этом Котлас представляет небольшую значимость для находящегося рядом моногорода Кораяжмы. Сегежа лишь отчасти служит возможным центром трудовых миграций из пгт Надвоицы. Кандалакша вообще не имеет связей с г. Полярные

Зори, так эта малая агломерация носит лишь потенциальный характер.

Ярославль и Кострома имеют большое значение для находящихся рядом поселков Константиновский, почти все экономически активное население которого работает в Ярославле; меньшие объемы маятниковых миграций наблюдаются в Томск из Северска и в Барнаул из Новоалтайска (около 20%).

Немного изолированно на графике выглядят Калужская, Якутская и Тверская агломерации. Их значимость как центров маятниковых миграций для жителей расположенного рядом единственного монопоселения сравнительно велика (более 40%). При столь большом расстоянии, составляющем примерно 100 км, это является ярким индикатором возможности значимых ежедневных трудовых миграций даже на таком большом расстоянии. Агломерации являются значимыми для п. Мохсоглох (Якутская агломерация), г. Сосенский (Калужская область) и г. Кувшиново (Тверская область).

Среди односоставных агломераций выделяются 8 агломерационных центров, обладающих определенным риском монопрофильности по указанным в начале раздела показателям. Это малые и средние угольные моногорода Азиатской России (Нерюнгри, Анжеро-Судженск, Белово), лесопромышленная Сегежа на Европейском Севере, большие и крупные нефтегазовые

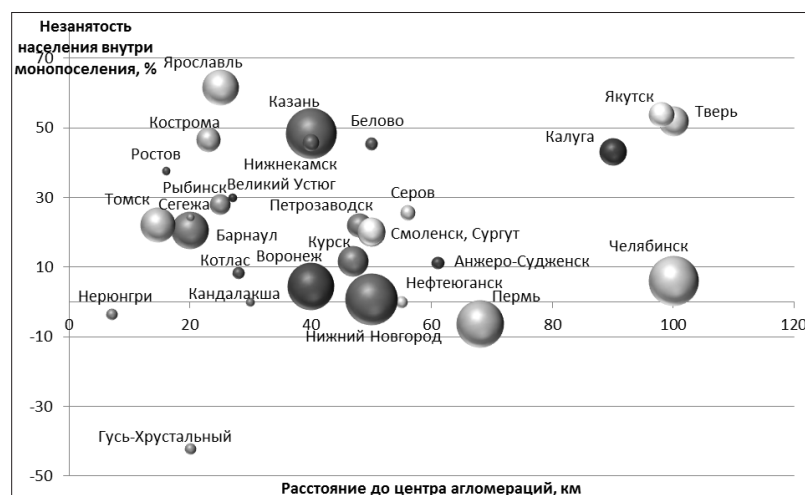

Рис. 3. Значимость городских агломераций, в состав которых входит одно монопоселение

Составлено по данным паспортов моногородов.

Размер круга прямо пропорционален численности населения центров агломераций.

и нефтехимические Нефтеюганск, Сургут, и Нижнекамск, а также металлургический Серов на Урале. Таким образом, около трети монопоселений находятся в зоне влияния более крупных городов.

Оценивая перспективность систем расселения, в которые входят моногорода с точки зрения демографической динамики по показателям естественного и миграционного прироста на 1000 жителей и уровня доходов населения, можно отметить, что только треть из выявленных систем расселения имеют положительную демографическую динамику и доходы населения выше среднего уровня. К ним относятся: Западно-Сибирские нефтедобывающие (Сургутская, Нефтеюганская и Нижневартовская системы расселения) и Архангельская на Европейском Севере. Особо выделяется Волго-Уральский пояс относительно успешных центров систем расселения, в который входят Казанская, Екатеринбургская, Кировская, Пермская, Челябинская и Ижевская системы городского расселения с демографически растущими ядрами и конкурентоспособным уровнем заработных плат. В Азиатской части России на относительно высоком уровне находятся Барнаульская, Томская и Якутская системы региональных центров, значимые для моногородов.

Выводы. В ходе проведенного исследования было выявлено, что только треть рас-

смотренных монопоселений расположена в пределах значимых для них зон действия городских систем расселения.

Наибольшим количеством входящих в их состав монопоселений характеризуются Новокузнецкая агломерация в Кузбассе, Екатеринбургская, Нижнетагильская и Орская – на Урале, Брянская, Ивановская и Кировская – в Центральной России, Нижневартовская – в Западной Сибири. В Набережно-Челнинской городской агломерации выявлены замещающие миграции между монопоселениями.

В результате анализа интенсивности маятниковых миграций для каждой из городских систем расселения выявлены системы городов с наиболее высокой долей ежедневных трудовых миграций из моногородов. К ним в первую очередь относятся городские системы расселения Центрального Нечерноземья: Ивановская, Шуйская, Брянская, Кинешемская, Ярославская, Кировская, Тверская. Широкое распространение в них маятниковых миграций объясняется деградацией градообразующей базы монопоселений, входящих в их состав, и отсутствием возможности трудоустройства в местах проживания.

Выявлена значимая зависимость между фактором расстояния монопрофильных поселений от центров систем городского расселения и интенсивностью маятниковых миграций. С увеличением расстояния, как правило, интенсивность ежедневных тру-

довых поездок в город-центр снижается. Исключением являются Калужская, Тверская и Якутская системы расселения, где около 50% населения моногородов, удаленных на расстояние около 100 км от городского ядра, занято в региональных центрах. Среди систем расселения, в состав которых входит более одного монопоселения, выделяются Екатеринбургская, Саранская и Ивановская агломерации. Для них характерны расстояния между ядрами и монопоселениями от 75 км до 100 км, а также средняя интенсивность маятниковых миграций.

В результате анализа показателей социально-экономического развития ядер систем расселения были выделены 12 наиболее значимых для моногородов систем городского расселения (около трети из рассматриваемых) с наиболее благоприятными демографическими показателями и показателями доходов населения.

Устойчивым социально-экономическим развитием отличаются 4 ядра агломераций, находящихся в малоблагоприятных природных условиях (Сургут, Нижневартовск, Архангельск, Якутск). Их развитие объясняется ресурсно-сырьевым фактором. Производство, основанное на добыче природного ресурса, и сформировавшееся вокруг него поселение могут носить временный характер, и с исчерпанием месторождения или при снижении рентабельности добычи остро

встанет вопрос трудоустройства проживающих в поселении граждан.

Вокруг некоторых крупных городов формируются пояса городов меньшего порядка различного радиуса удаленности. Трудовые мигранты из ближнего пояса совершают ежедневные поездки на работу в ядро агломерации, а в города ближнего пояса приезжают работать мигранты из поселений дальнего пояса. Города могут выстраиваться в своего рода цепочки трудовых маятниковых миграций, замыкающиеся на один крупный город. Если социально-экономические проблемы охватывают главный город, происходит вытеснение с его рынка труда коммютеров из других городов, что незамедлительно сказывается на рынках труда городов, где они проживают.

Монопрофильные поселения России и ядра городских систем расселения, в состав которых они входят, в настоящее время подвержены процессам, характерным для крупногородской стадии урбанизации, а именно – росту крупнейших городов и их пригородов и убыли населения на периферийных территориях. В этой связи целесообразно проводить региональную политику в отношении монопрофильных поселений с учетом особенностей трансформации систем городского расселения, принимая во внимание количественный и качественный демографический прогноз населенных мест.

Библиографический список

1. Базовый элемент. Моногорода. Перегрузка. Поиск новых моделей функционирования моногородов в изменившихся экономических условиях. – М., 2014. – 51 с.
2. Баранский Н.Н. Об экономико-географическом изучении городов // Вопросы географии. Сб. 1. – М., 1946. – С. 19–62.
3. Гольц Г.А. Транспорт и расселение – М.: Наука, 1981. – 248 с.
4. Городецкая А.С. Особенности трансформации монопрофильных промышленных центров США (на примере Питтсбурга) // Региональные исследования. – 2012. – № 4. – С. 120–126.
5. Гусейн-Заде С.М. Модели размещения населения и населенных пунктов. – М.: Изд-во МГУ, 1988. – 91 с.
6. Евтеев О.А. Карта потенциала поля расселения как особый вид изображения населенности территории // Вестник Моск. ун-та. Сер. 5. География. – 1969. – № 2. – С. 72–76.
7. Замятина Н.Ю., Пилясов А.Н. Инновационный поиск в монопрофильных городах: блокировки развития, новая промышленная политика и дорожная карта перемен. – М.: ЛЕНАНД, 2015. – 216 с.
8. Землянский Д.Ю., Ламанов С.В. Сценарии развития монофункциональных городов России // Вестник Моск. ун-та. Сер. 5. География. – 2014. – №4 – С. 69–75.
9. Зубаревич Н.В. Регионы России: Неравенство, кризис, модернизация. – М.: Независимый институт социальной политики, 2010. – 160 с.
10. Кузнецова Г. Ю. Социально-экономические трансформации монопрофильных поселений в переходной экономике // Региональные исследования. – 2004. – №1. – С. 33–44.
11. Лаппо Г.М. Методы изучения расселения: [Сб. ст.] Под ред. Г.М. Лаппо, В.А. Шупера. – М.: ИГ, 1987. – 239 с.
12. Лаппо Г.М. Развитие городских агломераций в СССР. – М.: Наука, 1978. – 152 с.
13. Липец Ю.Г., Чижов Н.Н. Статистические методы изучения потенциала поля городского расселения // Проблемы современной урбанизации. – М.: Статистика, 1972. – С. 204–221.
14. Листенгарт Ф.М. Критерии выделения крупномасштабных агломераций в СССР // Известия АН СССР. Сер. географическая. – 1975. – №1. – С. 41–49.

15. Любонный В.Я. Монопрофильные города в условиях кризиса: состояние, проблемы, возможности реабилитации – М.: ЗАО «Дортранспечать», 2009. – 110 с.
16. Монопрофильные города и градообразующие предприятия: обзорный доклад / Отв. ред. И.В. Липсиц. – М.: «Хроникер», 2000 г. – 256 с.
17. Медведков Ю.В. О размерах городов, объединенных в систему // Количественные методы исследований в экономической географии (сборник докладов на семинаре). – М.: ВИНТИ-МФГО, 1964. – С. 90–121.
18. Нефедова Т.Г. Сельская Россия на перепутье: Географические очерки. – М.: Новое издательство, 2003. – 408 с.
19. Полян П.М. Территориальные структуры - урбанизация - расселение: теоретические подходы и методы изучения. – М.: Новый хронограф, 2014. – 782 с.
20. Проблемы урбанизации на рубеже веков. – М.–Смоленск: Ойкумена, 2002. – 326 с.
21. Программно-целевое планирование систем населенных мест / Отв. ред. Ф.М. Листенгурт. – М.: Экономика, 1987. – 135 с.
22. Развитие моногородов России // Научн. ред. И.Н. Ильина. – М.: Финансовый ун-т, 2013. – 166 с.
23. Развитие монопрофильных населенных пунктов в Российской Федерации: сборник научных трудов / Отв. ред. А.В. Турков. – М.: Финансовый ун-т, 2012. – 97 с.
24. Селиванова Т.И. Чебоксарская городская агломерация: подходы к делимитации и анализу // Известия РАН. Сер. географическая. – 2011. – № 6. – С. 114–124.
25. Стратегии развития старопромышленных городов: международный опыт и перспективы в России // Под ред. И. Стародубовской. – М.: Изд-во Института Гайдара, 2011. – 248 с.
26. Трейвиш А.И. Город, район, страна и мир: развитие России глазами страноведа. – М.: Новый хронограф, 2009. – 369 с.
27. Тургель И.Д. Монофункциональные города России: от выживания к устойчивому развитию: монография. – М.: Директ-Медиа, 2014. – 764 с.

Мкртчян Н.В. (Москва)

МИГРАЦИЯ В МОСКВЕ И МОСКОВСКОЙ ОБЛАСТИ: РЕГИОНАЛЬНЫЕ И СТРУКТУРНЫЕ ОСОБЕННОСТИ¹

Mkrtchyan N.V.

MIGRATION IN MOSCOW AND MOSCOW REGION: REGIONAL AND STRUCTURAL PECULIARITIES

Аннотация. В статье, с использованием данных на уровне муниципальных районов и городских округов Москвы и Московской области, проанализированы интенсивность и возрастные особенности миграции в последние годы. Особое внимание уделено миграции из Москвы в Московскую область. Расчеты показывают, что наиболее интенсивный приток мигрантов испытывают территории Московской области, расположенные в ближайшем к МКАД поясе городов и районов. При этом четко выраженных возрастных особенностей миграции в территориях дальнего и ближнего Подмоскovie не выявлено.

Abstract. In this paper one analyzed the intensity and age characteristics of migration in recent years, using the data at the level of municipalities and municipal districts of Moscow and Moscow region. Particular concern is paid to the migration from Moscow to the Moscow region. Calculations show that Moscow region, located in the zone closest to the Ring of cities and regions, feel the most intense influx of migrants. At the same time there were not discovered distinct age characteristics of migration in the areas that were near and far from the Moscow region.

Ключевые слова: миграция, Москва, Московская область, возрастная структура, городские округа, муниципальные районы.

Key words: migration, Moscow, Moscow region, age structure, municipal districts.

На протяжении длительного времени и в современный период в России Москва и Московская область (МСР) являются наиболее миграционно привлекательным регионом страны. Постоянно повышается их

доля в населении и экономический вес, что зачастую противопоставляет их остальному населению России. В этих двух регионах, по территории близко совпадающим с крупнейшей агломерацией [8], проведено в последнее

¹ Статья подготовлена в рамках Программы РАН ИП16, проект «Миграция как фактор трансформации социально-экономического пространства». В работе использованы результаты проекта «Демографические тенденции в России и в странах ОЭСР: сравнительный анализ и выводы для политики», выполненного в рамках программы фундаментальных исследований НИУ ВШЭ в 2015 г.

время немало исследований, представляющих собой как комплексное социально-географическое изучение рассматриваемой территории [9, 11], так и посвященных отдельным демографическим процессам [1, 6]. Не обойдены вниманием и вопросы миграции [5, 10, 15]. Однако представляется, что в миграционных исследованиях внимание к внешней по отношению к этому сложному региону миграции вытеснило на периферию изучение внутренней неоднородности территории, принимающей мигрантов, а также вопросы перераспределения населения в пределах региона.

Причина такого положения дел – не столько в заведомо меньшей «медийности» вопросов перетоков населения в пределах агломерации в сравнении с проблемами массовой иммиграции «чужих», сколько в недостатке статистики. Последнее обследование маятниковой миграции проводилось во время Всероссийской переписи населения 1970 г, миграционные вопросы в основной программе переписей содержательно скудны, результаты переписей публикуются в недостаточно детальном территориальном разрезе. Однако в последнее время в доступе к информации наметились определенные улучшения. Одновременно появились сигналы к тому, что Московская агломерация начинает развиваться подобно крупнейшим агломерациям других стран (развитие не только центрального города, но и его спутников, начало субурбанизации и т.д.). Этому немало способствовал как рост благосостояния населения после тяжелейшего трансформационного кризиса, так и развитие инфраструктуры, вынос за МКАД логистических и торговых центров.

Особенно интересно понять, существуют ли структурные особенности миграции в отдельных частях агломерации. Известно, что за рубежом миграция подчиняется стадиям жизненного пути индивида, в ходе которого люди многократно меняют место проживания в течение всей жизни. И очень часто эти перемещения совершаются между центром агломерации и субурбией. В зарубежных исследованиях притягательность пригородных зон крупных городов, периферии агломерационного пространства находит объяснение как с теоретических позиций роли жизненного пути применительно к миграции: молодежь стремится в крупные города – для получения образования и

начала карьеры, затем, после достижения определенного положения и создания семьи переезжают в пригороды, в собственный дом [18, 19]. Немало работ посвящено миграции пожилых, ее влиянию на население периферийных территорий [22, 24].

В нашей стране, в т.ч. в столичной агломерации до последнего времени подобные процессы не отмечались, прежде всего, по причине специфической, «дачной» субурбанизации: загородный дом используется не для круглогодичного, а для сезонного проживания, в результате чего место постоянного проживания людей не меняется. Этому много причин, подробнее о них можно узнать из работ отечественных географов [9, 13]. При этом в странах Восточной Европы, в Польше уже в 1990-е гг. «зачаточный» средний класс «увеличил спрос на высококачественное жилье в приличных условиях окружающей среды» [21]. Подобные процессы происходят в других постсоциалистических странах [17, 20, 23]. Движение в пригород семейных пар обеспечивает повышение рождаемости, как видно из исследования по Чешской республике [25].

В последние годы в России появляются исследования, включая вышеприведенные, которые фиксируют развитие субурбанизационных процессов не только в Московской, но и в других крупных и крупнейших агломерациях [2, 3]. Но, зачастую, в них недостает количественной оценки этого процесса, в т.ч. структурных характеристик населения, заселяющих агломерационное пространство.

В данной статье сделана попытка проанализировать миграционные процессы в Московской области как части крупнейшей в стране агломерации, с учетом ее внутренней неоднородности, связанной с разным расстоянием образующих ее территорий от центра агломерации.

Методика и данные. Использовались данные о миграции на уровне муниципальных районов г. Москвы (136, без территорий «Новой Москвы»), а также муниципальных районов (36) и городских округов (37) Московской области за 2012–2013 гг. Также привлекались отдельные показатели миграции, не публикуемые в печатных изданиях Росстата.

В статье предпринята попытка оценить различия в интенсивности миграции и воз-

растном составе потоков в территориях столичного региона, разнородных от ее центра. Поэтому анализ миграции велся по кольцевым зонам по мере удаления от исторического центра Москвы. В пределах г. Москвы, было выделено 4 зоны:

1) муниципальные районы, непосредственно примыкающие к Кремлю – территория, практически совпадающая с Центральным Административным округом (первая зона);

2) районы, расположенные между центром и окраинными районами, примыкающими к Московской кольцевой автодороге (МКАД), по которой проходит основная граница г. Москвы (вторая зона)

3) районы, примыкающие или расположенные в непосредственной близости от МКАД (третья зона);

4) районы, расположенные за пределами МКАД, но административно подчиненные г. Москве.

В пределах Московской области было выделено три зоны, представляющие собой пояса по удаленности от г. Москвы (расстояния рассчитывались по удаленности центра района или городского округа от Москвы на основе: [14] и данных из сети интернет):

1. Удаленные менее чем на 50 км от центра Москвы (расстояние рассчитывалось от центра г. Москвы до центра района или городского поселения, примерно соответствует удаленности на 30–35 км от МКАД);

2. Удаленные на 50–99 км от центра Москвы;

3. Удаленные на 100 км и более от центра Москвы.

Общая характеристика выделенных групп районов и городов приведена в таблице 1.

Плотность населения в пределах выделенных зон, практически не различающаяся в пределах территории Москвы, ограниченной МКАД, в Московской области резко уменьшается по мере удаления от столицы. Стоит отметить, что именно в первой зоне Московской области расположены большинство городских округов и крупных городов (Балашиха, Мытищи, Подольск, Люберцы и др.), что и обеспечивает в разы большую ее заселенность по сравнению с более удаленными территориями области. В Москве отсутствие различий в плотности населения обусловлено концентрацией нежилых зон, занятых офисными помещениями в центре, а ближе к окраинам города – сохраняющихся промышленных и лесопарковых зон.

Результаты. Москва и Московская область имеют устойчивый, на протяжении многих лет положительный миграционный прирост населения. Однако, он распределяется по территории отдельных муниципальных образований неравномерно. Самый интенсивный миграционный прирост отмечен в ближайшем к Москве поясе городов и районов, а также – в территориях столицы, расположенных за пределами МКАД, но тоже в пределах 50 км. от центра. Самый интенсивный миграционный прирост в 2012–2013 гг. (в среднегодовом исчислении) отмечался в гг. Подольске, Котельниках, Балашихе,

Таблица 1

Территория и население муниципальных образований, сгруппированных по мере удаленности от центра Москвы

	Число муниципальных районов / городских округов, единиц	Площадь, км ²	Численность населения, 2013 г., тыс. чел.	Плотность населения, 2013 г., чел./км ²
Москва				
1 пояс	10	63,4	754,7	11901
2 пояс	45	335,0	3762,2	11231
3 пояс	53	535,6	6028,4	11254
территории за пределами МКАД	18	191,1	1223,1	6401
Московская область				
до 50	31	6710,2	3725,1	555
50–99	21	16655,7	2222,1	133
100 и более	20	21273,4	1143,6	54

Источник: [27].

Звенигороде – более 50 на 1000 населения, выше, чем в среднем по ближней зоне – в Мытищах, Лобне, Долгопрудном, Железнодорожном, Ивантеевке, Химках. Наибольшая притягательность ближайших к Москве территорий области отмечалась и в середине 2000-х гг. [9, с. 45].

Примечательно, что на территории Москвы в пределах МКАД самая низкая интенсивность миграционного прироста населения отмечена в окраинных «спальных» районах. По-видимому, это связано с «перенасыщенностью» этих районов жилой застройкой и практическим отсутствием площадок для нового строительства, без чего невозможен значимый миграционный прирост – обеспеченность жильем на 1 жителя Москвы и так в разы ниже, чем в других европейских столицах, уплотнение вряд ли возможно. В территориях Москвы за пределами МКАД миграционный прирост выше, чем в других зонах столицы.

Миграционный прирост тесно связан с жилищным строительством, по абсолютным и относительным показателям которого Московская область с середины 2000-х гг. существенно опережает Москву. В самой Московской области в 2012–2013 гг. 64% введенного жилья пришлось на городские округа и районы удаленностью менее 50 км от центра Москвы, при том, что в них проживали 52% жителей Московской области, а на удалении более 100 км – введено только 6% нового жилья, но в этих районах проживало 16% населения. Новое жилье в ближайших к Москве городах и районах возводится в основном в виде многоэтажных жилых кварталов, строительство индивидуальных домов, несмотря на значительные объемы [7], здесь играет все же второстепенное значение. Фактически, происходит расширение территории Москвы за пределы своих границ, выносятся линии метрополитена, вводятся новые линии пригородного транспорта [12], в т.ч. железнодорожного. Сельское население в ближайших к Москве территориях сокращается быстрыми темпами [4], его вытесняет многоэтажная застройка разрастающихся городов и поселков.

Цены на жилье (как приобретаемое, так и арендуемое) в Московской области существенно ниже, чем в столице, и снижаются по мере удаления от МКАД [8, 26] и роста времени и средств, затрачиваемых в еже-

дневных маятниковых поездках. Среди жителей ближайших к Москве городов и районов большинство совершают ежедневные трудовые поездки в столицу, по мере удаления от Москвы доля таких поездок снижается [17]. Поэтому ускоренная застройка и заселение территорий, наиболее близких к МКАД, базируется на высоком потребительском спросе, который выглядит разумным компромиссом между ценой на покупаемые квартиры и временем, затрачиваемым на трудовые поездки.

К сожалению, за долговременный период доступная нам статистика дает только общие представления о миграции в столичном регионе. Это – суммарный объем миграции на постоянное место жительства между регионами, не дифференцированный по отдельным территориям. Судя по этим данным, на протяжении последних десятилетий обмен населением между столицей и пристоличной областью был практически равноценным, Москва имела небольшой, но устойчивый прирост за счет него. В отдельные годы (обычно посткризисные) выбытия из Москвы в область превышали встречный поток, но эти периоды были краткосрочны, отток из Москвы объяснялся изменением социально-экономических условий и административными мерами [10, с. 12]. Наши расчеты, основанные на данных переписи населения 2002 г., почти на 1,8 млн. человек увеличивших население Москвы, показывают, что оттока как такового не было и в эти годы [5]. В целом за 1991–2013 гг. из Московской области в Москву переселились 515 тыс. человек, из Москвы в область – 456 тыс. Рост масштабов встречных переселений с 2011 г. объясняется изменением методики учета мигрантов: статданные стали учитывать не только регистрирующихся по месту жительства, но и получающих регистрацию по месту пребывания на срок 9 месяцев и более.

Помимо концентрации в Москве высокооплачиваемых рабочих мест, миграционная привлекательность столицы базируется на развитой инфраструктуре и высокой доступности услуг. Для значительной части населения не менее важными являются различия в уровне социальной поддержки населения (например, региональные доплаты к пенсии), что сдерживает выезд в другие регионы страны, в т.ч. в Московскую область.

Зачастую реальный выезд из Москвы становится «невидимым» для статистики, т.к. переселенцы сохраняют постоянную регистрацию в городе.

Возрастные особенности населения, приезжающего в Москву и Московскую область. В миграции чаще участвуют люди в возрасте 15–39 лет, эта зависимость характерна как для России в целом, так и для Москвы и Московской области. Большая доля среди мигрантов лиц в активных репродуктивных возрастах предопределяет более высокую в сравнении со всем населением долю мигрантов–детей в потоке мигрантов. Стоит обратить внимание, что анализируемых потоках наибольшие различия между мигрантами и немигрирующим населением Московской области отмечаются как по доле молодых людей, так и по доле детей младших возрастов (рис. 1). Также видно, что среди мигрантов, направляющихся в Москву, высока доля лиц в возрасте 15–19 лет, что связано с концентрацией в ней учреждений профессионального образования.

Вместе с тем, используемые статистические данные не позволяют говорить о существенных возрастных различиях миграции между отдельными выделенными зонами Москвы и Московской области. Как в пределах Москвы, так в разных по степени удаленности от МКАД территорий Московской области распределение прибывших мигрантов по возрасту практически не имеет различий.

Возрастные коэффициенты миграции, рассчитанные как интенсивность прибытий в расчете для каждой возрастной группы населения, существенно (примерно вдвое) выше в ближайшей пригородной зоне (до 50 км), но все равно практически нет различий возрастного профиля между отдельными зонами

В России перераспределение населения осуществляется в основном за счет мигрантов в молодых возрастах. Только в отдельных регионах (получается, что столичный регион – не в их числе, вне зависимости от степени удаленности территории от Москвы) в миграции заметное участие принимает население старших возрастных групп.

Вся территория Московской области привлекательна для мигрантов, удаленность от Москвы влияет на интенсивность притока. Высокая, в сравнении с другими регионами, стоимость приобретения жилья в Подмоскovie, по-видимому, является фактором, обеспечивающим приток мигрантов, ориентированных на рынок труда Москвы. Многие из них молоды и находятся в наиболее продуктивных трудоспособных возрастах. Одновременно это ограничивает привлекательность Москвы, городов и районов Московской области для мигрантов, представляющих старшие возрастные группы населения. Преимущества жизни в крупнейшем мегаполисе, кроме карьеры и получения высоких доходов, не так очевидны: природные условия, экологическая обстановка уступают многим регионам юга страны, а

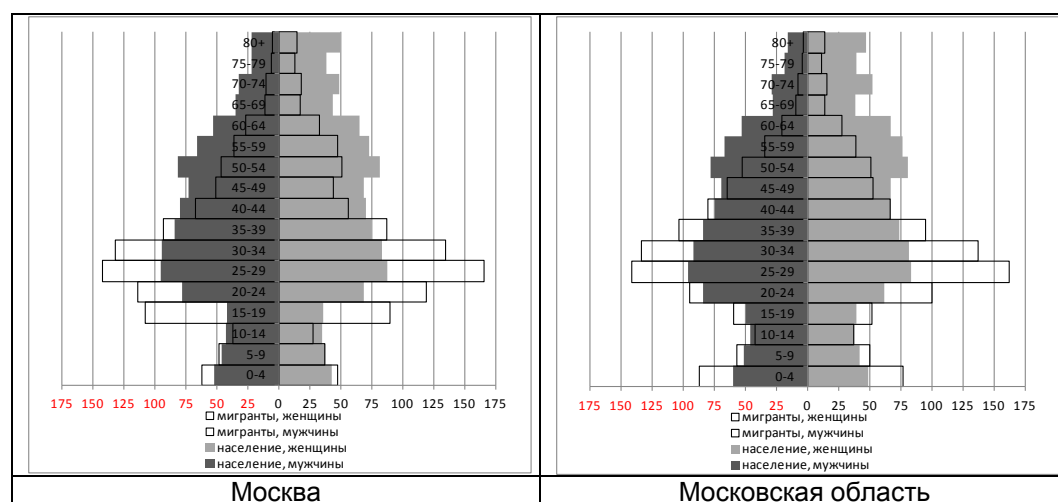

Рис. 1. Распределение по возрасту населения и мигрантов (прибывшие, вся миграция) в Москве и Московской области, 2012–2013 гг., на 1000 человек

Источник: данные Росстата.

высокая стоимость жизни и вовсе не является привлекательным фактором.

Структурные особенности миграции населения из Москвы в Московскую область. Данные всероссийских переписей населения показывают увеличение численности и доли уроженцев Москвы в населении Московской области – с 275,4 тыс. в 2002 г. до 367,0 тыс. в 2010 г. (с 4,8% от всех уроженцев России до 6,2% соответственно). Это может являться, пусть и грубым, но индикатором миграции из Москвы в Московскую область за период 2003–2010 гг. При этом необходимо иметь в виду, что изменение численности уроженцев могло происходить не только в результате миграции, но за счет естественной смены поколений, а также за счет изменения границ между Москвой и областью. Масштабное расширение территории столицы произошло в 1960 г., поэтому уроженцы территорий, присоединенных к Москве, в результате него могли указывать в переписях в качестве места рождения Московскую область. Поэтому сравним численность уроженцев Москвы в более устойчивых границах², т.е. тех, кто родился в течение 1960–2002 гг. За 2002–2010 гг. численность уроженцев Москвы этих годов рождения, живущих в Московской области, увеличилась на 46 тыс. человек. Прирост численности уроженцев Москвы в Подмосковье вполне объясним, учитывая, что ежегодно из Москвы в область переселяются десятки тысяч человек.

В то же время, численность уроженцев Московской области в Москве сократилась с 692 тыс. в 2002 г. до 633,2 тыс. в 2010 г. На 100,8 тыс. в Москве стало меньше уроженцев области, родившихся до 1959 года, что может

быть связано как с естественным уменьшением их численности в результате смертности, незамещенного въездом, так и с какими-то иными причинами. Одновременно, в 2010 г. увеличилось на 32 тыс. число уроженцев Московской области 1960–2002 г.р., что тоже подтверждают данные текущей статистики.

По расселению уроженцев Москвы территории Московской области неоднородны: основная их доля приходится на ближайшие к Москве города и районы (табл. 2). Кроме того, рост численности и доли уроженцев Москвы за последний межпереписной период (2003–2010 гг.) произошел именно в ближайших к столице муниципальных образованиях, т.е. идет дальнейшая их концентрация. В 2010 г. наиболее высока (14–17%) доля уроженцев Москвы в Котельниках, Троицке, Химках, Щербинке, Ленинском районе. В то же время в Рошали, Коломне, Егорьевском и Луховицком районах доля уроженцев Москвы составляла немногим более 1% – видимо, выезд из Москвы в периферийные города Московской области невелик.

По-видимому, изменение доли уроженцев Москвы произошло в результате переселения жителей столицы прежде всего в ближайшие к МКАД территории Московской области, во вновь возводимое жилье.

К сожалению, место рождения позволяет оценить направления миграции весьма условно, т.к. не раскрывает всей миграционной биографии человека. Дополнить эти представления позволяет вопрос о месте проживания, в ВПН–2010 г. он позволял фиксировать место проживания за год до переписи (в октябре 2009 г.). Согласно этим данным, недавних мигрантов из Москвы больше всего в ближайших к МКАД городах и районах области, по мере удаления их доля сокра-

Таблица 2

Уроженцы Москвы в Московской области по поясам удаленности от Москвы

Удаленность от Москвы, км	Уроженцы Москвы, тыс. человек		Изменение за период, тыс. человек	Уроженцы Москвы к общей численности уроженцев России, 2010 г., %
	2002	2010		
менее 50	206,4	289,9	83,5	9,5
51–100	53,0	57,0	4,0	3,0
100 и более	16,0	20,2	4,1	2,1

Источник: [28].

Примечание: численность уроженцев Москвы в Люберецком, Одинцовском, Ногинском, Щелковском, Павлово-Посадском районах, ГО Власиха, Звездный городок и Фрязино определены расчетным путем.

² С этого времени и до последнего (2011 г.) расширения территории Москвы также было увеличение территории города, за счет образования Солнцевского района в 1984 г.

Таблица 3

Население Московской области, менявшее место проживания в пределах России за год до переписи, по месту проживания, октябрь 2010 г., %

	Население, менявшее место жительства в пределах России	в т.ч. проживали в октябре 2009 г.:			
		в Московской области	в Москве	в соседних с Московской областью регионах	в других регионах страны
Московская область, всего	100,0	35,3	27,6	7,1	30,0
В т.ч. по зонам удаленности от Москвы, км					
до 50 км	100,0	32,6	33,1	6,0	28,4
51–100	100,0	39,0	18,7	9,0	33,4
100 и более	100,0	43,0	14,8	10,0	32,2

Источник: [28].

щается (табл. 3). Доля мигрантов в пределах Московской области, а также из соседних с ней регионов России, напротив, увеличивается ближе к внешним границам региона.

Больше всего в 2010 г. недавних выходцев из Москвы было в Котельниках – 61% от всей численности внутристрановых мигрантов, в Химках – 48%, Реутове – 45%, Красногорском и Ленинском районах – по 44%. Напротив, в удаленных Коломенском, Каширском районах и г. Дубна доля мигрантов из Москвы составляла менее 10% от их общего числа.

Данные переписи 2010 г. подтверждают, что возрастная структура мигрантов в Московской области имеет существенные отличия от немигрирующего населения. Среди мигрантов (менявших место жительства за год до переписи) существенно больше людей в возрасте 15–40 лет, а также детей до 10 лет, но меньше лиц старших возрастов. Мигранты из Москвы в Московскую область отличаются от переселяющихся в пределах ее территории более резким пиком в возрасте 20–40 лет, существенно меньшей долей 15–19-летних (рис. 2).

При этом различий в возрастной структуре жителей Москвы, переселяющихся в ближние и удаленные районы Московской области, немного, эти отличия несравнимы с отличиями от не участвующего в миграции населения области. Наиболее выраженное преобладание людей в возрасте 25–39 лет отмечается среди москвичей, переселившихся в ближайшие к столице районы и города Подмоскovie. Напротив, среди мигрантов на периферию области определенно выше доля лиц в предпенсионных и «младших» пенсионных возрастах. Вне зависимости от зоны вселения, среди мигрантов больше детей до

10 лет, чем среди немигрирующего населения этих территорий.

Данные переписи 2010 г. показывают, что в Московской области среди недавних мигрантов значительно выше доля семей, состоящих из «супружеской пары с детьми до 18 лет», чем среди тех, кто не менял место жительства в предшествующий переписи год. Среди ранее проживавших в Москве семей с детьми даже больше, чем среди мигрантов в пределах Московской области – 41% против 38% соответственно, среди «немигрантов» – только 24%. Среди тех, кто менял место жительства в предшествующий переписи год, значимо выше доля семей с двумя, тремя и более детьми.

Почти половина (45%) бывших москвичей в Московской области проживали в новых (время постройки – 2002 год и позже) домах, среди мигрировавших в пределах области живущих в новых домах – 29%. Москвичи предъявляют устойчиво высокий спрос на рынке жилья Московской области, в 2005 г. их доля среди приобретателей квартир составляла 15%, особенно высока она в ближайших к столице городах и районах [9, с. 98–99].

Получается, что миграция из Москвы в Московскую область осуществляется преимущественно в ближайшие, не дальше 50 км от центра Москвы города и районы. Среди мигрантов явно преобладают люди в возрасте 25–40 лет, имеющие семьи и детей. Многие из них поселяются в новых, недавно построенных домах, по-видимому, это более доступный вариант решения жилищных проблем, чем в административных границах Москвы.

Заключение. В данной статье предпринята попытка проанализировать миграцион-

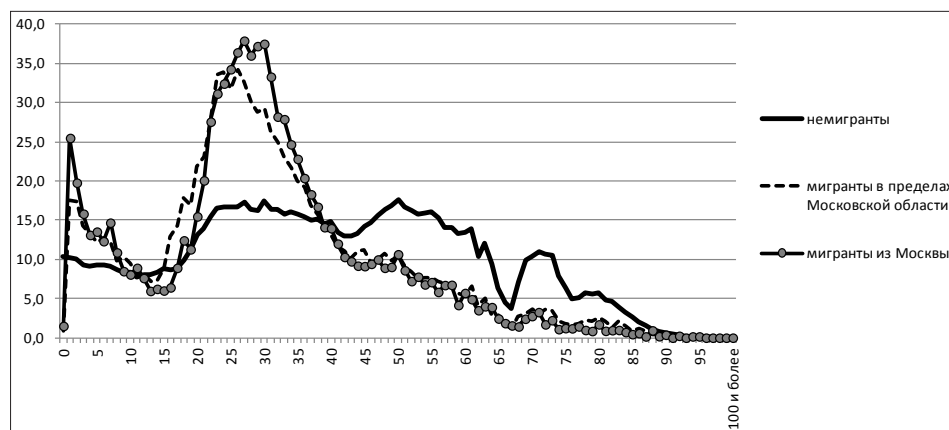

Рис. 2. Распределение мигрантов и немигрантов в Московской области по возрасту, 2010 г., на 1000 человек
Источник: [28].

ные процессы в пределах территории крупнейшей в России городской агломерации. В отличие от иных исследований, анализ сосредоточился на миграции между отдельными частями МСР, объединенными в зоны по мере удаленности от центра Москвы.

Население Московского столичного региона продолжает увеличиваться за счет миграции, но миграционный прирост распределяется неравномерно. Москва в пределах МКАД более не лидирует по показателям миграционного прироста, а внутримосковские спальные районы прирастают мигрантами менее интенсивно, чем центр. Наиболее интенсивный приток идет в ближайший к столице пояс городов и районов Московской области. Именно здесь в последние десятилетия развернулось активное строительство многоэтажного жилья, по внешнему виду не отличимого от новых районов столицы. Это – расширение собственно Москвы, которой давно уже тесно в административно ограниченных МКАД границах. Как известно из работ других исследователей и видно из визуальных наблюдений, параллельно этому идет процесс коттеджной застройки, типичной для пригородов. В результате в Московской области пересекаются – в прямом и переносном смысле – интересы тех, кто хотел бы жить в Москве, в обычных квартирах, но не имеет на то достаточных финансовых ресурсов, и тех, кто хотел бы жить в пригородной зоне, в собственном доме или таунхаусе. Быстрый рост населения в ближайших к Москве территориях свидетельствует о том, что «побеждают» первые.

Многие из этих людей переселяются в Московскую область из столицы, но продолжают «жаться» к ней, т.к. повседневная жизнь большинства из них связана с ежедневными поездками в центр агломерации. По-видимому, важным мотивом к выезду за пределы города является создание семьи и рождение детей, как это происходит во многих столичных агломерациях Европы и Америки. Это видно из проанализированных в данной статье возрастных «профилей» мигрантов (преобладание в потоке лиц в возрасте 25–39 лет с детьми), хотя и не очень явно. В силу несовершенства российской статистики невозможно в полной мере оценить масштабы переселения москвичей в пригороды. Достоверному статистическому учету мешает и стремление москвичей сохранить регистрацию непосредственно в столице, и нежелание собственников жилых помещений оформлять регистрацию на их арендаторов.

Но является ли этот процесс опережающего заселения пояса ближних к Москве территорий Московской области субурбанизацией в каноническом смысле этого явления, или это – продолжающееся экстенсивное расширение территории города? Наверное, на этот вопрос полностью однозначного ответа не может пока дать статистика, но, скорее всего, мы имеем дело с экстенсивным, во многом хаотичным, расширением Москвы. Возможно, этот процесс даже мешает настоящей субурбанизации, оставляя в Подмоскovie все меньше территорий для малоэтажной застройки.

Приступая к анализу данных для настоящей статьи, предполагалось увидеть различия возрастных структур мигрантов в различных выделенных зонах Москвы и Московской области. Например, мы ожидали увидеть более значительную, по сравнению с Московской областью, долю лиц в студенческих возрастах среди мигрантов в Москву (что подтвердилось), и, сравнитель-

но с отдаленными районами Подмосквья, повышенную долю лиц в возрасте 25–35 лет среди мигрантов в ближайших к Москве территориях Московской области, где ведется активное строительство жилья. Также мы ожидали увидеть значимые различия в доле лиц в пожилых возрастах. Однако эти гипотезы нашли пока только довольно слабое подтверждение.

Библиографический список

1. Архангельский В., Зверева Н. Рождаемость в Москве в 2000-е годы / Демоскоп Weekly. – 2011. – №489–490. [Электронный ресурс] URL: <http://demoscope.ru/weekly/2011/0489/demoscope489.pdf> (дата обращения 14 марта 2015 г.)
2. Бреславский А.С. Незапланированные пригороды: сельско-городская миграция и рост Улан-Удэ в постсоветский период. – Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2014. – 192 с.
3. Григоричев К.В. В тени большого города: социальное пространство пригорода. – Иркутск: «Оттиск», 2013. – 248 с.
4. Зайончковская Ж.А., Иоффе Г.И. Динамика населения в Московском регионе как отражение постсоветских трансформаций // Вопросы географии. Сб. 135: География населения и социальная география / Отв. ред. А.И. Алексеев, А.А. Ткаченко. – М.: Изд. дом «Кодекс», 2013. – С. 188–223.
5. Зайончковская Ж.А., Мкртчян Н.В. Роль миграции в динамике численности и состава населения Москвы // Иммигранты в Москве / Под ред. Ж.А. Зайончковской. – М.: «Три квадрата», 2009. – С. 18–44.
6. Малева Т., Тындык А. Потенциал роста рождаемости в Москве / Демоскоп Weekly. – 2014. – № 585–586. [Электронный ресурс] URL: <http://demoscope.ru/weekly/2014/0585/demoscope585.pdf> (дата обращения 10 марта 2015 г.)
7. Махрова А.Г. Организованные коттеджные поселки: новый тип поселений (на примере Московской области) // Региональные исследования. – 2008. – № 2. – С. 13–20.
8. Махрова А., Нефедова Т., Тревиш А. Москва: мегаполис? агломерация? мегалополис? / Демоскоп Weekly. – 2012. – № 517. [Электронный ресурс] URL: <http://demoscope.ru/weekly/2012/0517/demoscope517.pdf> (дата обращения 3 марта 2015 г.)
9. Махрова А.Г., Нефедова Т.Г., Тревиш А.И. Московская область сегодня и завтра: тенденции и перспективы пространственного развития. – М.: Новый хронограф, 2008. – 344 с.
10. Моисеенко В., Переведенцев В., Воронина Н. Московский регион: миграция и миграционная политика / Рабочие материалы Московского центра Карнеги. № 3. – М., 1999. – 59 с.
11. Московский столичный регион: территориальная структура и природная среда. Опыт географического исследования / Под ред. Г.М. Лаппо, Г.А. Гольца, А.И. Тревиша. – М.: ИГ АН СССР, 1988. – 320 с.
12. Неретин А.С. Пригородный и междугородний транспорт в Московском столичном регионе как фактор обеспечения мобильности населения / Социология. Естествознание. Общество. Сборник научных статей и материалов всероссийской научной конференции «Социология и естествознание: междисциплинарные подходы к изучению социальной реальности» 12–13 декабря 2014 года / Под редакцией Н.Е. Покровского. – М.: РОО «Сообщество профессиональных социологов», ООО «Вариант», 2014. – С. 49–57.
13. Нефедова Т.Г. Сельская Россия на переломе: географические очерки. – М.: Новое издательство, 2003. – 408 с.
14. РСФСР: административно-территориальное деление на 1 января 1986 г. – М.: Президиум ВС РСФСР, 1986. – 512 с.
15. Шитова Ю. Маятниковая трудовая миграция в Подмосквье: комплексный социально-экономический анализ. – Саранск: Изд-во Мордовского ун-та, 2009. – 188 с.
16. Шитова Ю., Шитов Ю. Маятниковая трудовая миграция в Московском регионе // Демоскоп Weekly. – 2013. – № 569–570. [Электронный ресурс] URL: <http://demoscope.ru/weekly/2013/0569/demoscope569.pdf> (дата обращения 01.03.2015 г.)
17. Brown D.L., Schafft K.A. Population deconcentration in Hungary during the post-socialist transformation / Journal of Rural Studies, 2002, 18: 233–244.
18. Clark W.A.V., Withers S.D. (2007) Family migration and mobility sequences in the United States: Spatial mobility in the context of the life course / Demographic Research: Vol. 17, Art. 20 URL: <http://www.demographic-research.org/Volumes/Vol17/20/17-20.pdf>.
19. Kley S. (2011) Explaining the Stages of Migration within a Life-course Framework / European Sociological Review, vol. 27 №4: 469–486.
20. Kok H. Migration from the city to the countryside in Hungary and Poland / GeoJournal 1999, 49: 53–62.
21. Kupiszewski M., Durham H., Rees Ph. 1998. Internal Migration and Urban Change in Poland / European Journal of Population 14: 265–290.
22. Millington J. (2000) Migration and Age: The Effect of Age on Sensitivity to Migration Stimuli / Regional Studies, Vol. 34.6: 521–533.
23. Raagmaa G. Centre-Periphery model explaining the regional development of the informational and transitional society / 43rd Congress of the European regional science association (ERSA) Jyväskylä, Finland, August 27–30, 2003. [Электронный ресурс] URL: <https://www.jyu.fi/ersa2003/cdrom/papers/503.pdf>

24. Raymer J., Abel G. and Smith P.W.F. (2007). Combining census and registration data to estimate detailed elderly migration flows in England and Wales / Journal of the Royal Statistical Society, 170, Part 4: 891-908.
25. Vobecka J., Piguet V. Fertility, natural growth and migration in the Czech Republic: an urban – suburban – rural gradient analysis of long-term trends and recent reversals / Population, Space and Place 18 (3): 225-240.

Интернет-источники

26. Сайт Cian.ru [Электронный ресурс] URL: <http://stat.cian.ru/sale/2013> - Карта цен на недвижимость в Москве (дата обращения 21 марта 2015 г.).
27. База данных показателей муниципальных образований [Электронный ресурс] URL: <http://www.gks.ru/dbscripts/munst/munst46/DBInet.cg>. (дата обращения 28 февраля 2015 г.).
28. База данных переписей населения 2002 и 2010 гг. (на основе микроданных) [Электронный ресурс] URL: <http://std.gmcrosstata.ru/webapi/jsf/tableView/customiseTable.xhtml>. (дата обращения 1 марта 2015 г.).

Смирнов И.П. (Тверь)

СРЕДНИЕ ГОРОДА КАК ОПОРНЫЕ ЦЕНТРЫ РАЗВИТИЯ ТЕРРИТОРИИ

Smirnov I.P.

MEDIUM-SIZED CITIES AS THE BASIC CENTERS FOR THE TERRITORY DEVELOPMENT

Аннотация. В статье рассмотрены три теоретические разработки: теория центральных мест, теория полюсов развития и центров роста, концепция опорного каркаса. Отмечено, что именно они удачно описывают три основные функции города: центр своего окружения, источник импульсов развития, ключевое звено во взаимосвязях с другими территориями. На основе объединения этих представлений предложено новое понятие – опорный центр развития территории (ОЦРТ).

Abstract. The article considers three theoretical conceptions: the theory of central places, the theory of growth poles and growth centers, and the idea of a basic framework of settlement. It is noticed that these conceptions are useful for description of three main functions of the city: the center of its surroundings, the source of development pulses, and the key element in the relationship with other territories. Article proposed a new concept of a basic center for the territory development based on integrating these three ideas.

Ключевые слова: теория центральных мест, концепция опорного каркаса, теория полюсов развития и центров роста, средние города, региональное развитие, опорный центр развития территории.

Key words: theory of central places, theory of growth poles and growth centers, conception of a basic framework of settlement, medium-sized cities, regional development, the basic center for territory development.

В современной отечественной научной литературе средним городам уделяется недостаточно внимания. Чаще всего работы по географии городов посвящены развитию крупных городских агломераций или, наоборот, проблемам функционирования малых депрессивных городов и моногородов. Исследователи зачастую пренебрегают отдельным рассмотрением средних городов или рассматривают их вместе с малыми, хотя многие ученые еще в советское время выделяли эту группу городов особыми свойствами [7, 19, 31]. О нехватке городов среднего звена в нашей стране, в сравнении с другими, пишет А.И. Тревиш. Он называет их «слабоватыми», так как и по числу и по доли

населения наши средние города уступают западным [29].

В данной работе предпринята попытка осмысления роли средних городов в региональном развитии. Для этого задействованы следующие общеизвестные теоретические разработки: теория центральных мест, теория полюсов роста, концепция опорного каркаса.

Теория центральных мест акцентирует внимание на роли населенных пунктов в качестве центров обслуживания населения окружающей территории. Согласно этой теории, населенные пункты различных размеров образуют иерархически соподчиненную систему центральных мест, причем

каждый центр, в условиях идеальной равнины имеет свою шестиугольную зону обслуживания [5]. Реальные системы расселения и обслуживания очень редко соответствуют этой модели. Но она задает принципы для географического анализа этих систем и для их моделирования в рамках работ по пространственному планированию (в прошлом – районной планировке).

Впервые мысль о каркасе территории, как известно, высказал Н.Н. Баранский. Вслед за ним Б.С. Хорев ввел понятие об опорном каркасе расселения (ОКР) [31]. Примерно в том же смысле используются термины «опорный каркас народного хозяйства» [9], «опорный каркас территории» [27], «транспортно-урбанистический (или просто урбанистический) каркас» [32]. В концепции территориальных структур И.М. Маергойза опорный каркас представлен как «питательно-распределительная структура» [16].

Г.М. Лаппо определяет опорный каркас, как сочетание главных фокусов экономической, политической и культурной жизни и соединяющих их магистральных линий. Особая роль каркаса в территориальной структуре экономики, по словам Г.М. Лаппо, состоит в том, что он и его элементы обеспечивают сопряженность социального и экономического развития, интегральных (районных) и специализированных (отраслевых) систем [10]. А.А. Ткаченко называет опорный каркас наиболее полным инвариантом всей территориальной организации любого региона [27]. Одной из последних работ по развитию концепции опорного каркаса является книга Р.Д. Дмитриева [4].

Теория «полюсов развития и центров роста» объясняет экономическое развитие территории и определяет такое размещение вновь создаваемых предприятий, при котором рост будет распространяться на воз-

можно более обширную территорию [25]. Создатель теории полюсов развития и центров роста Ф. Перру понимал под «полюсом роста» компактно размещенные и динамично развивающиеся отрасли промышленности и отдельные предприятия, создающие «импульсы развития», которые оказывают влияние на территориальную структуру хозяйства и ее динамику. Если эта отрасль является пропульсивной, т.е. способна оказывать положительный мультипликационный эффект, она образует полюс роста [18]. Со временем название теории редуцировалось до «полюсов роста», которые обычно понимаются в пространственном смысле – как центры развития некой территории. Ж. Будвиль дал экономическому понятию «полюс роста» конкретную географическую привязку. Он предложил в качестве полюсов роста рассматривать не только совокупности предприятий лидирующих отраслей, но и конкретные территории [2].

Данная теория популярна среди российских исследователей и практиков регионального планирования [3, 8, 15, 20]. В широком смысле, под полюсом роста обычно понимается мощный пространственный сгусток интеллектуального и технического потенциала, способный вести за собой окружающую территорию. Анализ определений, имеющих в научной литературе [14, 17, 18, 30, 33, 36], позволяет выявить основное содержание понятия «полюс роста» (табл. 1).

В нашем исследовании предпринята попытка синтезировать рассмотренные теоретические разработки для обоснования роли средних городов в региональном развитии. Их авторы, как правило, опираются на какую-то одну теорию или концепцию. Есть примеры рассмотрения городов одновременно в качестве центральных мест и полюсов роста [2, 34]. Совместное использо-

Содержание понятия «полюс роста»

Таблица 1

Свойства	Используемые ключевые слова
Территориальность – локализация	территория, город, городское ядро, территориальные системы, регион, пространственный сгусток
Функциональность – функции, которыми наделяется полюс роста	пропульсивная отрасль, центр экономической активности, лидирующие отрасли, предприятия, сгусток интеллектуального и технического потенциала, центр оказания услуг, проект, «локомотив» развития
Коммуникативность – взаимодействие с другими населенными пунктами региона	ретранслятор нововведений, источник импульсов социально-экономического развития, распространение роста на прилегающие территории, способность к постоянному развитию и совершенствованию

вание трех теорий обнаружено нами только в работе Т.В. Субботиной [26].

Из ключевых положений этих теорий следует, прежде всего, обратить внимание на характер рассматриваемых пространственных связей. В теории центральных мест в первую очередь рассматриваются центро-стремительные потоки, устремленные с окружающей территории в город. В теории полюсов роста основную роль играют центробежные связи, направленные на передачу окружающей территории импульсов экономического развития. В концепции опорного каркаса на первый план выходят связи городов между собой и возможности внешних контактов. Таким образом, с помощью трех этих теорий можно описать весь спектр основных пространственных связей какого-либо объекта. Безусловно, обычно учитываются и другие виды пространственных связей: так, в теории центральных мест наряду с центро-стремительными рассматриваются и центробежные связи, например, организация торговли (поставка товара) в торговых точках, расположенных на территории, подконтрольной центру. В теории полюсов роста центро-стремительные связи выражаются в миграциях и трудовых поездках населения в полюса роста.

Взгляд на город сквозь призму трех концепций затрагивает все главные стороны его функционирования (рис. 1). Так, теория центральных мест заостряет внимание на системе обслуживания населения окружающей территории, концепция полюсов роста раскрывает экономическую составляющую регионального развития, а концепция ОКР отражает включенность города в систему расселения и связи с системами более высокого ранга. Синтез основных идей трех теорий подводит нас к новому понятию – «опорный центр развития территории».

Опорный центр развития территории (ОЦРТ) – это населенный пункт, выполняющий обслуживающие функции по отношению к тяготеющей территории, имеющий устойчивую экономическую базу с пропульсивными видами деятельности и включенный в опорный каркас рассматриваемой территории. Представления об ОЦРТ опираются на такие фундаментальные положения теории территориальной организации общества, как пространственная концентрация и иерархическое строение географического пространства [28].

На разных иерархических уровнях опорными центрами развития территории могут выступать города разных категорий. В масштабах страны – это в основном города-миллионеры и города, близкие к этой группе (700–800 тыс. чел.). В пределах крупных регионов (экономических районов, федеральных округов) опорными центрами являются центры областей (краев, республик), а также немногочисленные другие города, сопоставимые по людности с областными центрами (ориентировочно от 200 тыс. чел.). В регионах областного уровня в качестве ОЦРТ выступают большие (100–250 тыс. чел.) и средние (50–100 тыс. чел.) города. Но в большинстве областей, краев, республик городов с людностью более 100 тыс. чел., если они не являются центрами регионов, просто нет. В нестоличных областях Центрального и Центрально-Черноземного районов в настоящее время таких городов всего 7. Для полноты картины к их числу следует добавить 2 города, вышедших из этой группы за последнее десятилетие. Свои ОЦРТ есть и во внутриобластных микрорайонах [12, 13], и в низовых муниципальных (административных) районах, и даже на более низких территориальных уровнях. Можно сказать,

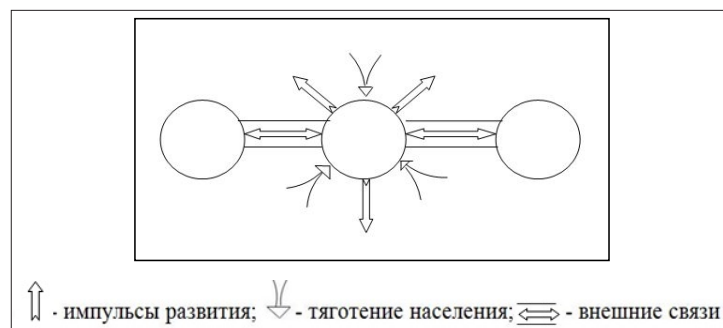

Рис. 1. Пространственные связи опорного центра развития территории

что к опорным центрам развития некоторой территории относятся «столица» этой территории и центры следующего за ней ранга.

В Центральной России средние города, как правило, выступают в качестве межрайонных центров. Важная черта многих средних городов, отличающая их от менее крупных и пгт – разнообразие не только центральных (обслуживание и управление), но и специальных, т.е. создающих специализацию города, функций. По образному выражению В.В. Покшишевского, в них «как бы завязываются узлы», объединяющие «наложенные друг на друга» сети поселений разного хозяйственного профиля [19]. По словам С.А. Ковалева, «средние ... города, за редким исключением, всегда имеют черты межрайонного центра, их связь с сельской местностью в большей мере выходит за рамки своего административного района» [7]. Поэтому отличительной чертой средних городов является повышенная, в сравнении с малыми городами, доля занятых в обслуживании, поскольку большинство из них имеют предприятия и учреждения не только районного, но и межрайонного уровня. В разное время и применительно к разным регионам это отмечалось многими учеными [6, 22, 23]. В разработанной А.А. Ткаченко типологии центров обслуживания [см. 1] средние города занимают место межрайонных центров – самых развитых из райцентров, обслуживающие функции которых распространяются на территорию нескольких районов.

Э.В. Кнобельсдорф изучал вопрос о районобразующей роли городов. Города он рассматривал как центры обслуживания и хозяйственные центры окружающей территории. В его иерархии хозяйственных центров средним городам, наряду с некоторыми большими, отводилась роль центров внутриреспубликанских и внутриобластных экономических районов. По его словам, средние города – это значительные комплексные хозяйственные центры, оказывающие многостороннее влияние на окружающий район [6]. Е.Е. Лейзерович выделил на территории РФ более 400 экономических микрорайонов [12, 13]. В границах ЦФО, без учета Московской области, насчитывается 72 экономических микрорайона, 18 из которых возглавляются средними городами, а это более 15% всего городского населения нестоличных областей ЦФО [24].

Еще в начале 1970-х гг. Б.С. Хорев пришел к выводу, что во многих областях в системе расселения недостаточно развито (иногда и просто отсутствует) звено средних городов, которые могли бы быть важными региональными центрами, снимающими с областных центров часть нагрузки по развитию промышленности и обслуживанию населения области [31]. Б.С. Хорев [22], Е.Л. Янович [35] и другие отводили средним городам роль центров внутриобластных округов, понимая под этими округами официально признанные экономические микрорайоны.

В концепции опорного каркаса средние города тоже занимают свою нишу. Г.М. Лаппо отводит им роль опорных узлов на региональном уровне [10]. По П.М. Поляну, именно средние города выполняют функции субрегиональных узлов [21].

Р. Доманьский пишет, регион не развивается на всей территории равномерно. Рост бывает в одном или не многих населенных пунктах, как правило, ими являются крупные и средние города [5]. Исходя из основных свойств полюсов роста (табл. 1.), попытаемся показать, что средние города могут выступать в качестве полюсов роста в региональном масштабе. В данном случае под регионом понимается территория субъекта РФ.

1. Территориальность. Средние города, как правило, являются вторыми и третьими по людности городами в своих регионах. Они имеют сравнительно выгодное транспортное положение, благодаря чему они неплохо вписываются в транзитные процессы инноваций.

2. Функциональность. Экономическая база средних городов диверсифицирована значительно лучше, чем у малых и субсредних городов. В большинстве средних городов ЦФО преобладают предприятия пропульсивных отраслей (машиностроения, химической промышленности). В последнее время в средних городах стали модернизироваться старые и появляться новые предприятия.

3. Коммуникативность. Средние города способны транслировать и распространять импульсы развития на значительно большую территорию, чем районные центры меньшей людности.

Из сказанного следует, что на региональном уровне средние города могут выполнять роль опорных центров развития территории. Большинство из них являются

межрайонными центрами. Они обычно обладают диверсифицированной экономической базой и рядом новых или модернизированных предприятий, что характеризует их как «полносы роста». В опорном каркасе расселения (территории) средние города занимают место опорных узлов, которые поддерживают крупные города (ядра) и осуществляют их связь с региональной периферией.

Итак, опорными центрами развития областного региона, помимо его центра, можно назвать города, отвечающие следующим требованиям:

- численность населения – от 50 тыс. чел.,
- выполнение функций по обслуживанию населения двух и более муниципальных районов,
- наличие диверсифицированной экономической базы, втягивающей в свою орбиту окружающую территорию,

- включенность в основные транзитные потоки региона и страны.

Выделение средних городов в особую группу опорных центров развития территории могло бы активизировать их развитие, обратить на них внимание бизнеса и изменить отрицательные тенденции (отток и старение населения, деградация экономической базы, ухудшение качества городской среды и т.д.), которые в настоящее время прослеживаются в значительной части этой группы городов. Активизация экономической деятельности в этих городах придаст импульсы развития всей подконтрольной им территории. То же можно сказать и об инфраструктурных проектах в этих городах, которые с одной стороны, могли бы частично снять нагрузку с региональных центров, с другой – приблизить качественное обслуживание к населению региона.

Библиографический список

1. Алексеев А.И., Ковалев С.А., Ткаченко А.А. География сферы обслуживания: основные понятия и методы. – Тверь: 1991. – 117 с.
2. Буржуазная региональная теория и государственно-монополистическое регулирование размещения производительных сил: критический анализ. – М., 1981. – 250 с.
3. Гранберг А.Г. Основы региональной экономики. – М., 2006. – 498 с.
4. Дмитриев Р.В. Опорный каркас расселения и хозяйства Индии. – М., 2014. – 156 с.
5. Доманский Р. Экономическая география: динамический аспект. – М., 2010. – 376 с.
6. Кнобельсдорф Э.В. Районообразующая роль городов и крупных сельских поселений // География населения и населенных пунктов СССР. – Л., 1967. – С. 69–90.
7. Ковалев С.А. Типы поселений – районных центров СССР // Вопросы географии. Сб. 56. – М., 1962. – С. 54–73.
8. Кузнецова О.В. Экономическое развитие регионов: теоретические и практические аспекты государственного регулирования. – М., 2002. – 309 с.
9. Лаппо Г.М. Концепция опорного каркаса территориальной структуры народного хозяйства: развитие, теоретическое и практическое значение // Известия АН СССР. Серия географическая. – 1983. – № 5. – С. 16–28.
10. Лаппо Г.М. География городов. – М., 1997. – 480 с.
11. Лащева Т.О. Формирование и активизация полюсов экономического развития в регионе: автореф. дис. ... канд. экон. наук. – СПб., 2008. – 24 с.
12. Лейзерович Е.Е. Экономические микрорайоны России (сетка и типология). – М., 2004. – 131 с.
13. Лейзерович Е.Е. Сетка экономических микрорайонов России. Вариант 2008 года // Региональные исследования. – 2010. – № 4. – С. 14–28.
14. Лексин В.Н. К методологии исследования и регулирования процессов территориального развития // Регион: Экономика и социология. – 2009. – № 3. – С. 19–40.
15. Носонов А.М. Теории пространственного развития в социально-экономической географии // Псковский регионологический журнал. – 2011. – № 11. – С. 3–16.
16. Маергойз И.М. Территориальная структура хозяйства. – Новосибирск, 1986. – 304 с.
17. Молчан А.С. Формирование точек экономического роста как базовая экономическая стратегия развития и модернизации региональной экономики // Научный журнал Кубанского государственного аграрного ун-та. – 2011. – № 67. – С. 1–24.
18. Павлов К.В. Экономическое ядро региона: сущность, состав и структура // Известия РАН. Серия географическая. – 2005. – № 6. – С. 17–25.
19. Покшишевский В.В. Населенные пункты – местные центры и проблемы их соподчинения // Вопросы географии. Сб. 56. – М. 1962. – С. 30–54.
20. Полюса и центры роста в региональном развитии. – М. 1998. – 194 с.
21. Полян П.М. Территориальные структуры – урбанизация – расселение: теоретические подходы и методы изучения. – М., 2014. – 788 с.
22. Развитие сети опорных центров РСФСР (вопросы методики) / Под ред. С.Г. Смидовича. – М., 1979. – 159 с.
23. Ринкунас Л.К. Выделение межрайонных (региональных) систем расселения Литовской ССР методом потенциала городов // Региональное расселение в СССР: Сб. научн. докл. совещания

- «Методология и методика исследования проблем регионального расселения». – М., 1984. – С. 126–135.
24. Смирнов И.П., Фомкина А.А. Средние города в системе расселения Центральной России // Региональные исследования. – 2013. – № 4. – С. 80–87.
 25. Социально-экономическая география: понятия и термины. Словарь-справочник / Отв. ред. А.П. Горкин. – Смоленск, 2013. – 328 с.
 26. Субботина Т.В. Направления оптимизации пространственного развития региона // Географический вестник. – 2010. – № 1. – С. 5–14.
 27. Ткаченко А.А. Территориальная общность людей: социально-географическая концепция: автореф. дис. ... докт. геогр. наук. – М. 1995. – 32 с.
 28. Ткаченко А.А. О процессе социологизации и элементах общей теории социально-экономической географии // Региональные исследования. – 2002. – № 1. – С. 20–24.
 29. Трейвиш А.И. Город, район, страна и мир: Развитие России глазами страноведа. – М., 2009. – 372 с.
 30. Троцкий А.Я., Щетинин М.П. Концептуальные основы регулирования территориального развития на мезоуровне // Изв. Алтайского государств. ун-та. – 2010. – № 2–2. – С. 298–308.
 31. Хорев Б.С. Проблемы городов. – М., 1975. – 428 с.
 32. Чистобаев А. И., Красовская О.В., Сктерщиков С.В. Территориальное планирование на уровне субъектов России. – СПб., 2010. – 296 с.
 33. Швецов А.Н. Государственная поддержка российских городов. – М., 2002. – 160 с.
 34. Яковсон А.Я. Город как точка пространства и полюс социально-экономического развития // Основные понятия, модели и методы общегеографических исследований: Сб. тезисов докладов Всесоюз. теоретич. конференции. – М., 1983. – С. 48–51.
 35. Янович Е. Внутриобластные субцентры: проблемы моделирования в системе расселения // Рост городов и система расселения / Серия «Народонаселение». – М., 1975. – С. 36–45.
 36. The Dictionary of Human Geography, D. Gregory, R. Johnston, G. Pratt, M. Watts, S. Whatmore. 5th Ed. 2009. 1072 p.
-

РЕГИОНАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ РАЗВИТИЯ ТУРИЗМА

Александрова А.Ю. (Москва)

РЕЙТИНГИ ГЛОБАЛЬНЫХ ГОРОДОВ МИРА КАК ТУРИСТСКИХ ДЕСТИНАЦИЙ И МЕСТО В НИХ МОСКВЫ

Aleksandrova A.Yu.

RANKING OF WORLD GLOBAL CITIES AS TOURIST DESTINATIONS AND MOSCOW PARTICULAR POSITION

Аннотация. Современные глобальные города являются не только акторами мировой политики и международными центрами силы, но и выступают в качестве главных туристских дестинаций. Статья посвящена проблеме ранжирования глобальных городов как туристских дестинаций. Международные рейтинги являются эффективным маркетинговым инструментом продвижения туристских дестинаций на глобальном рынке путешествий. В статье рассмотрены сводные и специальные туристские рейтинги глобальных городов. Показано место в них Москвы.

Abstract. Modern global cities are not only the actors of the world politics and the international centers of power, but also the main tourism destinations. The article is focused on ranking global cities as tourist destinations. International ratings are an effective marketing tool for promotion of tourist destinations in the global travel market. There are general and special tourist rankings of global cities. Moscow ranks in them are shown.

Ключевые слова: туризм, туристская дестинация, глобальный город, индексы глобальных городов, рейтинг, Москва.

Keywords: tourism, tourism destination, global city, global cities indexes, ranking, Moscow.

В современных условиях все больший вес в общепланетарной системе приобретают глобальные города, которые во многом отвечают за функционирование мировой экономики и стратегическое построение международных отношений. Они представляют собой главные центры современной системы мирового хозяйства, центры его контроля, управления и обслуживания, узлы концентрации мирового капитала. В результате воздействия широкой совокупности факторов глобальные города становятся одними из ключевых мест локализации мировых туристских потоков и формируют особую категорию туристских дестинаций.

За рубежом мировой геоурбанистике посвящена обширная научная литература. В России теория и проблемы, в том числе туристские, глобальных городов совсем недавно привлекли внимание географов [1, 2, 3, 4, 6, 8, 9 и др.]. Одним из центральных

направлений мировой геоурбанистики является классификация глобальных городов и составление их международных рейтингов. Известностью пользуются сводные рейтинги глобальных городов, разрабатываются также специальные туристские рейтинги. Цель статьи – дать информационно-аналитический обзор ведущих международных рейтингов глобальных городов с точки зрения потенциала развития в них туризма и как эффективных маркетинговых инструментов продвижения туристских дестинаций на глобальном рынке путешествий.

Сводные рейтинги глобальных городов. Рейтинги глобальных городов по силе воздействия на мировую экономику носят общий характер. Они дают представление о мирохозяйственном потенциале тех или иных глобальных городов и тем самым об условиях и перспективах развития в них туриз-

ма. Некоторые из них включают собственно туристскую составляющую. Для сравнительного анализа выбраны шесть главных рейтингов глобальных городов, а также «Доклад о конкурентоспособности городов» Всемирного экономического форума.

Методика изучения и классификация глобальных городов исследовательской группы глобализации и мировых городов (Globalization and World Cities Study Group, сокр. – GaWC). Особенность методики состоит в изучении взаимосвязей глобальных городов, измерении отношений между ними и попытке их классификации на этой основе. Задача состоит в оценке степени интегрированности города во всемирную и взаимосвязанную систему глобальных городов. При выборе критериев оценки акцент делается на отрасли третичного сектора экономики. В самом свежем отчете за 2012 г. представлена матрица данных для 175 фирм, 526 городов и с примерно 92 000 «оценками услуг» [28].

Методика позволяет классифицировать глобальные города по следующим категориям: «альфа» (ведущие), «бета» (главные), «гамма» (второстепенные). Кроме того, в классификацию включены города категории «д» (формирующиеся), которые хотя и не являются глобальными, но концентрируют производства больших объемов услуг. Каждая из категорий в зависимости от выраженности критериев делится еще на несколько подгрупп.

Результаты исследований, начиная с 2000 г., показывают безоговорочное лидерство Лондона и Нью-Йорка по степени интегрированности в глобальную сеть городов. Москва занимает стабильно высокие места в данном рейтинге. В 2008 г. Москва перешла из категории главных глобальных городов (подгруппа «бета+») в категорию ведущих городов (подгруппа «альфа»). В 2012 г. по сравнению с рейтингом 2010 г. она передвинулась в своей подгруппе с восьмого на четвертое место и заняла позицию сразу после Милана и перед Сан-Паулу, Франкфуртом-на-Майне, Торонто, Лос-Анджелесом и Мадридом. Другой город Российской Федерации, включенный в рейтинг GaWC, Санкт-Петербург относится к категории второстепенных глобальных городов (подгруппа «гамма+»).

Метод исследования GaWC, по мнению специалистов, дает теоретически обоснован-

ные и эмпирически надежные оценки отношений между городами в условиях глобализации. Однако это исследование касается хотя и очень важного, но лишь одного аспекта развития глобального города, а именно обслуживания мирового капитала.

Индекс уровня глобализации городов мира (Global Cities Index, A.T. Kearney) рассчитывается на основе одного из самых современных подходов к рейтингу глобальных городов. Исследование проводится международной консалтинговой компанией A.T. Kearney совместно с исследовательским центром «Чикагский Совет по международным отношениям» (“The Chicago Council on Global Affairs”) при поддержке ведущего американского политологического журнала “Foreign Policy”. Индекс уровня глобализации городов мира публикуется раз в два года, начиная с 2008 г.

Индекс показывает, в какой степени глобальные города распространяют экономическое, политическое и культурное влияние, ценности и идеи. В 2014 г. глобальные города оценивались по 26 экономическим, социальным, культурным и политическим позициям, сгруппированным в пять блоков: уровень деловой активности, человеческий капитал, информационный обмен, культурная привлекательность, политический вес. В каждый из блоков включены показатели, имеющие отношение к туризму, – количество проводимых международных конференций, число иностранных студентов, обучающихся в вузах, присутствие города в интернет-среде, количество аттракций; количество принимаемых городом иностранных туристов; интенсивность отношений с городами-побратимами и др. [12].

В 2014 г. исследование охватывало 84 города с населением более 1 млн человек. Нью-Йорк традиционно признается мегаполисом с самым высоким уровнем глобализации в мире. Наиболее влиятельными глобальными мегаполисами также являются Лондон и Париж. В пятерку лидеров рейтинга входят ведущие мегаполисы Восточной Азии – Токио и Гонконг. Из российских городов только Москва входит в рейтинг A.T. Kearney. В 2014 г. она заняла 17 место из 84. Высокая культурная привлекательность Москвы, прежде всего большое количество музеев, определяет итоговую позицию города в рейтинге. По этому кри-

терию Москва занимает второе место после Лондона.

Индекс влияния глобальных городов (Global Power City Index, GPCI) разработан Институтом стратегического развития городов при поддержке Мемориального фонда Мори (Япония). Индекс позволяет сравнивать крупнейшие мегаполисы мира по их привлекательности для творческих личностей и бизнеса, а также возможности мобилизовать имеющиеся активы в целях экономического, социального и экологического развития. По аналогии с индексом уровня глобализации городов мира (А.Т. Kearney) японский индекс основан на комплексном подходе, позволяющем всесторонне оценить и ранжировать глобальные города исходя из их потенциала и степени влияния. Однако в отличие от А.Т. Kearney японские ученые придают значение субъективным оценкам – восприятию людьми качества городской среды.

Исследование состоит из двух частей. Первая часть основана на объективных количественных оценках состояния и развития городов. При составлении индекса использовалось 70 показателей в шести категориях: экономика, научные исследования и разработки, культурное взаимодействие, благоустроенность, состояние окружающей среды и доступность для посещения. К ключевым показателям относится ряд показателей развития туризма в глобальном городе, в частности характеризующих туристскую инфраструктуру, туристскую привлекательность города, транспортную инфраструктуру и перевозки. Например, число иностранных туристов; время в пути из центра города до международных аэропортов; число городов, с которыми данный город связан прямым авиасообщением; число туристов, прибывающих в город международными авиарейсами; количество взлетно-посадочных полос в международных аэропортах города; плотность сети метрополитена [19].

Вторая часть исследования японских ученых под названием «Нематериальные ценности городов» (Urban Intangible Values) построена на субъективных оценках. В ней широко используются результаты социологических наблюдений (опросов). В данном случае города оценивались по 11 показателям, сведенным в шесть категорий: эффективность городского управления, точность и

скорость перевозок, безопасность в широком смысле, разнообразие доступных услуг и событийных мероприятий, гостеприимство, а также изменения и рост города. Проводя оценки нематериальных ценностей городов, токийские ученые стремились охарактеризовать городское социальное пространство, виды деятельности в нем и управление им. Их интересовало восприятие городских ценностей разными людьми и выявление общих (универсальных) и частных (специфических) ценностей. Показатели, используемые в первой и второй частях исследования, тесно корреспондируются друг с другом.

Другая особенность исследования японских ученых состоит в том, что отобранные для исследования города изучались с точки зрения четырех глобальных акторов: менеджеров, научных работников, деятелей искусств и туристов, а также местных жителей. Каждый тип акторов предъявляет к городу характерные требования, исходя из которых были составлены специальные рейтинги городов, в частности туристский рейтинг крупнейших городов мира.

В 2014 г. исследованием было охвачено 40 крупнейших городов планеты. Как и в предыдущие годы, безусловными лидерами иерархии выступают Лондон, Нью-Йорк, Париж и Токио. Кроме вышеназванной четверки, в первую десятку рейтинга городов также попали Сингапур, Сеул, Амстердам, Берлин, Гонконг и Вена. Учет нематериальных ценностей принципиально не изменил расклад сил среди городов. Специальный рейтинг городов, составленный с точки зрения туристов, несколько отличается от общего. В нем также первые три места занимают Лондон, Нью-Йорк и Париж. За ними с большим отрывом следуют Стамбул, Шанхай, Токио, Пекин, Барселона, Сингапур и Берлин.

Москва – единственный город Российской Федерации, включенный в общий и специальные рейтинги. В общем рейтинге она занимает 35 место (760, 3 балла; для сравнения Лондон – 1485,8). За предшествующий период с 2010 по 2013 г. положение Москвы в рейтинге колебалось незначительно (37–32 места) [13–18]. Значительно более серьезный разброс значений отмечается по отдельным составным индексам. В 2014 г. Москва занимала места выше среднего уровня в таких категориях, как культурное взаимодействие

(18), доступность для посещения (18), научные исследования и разработки (19). Однако в остальных категориях ее положение было ниже среднего уровня (экономика – 31 место и особенно состояние окружающей среды – 38 место и благоустроенность – 40).

В специальных рейтингах Москва находится в четвертом десятке: с точки зрения менеджеров – на 38 месте, туристов – на 36 (примерно так же как и в общем рейтинге), деятелей искусств – на 32, местных жителей – на 33. Лишь научные работники поставили ее на 21 место [18].

Индекс конкурентоспособности глобальных городов (Global City Competitiveness Index, The Economist). Глобальный город прежде всего – это город глобальной конкурентоспособности. Поддержание и стимулирование ее на высоком уровне являются условием сохранения сложившейся мировой иерархии городов. В 2012 г. британский исследовательский центр The Economist Intelligence Unit (аналитический отдел британского журнала «The Economist») по заказу американской транснациональной финансовой группы Citigroup начал глобальное исследование конкурентоспособности городских агломераций мирового значения, а также разработку их рейтинга.

Как и в рассмотренных выше исследованиях, города изучаются с точки зрения их способности привлекать капитал, бизнес, человеческий капитал (талантливых людей) и туристов. Методика составления Индекса конкурентоспособности глобальных городов основана на комплексном подходе и сочетании статистических данных с результатами опросов экспертов в области городского управления, мэров городов и руководителей международных компаний. Индекс был рассчитан для 120 крупнейших городских агломераций мира с совокупным валовым продуктом 20,2 трлн долл., что составляет 29% мировой экономики [Hot spots]. Каждый город оценивался по 31 частному показателю, тематически сгруппированным в восемь категорий: 1) экономический потенциал (вес – 30%), 2) человеческий капитал (15%), 3) институциональная эффективность (15%), 4) финансовая система (10%), 5) вовлеченность в глобальную интеграцию (10%), 6) физический капитал (10%), 7) окружающая среда и природные риски (5%), 8) социокультурная среда (5%).

Рейтинг глобальных городов мира по уровню конкурентоспособности возглавляют Нью-Йорк, Лондон и Сингапур. В первую десятку также вошли Гонконг, Париж, Токио, Цюрих, Вашингтон, Чикаго и Бостон. Москва находится в середине списка на 58 месте, Санкт-Петербург – на 100 месте.

Особый интерес представляет доклад, подготовленный The Economist Intelligence Unit, под названием «Точки роста 2025: Сравнение конкурентоспособности городов будущего» [22]. Он содержит среднесрочный прогноз изменения конкурентоспособности городов мира с 2012 по 2025 г. Согласно результатам исследования, в 2025 г. самым конкурентоспособным городом на планете останется Нью-Йорк. Он сохранит свою привлекательность как для деловых кругов, так и для населения. На втором месте – Лондон, который по-прежнему будет являться наиболее важным финансовым центром Европы. Это единственный центр в странах с развитой экономикой, который, как ожидается, улучшит экономические и финансовые показатели с 2012 по 2025 г. Из европейских городов в первую десятку также вошли Париж и Стокгольм. Они «соседствуют» с Сингапуром, Гонконгом, Токио, Сиднеем, Чикаго и Торонто. В 2025 г. 23 самых успешных города будут находиться в США и странах Западной Европы. Однако в перспективе их ждет обострение конкуренции с мегаполисами развивающихся стран, прежде всего новыми экономическими центрами в Юго-Восточной Азии.

Два российских мегаполиса, Москва и Санкт-Петербург, останутся в списке самых конкурентоспособных городов мира в 2025 г. Москва, как и в рейтинге 2012 г., будет находиться в середине списка на 59 месте [22].

Прочие международные рейтинги глобальных городов. В этой группе исследований заслуживают внимание «Обзор глобальных городов» и прогноз развития глобальных городов мира до 2025 г. по одному из важнейших макроэкономических показателей – величине валового продукта.

Обзор глобальных городов (Global City Survey, Knight Frank) проводится международной консалтинговой компанией Knight Frank. На протяжении восьми лет компания Knight Frank ежегодно публикует свой главный исследовательский труд «The Wealth Report», в котором освещаются тенден-

ции в глобальном распределении богатства, а также охватывает города мира, которые представляют особый интерес для самых богатых людей на планете. Оно проводится с использованием статистической базы данных и результатов опроса экспертов Citibank, а также нескольких тысяч инвесторов из разных стран мира, состояние каждого из которых оценивается превышает 100 млн долл. Опрос был запущен в 2008 г., чтобы сравнивать города по степени влияния – привлекательности для инвесторов, воздействию на глобальную бизнес-элиту, принятию ими решений [10].

Ранжирование городов проводится на основе четырех критериев: 1) деловая активность, 2) качество жизни (включены показатели оценки деятельности учреждений культуры и досуга), 3) интеллектуальный капитал и экономическая влияние, 4) политическое влияние. Согласно рейтингу 2014 г. самые влиятельные города в мире – Лондон и Нью-Йорк, в том числе и благодаря высокой интенсивности международных туристских связей. Наряду с ними в первую десятку городов мира вошли четыре азиатских мегаполиса – Сингапур, Гонконг, Шанхай и Пекин [26]. Москва не включена в десятку, но вошла в первую пятерку европейских городов (из 15) [24]. Аналитики отмечают, что рейтинг по критерию деловой активности возглавляют Нью-Йорк и Лондон, по качеству жизни – Мельбурн, по интеллектуальному капиталу и экономической влиятельности – Лондон и Нью-Йорк, по политическому влиянию – Вашингтон [27].

В списке пяти наиболее быстрорастущих городов мира – Сан-Паулу, Стамбул, Абу-Даби, Мумбаи и Сидней. По прогнозу на 2024 г. Нью-Йорк и Лондон останутся самыми влиятельными городами мира. Существенно усилят позиции в рейтинге Сан-Паулу, Стамбул и Шанхай как города с самым высоким приростом числа наиболее богатых людей планеты среди местного населения [26].

Прогноз развития глобальных городов мира до 2025 г. (Global City GDP 2025, McKinsey Global Institute). Исследовательский центр McKinsey Global Institute (MGI, подразделение транснациональной компании в области аудита и консалтинга McKinsey & Company) опубликовал доклад «Урбанизированный мир: сравнительный анализ эконо-

мического влияния городов». В нем даны оценки и перспективы экономического, социального и демографического развития ведущих городов мира до 2025 г. Прогнозные рейтинги городов составлены по ряду показателей: размеру их экономики, темпам экономического роста, численности населения, количеству домохозяйств с доходом свыше 20 тыс. долл. в год и др. Исследование опирается на собственную базу данных MGI «CityScore», содержащую сведения о 2000 мегаполисах мира и являющуюся крупнейшей в своем роде.

Согласно прогнозу, в 2025 г. самым богатым городом мира (по размеру ВВП) будет Нью-Йорк. За ним следуют Токио, Шанхай, Лондон и Пекин. Москва занимает 16 место в этом рейтинге и 17 место по темпам роста ВВП. По числу домохозяйств с годовым доходом более 20 тыс. долл. она входит в первую десятку (9 место). Кроме Москвы, в списке 600 ведущих городов мира – еще четыре российских города: Санкт-Петербург, Тюмень, Екатеринбург и Красноярск [30].

Доклад о конкурентоспособности городов (The Competitiveness of Cities, World Economic Forum). С 2012 г. Всемирный экономический форум (ВЭФ) публикует доклады о конкурентоспособности городов. В докладе выделяются четыре главных фактора, определяющих конкурентоспособность городов: 1) экономические институты (эффективность управления или принятие управленческих решений, т.е. как реформировать), 2) экономическая политика и регулирование бизнес-среды (что реформировать), 3) состояние физической инфраструктуры, 4) коммуникационная инфраструктура. Действие этих факторов рассматривается на примере 26 городов (mini case study), и более углубленный анализ их влияния проводится для 7 городов (full case study), которые расположены в разных странах и регионах мира и находятся на разных уровнях экономического развития. Полученный материал обобщается с точки зрения опыта проведения городских реформ [25].

Специальные туристские рейтинги городов. Среди международных исследований городов, как туристских дестинаций, заслуживают внимания отчет Всемирной туристской организации (ЮНВТО), рейтинги международной платежной системы MasterCard и Euromonitor International.

Отчет ЮНВТО по городскому туризму в мире. Проект «Города 2012» возник по инициативе ряда аффилированных членов ЮНВТО в 2011 г. в целях обмена мнениями о текущем состоянии и перспективах развития городского туризма в мире, а также распространения передового опыта в этой области на недавно созданной технологической платформе platma.org. На основе рейтингов городов по числу туристских прибытий за предыдущие три года, изучения дополнительных источников информации, в частности материалов European Cities Marketing, и с использованием поправочных коэффициентов была получена репрезентативная выборка городов на пяти континентах. В результате последовавших затем переговоров 21 город стал участником проекта. Им был разслан вопросник для выяснения актуальных вопросов и приоритетов в области стратегического управления туризмом. После обработки данных первого опроса было проведено второе анкетирование (анкета включала 80 вопросов) для сбора более детальной информации по таким вопросам, как:

- 1) влияние туризма на экономику города
- 2) планирование и регулирование городского туризма
- 3) продвижение и маркетинг городского туризма
- 4) человеческие ресурсы
- 5) ответственный туризм: использование культурного и природного наследия
- 6) инновации
- 7) впечатления туристов от посещения города.

Итоговый документ представляет собой подборку «case studies» городов-участников проекта по вышеперечисленным темам [20].

Индекс глобальных городских туристских дестинаций (Global Destination Cities Index, MasterCard). Начиная с 2010 г., международная платежная система MasterCard ежегодно проводит ранжирование 132 крупнейших городских агломераций с точки зрения их популярности у туристов. Эти города расположены в Европе, Северной и Южной Америке, Азиатско-Тихоокеанском регионе, на Ближнем Востоке и в Африке. Ранжирование проводится по количеству международных туристских прибытий и объему расходов иностранных туристов в год, а также объему воздушного пассажиропотока, т.е. с учетом интегрированности города в глобаль-

ную систему авиасообщения и интенсивности авиамаршрутов (индекс крупнейших мировых авиаузлов, Global Air Hubs Index). При разработке индекса глобальных городских туристских дестинаций и соответствующего рейтинга не используются данные MasterCard об объемах транзакций.

В подавляющем большинстве случаев (122 города из 132) информация о количестве международных туристских прибытий в город была получена непосредственно в национальных статистических организациях или туристских администрациях. В остальных случаях значение показателя рассчитывалось по модели авиапотоков (Airflow Model). Данные о величине туристских расходов в городе были получены из официальной статистической отчетности или по итогам национальных обследований (опросов) международных посетителей (49 городов). Если в результате опросов величина туристских расходов определялась лишь на национальном уровне, то для города она устанавливалась расчетным путем. Если информацию о величине туристских расходов невозможно было получить ни на национальном уровне, ни на городском, расчет производился с использованием сведений платежного баланса (36 городов). В единичных случаях использовались иные методы расчетов.

Индекс крупнейших мировых авиаузлов (оценка интенсивности авиасообщения между парой корреспондирующих городов) рассчитывается для города Z по формуле:

$$100 \cdot F \cdot M \cdot P, \text{ где}$$

где F – частота полетов в неделю между городом Z и другим конкретным городом. Значение показателя определяется исходя из расписания полетов; M – внутри-/межрегиональный мультипликатор. Для городов внутри одного региона мультипликатор равен 1. При определении интенсивности сообщения с городами из других регионов мультипликатор равен двум; P – пара городов с максимальной частотой полетов в неделю. Этот показатель используется для нормализации первичной информации об интенсивности сообщения.

В 2014 г. первое место в мире по числу международных туристских прибытий занимает Лондон. На втором месте – Бангкок.

Между Лондоном и Бангкоком существует острая конкуренция за мировое лидерство (в 2012 и 2013 гг. Бангкок занимал первую строку рейтинга). На третьем месте находится Париж. Нью-Йорк за последние два года сместился с четвертой позиции на шестую, пропустив вперед динамичных Сингапур и Дубай. По объему туристских расходов лидируют Лондон, Нью-Йорк и Париж. Их позиции на вершине рейтинга весьма устойчивые. По значениям индекса крупнейших мировых авиаузлов с большим отрывом лидирует Лондон [21].

Москва находится в срединной части списка самых популярных у туристов городов мира. Она занимает в рейтинге 48 строку. Согласно прогнозу MasterCard, в 2014 г. город примет 2,34 млн иностранных туристов, которые потратят в нем 2,22 млрд долл. Однако по значению индекса крупнейших мировых авиаузлов столица замыкает первую десятку, опережая лидера по туристской посещаемости Бангкок. Кроме Москвы, Россию в рейтинге MasterCard представляют Санкт-Петербург, Новосибирск, Екатеринбург и Владивосток [5].

Рейтинг городских туристских дестинаций (City Destination Ranking) разработан одним из мировых лидеров в области международных исследований потребительских рынков *Euromonitor International*. Он охватывает 100 городов мира. Рейтинг составляется по одному показателю – количеству международных туристских прибытий. Основная информация о прибытиях в города была получена из баз данных национальных статистических офисов соответствующих стран. Статистическая информация дополнялась результатами опросов среди специалистов национальных туристских организаций, членов профессиональных объединений в туризме, руководителей ведущих туроператоров.

Согласно самому свежему рейтингу городских туристских дестинаций на 2012 г., первые два места с большим отрывом занимали Гонконг (23,7 млн международных туристских прибытий) и Сингапур (21,3 млн). Следующий за ними Бангкок зарегистрировал 15,8 млн прибытий, Лондон – 15,5. Пятерку сильнейших замыкал Макао (13,4 млн). Москва занимала 24 строку (5,0 млн), показав прирост 13,6% по сравнению с 2011 г. [11, 29].

Хотя Euromonitor и MasterCard использовали один и тот же показатель для ранжирования туристских городских дестинаций в 2012 г., они получили сильно различающиеся результаты (табл. 1). В отдельных случаях данные разнятся в несколько раз, как например с прибытиями в Гонконг – в 2,8 раза. Это свидетельствует о несовершенстве методологии и методики статистического учета международных туристских прибытий в мире.

Прочие специальные туристские рейтинги городов мира. Среди прочих рейтингов заслуживают внимание рейтинги самых популярных среди туристов городов мира, составляемые TripAdvisor, и рейтинг городов по доступности для туристов.

Рейтинг наиболее популярных среди туристов городов мира. TripAdvisor – один из крупнейших в мире сайтов о туризме, на котором ежегодно проводятся опросы путешествующих лиц о городах мира. В 2014 г. пользователи сайта оставили 54 тыс. ответов. В результате лидером по совокупности качеств стал Токио. Он вошел в первую десятку по 13 из 16 категорий, в том числе по предупредительности местного населения, качеству обслуживания в такси, общественному транспорту, чистоте улиц и пр. На второе место по совокупности качеств поднялся Нью-Йорк, на третье – Барселона. Респонденты также выделили Сингапур, особенно по уровню комфорта для неорганизованных туристов, качеству обслуживания в такси, чистоте улиц, простоте передвижения по городу и удобству для путешествующих с семьей. В отдельных категориях лидерами стали Стокгольм – по удобству путешествий всей семьей, Рим – по количеству и качеству достопримечательностей, Дубай – по возможностям шопинга, Будапешт – по соотношению цены и качества. Крайне негативно, туристы отзывались об индийском Мумбаи, который признан худшим из худших [7].

Рейтинг городов мира по доступности для туристов составляется на основе Backpacker Index. Он рассчитывается, начиная с 2010 г. Экономическая доступность города определяется затратами туриста на:

- размещение на одну ночь в самом дешевом хостеле с хорошим местоположением и хорошими отзывами гостей;
- две поездки общественным транспортом в день;

*Рейтинги ведущих городских туристских дестинаций в мире
MasterCard и Euromonitor International, 2012 г.*

№№ п/п	MasterCard		Euromonitor International	
	Город	Количество международных туристских прибытий, млн	Город	Количество международных туристских прибытий, млн
1	Бангкок	15,82	Гонконг	23,77
2	Лондон	15,46	Сингапур	21,35
3	Париж	14,33	Бангкок	15,82
4	Сингапур	11,11	Лондон	15,46
5	Нью-Йорк	10,60	Макао	13,36
6	Дубай	10,16	Куала-Лумпур	13,34
7	Куала-Лумпур	9,26	Шэньчжэнь	12,10
8	Стамбул	8,82	Нью-Йорк	11,62
9	Гонконг	8,37	Анталия	10,30
10	Сеул	7,51	Париж	9,78

Составлено по: [21, 29].

- посещение одной известной достопримечательности в день;
- трехразовое «бюджетное» питание в день (взята минимальная цена на еду в городе и к ней добавлено 20%, чтобы сделать ее более реалистичной для длительного путешествия);
- три кружки местного сорта пива (или три бокала вина) в день. Для тех, кто не употребляет алкогольные напитки, учитываются расходы на десерт или чашку кофе, или посещение местного музыкального мероприятия.

В 2014 г. среди 51 европейского города самыми доступными для туристов были Бухарест, Киев, София, Белград и Краков. В рейтинг вошло два российских города – Москва и Санкт-Петербург. Москва находится в середине списка на 21 месте перед Афинами, Неаполем и Брюгге. При ее характеристике отмечается недостаточное количество хостелов и бюджетных точек общественного питания, дороговизна размещения в отелях и питания в ресторанах. Санкт-Петербург занимает 12 место [31].

Аналитический обзор рейтингов глобальных городов мира позволяет сделать

следующие выводы. Глобальные города занимают особое положение в современной архитектуре мироустройства. Главный вектор развития международного города нацелен на вхождение в «элитный клуб» глобальных центров и повышение клубного рейтинга, что определяет общую стратегию развития туризма в нем. Москва представлена в подавляющем большинстве ведущих рейтингов мегагородов мира, как общих, так и специальных туристских. Это свидетельствует о признании ее глобальным городом (сформировавшимся по одним рейтингам или формирующимся – по другим) и туристской дестинацией. Москва занимает в большинстве рейтингов срединное или незначительно выше среднего уровня положение. Вовлеченность Москвы во всемирную сеть глобальных городов создает хорошие предпосылки и преимущества для развития международного туризма, в частности въездного, в столице Российской Федерации. В целом, при всей очевидной слабости рейтингового подхода он позволяет раскрыть некоторые ориентиры в развитии городского туризма в мире.

Библиографический список

1. Аксенов К.Э., Вендина О.И. Москва и Петербург: закономерное развитие или стихийная трансформация городского пространства? // Москва на фоне России и мира: проблемы и противоречия отношений столицы в контексте рыночной трансформации. – М.: Эпикон, 1999. – С. 87–99.
2. География туризма / Под ред. А.Ю. Александровой. – М.: КНОРУС, 2008. – 592 с.
3. Глобальный город: теория и реальность / Под ред. Н.А. Слуки. – М.: Аванглион, 2007. – 243 с.

4. Крупные города и вызовы глобализации / Под ред. В.А. Колосова и Д. Эккерта. – М.–Смоленск: Ойкумена, 2003. – 280 с.
5. Лондон возглавил MasterCard Global Destinations Cities Index – рейтинг самых посещаемых городов мира: Пресс-релиз. [Электронный ресурс] – URL: <http://newsroom.mastercard.com/ru/press-releases/лондон-возглавил-mastercard-global-destinations-cities-index/>
6. Слука Н.А. Градоцентрическая модель мирового хозяйства. – М.: Пресс-Соло, 2005. – 168 с.
7. Токио, Нью-Йорк и Барселона – самые удобные для туристов города // ПАТА-новости. № 3552. 21.05.2014.
8. Трейвиш А.И., Курасов А.В. Мировые города в постиндустриальной экономике: термины, теоретические конструкции и реальность // Мир России. – 2009. – № 1. – С. 34–46.
9. Экономическая география мирового развития. XX век / Под общ. ред. Ю.Г. Липеца, В.А. Пуляркина, С.Б. Шлихтера. – СПб.: Алетея, 2003. – 396 с.
10. Bailey L. The Wealth Report Global Cities Survey. [Электронный ресурс] – URL: <http://www.knightfrankblog.com/wealthreport/news-headlines/brave-old-world/>
11. Euromonitor International's Top City Destinations Ranking. [Электронный ресурс] – URL: http://euromonitor.typepad.com/files/pdf_topcities-v1.2.pdf
12. Global Cities, Present and Future. 2014 Global Cities Index and Emerging Cities Outlook. [Электронный ресурс] – URL: <http://www.atkearney.com/research-studies/global-cities-index/full-report>
13. Global Power City Index 2009. Summary. Tokyo, 2009. Institute for urban strategies. The Mori Memorial Foundation. [Электронный ресурс] – URL: http://www.mori-m-foundation.or.jp/english/research/project/6/pdf/GPCI2009_English.pdf
14. Global Power City Index 2010. Summary. Tokyo, 2010. Institute for urban strategies. The Mori Memorial Foundation. [Электронный ресурс] – URL: http://www.mori-m-foundation.or.jp/gpci/pdf/GPCI2010_eng.pdf
15. Global Power City Index 2011. Summary. Tokyo, 2011. Institute for urban strategies. The Mori Memorial Foundation. [Электронный ресурс] – URL: http://www.mori-m-foundation.or.jp/english/research/project/6/pdf/GPCI2011_English.pdf
16. Global Power City Index 2012. Summary. Tokyo, 2012. Institute for urban strategies. The Mori Memorial Foundation. [Электронный ресурс] – URL: http://www.mori-m-foundation.or.jp/gpci/pdf/GPCI2012_eng.pdf
17. Global Power City Index 2013. Summary. Tokyo, 2013. Institute for urban strategies. The Mori Memorial Foundation. [Электронный ресурс] – URL: http://www.urban.ecnu.edu.cn/library/GPCI-2013Summary_E.pdf
18. Global Power City Index 2014. Summary. Tokyo, 2014. Institute for urban strategies. The Mori Memorial Foundation. [Электронный ресурс] – URL: http://www.mori-m-foundation.or.jp/gpci/pdf/GPCI14_E_Web.pdf
19. Global Power City Index Yearbook 2013. [Электронный ресурс] – URL: http://www.mori-m-foundation.or.jp/english/research/project/6/pdf/GPCIYB2013leftlet_E.pdf
20. Global Report on City Tourism/ UNWTO. [Электронный ресурс] – URL: http://dtxqtq4w60xqpw.cloudfront.net/sites/all/files/pdf/am6_city_platma.pdf
21. Hedrick-Wong Yu., Choong D. 2014 Global Destination Cities Index / MasterCard. [Электронный ресурс] – URL: http://newsroom.mastercard.com/wp-content/uploads/2014/07/Mastercard_GDCI_2014_Letter_Final_70814.pdf
22. Hot Spots 2025: Benchmarking the Future Competitiveness of Cities. [Электронный ресурс] – URL: <http://www.citigroup.com/citi/citiforcities/pdfs/hotspots2025.pdf>
23. Hot spots. Benchmarking global city competitiveness. A report from the Economist Intelligence Unit. [Электронный ресурс] – URL: http://www.citigroup.com/citi/citiforcities/pdfs/eiu_hotspots_2012.pdf
24. Knight Frank выпустил 8-е ежегодное исследование The Wealth Report 2014. [Электронный ресурс] – URL: <http://www.knightfrank.ru/about/news/issue2687/>
25. The Competitiveness of Cities 2014 / World Economic Forum [Электронный ресурс] – URL: http://www3.weforum.org/docs/GAC/2014/WEF_GAC_CompetitivenessOfCities_Report_2014.pdf
26. The top spots may be secure for now, but there's plenty of movement elsewhere in this year's Knight Frank Global Cities Survey. The 10 most important global cities to the world's wealthy. [Электронный ресурс] – URL: <http://www.thewealthreport.net/global-cities/>
27. The wealth report 2014. The global perspective on prime property and wealth. [Электронный ресурс] – URL: <http://content.knightfrank.com/research/83/documents/en/2014-1777.pdf>
28. The World According to GAWC 2012 / GAWC. Retrieved 7 April 2014 [Электронный ресурс] – URL: <http://www.lboro.ac.uk/gawc/gawcworlds.html>
29. Top 100 City Destinations Ranking. [Электронный ресурс] – URL: <http://blog.euromonitor.com/2014/01/euromonitor-internationals-top-city-destinations-ranking.html>
30. Urban world: Mapping the economic power of cities / McKinsey Global Institute. 2011. [Электронный ресурс] – URL: www.mckinsey.com/mgi/
31. Wade R. 51 European cities by price: European Backpacker Index for 2014. [Электронный ресурс] – URL: http://www.priceoftravel.com/1979/european-backpacker-index/?utm_medium=referral&utm_source=pulsenews

РЕКРЕАЦИЯ И ТУРИЗМ КАК ЭТАПЫ РАЗВИТИЯ ТЕРРИТОРИИ

Zyryanov A.I., Safarian A.A.

RECREATION AND TOURISM AS THE STAGE OF DEVELOPMENT OF THE TERRITORY

Аннотация. Обосновывается целесообразность деления процесса формирования туристской территории на этапы. В технологии развития туризма первым, предварительным этапом рассматривается создание рекреационной системы, вторым – образование туристской сферы. Предлагается 100-километровая дистанция относительно объекта, как индикатор его рекреационного и туристского хинтерландов.

Abstract. Recreation has been considered as a preparatory stage for the touristic development of territory. It is suggested the formation of recreation system for the first stage and the creation of tourism system for the second stage in the technology of tourism development. Proposed the 100 km distance of objects as a indicator for recreational and touristic hinterlands.

Ключевые слова: рекреация, туризм, местный туризм, масштабный туризм, технология развития туризма, водный туризм, Пермский край, Армения, Ластивер.

Key words: recreation, tourism, local tourism, large-scale tourism, tourism development technology, water tourism, Permsky Krai, Armenia, Lastiver.

Введение и постановка проблемы. Вопросы развития территории с целью обеспечения ее туристской привлекательности требуют многостороннего изучения. Одной из весьма актуальных проблем в этом многоаспектном исследовании является проектирование туристской инфраструктуры. Она рассматривается географами и на муниципальном [10], и на региональном [13] уровнях. Существуют самые разные предложения по развитию территорий, но превалирует среди них точка зрения, связанная с формированием систем туристских объектов – кластеров [2, 5].

Цель нашей работы – обосновать этапы последовательного решения задачи формирования туристской территории.

Обзор ранее выполненных исследований. Технология туристско-рекреационного развития территории представляет интерес для многих специалистов. Одной из первых моделей, на которой были основаны подходы к исследованию территориальной организации туризма, являлась модель, разработанная в 1970-е гг. В.С. Преображенским и его учениками [17]. Она получила развитие в работах Ю.А. Веденина, Н.С. Мироненко, Е.А. Котлярова, В.И. Твердохлебова, В.А. Квартальнова, И.В. Зорина, В.И. Кружалина, А.Ю. Александровой, Л.Ю. Мажар и многих других ученых. Отметим одно важнейшее, на наш взгляд, свойство этой модели. Она является общегеографической

по содержанию; сочетая в себе на равных физико-географические и социально-географические элементы, выводит тем самым рекреационную географию на уровень теоретической географии.

Эволюцию рекреационной функции территории прослеживали в своих работах Ю.А. Веденин [3, 4], И.В. Зорин [9], И.М. Яковенко [19], Е.Ю. Колбовский [11], И.А. Дугаренко [8] и др. Ценно то, что исследователи отмечали необходимость вместе с изучением рекреационных ресурсов обращать особое внимание на потребности людей, которые, по их мнению, рассматриваются, как правило, несколько поверхностно.

Так, Е.Ю. Колбовский [11] рекомендует в туристско-рекреационном проектировании исходить из технологических оснований, в частности, из представлений о составе турпродукта, что позволит исправить существующее ныне искаженное понимание взаимосвязи туризма и рекреации. Ученый считает, что туристско-рекреационная сфера России сможет развиваться только при условии «переворачивания» пирамиды услуг с ног на голову – туризм должен опираться на предварительно развернутые рекреационные возможности.

Исследователи дают разное описание этапов развития территориальных туристско-рекреационных систем (ТТРС). Например, М.В. Кузнецов [14] выделяет два этапа

формирования ТТПС: первый – освоение, второй – использование. Ю.А. Веденин [3] представляет более дробное деление, отметив шесть этапов в трех периодах развития туристской территории: I. Формирование: 1) возникновение, 2) становление. II. Зрелость: 3) расцвет, 4) стагнация. III. Дегра-дация: 5) упадок, 6) исчезновение (с переходом в рекреационное использование). И.М. Яковенко [19], рассматривая процесс развития рекреационного природопользования (РП), выделяет следующие уровни: I – рекреационное освоение, II – рост масштабов РП, III – стагнация, IV – дегра-дация (сокращение и исчезновение рекреационных функций). Б. Владарчик [6] называет пять этапов развития туристского пространства: 1) дотуристский, 2) проникновение, 3) колонизация, 4) урбанизация, 5) послетуристское пространство. М.Б. Щепакин и А.С. Басюк [18] в формировании дестинации насчитывают девять этапов, имея в виду, что на первом этапе территория еще только начинает претерпевать изменения туристского характера, на девятом же – экономика развивается с мультипликативным эффектом. Н.С. Мироненко [15] отмечает в эволюции рекреационной деятельности следующую закономерность. На первом этапе прослеживается рост популярности отдельных видов рекреации, связанных с использованием естественных (непреобразованных или слабо преобразованных) ландшафтов, и на втором – появляются новые формы рекреационных занятий.

В работе Ю.Д. Дмитриевского [7] мы находим суждение о последовательности развития этой сферы. По мнению исследователя, не все рекреационно-осваиваемые территории становятся действительно туристскими, а потенциальный район превращается в туристский только при условии проведения большой организационной работы и вложения достаточных средств в развитие туристской инфраструктуры.

Приведенные подходы нацеливают на четкое формулирование последовательности туристского развития территории, на целесообразность акцентирования различий между понятиями «рекреация» и «туризм», на учет отраслевых, технологических факторов. С нашей точки зрения, этапность туристского развития территории и проектирования систем туристской инфраструктуры важно представить максимально конкретно,

исходя из простого критерия, прежде всего, для ясного понимания этих задач органами территориального управления и сферой малого и среднего предпринимательства.

Полученные результаты. Одним из существенных факторов в поставленной нами задаче является географический размах вовлечения территории или предприятия в туризм. Этот масштаб может быть местный, а может быть и значительнее. Объект может быть востребован в пределах региона, представлять интерес для соседних регионов и даже иностранных государств, ближних и дальних. Дальность поездки до дестинации отражает известность объекта, степень его уникальности, влияет на продолжительность пребывания в месте посещения и может быть ключевым индикатором при планировании развития туристской сферы. В связи с этим можно выделить ярусы туристского развития территории, которые для объекта можно определить терминами: местный, региональный, государственный и международный. Можно провести и более дробное деление, добавив к четырем уровням-ярусам еще два, т.е. ввести дополнительно межрегиональный (смежно-региональный) ярус и разделить международный на поездки, соответственно из ближних и дальних стран.

Если иметь в виду главную линию разделения в обозначенных ярусах, то следует выделять в них два этажа: местный и масштабный (все, что за пределами местного яруса). Туризм на территории может быть местным, т.е. территория может «работать» на жителей из ближайшего окружения, а может выполнять важную роль и для жителей более отдаленных мест. Встает вопрос четкого определения понятия «ближнее место».

Ближние места можно оконтурить кольцом 100-километрового радиуса от туристского объекта. Деятельность предприятия на зону стокилометрового окружения можно условно рассматривать как сферу местного туризма. В Европейской части России она соизмерима с размерами регионов. Если обратить внимание на размеры субъектов РФ, расположенных в Европейском Центре и Черноземном Центре, в соседних государствах (Беларусь, Украина), то можно прийти к выводу, что стокилометровые дистанции от региональных центров условно оконтуривают регионы. В больших западноевропейских странах 100 км показатель доступности от

центров неплохо коррелируется с размерами их крупных регионов (Бавария, Каталония, Ломбардия, Трансильвания) и в целом соответствует территориям малых европейских стран. В этих местах высокая плотность дорог, поэтому показатель 100-километровой доступности логичен при разделении местного и масштабного уровней туристских перемещений. В России на Европейском Севере, на Урале, в Сибири и на Дальнем Востоке такой подход обоснован лишь в центральных частях субъектов федерации.

Итак, оценивая географические масштабы участия объекта в туризме, мы выделяем два пространства: первое, ограниченное кругом радиусом 100 км, второе – за его пределами. Поездка на расстояние до 100 км инициируется, как правило, желанием посещения интересных географически близких мест. Поездка на большие расстояния связана с местами далекими и не похожими. Поездки в ближние места и путешествия в дальние чаще всего различаются мотивами и многими компонентами. Говоря о местном и масштабном уровнях, можно подразумевать внутренний, с одной стороны, и въездной–выездной типы туризма в традиционном понимании – с другой. Если база отдыха располагается, например, в Пермском муниципальном районе, где гостями являются жители Перми, то можно сказать, что эта база отдыха специализируется на внутреннем туризме и рассматривается нами как туристский объект местного уровня. Такой объект выполняет в основном рекреационные функции.

Таким образом, если на территории ставить задачу развития туризма, то следует условно разделить ее выполнение на два этапа. Первый – рекреационный, когда не предполагается широкой известности объекта и интенсивной работы на въездной поток. При этом реализуется цель развития рекреационных объектов для местных жителей и ближнего окружения и развития необходимого сервиса. Второй этап – туристский, когда ставится задача на базе сформированной рекреационной территории создать туристскую, привлекая посетителей из-за пределов ближнего окружения.

При вовлечении объекта или местности в туристскую сферу первоначально ставится задача формирования рекреационной территории с услугами для местных жителей и жителей ближнего окружения. После того

как она будет решена, можно ставить задачу формирования на базе созданной рекреационной территории туристской зоны, которая могла бы принимать внешних посетителей. При таком понимании рекреационной и туристской территорий существенных различий по инфраструктурному содержанию у них не много. Каковы же различия? Прежде всего, в географическом масштабе туристского рынка, в туристской информации.

Какие территории в наибольшей степени подходят для подобного двухэтапного планирования развития туристской сферы? К таковым относятся пригородные ареалы, так как окрестности крупных городов прежде всего связаны с рекреационными функциями. Можно сказать, что рекреационную территорию формирует внутренний туризм.

Давно замечено, что внутренний туризм предваряет начало туристского развития территории, а международный – это последующий по времени этап. В иностранный туризм вовлекаются именно те объекты, которые хорошо освоены внутренними посетителями. Так, в Пермском крае международным туризмом охвачены такие известные места, как Кунгурская ледяная пещера, архитектурно-этнографический музей Хохловка, Белогорский монастырь, архитектурно-исторические комплексы Чердыни, Соликамска, Усоляя. Иностранные туристские группы сплавляются сейчас по тем участкам пермских рек, которые были наиболее популярны в советский период развития туризма. Это участки рек Чусовой, Усьвы, Койвы, Вишеры. Отметим исключение: музей политических репрессий «Пермь-36» после его создания стал объектом именно международного туризма, а в составе внутреннего не столь популярен. Таким образом, есть и обратные случаи, но они очень редки и специфичны.

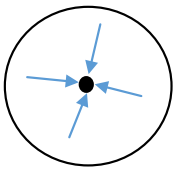
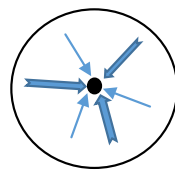
Первую стадию работы можно считать завершенной, когда в обозначенный ареал направлен стабильный местный туристско-рекреационный поток с пространства в пределах условной границы в 100 километров, когда в этом ареале созданы надлежащие сервисы и соответствующая рекреационная среда. Вторая стадия – именно туристская, характеризующаяся обеспечением широкой известности территории и её способностью к приему посетителей из более удаленных мест.

Туристская политика стран, особенно таких, которые планируют развивать меж-

дународный туризм, должна основываться на существующей местной рекреационной практике. Становление рекреации позволит с большей эффективностью развивать туризм благодаря таким направлениям деятельности, как выявление туристского потенциала, обозначение главных привлекательных объектов, инфраструктурное обустройство, использование экономических факторов.

Тенденции и приоритеты в туризме меняются быстро в связи с изменением потребностей людей. Ф.Бордо из университета Гренобля [20] делится следующим наблюдением. В Западной Европе до Второй мировой войны любимыми местами отдыха являлись курорты с чистым воздухом, а основным видом туризма был культурно-познавательный; в послевоенный период основной поток был

Этапы развития туристско-рекреационной системы

Параметр	I	II
Эволюция характера территории	Рекреационная направленность территории	Туристская направленность территории (дестинация)
Дальность поездки	До 100 км	Свыше 100 км
Объект интереса ●		
Степень известности и популярность территории	Внутри региона	Межрегиональная, национальная
Деятельность	Развитие рекреационных функций	Освоение и развитие туристских маршрутов

Составлено автором

сориентирован на береговые зоны, а наиболее массовым видом туризма был пляжный. Сегодня просматривается возврат к курортному и культурно-историческому туризму. Одной из причин этого является вредное воздействие солнечных лучей на кожу человека.

Таким образом, если по тем или иным причинам какое-либо географическое место воспринималось как не слишком привлекательное для сферы туризма, то это не значит, что отношение к нему не изменится. Любое место может стать туристской дестинацией, и это может произойти по разным причинам. Для развития туризма важно выявить уникальность места и преподнести ее под нужным углом зрения. Эту задачу решает рекреация. Важное значение внутреннего туризма заключается в «открытии» того или иного места для въездного и международного туризма. Методов популяризации много, и они в основном известны, но проблема не в том, как продвигать. Главный вопрос – что рекламировать?

Сфера туризма является отраслью экономики, и для нее характерен своеобразный

вид продукта, который состоит из услуг, и в этом трудность решения проблемы. Надо ли рекламировать хорошие услуги, инфраструктуру, климат, историю, природу, местные обычаи, что-то отдельное другое или же все вместе? Необходимо донести до людей то, что разбудит их интерес и желание побывать в этом месте, а интерес приезжих разбудит именно то, что уже привлекло внимание местных жителей. Меньше возможных ошибок встретится на пути решения проблемы развития туризма в регионе, если оно будет основываться на уже существующих приоритетах в рекреационной системе. Чаще всего именно местные жители лучше, чем кто-либо другой, осведомлены о живописных местах и интересных рекреационных занятиях своего региона. Поэтому на первом этапе место становится территорией рекреации, которая будет продвигаться одновременно с обустройством общей функциональной и рекреационной инфраструктуры, с привлечением инвестиций.

Если обобщить наши рассуждения, то получим следующее. Во-первых, надо раз-

вивать рекреацию, основываясь на поддержке и интересе местных жителей; что менее затратно. Если объекты и территория не пробудят интерес местных жителей, будет наивно полагать, что они станут популярными у иностранных туристов. Приведем два примера влияния рекреации на последующее развитие туризма. Первый связан с популяризацией рек и речных долин Пермского края путем сплавов, а второй – с вовлечением в туризм небольшого местечка в северной горной части Армении с помощью социальных сетей.

Сплав относится к устойчивой местной рекреационной традиции. В 50–70-е гг. XX в. сплав по рекам Пермского края наиболее массовым был в период весеннего половодья. Развивался школьный водный туризм в летние месяцы, причем география расширялась – наряду с популярными реками и их отдельными участками, были освоены, изучены и пройдены практически все значительные реки края. Были изданы прекрасные путеводители С.А.Торопова по речным маршрутам. Еще одной формой организации сплавов были плановые маршруты, начинавшиеся от профсоюзных турбаз по рекам Чусовой, Сылве и Ирени. Основной контингент сплавлявшихся в советский период был местный, но добавлялись и гости из других регионов СССР.

Сейчас традиция поддерживается и развивается. Это популярное рекреационное занятие все более востребовано, однако есть изменения. Сильно увеличился поток сплавщиков в летние месяцы («перевалив» за 100 тыс. участников). Это семьи с детьми, школьные классы, полевые летние лагеря, корпоративные группы. Путешествия, как правило, организуются местными туроператорами, сопровождаются специальными гидами, но и доля самостоятельных путешествий велика. О широте предпринимательства в этой сфере можно судить по обилию сплавных объявлений в летнее время, по многочисленным предложением аренды снаряжения. При этом сильно увеличилась нагрузка лишь на несколько стокилометровых участков рек, которые стали предельно популярны. Другие участки уступают по массовости во много раз. Новые места не исследуются. По мнению А.Ю.Королева [12], площади так называемых туристских полюсов недоступности в современных условиях хозяйствования увеличиваются. Можно сказать, что при возрастании

числа сплавляющихся пространство их путешествий сильно сжимается.

Иностранные туристы появились на уральских реках со времен перестройки. Им стали организовывать маршруты сплава летом по тем нескольким участкам рек, которые были самыми популярными и для местных жителей. Таким образом, въездной и международный туризм лишь усиливали туристское значение основных речных участков, не вводя ничего географически нового. Можно сказать, что международный туризм выбрал путь, проторенный местным туризмом, местными рекреационными занятиями, избрал те маршруты, которые были наиболее популярны на этапе развития внутреннего туризма.

Ластивер – это один из живописных уголков Армении в северо-восточной части страны, в 20 километрах западнее Иджевана. Природа здесь особенно интересна лесами, которые считаются «легкими» Армении. «Ластивер» – название пещеры, которая находится на берегу реки Хачахпюр, притока Агстева. Пешая тропинка, ведущая вверх по долине, проводит путешественников до пещеры, и они весь путь наслаждаются живописным горно-лесным ландшафтом. Достопримечательными являются водопады, где в тёплый сезон принято по пути купаться. Пещера располагается почти на гладкой стене каньона. Чтобы добраться до нее, людям пришлось соорудить длинную лестницу из бревен. Сооружение походило на плотину, именно поэтому в народе местность стали называть «Ластивер», что в переводе с армянского – «вверх по плотине». Выше, в 250 метрах, находится пещера под названием «Анапат», внутри которой на стенах сохранилась наскальная живопись. Археологи считают, что первые люди в этих пещерах поселились в эпоху мезолита. Место являлось святилищем, посвященным древнеармянским богиням [1]. Несмотря на то, что это место с историческими загадками и прекрасной природой, люди не посещали его вплоть до последних лет. Энтузиасты, познав и оценив достоинства места, начали организовывать пешие походы, не преследуя коммерческих целей. На начальном этапе освоения места участие принимали немногие, это были в основном молодые люди.

В течение примерно пяти лет наступил «бум» Ластивера. Основными причинами стали пешие походы отдельных путешествен-

ников и материал, появившийся в Интернете, в частности в соцсетях [5]. Отметим большую роль глобальной Сети в развитии туристских процессов и, особенно, в популяризации малопосещаемых мест [16, 21, 22]. Вскоре, как только место стало популярным среди местного населения и любимым маршрутом их пеших походов, различные туристские компании и гостиницы стали предлагать его посещение иностранцам. Сегодня это место пробудило интерес не только у жителей страны, но и у иностранных гостей, став полноценным туристским объектом. Об этом свидетельствует высокий уровень посещаемости. В этом примере примечательно то, что на популяризацию туристского объекта не было затрачено средств. Все информационное поле оставалось на уровне социальных сетей.

Выводы

1. Развитие местного или внутреннего туризма предваряет развитие въездного и международного туризма.

2. Территориальная организация иностранных потоков повторяет и акцентирует сложившуюся пространственную организацию внутреннего туризма, используя уже появившиеся на местном уровне доминанты.

3. Развивая туризм на какой-либо территории, стремясь вывести его на географически более широкий или более массовый уровень, следует разделить технологическую работу по продвижению туризма на два этапа. Сначала необходимо сформулировать концептуально рациональную и эффективно функционирующую рекреационную систему и только затем ставить задачу создания туристской системы.

4. Критерием отнесения объекта к рекреационной или к туристской сфере является характеристика расстояния (радиус охвата). Работа с посетителями на территории с радиусом в 100 километров является индикатором рекреационного объекта, а за его пределами – индикатором туристского объекта.

Библиографический список

1. Армянское бюро путешествий. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.atb.am/ru/armenia/sights/caves/lastiver/> (дата обращения: 15.08.2015).
2. Большаков А.И. Формирование и развитие приграничных туристских кластеров: дисс. ... канд. экон. наук. – М., 2014. – С. 149.
3. Веденин Ю. А. Динамика территориальных рекреационных систем. – М.: Наука, 1982. – С. 190.
4. Веденин Ю.А. К изучению эволюции рекреационных функций территории // Изв. АН СССР. Сер. географическая. – 1977. – № 4. – С. 12–14.
5. Ветитнев А.М. Ашкинадзе Я.А. Социальные сети: новые возможности для управления организациями туристско-рекреационного комплекса // Вестн. Нац. академии туризма. – 2011. – № 1. – С. 57–60.
6. Владарчик Б. Цикл развития туристского пространства // Туризм и региональное развитие. – Смоленск: Универсум, 2006. Вып. 4. – С. 225–234.
7. Дмитриевский Ю.Д. Туристские районы мира. – Смоленск, 2000. – 224 с.
8. Дугаренко И.А. Подходы к географическому исследованию эволюции рекреационных функций территории // Учен. зап. Таврич. нац. университета им. В.И. Вернадского. Сер.: География. 2012. Т. 25 (64), № 2. – С. 121–130.
9. Зорин И.В., Квартальнов В.А. Энциклопедия туризма. – М.: Финансы и статистика, 2004. – 368 с.
10. Зырянов А.И., Мышлянцева С.Э. Технология развития туризма в новом районе // Региональные исследования. – 2011. – № 4 (34). – С. 49–56.
11. Колбовский Е.Ю., Морозова В.В. Рекреационная география и территориальные аспекты формирования туристского продукта в России // Ярослав. пед. вестн. – 2010. Т.3. – № 3. – С. 100–105.
12. Королев А.Ю. Полюсы недоступности Пермского края // Региональные исследования. – 2014. – №1 (43). – С. 130–133.
13. Кропинова Е.Г., Митрофанова А.В. Региональный туристский кластер как туристско-рекреационная система регионального уровня // Региональные исследования. – 2011. – №1 (31). – С. 40–46.
14. Кузнецов М.В. Проблемы интенсификации рекреационно-географического процесса в системе общественной организации территории Крыма. – Симферополь, 1982. – 255 с.
15. Мироненко Н.С., Твердохлебов И.Т. Рекреационная география. – М.: Изд-во Моск. ун-та, 1981. – 208 с.
16. Погорелов А.М. Влияние информационных технологий на развитие международного туризма // Изв. Тульск. гос. ун-та. – 2014. – № 1-1. – С. 122–126.
17. Теоретические основы рекреационной географии // Отв. ред. В.С. Преображенский. – М.: Наука, 1975. – 222 с.
18. Щепакин М.Б., Басюк А.С. Туристская дестинация: характерные черты и этапы развития // КубГАУ(электронный журн.). – 2014. – № 97(03). – С. 1–11.
19. Яковенко И.М. Рекреационное природопользование: методология и методика исследований. – Симферополь: Таврия, 2003. – 335 с.
20. Bourdeau P. Mountain Tourism in a Climate of Change // Alpine space – man & environment. 2009. Vol. 7. P. 39–52.
21. Hvass K. A. and Munar A. M.. The takeoff of social media in tourism // Journal of Vacation Marketing. 2008. No. 18(2). P. 93–103.
22. Morgan N.J., Pritchard A. and Piggott R. Destination branding and the role of the stakeholders: The case of New Zealand // Journal of Vacation Marketing. 2003. Vol. 9, No. 3(July). P. 285–299.

ТЕРРИТОРИАЛЬНАЯ ДИФФЕРЕНЦИАЦИЯ ОКЕАНИИ ПО ПОТЕНЦИАЛЬНЫМ ВОЗМОЖНОСТЯМ РАЗВИТИЯ ТУРИЗМА

Gushchina M.V., Sazykin A.M.

DIFFERENTIATION OF TERRITORY WITHIN OCEANIA ON THE POTENTIAL POSSIBILITY OF TOURISM DEVELOPMENT

Аннотация. Рассматривается пространственная дифференциация Океании по обеспеченности рекреационным потенциалом и интенсивности развития туризма. Использовался метод многофакторного анализа. Выделено 4 группы стран, отличающиеся современным состоянием и перспективами развития туризма.

Abstract. The spatial differentiation of Oceania is considered in regards to the recreational potential and intensity of tourism development using method of multivariate analysis. Four groups of countries are allocated. Each group differs by current state and prospects of tourism development.

Ключевые слова: интенсивность развития туризма, потенциал развития туризма, рекреационный потенциал, рекреационные ресурсы, Океания.

Key words: intensity of tourism development, potential of tourism development, recreational potential, recreational resource, Oceania.

Океания – один из потенциальных районов развития мирового туризма, особенно экологической направленности [2]. Удаленность островной Океании от ведущих рынков выездного туризма определяет малые размеры въездного потока (3 млн туристов или 0,3% мирового потока; 2013 г.), а также значительные траты туристов (4 млрд долл.; 2013 г.). Между странами региона наблюдается существенная дифференциация по размерам как туристских потоков, так и доходов [15]. Так Тувалу на 2013г. посещает 1 тыс., а Гуам 1,3 млн туристов [16].

Абсолютные показатели туризма дают общую картину о неравномерности распределения туристских потоков среди территорий Океании. Однако сравнение только валовых показателей в целях определения роли отдельных территорий в региональном и мировом туризме представляется некорректным. Абсолютные (валовые) показатели дают неполное представление об особенностях развития туризма. В частности не свидетельствуют об его интенсивности, уровне развития туризма.

Цель данной работы – классифицировать территории Океании по интенсивности и потенциальным возможностям развития международного въездного туризма. Для этого целесообразно использовать относительные показатели, показывающие удельный вес отрасли в экономике страны.

Для анализа пространственных различий развития туризма был отобран ряд показате-

лей. При этом использовался отечественный и мировой опыт оценки туризма [1, 3, 5, 6, 9, 10, 15]. Использовались следующие показатели:

1. **Коэффициент туристских прибытий (кп)**, показывающий интенсивность туристских прибытий относительно численности местного населения;

2. **Плотность туристских прибытий (Пп)**, характеризующаяся отношением числа туристских прибытий к площади и показывающая эффективность рекреационного использования территории;

3. **Плотность размещения гостиничного фонда (Пг)**, определяющая обеспеченность средствами размещения (гостиничными номерами);

4. **Доходы от туризма на душу населения (Д/Н)**, как свидетельство вклада туристской отрасли в благополучие местного населения;

5. **Доходы от одного туриста (Д/Т)**, показывающие уровень развития сервиса, эффективность туризма;

6. **Плотность туристских доходов (Пд)**, определяемая как отношение туристских доходов к площади территории; показатель свидетельствует об эффективности использования рекреационных и земельных ресурсов в туристских целях;

7. **Доля туризма в ВВП (Д/ВВП)**, характеризующая вклад туристской отрасли в экономику территории; показатель даёт представление о степени зависимости территории от туризма;

Таблица 1

Показатели интенсивности развития туризма в Океании (2012 г.), баллы (рассчитано по данным [14–16])

	Кп	Пп	Пг	Д/Н	Д/Т	Пд	Д/ВВП	Д/Э	ИТОГО	Рейтинг
Гуам	7	10	10	9	3	10	4	10	63	1
Кука о-ва	10	3	5	9	3	2	7	6	45	2
Сев. Марианские о-ва	6	4	5	10	3	5	8	1	42	3
Палау	5	2	2	1	4	2	10	4	30	4
Вануату	1	1	1	1	8	1	7	2	22	5
Соломоновы о-ва	1	1	1	1	10	1	2	1	18	6
Фр. Полинезия	1	1	1	2	9	1	1	1	17	7
Самоа	1	1	1	1	3	1	4	4	16	8-9
Ниуэ	4	1	1	2	1	1	5	1	16	8-9
Фиджи	1	1	1	1	4	1	4	1	14	10
Маршаловы о-ва	1	1	2	1	2	1	1	1	10	11-12
Фед. Шт. Микронезии	1	1	1	1	2	1	2	1	10	11-12
Тувалу	1	1	2	1	1	1	1	1	9	13
Американское Самоа	1	1	1	1	1	1	1	1	8	14-16
Кирибати	1	1	1	1	1	1	1	1	8	14-16
Тонга	1	1	1	1	1	1	1	1	8	14-16

8. Доля туризма в экспорте (Д/Э), определяющая вклад туризма как в экономику страны в целом, так и в международные экономические связи.

Данные показатели были рассчитаны для 16 островных территорий Океании. Исследование не охватило такие территории как Науру, Токелау, Уоллис и Футуна из-за отсутствия необходимых статистических материалов.

Вычисленные для каждой территории показатели интенсивности туризма были переведены в 10-балльную систему оценки, результаты которой представлены в таблице 1.

Таким образом, лидером по интенсивности развития туризма в Океании является Гуам. Он показал лучшие результаты по большинству показателей. Исключение составили показатели дохода от одного туриста и доля туризма в ВВП. Так, для Северных Марианских островов доля туризма в ВВП почти вдвое больше аналогичного показателя у Гуама.

Интересно, что Фиджи, занимая второе место в регионе по абсолютному числу туристских прибытий, в результате расчетов по интенсивности развития туризма попали всего лишь на десятую строку, имея относительно высокие значения только по доходам от одного туриста и доли туризма в ВВП.

Острова Кука при невысоких в целом показателях туристских прибытий и доходов, занимают второе место по интенсивности

развития туризма. Это является следствием главным образом малой численности населения Островов. Туристские доходы оказывают значительное влияние на благосостояние местных жителей. Северные Марианские острова заняли третью строку составленного рейтинга, существенно уступив Островам Кука по коэффициенту туристских прибытий и доли туризма в экспорте.

Нами проведено сопоставление интенсивности развития туризма с рекреационным потенциалом территорий Океании. Последний был определен нами ранее [4, 9]. Под рекреационным потенциалом мы, вслед за Н.С. Мироненко и И.Т. Твердохлебовым [6], понимаем совокупность природных, культурно-исторических и социально-экономических предпосылок развития туризма [8]. Соответственно рекреационный потенциал оценивался по критериям согласно этим факторам

Природные рекреационные ресурсы (ПРР) оценивались по косвенным критериям, которые можно было характеризовать численно: протяженность береговой линии (км), площадь территории (кв. км), перепад высот, залесенность, количество объектов ЮНЕСКО, а также качественным характеристикам, тоже оцененных в баллах (климатические условия, наличие водных объектов, сочетание форм рельефа и растительности, наличие объектов Всемирного наследия).

Для характеристики всех критериев использовалась пятибалльная система.

Протяженность береговой линии – один из важнейших критериев, т.к. определяет доступность мелководного моря для талассотерапии, гелиотерапии и дайвинга – основных видов туризма в Океании. Площадь – косвенный показатель, определяющий разнообразие природных условий. Перепад высот – критерий, указывающий на разнообразие природных условий и живописность ландшафтов. Залесенность, выраженная в процентах, отражает эстетическую привлекательность и показывает насколько территория нетронута деятельностью человека. Природные объекты, внесенные в список Всемирного наследия (ЮНЕСКО) позволяют выделить наличие особо значимых природных территорий и что очень важно – благодаря этому имиджевых, т.е. раскрученных на мировом рынке. Наличие разнообразных водных объектов способствует диверсификации видов туризма и повышению эстетичности ландшафтов.

Культурно-исторические рекреационные ресурсы (КИРР) в Океании менее востребованы туристами нежели природно-рекреационные. В целом можно говорить об их относительной бедности в регионе. Наиболее востребован туристами культурно-этнографический потенциал аборигенных народов. Для оценки культурно-исторических ресурсов были рассмотрены такие группы как древние сооружения, архитектурные и исторические памятники, учреждения культуры, этнические культуры [1]. Из-за ограниченной информационной базы по туристским объектам и возможности выбора критериев оценки, надежность результатов по рейтингу стран Океании по культурно-историческим рекреационным ресурсам ниже по сравнению с природным, так как невозможно было использовать количественные параметры.

Дополнительными критериями для оценки природных и культурно-исторических рекреационных ресурсов послужили объекты туристского показа. Для этого по каждой стране было подсчитано количество объектов соответственно природного и культурного наследия, количество рекомендованных к включению в список ЮНЕСКО и прочих, которым соответственно придавался разных вес.

Сопоставление баллов оценки рекреационных ресурсов с рейтингом прибытий дает

сравнительно низкую корреляцию – 0,50. Это говорит о том, что для стран Океании на развитие туризма большое влияние оказывают другие факторы. Это в первую очередь исторический и политический: колониальное прошлое, отношения колонии и метрополии в прошлом и сейчас, современная принадлежность к той или иной стране, политическая ситуация внутри страны. Очень большую роль оказывают социально-экономические факторы.

Под социально-экономическими предпосылками туризма мы понимаем уровень жизни населения, его социально-демографические характеристики, состояние экономики и рекреационно-географическое положение (РГП). РГП Океании достаточно однородно: все страны имеют выход в океан, территории островные, находятся на периферии мировой транспортной системы (не имеют транзитного значения), все удалены от главного рынка выездного туризма – европейского региона. Основные отличия РГП отдельных территорий Океании связаны с различной удаленностью от основных ближних рынков туризма и с размерами стран.

Для сравнительной характеристики СЭПТ стран Океании были выделены следующие критерии оценки: расстояния до ведущих туристских рынков, площадь территории, количество аэропортов, количество портов, валовой внутренний продукт, ВВП на душу населения, численность населения. Корреляция рейтинга прибытий с баллами оценки социально-экономических предпосылок (СЭПТ) составляет 0,76. В табл. 2 приведены общие баллы оценки рекреационного потенциала территорий Океании.

Сопоставление интенсивности развития туризма с рекреационным потенциалом территорий Океании произведено нами графически (рис. 1). На рисунке 1 ось абсцисс соответствует интенсивности развития туризма в баллах, а ось ординат – рекреационному потенциалу, также выраженному в баллах. Территории Океании в соответствии со значениями показателей распределились по разным секторам графического поля, что позволило классифицировать их по указанным признакам.

Было выделено четыре группы территорий по потенциалу развития туризма. Одна из групп разбита на две подгруппы, чтобы выделить страны с пограничными значе-

Таблица 2

Сравнение рекреационного потенциала стран с прибытиями

Страны и территории	Рекреационный потенциал, баллы	Прибытия тыс. чел. (2012) [4]	Рейтинг прибытий
Соломоновы Острова	79	23	12
Французская Полинезия	75	169	4
Вануату	74	108	8
Фиджи	71	661	2
Гуам	64	1308	1
Сев. Марианские Острова	57	3361	3
Федеративные Штаты Микронезии	51	261	10
Палау	50	119	7
Самоа	46	126	5
Тонга	44	46	9
Американское Самоа	43	25	11
Кирибати	38	5	13-15
Острова Кука	35	122	6
Уоллис и Футуна	33	11	17-19
Маршалловы Острова	32	5	13-15
Науру	32	11	17-19
Ниуэ	27	5	13-15
Тувалу	27	1,21	16
Токелау	24	11	17-19

1 Данные предыдущих лет (2005-2010) или оценочные

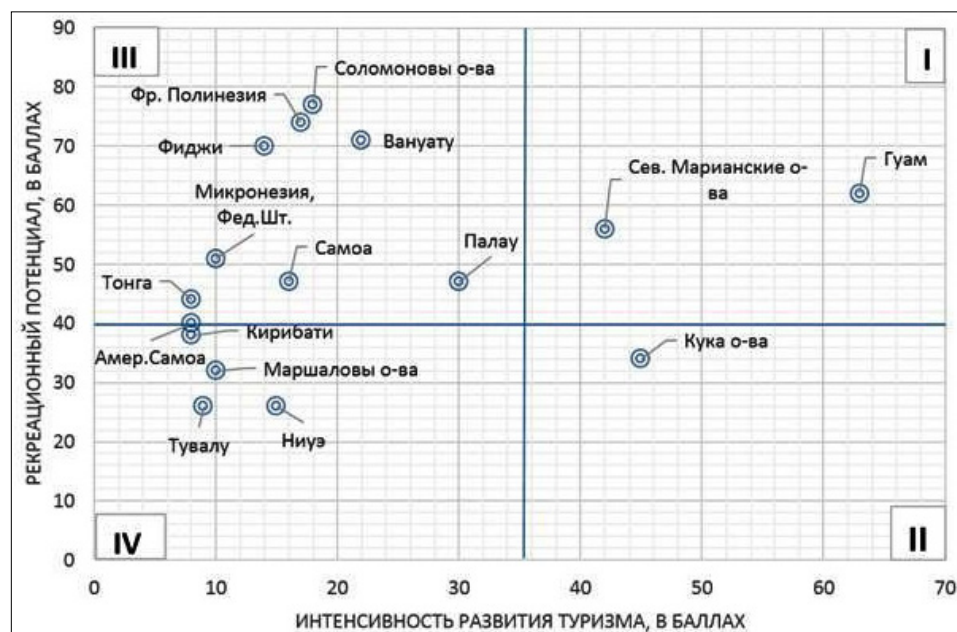

Рис. 1. Сопоставление интенсивности развития туризма с рекреационным потенциалом территорий

ниями показателей рекреационного потенциала. В отдельную подгруппу выделены также территории, имеющие дефицит статистических данных.

Первую группу образуют лидеры рейтингов по интенсивности развития туризма и рекреационному потенциалу (Гуам и Северные Марианские острова). При относительно

высоком рекреационном потенциале они добились высокого уровня развития туризма, активно используя имеющиеся ресурсы. При этом шансы дальнейшего роста туризма для обеих территорий могут быть оценены невысоко, поскольку они приблизились к пределам туристской интенсивности. Косвенно это подтверждается отсутствием роста прибытий на Гуаме и Северных Марианских Островах. Так, за период 2000–2010 гг. на Гуаме размер туристского потока остался на прежнем уровне – 1,3 млн, а на Северных Марианских Островах сократился с 517 тыс. до 336 тыс. [15].

Ко второй группе, отличающейся скромным рекреационным потенциалом при высокой интенсивности развития туризма, отнесена лишь одна территория – Острова Кука. Туризм здесь – практически безальтернативная отрасль хозяйства на островах, единственный источник иностранной валюты. Это и обусловило высокую интенсивность развития туризма даже при невысоком рекреационном потенциале. Хотя наблюдается небольшой рост объемов прибытий и доходов, больших перспектив туризм на Островах Кука не имеет.

Представляется, что лучшие перспективы для развития туризма имеют страны третьей группы: Соломоновы Острова, Французская Полинезия, Вануату, Фиджи. При значительном рекреационном потенциале эти территории отличаются относительно низким уровнем развития индустрии туризма. В настоящее время Вануату и Фиджи уже демонстрируют рост темпов развития туризма. Соломоновы Острова отличаются самым значительным рекреационным потенциалом, однако развитие туризма сдерживается политическими проблемами страны [2]. Неоднократные политические перевороты в прошлом также тормозили развитие туризма на Фиджи [2,7]. О перспективности развития туризма на Вануату и Фиджи говорит невысокая занятость трудовых ресурсов в туристской индустрии (6,3% и 11,4% соответственно). Доля занятых в туристской индустрии в остальных странах Океании составляет 16,5% [5].

В отдельную подгруппу третьей группы целесообразно выделить территории с низкой интенсивностью развития туризма при среднем рекреационном потенциале: Федеративные Штаты Микронезии, Тонга,

Самоа, Палау, Американское Самоа и Кирибати. Эти территории не отличаются высокой туристской привлекательностью (в отличие от Фиджи или Вануату). Тем не менее, интерес к их посещению выше, чем, например, у Ниуэ или Тувалу. В целом их следует отнести к территориям, обладающим неплохими перспективами для развития туристской отрасли.

И, наконец, к малоперспективным относятся территории, попавшие в группу 4 (Маршалловы Острова, Тувалу и Ниуэ), а также территории, не участвовавшие в построении рейтинга по интенсивности развития туризма вследствие отсутствия статистических данных (Науру, Токелау, Уоллис и Футуна). Последние характеризуются низким рекреационно-ресурсным потенциалом, неудовлетворительными социально-экономическими предпосылками для развития туризма и, по оценочным данным (при отсутствии статистических материалов), крайне низкой интенсивностью развития туризма. Имея ограниченные ресурсы и скромную инфраструктуру туризма, они в настоящее время не привлекают туристов; туризм развивается медленными темпами и характеризуется слабыми перспективами в будущем. Маршалловы острова, Тувалу и Ниуэ из-за низкой обеспеченности рекреационным потенциалом не могут успешно конкурировать с другими странами, однако при ограниченных возможностях развития других отраслей хозяйства, можно ожидать небольшого роста развития туризма.

Таким образом, сопоставление интенсивности развития туризма с рекреационным потенциалом позволяет говорить о потенциальности развития индустрии туризма в Океании. Результаты использования типологического подхода к анализу пространственных различий развития туризма в регионе отражены на рисунке 2.

Выделено 4 группы стран:

1 – территории с предельным развитием туризма;

2 – территории с низким рекреационным потенциалом при высокой интенсивности использования ресурсов туризма;

3а – наиболее перспективные территории с высоким рекреационным потенциалом и средней интенсивностью развития туризма;

3б – среднеперспективные территории со средним рекреационным потенциалом и слабой интенсивностью развития туризма;

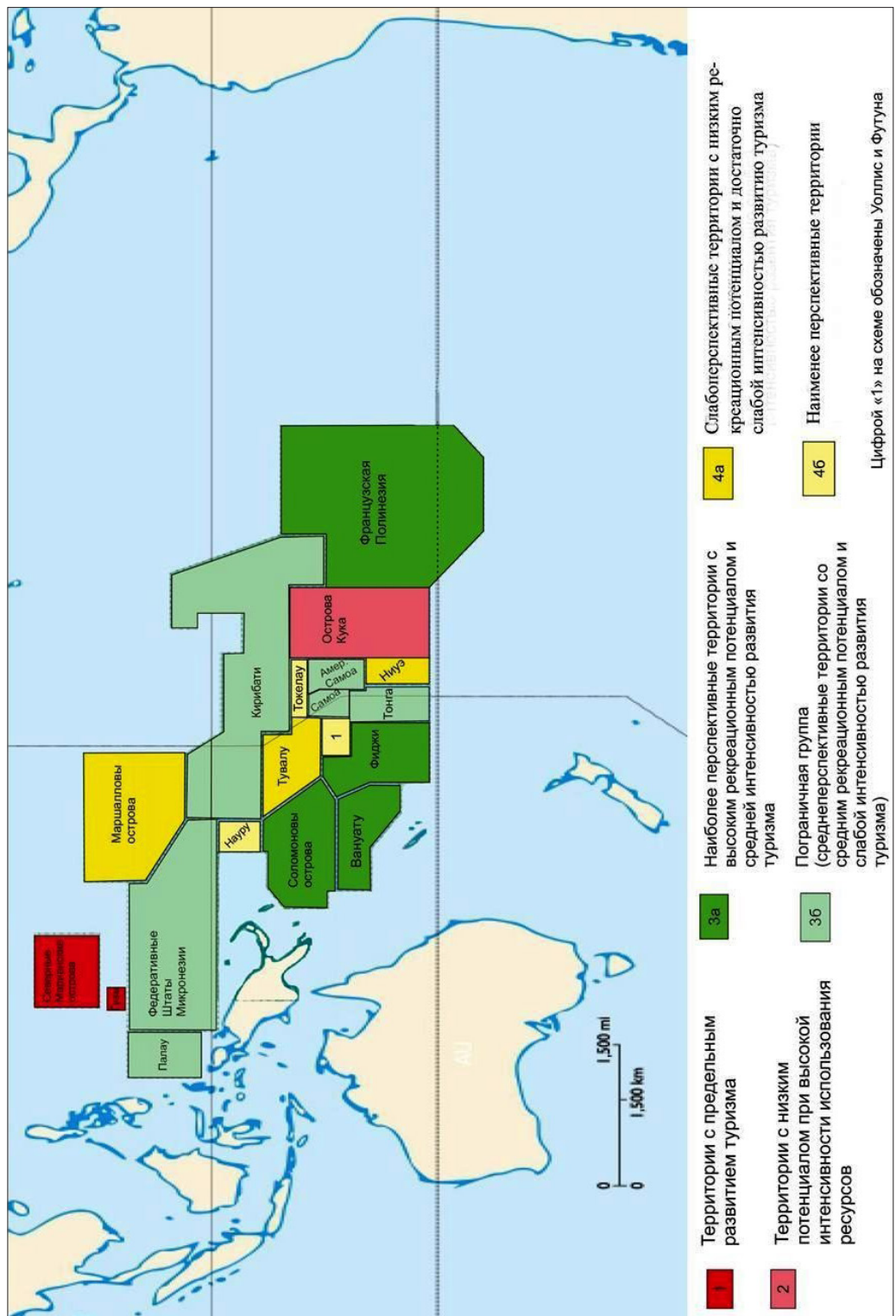

Рис. 2. Территориальная дифференциация Океании по потенциальным возможностям развития туризма

4а – малоперспективные территории с низкими рекреационным потенциалом и интенсивностью развития туризма;

4б – малоперспективные территории с низкими рекреационным потенциалом и интенсивностью развития туризма (оценочные данные).

Предложенная методика представляет интерес для оценки перспективности развития туризма территорий. Результаты исследования могут представлять основу для планирования и прогнозирования развития регионального туризма.

Библиографический список

1. Александрова А.Ю. Международный туризм. – М.: Аспект Пресс, 2001. – 464 с.
2. Алексеева Е.В. Анализ финансовых и социальных аспектов развития экотуризма на территории островных стран тихоокеанского региона с точки зрения реализации данных опыта на территории Российской Федерации // Бизнес в законе. Экономико-юридический журнал. – 2007. – № 2. – С. 146–148.
3. География туризма / Под ред. А.Ю. Александровой. – М.: КНОРУС, 2009. – 592 с.
4. Гущина М.В. Оценка рекреационно-ресурсного потенциала Океании // Сборник статей XIII Международной научно-практической конференции «ЭСТК-2011». – Барнаул: Изд-во АлтГТУ, 2011. – С.149–153.
5. Караваев П.Л. Современные тенденции развития рынка труда в туристской индустрии стран Азиатско-Тихоокеанского региона // География и туризм: Сборник научных трудов. – Пермь, 2005. – С.99–107.
6. МIRONENKO Н.С., ТЕРДОХЛЕБОВ И.Г. Рекреационная география. – М.: МГУ, 1981. – 207 с.
7. Пале С. Фиджи в череде государственных переворотов // Азия и Африка сегодня. – 2003. – №8. – С. 43.
8. Сазыкин А.М. Полемиические заметки географа о проблемах терминологии в рекреационной географии и туризме // Туризм на Дальнем Востоке: Бизнес, инвестиционные стратегии, образование и экология. – Владивосток, 2002. – С.306–310.
9. Щербакова С.А. Геоэкономика международного туризма. – Смоленск: Универсум, 2004. – 192 с.
10. Burton R. Travel geography. – Harlow: Longman, 1995. – 514 p.
11. Gushchina M.V. Socio-economical preconditions for tourism development in Oceania // Proceedings of the 1st Annual International Conference on Tourism and Hospitality research (THoR 2012). – Singapore: GSTF, 2012. – P. 52–54.
12. Hall M.C., Page S.J. The geography of tourism and recreation: environment, place and space. – New York: Routledge, 2006. – 428 p.
13. Harrison, D. Tourism in Pacific islands // Journal of Pacific studies: [Electronic resource]. – New York, 2004. – Режим доступа: http://www.usp.ac.fj/editorial/jpacs_new/DavidHarrison.Edtrs.Intro.pdf
14. The World Bank: Data [Electronic resource]. – URL: <http://data.worldbank.org/>
15. UNWTO Oceania statistics 1995–2012 [Electronic resource]. – Electronic data. – Madrid: UNWTO, 2013. – 1 CDROM.
16. UNWTO Tourism Highlight, 2014 Edition [Electronic resource] // World Tourism Organization. – URL: <http://mkt.unwto.org/publication/unwto-tourism-highlights-2014-edition>

ОСНОВНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ И ДИНАМИКА ВЫЕЗДНОГО И ВЪЕЗДНОГО ТУРИЗМА В ПСКОВСКОЙ ОБЛАСТИ

Turchenko E.S.

THE MAIN DIRECTIONS AND DYNAMICS OF THE FOREIGN AND ENTRY TOURISM IN PSKOV REGION

Аннотация. В статье рассмотрен ряд вопросов, связанных с динамикой и основными направлениями международного и внутрироссийского туризма, а также развитием туристского сервиса в Псковской области. Осуществлен анализ въезда иностранных и российских туристов. На динамику въезда иностранных туристов оказал влияние экономический кризис 2008–2009 г., после которого началось возрождение въездного туризма. В ходе анализа были найдены российские регионы, которые туристы из Псковской области чаще выбирают в качестве места отдыха.

Abstract. Several questions connected with the dynamics and basic directions of the international and inner Russian tourism and also the development of the tourist services in one of the Russian regions – Pskov region are covered in the article. The analysis of entry of foreign tourists and Russian tourists was carried out. The dynamics of the entry of the foreign tourists was influenced by the economic crisis of 2008–2009 after which the gradual recovery of the entry tourism began. Also Russian regions tourists from which choose Pskov region as a resting-place more often were identified.

Ключевые слова: выездной туризм, въездной туризм, Псковская область.

Key words: entry tourism, foreign tourism, Pskov region.

Введение. Туризм вошел в XXI столетие как самый стабильно развивающийся сектор экономики, серьезно влияющий на социально-экономическое развитие многих стран мира. Для 38% государств туризм является главным источником дохода, а для 83% стран туризм стал одним из пяти основных источников дохода [21]. В настоящее время в мире на долю туристского бизнеса приходится каждое седьмое рабочее место, что свидетельствует о значительном месте туризма в экономике как развитых, так и развивающихся стран [20]. На этом фоне интенсивно развивается международный туризм, особенно в странах, которые обладают весомым туристско-рекреационным потенциалом и, вместе с тем, испытали в последнем десятилетии заметный экономический рост. Бурное развитие международного туризма, особенно выездного, характеризует в настоящее время время и Россию.

Степень изученности темы. «География» и «туризм» являются тесно взаимодействующими понятиями. Как отмечает А.И. Зырянов, «в туризме географические знания составляют один из важнейших блоков, играют базовую роль, поскольку туризм по своей сущности географичен и картографичен» [9, с. 10]. Знания по географии помогают в более качественной организации туристской сферы, эффективном построении

инфраструктуры и маршрутов туризма. При этом, как самостоятельное научное направление «география туризма» сформировалась сравнительно недавно [1]. География туризма призвана заниматься изучением закономерностей и факторов территориальной организации туризма, рассматриваемого одновременно в качестве вида отдыха и отрасли экономики.

Одним из векторов исследований в области географии туризма является изучение потоков отдыхающих и туристов на уровне регионов страны, государств и мира в целом. В этом плане наиболее часто рассматриваются направления и динамика туристских потоков на глобальном уровне, или уровне крупных регионов мира [2, 7, 10, 14, 17, 19 и др.]. Не являются редкими также и работы, посвященные анализу потоков выездного и въездного туризма в России [3, 6, 22 и др.], соседних странах – Белоруссии [18], Украине [3, 16], Казахстане [13] и ряде других государств [23].

На этом фоне исследования, нацеленные на анализ динамики и направленности потоков выездного и въездного туризма на уровне регионов России, являются достаточно редким явлением [8, 15 и др.]. Во многом это связано со сложностью получения статистики по туристским потокам на региональном уровне, что требует в свою очередь раз-

работки новых методик оценки турпотоков, в особенности, для изучения развития внутреннего туризма. При этом следует заметить, что методика регионального изучения туристских потоков иногда отрабатывается на зарубежном материале, в частности, такое исследование было проведено на примере Лодзинского воеводства Польши [5].

Целью статьи является рассмотрение специфических особенностей выездного и въездного туризма в Псковской области на общероссийском фоне в первые полтора десятилетия XXI в.

Исследование строится на основе федеральной и региональной статистики по туризму за исследуемый период, а также на результатах опроса гостей Псковского региона, проведенного в 2014 г. Итоги проведенного анализа дают возможность учесть региональную специфику в процессе совершенствования туристской сферы Псковской области.

Выездной международный туризм. Развитие международного выездного туризма охватило в последние годы не только столичные, но и другие регионы России. Это стало следствием улучшения материального положения потенциальных туристов, упрощения формальностей при приобретении путевок. Не стала исключением и Псковская область.

Ниже, с опорой на статистику, полученную в Псковстате, рассмотрены направления, которые пользуются наибольшим спросом у туристов, выезжающих из Псковской области в другие страны. Следует отметить, что эти направления почти полностью повторяют общероссийские.

Лидером по приему российских туристов, в том числе и выехавших из Псковской области, в течение всего исследуемого периода была Турция. Основными причинами роста турпотока в Турцию являлись: изменение визового режима и возможность приобретения не-дорогого, но при этом качественного отдыха на море. В 2012 г. произошло небольшое уменьшение спроса туристов на турецкое направление. Однако и в 2014 г. Турция сохраняла лидерство по числу принимаемых российских туристов [24]. В то же время следует отметить, что в период с 2012 по 2014 г. на более высокие позиции в туристском рынке стали постепенно выходить страны Южной Европы: Греция, Испания и Италия.

Второй страной по популярности для отдыха россиян на протяжении всего рассмотренного периода был Египет. Основной причиной популярности данного направления является возможность посещать курорты страны в течение всего года. Максимальный объем потока российских туристов в Египет пришелся на 2010–2011 гг. Эти годы отличались ростом общего потока россиян за границу. Это было связано с выходом страны из общероссийского кризиса и улучшением достатка населения. Даже политический кризис 2011 г. в Египте практически не повлиял на число туристов, которые в качестве места отдыха выбирали курорты Хургада, Шарм-эль-Шейх и Таба. Но нестабильность обстановки в Египте достаточно сильно сказалась на качестве сервиса, что стало следствием недовольства туристов и спада туристского потока, начиная с 2012 г. В результате политической обстановки в Египте в 2013 г. данное направление было приостановлено на короткий период, что привело к большим финансовым убыткам крупных туроператоров. Тем не менее, Египет сейчас продолжает пользоваться большим спросом у российских туристов, и к 2014 г. туристский поток россиян в эту страну достиг своих максимальных значений. Данное направление отдыха остается вторым по популярности и для жителей Псковской области.

К числу достаточно популярных направлений выездного туризма для жителей Псковского региона относятся страны Балтии (Литва, Латвия и Эстония). В 1993–1994 гг. в г. Пскове были открыты консульства Эстонии и Латвии, что позволило жителям Псковской области облегчить получение виз в эти страны. Поток туристов из Псковского региона в страны Балтии стал расти после их вхождения в Европейский Союз и Шенгенскую зону. Эстонское консульство в настоящее время открывает многократные визы с продолжительным периодом действия для граждан России, имеющих прописку в Псковской и Новгородской областях. При этом латвийское консульство выдает мульти-визы как для жителей Псковской области, так и других российских регионов.

Туристский поток в страны Балтии остается достаточно стабильным. Небольшое уменьшение турпотока было только в период кризиса в 2009 г. В этом направлении наибольшим спросом пользуются туры вы-

Таблица 1

*Распределение по зарубежным странам туристов, обслуженных турфирмами
Псковской области в 2004–2012 гг., чел.*

Страны	Годы								
	2004	2005	2006	2007	2008	2009	2010	2011	2012
Турция	999	1492	859	1491	1777	1534	5937	5747	3288
Египет	328	841	630	1139	1291	1366	4110	4192	3050
Страны Балтии	0	400	433	234	463	207	567	4192	3050
Страны СНГ	1057	749	1180	335	393	1460	1595	984	1953
Греция	0	0	0	0	0	0	741	467	1012
Таиланд	0	13	59	134	134	145	921	957	754
Испания	30	0	18	120	93	80	655	601	594
Болгария	0	0	110	95	75	92	357	273	550
Кипр	0	13	14	47	204	23	226	366	491
Италия	22	12	31	76	61	64	185	381	384
ОАЭ	0	37	12	48	69	25	236	344	417
Тунис	0	47	28	83	114	102	397	396	371

Источник: данные Псковстата.

ходного дня. Примерно до середины 2014 г. практически во всех турфирмах Псковской области эти туры были наиболее покупаемыми. В последнее время псковские турфирмы находятся в поиске новых объектов на данном направлении, которые повышают популярность туров.

Псковские туристы проявляют заметный интерес также и к странам СНГ. В качестве доступных объектов размещения для лечения жители региона выбирают санатории и дома отдыха в соседней Белоруссии. Минимум туристского потока из Псковской области в страны СНГ пришелся на 2007–2008 гг., а максимум – на период с 2009 по 2012 гг.

К 2014 г. на третью позицию среди основных направлений туризма россиян вышла Греция. При этом в число стран, наиболее популярных для отдыха туристов из Псковской области, Греция перешла уже с 2012 г. Высоким спросом пользуется отдых на греческих островах Родос, Корфу, Закинф и др. Большой интерес у туристов вызывает и материковая часть Греции, где в основном предлагаются экскурсионные маршруты, завершающиеся пляжным отдыхом. Греция на данный момент привлекает туристов комфортным проживанием, высоким уровнем сервиса и качественным питанием. Отдых здесь устраивает фактически любую категорию туристов, включая молодежь и детей. Однако в настоящее время, в связи с ростом курса евро, возникает опасение в том, будет

ли продолжаться рост турпотока в данную страну.

С 2010 г. у туристов из Псковской области высоким спросом стал пользоваться Таиланд. Это туристское направление является достаточно экзотичным для жителей региона. С 2011 г. Таиланд держится на пятом месте по приему отдыхающих из России, поднявшись с начала века с 20-го места. Таиланд привлекает российских туристов отсутствием визы, теплым морем, уникальными природными объектами. Основным недостатком этого туристского направления стал дальний перелет, который заметно ограничивает развитие детского отдыха. В 2013 г. спрос на туры в эту азиатскую страну снизился из-за нестабильной политической обстановки в ней. Конец 2014 г. и начало 2015 г. также характеризуются продолжением спада турпотока в Таиланд, причиной чего стал общероссийский кризис и резкий рост курса доллара.

К популярным туристским странам относятся также Испания, Болгария и Италия. Природные и культурно-исторические особенности этих стран позволяют сочетать пляжный отдых с интересной экскурсионной программой. Несмотря на существование визового режима с этими странами, данную проблему туристы региона решают благодаря пограничному положению Псковской области со странами-участницами Шенгенского соглашения (Эстонией и Латвией), которые открывают многократные визы.

Кипрское направление стало популярным с 2009 г. благодаря тому, что был введен упрощенный режим въезда в страну («про-виза»). В 2011–2012 гг. турпоток на Кипр держался на достаточно высоком уровне, несмотря на поразивший эту страну финансовый кризис. Однако в период 2013–2014 гг. поток российских туристов на Кипр сохранял тенденцию к уменьшению.

ОАЭ является новой страной для туристов из Псковской области, но и она теперь активно осваивается отдыхающими. Максимум туристского потока в ОАЭ пришелся на 2010–2012 гг., в дальнейшем несколько уменьшился. Еще одним популярным направлением для туристов из Псковской области с 2010 г. стал Тунис. Страна привлекает как замечательными песчаными пляжами, так и системой «Все включено» в сочетании с недорогой ценой туров.

Заметно отстают по турпотоку от стран, предлагающих в первую очередь пляжный отдых, европейские государства, ориентированные в первую очередь на культурно-познавательный туризм: Чехия, Франция, Германия и Финляндия. Основной туристский профиль этих стран – экскурсионные туры (паромные, автобусные и авиатуров).

Таким образом, динамика и география выездного международного туризма в Псковской области соответствует общероссийским трендам. К странам, лидирующим по приему псковских туристов, относятся Турция, Египет и Греция. Региональной спецификой выездного туризма является большой процент лиц, выезжающих в соседние с Псковской областью Эстонию и Латвию. Хотя общероссийские тенденции и доминируют в динамике и направленности туристских потоков из Псковской области, но географическое положение региона является не менее значимым фактором в прогнозировании потенциальных направлений выездного туризма.

Выездной внутрисекторный туризм.

Россия обладает колоссальным многообразием исторических и природных объектов, которые могут использоваться для развития туризма. По оценке Всемирного Совета по туризму и путешествиям, в ближайшем десятилетии Российская Федерация может стать одной из ведущих стран в сфере путешествий и туризма [4]. В настоящее время действует Федеральная целевая программа

«Развитие внутреннего и въездного туризма в Российской Федерации (2011–2016 гг.)» [11]. Однако по оценкам 2013 г., Россия пока занимает лишь 63-е место в мире по привлекательности для иностранных туристов [25]. О недостаточной активности в организации туров по России свидетельствуют также и статистические данные. Так, например, стоимость отпуска на российских курортах сейчас является более высоким, чем отдых за рубежом. Причем это относится практически ко всем видам туризма: пляжному, экскурсионному, активному зимнему и летнему отдыху и др. К основным проблемам развития внутреннего туризма относятся: низкое качество сферы обслуживания, дороговизна авиатуров в пределах России, малое количество отелей, способных предоставить высокий уровень услуг, и т.д.

На основе данных, полученных в Псковской области, был проведен анализ динамики и направлений внутреннего туризма, который привел к следующим выводам. С 2004 по 2006 г. происходило увеличение потока гостей в Псковскую область – с 44 тыс. до 56 тыс. К числу основных регионов, привлекающих туристов из Псковского региона, относятся Санкт-Петербург, Новгородская и Ленинградская области (табл. 2). Это объясняется пограничным расположением данных регионов, и соответственно, относительной дешевизной и удобством поездок. Самыми популярными являются туры выходного дня, а также экскурсионные поездки на праздники и каникулы.

Максимальное количество псковских туристов, выезжающих в другие регионы страны, пришлось на 2007 г. Спад туристских поездок, вызванный экономическим кризисом, приходился на 2008–2009 гг. С 2010 г. началось восстановление потока туристов из Псковской области в другие регионы России. Лидирующие позиции с 2009 г. перешли к Краснодарскому краю. Этот регион стал популярным местом морского отдыха псковичей в летний период, особенно тех, у кого отсутствует загранпаспорт, и кто не может выезжать на пляжный отдых за пределы России. Краснодарскому краю стали заметно уступать С.-Петербург, Новгородская и Ленинградская области. Туристский поток в направлении столицы небольшой.

Стоит подчеркнуть, что с 2012 г. у жителей Псковской области появился значитель-

Таблица 2

Распределение туристов, отправленных в туры из Псковской области, по российским регионам в 2004–2012 гг., чел.

Регионы	Годы								
	2004	2005	2006	2007	2008	2009	2010	2011	2012
Краснодарский край	666	50	590	0	...	1567	1374	2888	1612
Санкт-Петербург	2315	0	1468	18175	...	1168	332	280	245
Новгородская область	1330	124	1709	20323	...	329	55	126	214
Ленинградская область	252	168	97	45086	...	174	131	86	13

Источник: данные Псковстата.

ный спрос на организованные автобусные поездки на юг России. В связи с высоким ростом курса евро и доллара все больше туристов прибегают к выбору внутрироссийских туров. Благоприятно на развитие внутреннего туризма сказалось воссоединение Крыма с Россией.

Таким образом, лидерство во внутрироссийском выездном туризме из Псковской области в последние годы перешло к Краснодарскому краю, прежде всего благодаря возможностям недорогого пляжного отдыха в этом регионе. Также к традиционным направлениям туризма относятся соседние с Псковской областью С.-Петербург, Ленинградская и Новгородская области. Географическое положение Псковской области предопределяет сохранение в перспективе

интенсивного обмена туристами с соседними регионами России.

Развитие въездного туризма в Псковской области. Туристские фирмы Псковского региона обслуживают в год до 40 тыс. туристов. Среди гостей из российских регионов высокий интерес к Псковской области проявляют жители С.-Петербурга и Ленинградской области, Москвы и Московской области, Великого Новгорода и Мурманска. Стоит обратить внимание на то, что Псковский регион пользуется спросом среди туристов разных категорий. В 2011 г. благодаря турам выходного дня в Псковскую область отправилось 237,8 тыс. чел., или 88% от общего числа гостей. Однако из них всего лишь 8% – представители зарубежных стран (табл. 3).

Таблица 3

Въезд иностранных туристов в Псковскую область с период в 2004–2012 гг., чел.

Страны	Годы								
	2004	2005	2006	2007	2008	2009	2010	2011	2012
Страны Балтии	0	190	2233	1456	1099	131	525	859	452
Чехия	0	263	398	421	214	0	242	296	368
Германия	618	347	388	283	333	10	93	109	185
Финляндия	627	711	880	490	504	64	331	151	40
Польша	0	216	27	52	0	32	207	233	385
Испания	35	0	2	0	23	0	85	54	48
Италия	115	16	4	32	123	0	64	12	45
США	400	312	0	0	189	0	0	0	145
Франция	428	285	81	241	122	4	25	90	92

Источник: данные Псковстата.

Наиболее заметный поток иностранных туристов в Псковскую область шел из европейских государств. За последнее десятилетие турпоток в регион сильно снизился. Макси-

мум потока иностранных гостей наблюдался в период с 2005 по 2008 г., минимум пришелся на кризисный 2009 г. В дальнейшем стала заметной тенденция к восстановлению

докризисного уровня. Главная часть потока иностранных граждан в Псковскую область приходится на гостей из стран Балтии, Белоруссии и Украины, а из государств дальнего зарубежья – из Германии и Финляндии.

Пик туристского потока в Псковский регион из стран Балтии приходился на 2006 г., позднее произошел сильный спад. В итоге к 2012 г. турпоток из этих стран снизился втрое. Такая же динамика характеризует туристский поток из Финляндии и Германии. Обычно гости из этих стран пребывают в г. Псков из Таллина или Риги, куда попадают на пароме из Скандинавии или из С.-Петербурга. Единственной страной, которая характеризуется постоянством туристского потока, оказалась Чешская республика.

В целом турпоток из государств дальнего зарубежья заметно меньше, чем из стран ближнего зарубежья. Последние десять лет характеризовались понижением потока иностранных туристов. Наиболее существенным исключением является Польша. Из этой страны туристский поток стабильно рос, начиная с 2010 г.

Наиболее заметный спад турпотока в Псковскую область наблюдался в кризисном 2009 г. Рост туристского потока в Псковский регион в предыдущие годы (2006–2008 гг.) был связан, вероятно, с проведением активной политики Администрации области по развитию туризма. Псковский регион стал приобретать все большую известность среди туристов из разных уголков России. И сейчас руководство Псковской области возлагает надежды на туризм как на перспективную отрасль, которая может ускорить развитие экономики региона. Областные власти ставят задачу создания конкурентоспособного туристско-рекреационного комплекса, соответствующего международным стандартам. Однако в г. Пскове пока есть проблемы с обеспеченностью гостиницами европейского уровня, а также ощущается недостаток профессиональных кадров в туристской сфере.

Необходимо отметить, что с 2014 г. начался, вероятно, новый период в развитии российского туризма. Во многом это связано с ростом курса евро и доллара, приведшего к банкротству многих туроператоров, работающих на выездной международной туризм. Началась переориентация туристских направлений, переход от зарубежного отдыха к внутрироссийскому. В этой связи следует

особое внимание уделить возрождению внутреннего туризма и в Псковской области.

Псковский регион располагает сравнительно высоким туристско-рекреационным потенциалом. Необходимо продолжать работу по формированию представления о Псковской области как о регионе, благоприятном для туристской деятельности, и стимулировать приток как иностранных, так и российских туристов [12].

К этим выводам подводят также результаты опроса российских и иностранных гостей г. Пскова, проведенного в 2014 г.

Результаты опроса гостей Псковского региона летом 2014 года. Благодаря данному опросу были выявлены причины, по которым туристы предпочитают Псковскую область как объект посещения. Также были выявлены регионы, из которых идет значительный поток туристов в Псковскую область, оценены условия проживания туристов в регионе, определен круг наиболее известных достопримечательностей, являющихся наиболее привлекательными для туристов.

Всего в г. Пскове было опрошено 120 чел., представляющих разные регионы России и ряд зарубежных стран. Программа исследования и анкета для опроса были разработаны совместно ООО «ИнТур» (г. Псков) и Центром регионологических исследований (при Псковском государственном университете).

Результаты опроса подтвердили, что главный поток туристов в Псковскую область направлен из регионов Центрального и Северо-Западного федерального округов. Основной причиной этого является географическое положение Псковского региона. Лидерами турпотока из Центрального федерального округа являются Москва и Московская область, из Северо-Западного федерального округа – С.-Петербург, Ленинградская и Новгородская области. Турпоток из остальных регионов и зарубежных стран является небольшим (рис. 1).

Представленная на рис. 2 диаграмма свидетельствует о том, что в целом гости города обладают недостаточной информацией о Псковской области. Повышенный интерес к региону проявляют люди старшего возраста. Туристы более молодых возрастных групп заметно хуже осведомлены о г. Пскове и его окрестностях. Именно слабая информированность приезжих о регионе относится к

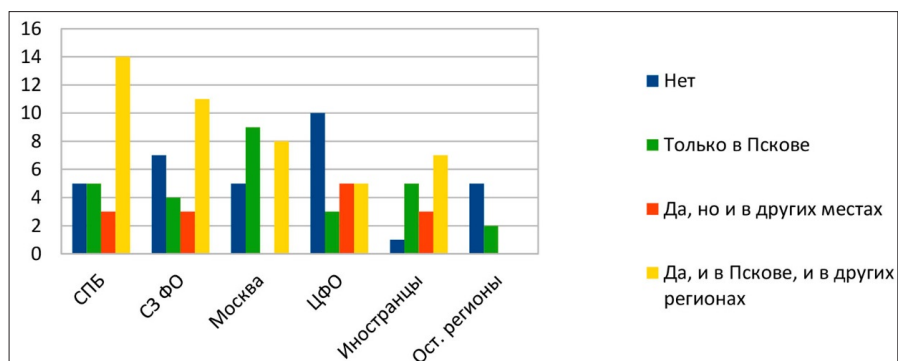

Рис. 1. Ответы на вопрос «Были ли вы раньше в Пскове и Псковской области?» в зависимости от регионов проживания респондентов (по результатам опроса туристов в г. Пскове летом 2014 г., N=120)

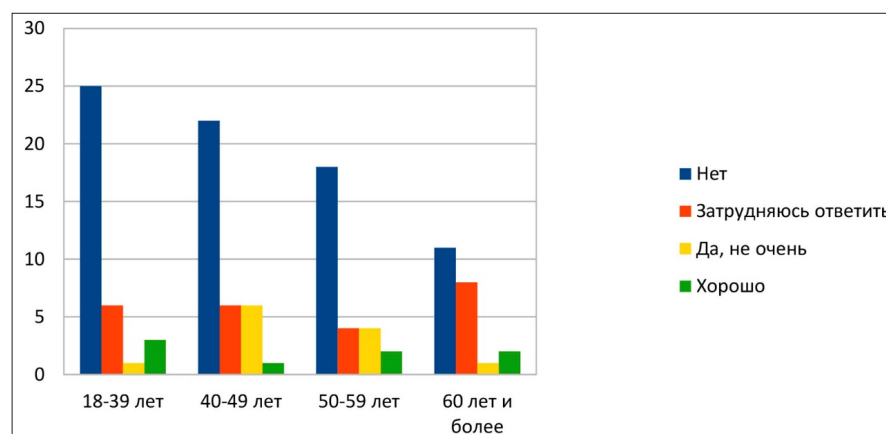

Рис. 2. Ответы на вопрос «Хорошо ли вы знаете Псковскую область?» в зависимости от возрастных групп респондентов (по результатам опроса туристов в г. Пскове летом 2014 г., N=120)

одной из ключевых проблем развития туризма в Псковской области.

Анализ ответов респондентов в связи с регионами их проживания позволил сделать следующий вывод – наиболее высокой информированностью о г. Пскове и его окрестностях обладают гости из Москвы и областей Центрального федерального округа. Минимальными сведениями о регионе располагают иностранные граждане, а также туристы из С.-Петербурга и ряда других регионов страны.

Основным источником информации о регионе, особенно среди респондентов молодого и среднего возраста, является Интернет, которым при подготовке к путешествию в Псковскую область чаще всего пользуются иностранцы, гости из Москвы, Центрального федерального округа и других относительно удаленных от Пскова территорий. При этом

жители С.-Петербурга и областей Северо-Западного федерального округа крайне редко изучают информацию о регионе перед визитом в него. Это объясняется тем, что большинство туристов из этих регионов уже несколько раз посещали Псковскую область.

Практически все туристы могут потратить на тур в Псковскую область 1–2 дня. Особенно это характерно для граждан в возрасте от 18 до 49 лет. Люди в возрасте 60 лет и более готовы провести разное количество дней на территории г. Пскова, в т.ч. и более недели.

Гости из С.-Петербурга и Москвы чаще всего приезжают в г. Псков на 1–2 дня. Основная причина этого – близкое расположение Псковской области к столичным регионам, а также достаточно удобное и относительно дешевое транспортное сообщение. Большинство туристов обращаются в турагентства, покупая туры выходного дня. Эти путевки

достаточно удобны для людей, т.к. помогают за короткий срок посетить наиболее важные достопримечательности региона. Привлекательны такие туры и невысокими ценами, и вместе с тем комфортным проживанием.

Наибольшим спросом в г. Пскове у туристов в качестве объекта посещения пользуется Кром (Псковский кремль). Туристам из удаленных от Пскова регионов достаточно интересны также Снетогорский и Мирожский монастыри. Остальные туристские объекты, в том числе памятник Александру Невскому, не пользуются высоким спросом среди гостей города (табл. 4).

За пределами Пскова на территории области наибольший интерес у туристов вызывают Псково-Печерский монастырь, крепость в Изборске и Пушкинский музей-заповедник. При этом если Печоры и Изборск чаще посещают представители старших возрастных групп, то Пушкинские Горы более популярны для туристов средних и молодых возрастных категорий. Скорее всего, это объясняется тем, что экскурсию в Пушкинские Горы организуют турфирмы, и на посещение Пушкинского музея-заповедника, включающее большое количество пеших прогулок, затрачивается целый день.

Таким образом, результаты опроса гостей Псковской области позволили выявить основные направления и специфические особенности въездного туризма в регион. Ос-

новной поток туристов в Псковскую область направлен из регионов Центрального и Северо-Западного федерального округов. Пока что в Псковском регионе слабо развит въездной международный туризм. Существуют проблемы в обеспеченности потенциальных туристов информацией о регионе.

Выводы. Благодаря проведенному анализу данных Псковстата о въезде иностранных туристов в регион и о выезде туристов из Псковской области за границу были определены основные направления международного туризма в начале XXI века. Эти направления мало отличаются от общероссийских. В качестве лидеров выездного туризма являются Турция, Египет, Греция, Таиланд и Испания. Въездной поток зарубежных туристов в Псковскую область намного меньше желаемого. На данный момент въездной международный туризм в регионе развит гораздо слабее, чем выездной.

Учитывая результаты проведенного анализа о въезде российских туристов в Псковскую область и выезде псковичей в другие регионы России, были определены главные направления внутрироссийских туристских потоков. К основным регионам России, которые пользуются наибольшей популярностью у псковичей, относятся Краснодарский край, а также г. Москва и Московская область, С.-Петербург и Ленинградская область, куда направлены кратковременные поездки (от двух до пяти дней).

Таблица 4

Ответы на вопрос «Какие объекты вы планируете посетить?» в зависимости от регионов проживания респондентов (по результатам опроса туристов в г. Пскове летом 2014 г., N=120)

Объекты	Санкт-Петербург	СЗФО	Москва	Иностранные туристы	ЦФО	Другие регионы РФ	Итого
Псковский кремль (Кром)	26	26	21	16	22	6	117
Мирожский монастырь	5	7	5	6	7	3	33
Снетогорский монастырь	3	4	2	3	7	1	20
Храм Александра Невского	1	2	2	0	2	0	7
Памятник Александру Невскому	2	0	0	1	0	0	3
Храм Николая Чудотворца	0	0	0	0	1	0	1

Основываясь на результатах опроса 120 гостей Псковского региона, проведенного летом 2014 г. в областном центре, были получены следующие выводы. Большинство туристов приезжают в Псковскую область из соседних регионов, представляющих Северо-Западный и Центральный федеральный округа. Поток иностранных граждан и туристов из более отдаленных регионов России уступает этим двум направлениям. Гости региона достаточно слабо информированы о памятниках и местах отдыха в Псковской области. Большинство туристов готово потратить на поездку в Псковскую область 1–2 дня. Самым популярным в областном центре в качестве объекта посещения, независимо от региона проживания и возраста туристов, является Кром (Псковский кремль).

За пределами г. Пскова в регионе наибольшим спросом у туристов пользуются Псково-Печерский монастырь, крепость в Изборске и Пушкинский музей-заповедник.

Для обеспечения стабильного роста туристского потока в Псковскую область необходимо владение информацией о специфике въездного туризма в регионе, что не в полной мере отражено в текущей статистике туризма. В связи с этим возрастает значимость изучения туристского спроса методом интервьюирования гостей региона. Предполагается, что результаты проведенного анализа динамики и направленности туристских потоков, а также итоги опроса гостей г. Пскова, будут востребованы для совершенствования организации туристского сервиса в Псковской области.

Библиографический список

1. Александрова А.Ю. Теоретические основы географии туризма // Туризм и культурное наследие. Межвузовский сборник научных трудов. Вып. 1. – Саратов: Изд-во Саратовского ун-та, 2002. – С. 10–18.
2. Александрова А.Ю. Пространственная поляризация мирового туристского рынка // Туризм и рекреация: фундаментальные и прикладные исследования: Труды III международной научно-практической конференции. МГУ им. М.В. Ломоносова, географический факультет, Москва, 24–25 апреля 2008 г. – М.: Советский спорт, 2008. – С. 69–77.
3. Бейдык А.А., Новосад Н.А. Сравнительная характеристика въездного туризма Украины и России // Псковский регионологический журнал. – 2011. – № 11. – С. 93–99.
4. Власова Т.И. Инновационное развитие туристской отрасли в современных условиях // Туризм и рекреация: фундаментальные и прикладные исследования: Труды VI Международной научно-практической конференции. Балтийская академия туризма и предпринимательства, Санкт-Петербург, 27–28 апреля 2011. – СПб.: Д.А.Р.К., 2011. – С. 10–16.
5. Влодарчик Б., Шафраньска Е. Региональные исследования туристских потоков – пример Лодзинского воеводства в Польше // Инициативы XXI века. – 2014. – № 2. – С. 64–72.
6. Гельман В.Я. Анализ особенностей международного туризма в Российской Федерации // Вестник национальной академии туризма. – 2014. – № 1 (29). – С. 24–27.
7. Герзмава Л.Р. География международных туристских потоков. Дисс. ... канд. геогр. наук. – М., 2000. – 216 с.
8. Дорофеев А.А., Петров П.Ю. Туристские потоки в регионах Российской Федерации // Вестник Тверского государственного университета. Серия: география и геоэкология. – 2010. – № 1. – С. 89–104.
9. Зырянов А.И. География и туризм: различие и общность интересов // Современные проблемы развития сервиса и туризма. – 2014. – № 1. – С. 10–15.
10. Игнатьева И.Ф. Динамика мировых туристских потоков в геополитическом аспекте // Вестник национальной академии туризма. – 2011. – № 2. – С. 12–15.
11. Кружалин В.И. Теоретические и практические аспекты развития туризма и рекреации в России // Туризм и рекреация: фундаментальные и прикладные исследования: Труды VI Международной научно-практической конференции. Балтийская академия туризма и предпринимательства, Санкт-Петербург, 27–28 апреля 2011. – СПб.: Д.А.Р.К., 2011. – С. 16–23.
12. Ливинская О.А. Проблемы и перспективы использования туристско-рекреационных ресурсов Псковской области // Псковский регионологический журнал. – 2012. – № 13. – С. 135–143.
13. Мамраева Д.Г., Ташенова Л.В. Развитие международного туризма в Казахстане: внешне-экономический аспект // Туризм: право и экономика. – 2014. – №1. – С. 25–29.
14. Манаков А.Г. География международного туризма и Всемирного наследия ЮНЕСКО: взгляд сквозь призму концепции «центр-периферия» // Псковский регионологический журнал. – 2009. – № 8. – С. 63–74.
15. Мартышенко Н.С. Выездные туристские потоки из Приморского края // Регион: экономика и социология. – 2014. – № 2 (82). – С. 248–255.
16. Новосад Н.А. Въездной туризм Украины: общественно-географическое измерение. Дисс. ... канд. геогр. наук. – Киев, 2012. – 189 с.
17. Поворина Е.В., Суслова И.А. Динамика развития мирового рынка туризма // Сервис России и за рубежом. – 2014. – № 9 (56). – С. 99–111.

18. Полещук Н.И., Кусков А.С. Анализ основных тенденций развития международного туризма в Республике Беларусь // Труды факультета международных отношений – 2011: научный сборник. Вып. II, 2011. – С. 95–101.
 19. Полещук Н.И. Основные тенденции развития международного туризма // Труды факультета международных отношений – 2012: научный сборник. Вып. III, 2012. – С. 176–179.
 20. Примерова О. Туризм: стимулы и перспективы // Обозреватель. 2010, № 3. [Электронный ресурс] URL: http://observer.materik.ru/observer/N3_2010/090_098.pdf (дата обращения 20.06.2015).
 21. Седых Д.В., Белова Ю.С. Есть ли будущее у внутреннего туризма в России? // Международный журнал прикладных и фундаментальных исследований. – 2011. – № 12. – С. 135–136.
 22. Тайгибова Т.Т. Анализ состояния и перспективы развития въездного туризма в современной России // Актуальные вопросы экономики и управления: материалы международной научной конференции, Москва, апрель 2011 г. Т. II. – М.: РИОР, 2011. – С. 218–223.
 23. Трухачев А.В., Иволга А.В. Анализ влияния факторов на въездные – выездные туристские потоки на примере отдельных стран // Современные проблемы науки и образования. – 2014. – № 5. – С. 367.
 24. Федеральное агентство по туризму. Статистические показатели взаимных поездок граждан Российской Федерации и граждан иностранных государств. [Электронный ресурс] URL: <http://www.russiatourism.ru/contents/statistika/statisticheskie-pokazateli-vzaimnykh-poezdok-grazhdan-rossiyskoy-federatsii-i-grazhdan-inostrannykh-gosudarstv> (дата обращения 20.06.2015).
 25. The Travel & Tourism Competitiveness Report 2013. World Economic Forum. – Geneva, 2013. [Электронный ресурс] URL: http://www.lettere.uniroma1.it/sites/default/files/584/WEF_TT_Competitiveness_Report_2013_0.pdf (дата обращения 20.06.2015).
-

ПРИГЛАШЕНИЕ К ДИСКУССИИ

Шупер В.А. (Москва)

НАУЧНЫЙ РАЦИОНАЛИЗМ И ПУТИ РАЗВИТИЯ ГЕОГРАФИИ (по поводу статьи А.В. Гладкого и Ю.Н. Голубчикова)

Shuper V.A.

THE RATIONALITY OF SCIENCE AND THE WAYS OF GEOGRAPHY DEVELOPMENT (about the article by A.V. Gladky & Y.N. Golubchikov)

Аннотация. Предстоящая смена лидера мирового развития – переход к *Pax Sinensis* приводит к упадку рационального анализа на Западе, поскольку его выводы неутешительны. Такой социальный контекст крайне неблагоприятен для науки, где распространение постмодернизма приводит к отказу от представлений об объективной истине, превращению науки в служанку идеологии. Для России верность европейскому выбору – это именно верность европейской рациональности, а не тем течениям мысли, которые ведут Запад к упадку.

Abstract. The coming change of world leadership – *Pax Sinensis* instead *Pax Americana* – leads to the decline of rational analysis because its results are deceiving. Such a social context, very unfavorable for the science, is responsible of the transformation of science to a form of ideology, denial of the objective truth as a science ideal according to the postmodernist philosophy. The devotion to the European choice for the Russia is just the devotion to the European rationality, not to the fashionable streams of thought, leading to the decadence.

Ключевые слова: закат рационализма, постмодернизм, объективность в науке, европейский выбор России.

Key words: rationalism decline, postmodernism, objectivity in science, European choice for the Russia.

Закат Запада закономерно сопровождается деградацией рационализма, причем не только научной рациональности, ставшей сердцевиной его идеологии и источником его выдающихся достижений. При этом катастрофическое падение интеллектуального уровня во всех сферах общественной жизни, особенно зримое в области международной политики, нельзя рассматривать только как прискорбное следствие этого заката, ибо оно имеет и вполне очевидное прагматическое обоснование.

Лидеры мирового развития постоянно меняются в ходе истории, в XX в. *Pax Britannica* сменился на *Pax Americana*, между которыми было тридцатилетие «многополярного мира», начавшееся и окончившееся мировой войной (о чередовании интеграционных и дезинтеграционных циклов в развитии мирового хозяйства – см. в [18]). Однако это была смена внутри Запада, в то время как сейчас ось мирового развития с очевидностью уходит за его пределы и, пережив с большими или меньшими потерями еще пару десяти-

летий «многополярного мира», мы окажемся в *Pax Sinensis*. В таких условиях научный, философский и социально-политический дискурс затопляет апологетика, предназначенная именно для вытеснения объективного рационального анализа с его крайне неприятными выводами. В доме приговоренного к повешению не говорят о веревке. Невозможно удержаться от аналогии с советскими временами, когда в публичном дискурсе было табуировано обсуждение неэффективности социалистической системы как таковой, говорить и писать можно было лишь о ее неэффективности в отдельных конкретных случаях (знаменитое «Не обобщайте!»).

Грядущая смена лидера могла бы вызвать совершенно иную реакцию Запада, привести к мобилизации духовных сил и существенно замедлить сдачу господствующих позиций. Однако эйфория от распада советского блока и СССР, доходящая до детского простодушия в «Конце истории» Ф. Фукуямы («Остановись, мгновенье, ты прекрасно!»),

способствовала высокомерию, самодовольству и полной неготовности к жертвам. Поэтому и фундаментальная наука на Западе не в чести, вместо серьезных исследований в области управляемого термоядерного синтеза – неисчерпаемого источника экологически совершенно безопасной энергии – всячески культивируется «малый жанр» (Small is beautiful!)¹: ветряки, солнечные батареи, биотопливо. Все это, разумеется, полезно, но только для решения частных задач, а не энергетических проблем человечества.

Замена науки идеологией приводит к распространению всевозможных химер, будь то разрушение озонового слоя, глобальное потепление (пассажиры парижского метро информируют об объемах выбросов CO₂, в результате каждой поездки, но забывают сообщить, что с 1998 г. средняя планетарная температура расти перестала), возведение в ранг официальной не выдерживающей никакой критики концепции устойчивого развития, невозможного даже теоретически [1,3]. Все это подкрепляется демагогическими разглагольствованиями о том, что наука должна быть понятной и полезной людям, иначе ее нельзя развивать на деньги налогоплательщиков. Чисто идеологический характер «устойчивого развития» глубоко проанализирован в книге двух французских профессоров-вольнодумцев [6].

К несчастью, иррационалистические тенденции в обществе все глубже проникают и в науку, включая географическую. Их проводником стал постмодернизм – философия безответственности и бесчестия, отрицающая существование объективной истины и низводящая науку до уровня одной из форм идеологии [22]. По мнению основоположника этого течения антинаучной мысли П. Фейерабенда (1924–1994), ученые не вправе требовать, чтобы в школах преподавались именно научные представления о происхождении человека, поскольку такие представления не имеют никаких преимуществ перед другими (там же).

При этом враги разума и испытанных временем принципов наступают на представление об объективной истине сразу по двум направлениям. С одной стороны, это количественное отношение к реальности [20], когда навязывается представление о том, что в условиях информационного обще-

ства все должно иметь количественное измерение. Понятно, что это – абсолютно бездумное, некритическое перенесение методов экономического менеджмента в совершенно не подходящие для этого области, включая фундаментальную науку. Если в экономике такие показатели как прибыль, капитализация, доля рынка характеризуют экономические реалии и могут использоваться в индикативном планировании, то индексы научного цитирования никак не связаны с научной ценностью опубликованных работ. Можно, например, резко повысить свою цитируемость, опубликовав какую-нибудь скандальную статью, как это и произошло с упомянутым сочинением Ф. Фукуямы, которое было стыдно читать еще тогда, когда оно вышло. Затем, уже прославившись, пусть и весьма сомнительным образом, Фукуяма стал публиковать куда более разумные вещи.

С другой стороны, это отказ от доказательности и объективности, как это имеет место, например, в «гуманитарной географии» по версии Д.Н. и Н.Ю. Замятиных и И.И. Митина [9]. В указанной статье в Большой Российской энциклопедии говорится, что за рубежом гуманитарной географии в этом понимании нет. И слава богу! Какое отношение к науке может иметь, например, такой пассаж: ««Жидкое» образное пространство «схватывается», кристаллизуется – на поверхности образной реки образуется «лед» локальных мифов, в который, помимо собственно географических образов, «вморожены» и другие представления. Изъясняясь **более строго** [выделено нами – В.Ш.], при переходе от географических образов к локальным мифам и мифологиям должен произойти ментальный сдвиг; всякий локальный миф создается как разрыв между рядоположенными географическими образами, как когнитивное заполнение образно-географической лакуны соответствующим легендарным, сказочным, фольклорным нарративом» [10, с. 102]?

Воистину, противоположности сходятся. Требование все измерять и требование не измерять ничего глубоко роднит отрицание объективной истины, беспринципность и цинизм, неизбежные спутники любых мер, не выдерживающих никакой критики и потому ей не подлежащих. Это две струи одного мутного потока. Ведь общность обоих подходов – в отказе от **доказательности**. К слову сказать, здесь коренится одна из самых глубоких

¹ Маленькое прекрасно! – В.Ш.

причин упадка западной демократии, ведь демократия – это всегда диспут [16]. Историки могут измерить далеко не все, но они оперируют фактами, а не образами, созданными в своих головах и подходящими только для личного употребления. Они должны доказывать любые свои утверждения. Элементарная научная добросовестность и профессионализм требуют от них разделять факты и их интерпретации, вполне субъективные и в любом случае остающиеся на совести предложивших их исследователей. Те, кто не проводит таких различий, оказываются вне науки.

В географии, как и в ряде других наук, ситуация с уважением проверенных временем принципов научной работы становится все менее благополучной, чему последний пример – статья А.В. Гладкого и Ю.Н. Голубчикова «Интеграционная парадигма географической науки» [7]. Ее авторы, не скрывающие своих симпатий к постмодернизму, ставят перед собой задачу произвести глубочайшую ревизию основ географической науки в духе философской герменевтики Г.-Г. Гадамера (1900–2002), но при этом не задаются вопросом, останется ли в таком случае география наукой, ведь научное знание по определению объективно и доказательно. Соответственно и критерий демаркации, позволяющий отличать научные утверждения от ненаучных, это попперовская фальсифицируемость, т.е. принципиальная опровержимость. В герменевтике ничего нельзя ни доказать, ни опровергнуть.

Грандиозная задача перестройки всей географической науки решается авторами в полном отрыве от классических и современных работ в области философии науки, к коей книга «Истина и метод» Г.-Г. Гадамера – единственное философское произведение в списке литературы – не принадлежит. Кстати говоря, эта книга вышла на русском еще в 1988 г., поэтому ссылка на украинский перевод 2000 г. в статье для российского журнала выглядит странно. Именно из-за недостаточности философского багажа авторы клеймят позитивизм и редукционизм, как в свое время советские люди клеймили воззвания А.Д. Сахарова (1921–1989) и романы А.И. Солженицына (1918–2008), не имея ни малейших представлений об их содержании.

Вслед за зарубежными коллегами, далеко не всегда отличающимися философской грамотностью, авторы объявляют любое есте-

ственнонаучное по методологии географическое исследование позитивистским. Между тем позитивизм требует, чтобы в научных теориях использовались только наблюдаемые переменные. Уже создание квантовой механики с очевидностью положило конец подобным представлениям, что отнюдь не привело к распространению в физике идей философской герменевтики. Между тем их предполагается распространить не только на социальную, но и на природную географию. Авторы с энтузиазмом приветствуют появление эстетической геоморфологии, но последняя – прикладной раздел геоморфологии, изучающий рельеф как рекреационный ресурс. И не более того. Собственно, и позитивизм – философия XIX в. В XX в. развивались неопозитивизм, постпозитивизм, логический позитивизм (знаменитый «Венский кружок»), все эти термины, по большому счету, можно считать тождественными, но ни один из них не упоминается в статье. Критические стрелы авторов направлены на карикатуру, которую они сами же и изобразили.

Совершенно аналогично обстоит дело и с редукционизмом, которому тоже досталось в рассматриваемой статье. Редукционизм не только сослужил добрую службу науке в целом и географии в частности, он и сейчас остается в арсенале исследовательских методов. Разумеется, этот методологический подход не может и не должен претендовать на универсальность, но от этого и так давно отошли уже в системном подходе. Фундаментальное свойство систем – эмерджентность, наличие у целого свойств, отсутствующих у всех его частей. Это уже автоматически означает невозможность применения редукционистских представлений. Еще дальше от редукционизма теоретические конструкции синергетики, между тем синергетическая революция последней трети XX в. вообще не упоминается в статье, не упоминается даже сама синергетика, она же нелинейная наука, она же нелинейная динамика. Вместо этого авторы придумали какую-то гуманистическую синергию. Возникает закономерный вопрос: известно ли авторам о моделях типа «черный ящик» и, если да, то где здесь редукционизм? Редукционизм далеко не всевластен в географии, но, послушать авторов, так ничего другого в ней просто нет.

Необходимость учета воздействия субъект-объектных отношений на научную кар-

тину мира в гуманитарных науках была осознана *существенно позже*, чем в естественных. В статье вообще не упоминается неклассическая наука, которая начала формироваться в первой трети XX в. Сейчас уже многие философы науки, в частности, акад. В.С. Степин, ставят вопрос о формировании постнеклассической науки с характерными для нее представлениями о критериях истины и критериях демаркации [19]. Авторы же гневно обличают естествознание XIX в., дух которого действительно еще витает в некоторых разделах географии, но заменить эти архаичные подходы было бы куда логичней и полезней методологией современного естествознания, а не философской герменевтикой, интерпретируемой к тому же достаточно произвольно.

«Отчетливо видно при рассмотрении текущих социальных представлений, распространяющихся вокруг нас и определяющих течение социальных процессов, что эти представления остаются в основе своей вне современной науки – писал В.И. Вернадский (1863–1945) – Они отражают прошлое точных наук и соответствуют той науке, которая была сто лет назад! ... Не только массы, но и их наставники и вдохновители, по своему менталитету и научному багажу находятся на уже давно пройденных этапах развития науки. В своем социальном устройстве человечество в огромной степени руководствуется представлениями, более не соответствующими реальности и отражающими мировоззрение давно ушедших поколений» [25, с. 497].

Статья В.И. Вернадского была опубликована в 1925 г. на французском, на русском она вышла в 1940 г. («Автотрофность человечества») в существенно измененном в силу цензурных ограничений виде. Между тем за 90 лет ситуация явно ухудшилась. Мог ли предположить Вернадский, что в том будущем, в которое он вглядывался с надеждой, статус науки окажется не выше, а существенно ниже, что люди, именующие себя учеными, будут без стеснения называть наукой свое бездоказательное пустословие, что «гордый внук славян» настолько погрязнет в интеллектуальном провинциализме, что станет усердно прививать себе болезни отцветающего Запада, оправдывая это его же болтовней об общечеловеческих ценностях?

Вернадский своими глазами видел трагические последствия несоответствия идеоло-

гии современной науке: «Проблема, встающая сейчас перед человечеством, с очевидностью не укладывается в социальную идеологию, разработанную позднее [утопического социализма – В.Ш.] социалистами и коммунистами разных школ, совершенно не испытывшими на себе животворящего воздействия духа науки и лишенными осознания ее социальной роли. Наше поколение стало жертвой применения этой идеологии в ходе трагических событий в моей стране, одной из самых богатых природными ресурсами, что привело к массовой гибели людей и массовому голоду, сделав бесспорным экономический крах коммунистической системы. Но крах социализма имеет более глубокие причины, поскольку у него очень узкий взгляд на общественные проблемы, он как бы скользит по поверхности. Чтобы справиться с общественными проблемами, надо обратиться к истокам человеческой мощи, изменить форму питания и используемые источники энергии» [25, с. 501].

Чтобы справиться с острейшими проблемами современного мира, нам надо, прежде всего, обратиться к истокам интеллектуальной мощи, опереться на достижения великих предшественников. Этого совершенно не сделали авторы критикуемой статьи, пренебрежительно отбросившие достижения выдающихся ученых и начавшие строить науку на новом месте, не обладая при этом даже элементарной осведомленностью в той области знания, которую решили полностью перевернуть. Зачем же им понадобилось создавать «постдисциплинарную географию», отрицающую достижения теоретической и количественной революций и основанную на весьма шатком научном и философском фундаменте? Статья дает ответ на этот вопрос. Это надобно для удовлетворения нужд географии туризма, коей более потребны географические образы, нежели теории и модели. Кстати, необходимо обратить внимание авторов на то, что многократно ими упоминаемый Д.Н. Замятин, наш главный специалист по географическим образам, использует термин «метагеография» для обозначения своих изысканий некорректно и не является его автором [8].

Подобная ревизия фундаментальных основ науки на потребу туристической практике предпринимается, увы, не впервые. Так, В.Л. Каганский, создающий сейчас науку о путешествиях, трактует ее как динамическую экспертизу [13]. Соответственно критери-

ем истины в такой «науке» неизбежно будет авторитет эксперта, на что указал в другом случае и сам Каганский [23]. Авторы поступят правильно, если признают приоритет Каганского в этом сомнительном деле, либо, как минимум, сошлутся на него. К слову сказать, Каганский также стремится переделывать всю географию под свои нужды. По его мнению, и теоретическую географию, самую абстрактную и формализованную область географии, представить без путешествий нельзя [13]. Может ли Каганский представить без путешествий теоретическую физику, теоретическую химию, теоретическую биологию, теоретическую социологию – вопрос риторический. Впрочем, он явно опередил авторов и по части внедрения в географию герменевтики, ибо в 2009 г. постановил впредь именовать теоретической географией концептуальную герменевтику культурного ландшафта [11]. Правда, в защищенной после этого его кандидатской диссертации написано уже нечто совсем другое: «Теоретическая география – поиск, выявление, исследование, обобщение, предъявление, объяснение, интерпретация концептуальной морфологии культурного ландшафта [12, с. 36]».

Между тем было бы значительно полезней и для географии как науки, и для использования ее результатов в целях развития туризма, рассматривать эту последнюю деятельность не как исследовательскую, а как инженерную. В 1974 г. Б.Б. Родоман опубликовал прекрасную статью о выборе туристского маршрута как виде искусства [17]. Очевидно, что тогда он вполне осознавал, что задача эта – не научная по своей сути. Наука – лишь один из путей постижения истины. Другие, не менее почтенные, – философия (в т.ч. герменевтика), религия, литература, искусство. Философия анализирует литературные произведения, не сливаясь с ними, иначе это будет уже не философия, а дурное литературоведение, как говорят сами философы. В ходе исторического развития изменяются критерии истины, демаркации, представления о субъект-объектных отношениях, о влиянии на науку социального контекста, но наука всегда стремится четко их формулировать. Иначе она перестанет быть наукой.

«Я всегда держался того мнения, что методология науки должна вырастать на двойном основании, а именно на собственных исследованиях и научных работах в различных

частях этой науки и на углубленном изучении общенаучных методологических вопросов; и я должен прибавить, что опыт последних лет, когда вопросы методологии снова вошли в моду, укрепил меня в этом убеждении [5, с. 6]» – писал в 1927 г. А. Геттнер (1859–1941). Отказ от «углубленного изучения общенаучных методологических вопросов» приводит к тому, что научная география предстает не как область огромной и прекрасной страны, именуемой Наукой, а как захолустное удельное княжество, погрязшее в изоляционизме. При таком прискорбном подходе оставляются без внимания достижения философии науки, испытавшей исключительно интенсивное развитие в XX в. В этой области творили такие гиганты как К. Поппер (1902–1994), Т. Кун (1922–1996), И. Лакатос (1922–1974), С. Тулмин (1922–2009), десятки и сотни других талантливейших исследователей, посвятивших жизнь изучению закономерностей возникновения и трансляции научного знания. Некоторые из них специально занимались проблемами географического познания. Авторы же будто пришли туда, где еще не ступала нога человека.

Не надо создавать никакую «постдисциплинарную географию», отрешившись от фундаментальных принципов науки и фактически далеко от нее уйдя, для решения вполне конкретных прикладных задач, в т.ч. в области географии туризма. Значительно проще и полезней осознать, что география как область культуры и практической деятельности несводима к географической науке. Здравоохранение также несводимо к научной медицине, а деятельность знахарей и экстрасенсов вообще не имеет с ней ничего общего. Однако утрата научной медицины как деятельности, направленной на достижение объективного знания, области, в которой все должно проверяться (да еще как тщательно!) и доказываться, была бы величайшей трагедией для человечества. В таком случае здравоохранение будет действительно дрейфовать в сторону знахарства, отнюдь не исключая использованию современных приборов и материалов, ведь миф вполне совместим с технологией, он несовместим только с наукой [15].

Ни в коем случае не желая пожертвовать научной медициной и, наоборот, с нетерпением ожидая от нее новых достижений, мы, географы, удивительным образом готовы

пожертвовать научной географией. Если это не так, то мы должны защитить ее от низведения до роли служанки, чтобы не сказать проститутки, удовлетворяющей идеологические, политические или хозяйственные потребности. Соответственно разработки в области географии туризма, как и во многих других прикладных областях, должны оцениваться с точки зрения их эффективности, а не истинности или ложности, как оцениваются научные теории. Кому придет в голову рассматривать с научных позиций бренд Великого Устюга как родины Деда Мороза? Можно оценить только экономическую эффективность этого предприятия. Стремление именовать наукой то, что с очевидностью ей не является, может принести только вред и науке, и практике. Тут ситуация совершенно аналогична сращиванию таких принципиально несовместимых институтов, как церковь и государство, в результате которого деградируют оба.

Более чем странно читать, что «по его [Ивана Бунина – *В.Ш.*] мнению, география «прикрывается» количественными методами в своих исследованиях, которые воспроизводят лишь отдельные элементы реальности, сознательно схематизированной и упрощенной. Они направлены только на обоснование системности, поддержку системы и справедливости только в ее пределах, однако оторваны от реальной жизни людей [3]» [7, с. 172]. Под №3 в списке литературы стоит рассказ И.А. Бунина (1870–1953) «Вести с родины», написанный в 1893 г. Каков бы не был смысл этого рассказа (география в нем не упоминается вовсе), совершенно очевидно, что в конце XIX в. в географии количественные методы вообще не применялись. Системный же подход возник лишь в середине XX в.

Огромная цивилизационная роль науки в нашей стране неоднократно подчеркивалась в философской литературе. Недаром известный философ К.М. Кантор (1922–2008) назвал российскую цивилизацию петровско-пушкинской. Отношение нынешней власти к образованию и науке лучше всего характеризует прогрессирующее невежество населения. Так, по данным ВЦИОМ, считали, что Солнце вращается вокруг Земли 28% опрошенных в 2007 г. и почти треть в 2011 г., что полный оборот Земля совершает вокруг Солнца за один месяц считали 14% респондентов в 2007 г. и 20% в 2011 г. Катастрофична и ситуация сама по себе, а не только тенденция: «Напомним и другие результаты этого опроса трехлетней давности.

Большинство россиян уверены, что радиоактивность – дело рук человеческих (55%), и убеждены в том, что антибиотики убивают вирусы так же, как и бактерии (46%). Чуть меньшая доля россиян утверждает, что первые люди жили в ту же эпоху, что и динозавры (29%). Около четверти жителей России ошибочно полагают, что лазер работает, фокусируя звуковые волны (26%) [4]» Географы должны противодействовать прогрессирующему одичанию сограждан, неся им объективное научное знание или субъективные географические образы? Ведь речь идет о двух совершенно несовместимых способах мышления и действия.

Научная рациональность в нашей стране важна не только для сохранения и развития науки, как бы она ни была нам дорога сама по себе. Это, прежде всего, вопрос цивилизационного выбора. Мы привыкли потешаться над невежеством американцев, но уже рискуем их перегнать [4]. При этом богатые люди могут позволить себе роскошь быть глупыми, а для бедных она совершенно непозволительна, если они не хотят остаться бедными навсегда.

Впрочем, и богатые могут позволить себе эту роскошь только сейчас, после прекращения идеологического и военного противостояния. Вот взгляд авторитетного философа науки Е.А. Мамчур: «Чего только не писали (в утешение себе) в это время [после полета Гагарина – *В.Ш.*] американские СМИ! Вплоть до того, что заявляли, что значительно приятнее видеть свободного американца на свободной земле, чем советского раба в космосе. Однако и в Америке нашлись умные люди, которые очень верно указали на причины поражения Америки в соперничестве с СССР в освоении космоса. Одним из них был президент Дж. Кеннеди. Известно, что после того, как он узнал о полете Гагарина, он на собранной им пресс-конференции сказал: «Победило советское образование. Ребята, надо учить физику, иначе нам придется учить русский [14, с. 23]». В силу очевидного нежелания учить не только русский, но и физику в бурном развитии естественных и точных наук в нашей стране на Западе заинтересованы не более, чем в ее сближении с Китаем. При этом и в социальных науках возможны серьезные прорывы, но именно на путях их теоретизации и математизации. Продвигаясь этим путем, можно резко повысить конкурентоспособность отечественной науки. Зато распространение идей философской герме-

невтики совершенно безопасно для наших соперников в силу заведомой бесплодности.

По справедливому мнению акад. А.Г. Арбатова, европейский выбор для нашей страны совсем не обязательно должен предполагать экономическую или, тем более, политическую ориентацию на Запад [2]. Это верность делу Петра. Только подняв знамя, которое выронил Запад, сохранив приверженность тем принципам, благодаря которым он достиг своего величия и, отказавшись от которых, сейчас угасает, Россия сможет найти путь в достойное будущее. Этот путь будет очень трудным. Вместо Европы от Лиссабона до Владивостока, на которую настраивались со времен М.С. Горбачева, начинает формироваться Азия от Шанхая до Петербурга [21].

Стратегический союз с Китаем требует от нас либо проникнуться конфуцианством, либо искать свой путь, благо китайцам совершенно не свойственно навязывать

свое мировоззрение другим народам, тем более что они испытывают самые серьезные сомнения в их способности освоить достижения великой китайской культуры. Нам придется сделать выбор между Вольтером и Конфуцием, а не между нынешним Западом и Китаем – этот выбор уже сделан за нас. В чем был совершенно прав Горбачев, так это в том, что перестройку надо начинать с себя. Необходима капитальная перестройка мышления, интеллектуальная эмансипация вместо глубоко укоренившегося бездумного подражания Западу. Единственный достойный путь – это путь просвещенного патриотизма, состоящий в самом внимательном отношении к любому зарубежному опыту, но строгой и справедливой его оценке на основе наших собственных представлений о должном и сущем. Выбор в пользу постмодернизма – это выбор упадка [24].

Библиографический список

1. Анатомия кризисов. – М.: Наука, 1999. Гл. VIII и IX. – С. 116–166.
2. Арбатов А. Крушение миропорядка? // Сайт журнала «Россия в глобальной политике». – 2014. – № 4. 3 сентября 2014 г. [Электронный ресурс] URL: <http://www.globalaffairs.ru/number/Krushenie-miroporyadka-16918>
3. Бабурин В.Л. Легенды и реалии устойчивого развития через призму географии / Известия РАН. Сер. географическая. – 2011. – № 4. – С. 97–106.
4. Гелаев В. Соединенные штаты креационистов // Газета.ru, 06.08.2014. [Электронный ресурс] URL: http://www.gazeta.ru/science/2014/06/08_a_6061089.shtml
5. Геттнер А. География. Ее история, сущность и методы. – Л.-М.: ГИЗ, 1930. – 416 с.
6. Гишар Ж.-П. Брюне А. Геополитика меркантилизма: новый взгляд на мировую экономику и международные отношения. – М.: Новый хронограф, 2012. – 232 с.
7. Гладкий А.В., Голубченко Ю.Н. Интеграционная парадигма географической науки // Региональные исследования. – 2015. – №1. – С. 169–175.
8. Гохман В.М., Гуревич Б.Л., Саушкин Ю.Г. Проблемы метагеографии // Вопросы географии. Сб. 77. Математика в экономической географии. – М.: Мысль, 1968. – С. 3–14.
9. Гуманитарная география // Большая Российская энциклопедия, Т. 8. – М., 2007.
10. Замятин Д.Н., Замятина Н.Ю. Гуманитарная география: предмет изучения и основные направления развития // Известия РАН. Сер. географическая. – 2011. – № 5. – С. 97–108.
11. Каганский В.Л. Пространство в исследованиях Б.Б. Родомана и ученых его школы // Известия РАН. Сер. географическая. – 2009. – № 2. – С. 112–120.
12. Каганский В.Л. Пространственные закономерности культурного ландшафта современной России. Дисс. ... канд. геогр. наук. – М.: ИГРАН, 2012. – 227 с.
13. Каганский В.Л. Наука странствий: корни и перспективы // Знание-сила. – 2014. – №1. – С. 21–29.
14. Круглый стол «Перспективы российской науки как социального и культурного института» // Вопросы философии. – 2014. – № 8. – С. 3–43. [Электронный ресурс] URL: http://vphil.ru/index.php?option=com_content&task=view&id=998&Itemid=52
15. Левин А.Е. Миф. Технология. Наука // Природа. – 1977. – № 3. – С. 88–101.
16. Лэш К. Восстание элит и предательство демократии. – М.: Логос, Прогресс, 2002. – 224 с.
17. Родоман Б.Б. Организация путешествий – это искусство! // Земля и люди. Географический ежегодник. – М.: Мысль, 1974. – С. 311–313.
18. Синцеров Л.М. Длинные волны глобальной интеграции // Мировая экономика и международные отношения. – 2000. – № 5. – С. 56–64.
19. Степин В.С. Теоретическое знание. – М.: Прогресс-Традиция, 2000. – 744 с.
20. Табачков А.С. Информационное общество в контексте истории // Вопросы философии. – 2014. – №10. – С. 37–45.
21. Тренин Д. От Большой Европы к Большой Азии? Китайско-российская Антанта // Сайт Совета по внешней и оборонной политике 14.05.2015: [Электронный ресурс] URL: <http://svop.ru/main/15320/>
22. Фейерабенд П. Избранные труды по методологии науки. – М.: Прогресс, 1986. – 542 с.
23. Шупер В.А. Похищение теоретической географии (по поводу статьи В.Л. Каганского) // Известия РАН. Сер. географическая. – 2010. – № 2. – С. 112–119.
24. Шупер В.А. Рационалистическое мировоззрение в условиях кризиса рационализма: взгляд географа // Социально-экономическая география. Вестник Ассоциации российских географов-обществоведов. – 2014. – № 3. – С. 12–29.
25. Vernadsky W. L'autotrophie de l'humanité // Revue générale des sciences pures et appliquées, 1925, v. 36, №17-18. P. 495-502.

ЛЮДИ НАУКИ

Петрова Е.Г., Шувалова О.В. (Москва)

«ИНФОРМАЦИОННАЯ РЕВОЛЮЦИЯ» ОЛЕГА ВЛАДИМИРОВИЧА ВИТКОВСКОГО

Petrova E.G., Shuvalova O.V.

“THE INFORMATION REVOLUTION” OF OLEG VITKOVSKY

Аннотация. Статья написана в связи с 90-летним юбилеем выдающегося российского географа О.В. Витковского (1924–2013). Показан вклад ученого в развитие географической науки, его роль в подготовке нескольких поколений географов-страноведов.

Abstract. The article is written in connection with the 90th anniversary of the well-known Russian geographer O.V. Vitkovsky (1924–2013). The contribution of the scientist to the development of the geographical science and his role in the education of several generations of geographers is shown.

Ключевые слова: научное наследие О.В. Витковского, политическая география, география промышленности, география ядерной энергетики, социально-экономическая география Германии.

Key words: scientific heritage of O.V. Vitkovsky, political geography, geography of industry, geography of nuclear energy, social and economic geography of Germany.

В июне 2014 г. исполнилось 90 лет со дня рождения одного из основоположников отечественной политической географии, крупнейшего специалиста по географии мировой промышленности, географии ядерной энергетики мира, социально-экономической и политической географии Германии и нашего Учителя, воспитавшего не одно поколение российских экономико-географов, страноведов – Олега Владимировича Витковского. Он ушел из жизни 15 мая 2013 г., совсем немного не дожив до своего юбилея и до отмечающегося в этом году 70-летия Великой Победы, в которой есть и его вклад.

Нам очень повезло – мы были учениками О.В. Витковского с самых первых дней прихода на кафедру социально-экономической географии зарубежных стран географического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова (до 1991 г. – кафедра экономической и политической географии капиталистических и развивающихся стран). Он был нашим научным руководителем, когда мы писали свои рефераты, курсовые и дипломные работы, и, наконец, – кандидатские диссертации. Так получилось, и это, наверное, символично, что одна из нас была первой учени-

цей Витковского, сумевшей успешно защитить диссертацию под его руководством, а другая – стала его последней защитившейся аспиранткой. Обе кандидатские диссертации были связаны с географией промышленности Германии – страны, изучению которой Олег Владимирович посвятил значительную часть своей жизни: «Экологические проблемы развития и размещения промышленности ФРГ» (Е.Г. Петрова, 1989 г.) и «Изменения территориальной организации энергетики Германии с середины XX века» (О.В. Шувалова, 2008 г.).

Мы живем в эпоху, так называемой, информационной революции, информационных технологий, активно пользуемся Интернетом не только для поиска информации, но и для общения, которое все чаще сводится к обмену краткими «SMS-очными» сообщениями и «лайками» в интернетовских соцсетях. Современным студентам даже немислимо вообразить, как можно было вообще жить без компьютера и прочих электронных носителей информации. Однако зачастую Интернет выхолащивает знания, представляет проблему однобоко и даже вырезает из истории человечества целые пласты – «века без Интернета».

Олег Владимирович Витковский (фото Л.А. Кадиловой)

Олег Владимирович профессионально владел наукой поиска и отбора нужной информации еще в тот самый «докомпьютерный», «доинтернетовский» век и учил нас находить все необходимые для работы источники данных, критически их оценивать и «отсеивать» лишнее. И надо сказать, что с этой задачей не только мы, но и все другие ученики О.В. Витковского справлялись вполне успешно. Школа Витковского и сейчас помогает нам в нашей научной жизни, когда поток информации существенно увеличился.

У каждой из нас – свой опыт общения с Олегом Владимировичем Витковским на протяжении всех лет учебы и работы (Е.Г. Петровой) на географическом факультете МГУ. И вместе с тем, в наших воспоминаниях о нем есть много общего и самое главное – чувство огромной благодарности ему. За все, что он для нас сделал и чему научил. Эта статья – дань памяти нашему Учителю.

Олег Владимирович родился в городе Вязьма Смоленской области. Семья его отца происходила с территории современной Белоруссии, которая тогда входила в состав Российской Империи: дед – Иван Филимонович

работал столяром железнодорожного депо в Орше, отец – Владимир Иванович окончил курсы телеграфистов в Толочине и также пришел работать на железную дорогу – телеграфистом. Он был настоящим профессионалом своего дела. В 1905 г. ему предложили переехать на работу в Москву, но он от этого лестного предложения отказался. К тому времени он уже перебрался на Смоленщину, на станцию Катынь. Успешно сдал экзамен на должность помощника начальника станции и был направлен в новой должности на станцию Колесники (Колесники). Здесь он женился, однако брак этот вскоре распался, несмотря на рождение двоих сыновей (которым Владимир Иванович продолжал помогать). В 1922 г. второй женой Владимира Витковского стала учительница Колесниковской пристанционной школы, местная уроженка, выпускница Дровнинской учительской семинарии Полина Павловна Коноплева. Родительский дом Коноплевых находился в деревне Картавка (во время войны фашисты сожгли эту деревню, ныне она не сохранилась), недалеко от Гжатска (современный Гагарин), куда и переселилась семья Витковских. 18 июня 1924 г. у Полины и Владимира

родился сын Олег. В конце 1920-х гг. в Картавке случился пожар, и деревянный дом, в котором жило семейство Витковских – Коноплёвых сгорел. Хозяйство не подлежало восстановлению, и семья вынужденно переехала в Кунцево – тогда это было ближнее Подмосковье, а теперь – Москва. К тому времени там уже обосновались родственники мамы Олега Владимировича – Коноплёвы. В 1930–1932 гг. власти выделили двум сёстрам учительницам – Полине и Анне земельный участок для строительства двухквартирного жилого дома. Сруб и другие строительные материалы были привезены по железной дороге со станции Колодь. Рядом с домом был разбит сад. В начале 1970-х гг. при расширении Рублёвского шоссе дом в Кунцево пошёл под снос. Взамен государство предоставило квартиры.

Мама Олега Владимировича несколько десятилетий работала в школах Краснопресненского района Москвы, в 1949 г. за заслуги на педагогическом поприще она была награждена высшей государственной наградой – Орденом Ленина. Отец Олега Владимировича работал на транспортных службах крупных промышленных предприятий района Фили. С юности он участвовал в выступлениях хоровых коллективов и жалел, что не смог реализовать свои вокальные способности на профессиональной сцене. Он увлекался садоводством, был заядлым грибником.

Олег Владимирович до 10-го класса учился в Москве, а окончить школу ему пришлось в эвакуации в г. Лысково Нижегородской (а тогда – Горьковской) области в 1942 г. Когда началась Великая Отечественная война, ему только исполнилось 17 лет.

В 1943 г. Олег Владимирович ушел на фронт в действующую армию, причем его военной специальностью была одна из самых тяжелых и опасных – он служил сапером. Он воевал на Степном, Втором и Третьем Украинском фронтах, в Южной группе войск Советской армии, участвовал в битве на Курской дуге, закончил войну в Болгарии. Он был награжден боевыми орденами – Красного Знамени, Красной Звезды, Отечественной войны I степени и многими медалями [10].

«Однажды во время полевой студенческой практики после второго курса, руководителем которой был О.В. Витковский, наш маршрут должен был проходить недалеко от

мест боев, в которых он участвовал. Мы сделали небольшой крюк и оказались на берегу реки Ингулец, по которой когда-то пролегла линия фронта. И здесь нашей группе впервые довелось услышать рассказ Олега Владимировича о войне. Вместе с другими саперами он получил приказ: возвести переправу через реку. При этом место для строительства было выбрано крайне неудачно: на другом берегу, как раз напротив запланированного моста находилась позиция немецкого крупнокалиберного пулемета. Приходилось работать по ночам, а утром немецкая артиллерия разносила все в щепы. Витковский просил начальство перенести стройку хотя бы на 200 метров в сторону, под прикрытием небольшого овражка, куда пулемет не доставал, – но все просьбы были напрасны. Наконец, переправа была построена, ранним утром по ней пошли в наступление войска, а саперы дежурили на случай повреждений. И тут немцы ударили по мосту. Витковский был тяжело ранен – осколок перебил ключицу, – и он свалился в воду. Это его и спасло: от следующего удара мост разлетелся вдребезги, и все бывшие на нем погибли...

Совсем по-другому предстал перед нами окружающий мирный ландшафт и небольшая деревушка на противоположном берегу. И самого Олега Владимировича мы увидели совсем иначе. Ведь до этого момента нам, второкурсникам, родившимся через много лет после войны, трудно было даже представить себе, что наш преподаватель, которого мы привыкли видеть в своей повседневной студенческой жизни и считать вполне обычным человеком, на самом деле, был настоящим героем. Это впечатление запомнилось на всю жизнь» (Е.Г. Петрова).

После войны О.В. Витковский поступил в Московский государственный институт международных отношений (МГИМО) МИД СССР на историко-международный факультет. Его учителями были основоположники советской школы географии, преподававшие в МГИМО профессора МГУ – И.М. Маергойз, Н.Н. Баранский и И.А. Витвер, которые читали лекции по экономической географии Европы и США. Именно эти корифеи географической науки оказали наибольшее влияние на студента Витковского. Впоследствии И.М. Маергойз стал его научным руководителем. Олег Владимирович окончил факультет в 1951 г. и поступил в аспирантуру кафедры

страноведения МГИМО, а в декабре 1954 г. защитил под руководством И.М. Маергойза диссертацию по теме «Рейнско-Вестфальский район (политико-географическая характеристика)» и стал кандидатом географических наук. В то время отечественная политическая география только-только зарождалась и эта работа была во многих отношениях новаторской.

По окончании МГИМО О.В. Витковский был направлен на работу в Академию наук СССР. В 1955–1961 гг. он работал старшим научным сотрудником в Отделе географии, а в 1962–1971 гг. заведовал Отделом технико-экономической информации во Всесоюзном научно-исследовательском центре информации (ВНИЦИ) и во Всесоюзном институте межотраслевой информации (ВИМИ). Более полувека он был редактором и членом редколлегии реферативного журнала «География» Всесоюзного (а позднее – Всероссийского) института научной и технической информации (ВИНИТИ) Академии наук. За успехи в научно-аналитической работе О.В. Витковский был награжден орденом Трудового Красного Знамени [10].

По приглашению заведующего кафедрой экономической и политической географии капиталистических и развивающихся стран профессора Виктора Вацлавовича Вольского с 1972 г. Олег Владимирович начал работать доцентом географического факультета МГУ. С этой кафедрой (с 1991 г. она стала называться кафедрой социально-экономической географии зарубежных стран) была связана его дальнейшая жизнь. Здесь им были созданы авторские курсы лекций: «Политическая география», «География мировой промышленности», «Социально-экономическая география стран Европы», «Социально-экономическая география Германии», «Спецгеоинформатика». Он много лет руководил учебно-производственными практиками студентов как в нашей стране, так и за рубежом. Зарубежная студенческая практика кафедры в те годы проводилась в бывшей ГДР, так что лучшего руководителя для нее, чем Олег Владимирович, который не только досконально знал эту страну, но и прекрасно владел немецким языком, трудно было подобрать. За годы работы на факультете он воспитал несколько поколений самостоятельных ученых, а вот свою докторскую диссертацию так и не написал, хотя вполне мог

бы. Не считал нужным, жалко было времени, которое он целиком отдавал ученикам.

«Олег Владимирович впитал в себя дух той, ушедшей эпохи. Как человека его отличали пунктуальность, опрятность, как ученого – достоверность представляемых на суд широкой общественности данных, краткость изложения проблемы, как говорится – «по сути», соблюдение жестких требований к оформлению научных работ.

Этих же качеств он требовал и от своих учеников.

Вся окружающая действительность современной России в эпоху разгула «Перестройки» диктовала нам обратное. Нужно быть хватким, пробивным, денежным, не обращать внимания на детали, стремиться быть первым во всем, пренебрегая зачастую интересами других.

В этих условиях Олег Владимирович оставался самим собой, продолжал работать в Московском государственном университете и, как писал Н.А. Некрасов, «сеять разумное, доброе, вечное».

Меня поражало, как Олег Владимирович, не пользуясь Интернетом, свободно оперировал всей полнотой современных проблем общества по разным направлениям научных исследований. Актуальная статистика всегда была у него «под рукой».

Помимо работы с периодикой Олег Владимирович обращал наше внимание на основополагающие труды – учебники и монографии, позволяющие понять устройство той или иной отрасли, познакомиться с современными научными достижениями. Так, он раздобыл уникальную книгу Клауса Блэтхена «Трансформация электроэнергетического хозяйства Восточной Германии» (Blättchen Klaus „Die Transformation der Elektrizitätswirtschaft im Osten Deutschlands“, Schembs GmbH, Nürnberg, 1999, 402 с.) и тут же предоставил ее в мое распоряжение. В Интернете таких книг нет, и не может быть, поскольку они не предназначены для широкой аудитории, тем не менее, крайне важны для научных исследований» (О.В. Шувалова).

Конечно, в системном подходе к организации поиска, сбора и анализа информации ему помогла многолетняя работа редактором реферативного журнала «География» ВИНИТИ. Еще с советских времен сюда стекались практически все зарубежные периодические издания, в которых публиковались

ученые ведущих мировых университетов и институтов. Олег Владимирович не только сам пользовался этими работами, но и составлял подборку актуальных материалов по тематике научных работ для своих учеников. До сих пор у нас сохранились папки с подшивками статей из различных журналов на немецком и английском языках. В «доинтернетовскую эпоху» эти подборки были, пожалуй, одним из основных источников актуальной научной информации для географов-зарубежников, поскольку даже в ведущие библиотеки страны поступали далеко не все необходимые иностранные научные журналы.

Олег Владимирович сам являлся автором различных учебников и монографий [1, 2, 7, 9], по которым училось и продолжает учиться не одно поколение студентов, в том числе «Экономико- и политико-географические проблемы ядерной энергетики капиталистического мира» [7] и «География промышленности зарубежных стран» [1]. Он был соавтором всех кафедральных учебников и монографий по основным проблемам социально-экономической географии зарубежных стран, изданных в 1970–2000-х гг. [3–6]. За участие в работе над учебником «Экономическая география капиталистических и развивающихся стран» [5] в 1988 г. О.В. Витковский был награжден I премией Госкомобразования СССР, а в 2002 г. в качестве соавтора учебника «Социально-экономическая география зарубежного мира» – I премией Ученого совета факультета.

В 1992 году О.В. Витковский был назван лучшим преподавателем географического факультета МГУ. В 1997 г. ему было присвоено звание Заслуженного преподавателя Московского университета, а в 2003 г. – присуждена Ломоносовская премия за педагогическую деятельность [10].

Не только мы учились у Олега Владимировича. Видно было, что и он к нам присматривается – следит за нашими успехами, смотрит, как кто себя покажет на научном поприще.

Трудно было соответствовать его высокой планке и не ударить перед ним в грязь лицом. Он был требовательным педагогом. Как написано в редакционной статье газеты «География», «многим поколениям студентов О.В. Витковский – почетный преподава-

тель МГУ – известен как образец знающего и требовательного педагога» [17]. О его требовательности ходили легенды. Сдать экзамен Витковскому на «отлично» было практически невозможно, а получить у него «хорошо» было равносильно защите докторской. Экзамен у Витковского обычно затягивался допоздна.

И все же... Видя заинтересованность студента в научных исследованиях, Олег Владимирович всегда помогал раскрыть ту или иную тему, делясь своими знаниями и колоссальным опытом. Он старался увлечь студента предметом исследования, а для этого он располагал интересными и актуальными сведениями по той или иной тематике.

Отдельное слово нужно сказать о тех правках, которые вносил Олег Владимирович в научные тексты, предоставляемые ему на редактирование. Все правки он делал карандашом, предлагая автору еще раз проанализировать написанное и согласиться с ними или нет. Комментарий Олега Владимировича по объему мог в несколько раз превосходить сданный ему на проверку автором текст. Это заставляло нас излагать материал более кратко – ведь, чем больше напишешь, тем больше правок внесет в твой текст научный руководитель. Он учил нас краткости и точности формулировок, не любил длинных, «накрученных» предложений, в конце которых – как он шутил – стояла «отделяемая приставка “ab”» (в немецком языке отделяемая от глагола приставка ставится в конце и порой перечеркивает весь смысл написанного до этого предложения).

Он обладал обширным багажом знаний по проблеме, ни одна из его правок обычно не вызвала сомнений или вопросов. Зато после его проверки наших рукописей можно было уже не бояться никаких оппонентов и рецензентов – более строгого и дотошного оппонента, чем сам Витковский трудно было себе представить. Их просто не было.

Вместе с тем, его советы и рекомендации никогда не были ультимативными. Он вел себя естественно и в разговоре доносил свои мысли, не стараясь переубедить собеседника, а просто излагая свою точку зрения. При этом он никогда не повышал голоса, говорил спокойно, доброжелательно, но от этого сказанное им отнюдь не было менее убедительным.

Из таких его вкрадчивых советов запали в память, например, необходимость четкой

постановки проблемы уже в названии исследования или его разделов, необходимость избегать неточных, ничего не значащих фраз и качественных характеристик, таких как «очень большой», «огромный» или «значительный». Он крайне не любил в тексте слово «сегодня». Есть точная дата, на которую приводится та или иная информация – ее и надо упомянуть со ссылкой, конечно же, на источники. Говорил он и о том, что нельзя, например, употреблять слово «глобальный» для обозначения чего-то, что на самом деле глобальным, т.е. относящимся ко всему земному шару не является. Это ведь не синоним слова «крупный» или «большой»: «глобальный» несет в себе вполне определенную смысловую нагрузку.

Точность была одним из главных «кредо» в его исследованиях. Его профессия сапера, которую он освоил во время войны, работала и на мирном поприще. Он, как будто, «разминировал» текст работы: видел неточность в изложении материала, и всегда противопоставлял ей достоверную информацию.

На практике после третьего курса в ВИНТИ, которая также проходила под руководством Олега Владимировича, нам запомнилось, как много времени он уделил объяснению, казалось бы, мелочей: учил правильному сокращению слов, применению аббревиатур и т.п. Например, как написать кратко «сельское хозяйство» или «железная дорога», как правильно сократить слова, обозначающие тысячу, миллион или миллиард. Студенты Витковского без запинки отвечали на эти вопросы.

Важной чертой Витковского – руководителя было то, что он никогда не соглашался стать соавтором научных статей своих учеников, хотя все мы понимали, что в успехе той или иной работы есть его колоссальная заслуга. А потому все наши публикации, продолжающие его тематику, в определенном смысле можно считать и его научным наследием. Во всяком случае, в них есть частица и его души [11–16, 18–22].

Олег Владимирович считал, что то, что произошло в Германии после 3 октября 1990 г., нельзя назвать «объединением». Он называл это событие «воссоединением» Германии, объясняя, что юридически в 1990 г. восточные земли вошли в состав Западной Германии, и в чистом виде «объединением»

это событие называть никак нельзя. А воссоединением можно – ведь единый хозяйственный организм был разорван после второй мировой войны. Проблемы воссоединенной Германии Олега Владимировича крайне интересовали.

Хотелось бы отметить и человеческое отношение со стороны этого талантливого научного руководителя. Он всегда интересовался нашими домашними делами, передавал приветы родным. А вот о себе почти никогда ничего не рассказывал. Со студентами встречался либо в университете, либо, если работа срочная, на автобусной остановке недалеко от своего дома.

Тем не менее, мы знали, что Олег Владимирович, помимо работы в науке, живет интересами семьи. С супругой Татьяной Владиславовной (урожденной Бальчевской) он прожил всю жизнь – познакомились они еще в детстве, а поженились в 1954 г. Они воспитали двух сыновей – Владимира и Алексея, а потом – растили внуков и правнуков.

Он не любил, когда ему дарили цветы, не любил фотографироваться. Вообще не любил излишнего внимания к своей личности, не мог заниматься «шкурными» интересами. Одну из лучших фотографий О.В. Витковского удалось сделать Л.А. Кадиловой. Именно эту фотографию мы и публикуем в нашей статье с любезного разрешения автора и с глубокой признательностью ей.

Поскольку Олег Владимирович не очень любил рассказывать о себе, он больше овеян легендами. Так, на курсе «Введение в специальность» А.С. Фетисов охарактеризовал его так: «Витковский Олег Владимирович в Берлин въехал на танке – так состоялось его первое знакомство с этой страной». Как выяснилось позже, Олег Владимирович в Берлин на танке все же не въезжал, его военный путь закончился в Болгарии. Александр Степанович допустил аллегория. Однако, действительно, его военный путь был труден. Будучи сапером, он не раз подвергал свою жизнь опасности.

9 мая 2013 г. Олег Владимирович, как всегда, принимал поздравления с Днем Победы, общался с учениками, а 15 мая его не стало...

До последнего дня жизни Олег Владимирович интересовался научной работой своих учеников, делился публикациями, писал рецензии и отзывы, разбирал архивы.

Дай Бог поколениям, которые воспитываются и получают образование с помощью информационных технологий, так же ясно видеть проблемы и находить пути их преодоления.

Авторы выражают свою благодарность Александру Николаевичу Бальчевскому, Алексею Олеговичу Витковскому, Людмиле Анатольевне Кадиловой, Ирине Михайловне Кузиной и Леониду Викторовичу Смирнягину за помощь при подготовке этой статьи.

Библиографический список

1. Витковский О.В. География промышленности зарубежных стран. – М.: Изд-во Моск. ун-та, 1997.
2. Витковский О.В. Материалы по энергетике капиталистических стран. – М.: Изд-во Акад. наук СССР, 1956.
3. Витковский О.В. Особенности и проблемы политико-территориального и социально-экономического развития Германии // Вопросы экономической и политической географии зарубежных стран. Вып. 16. – М., 2006.
4. Витковский О.В. Политико-географические аспекты изучения промышленности капиталистических стран и его проблемы // Вопросы экономической и политической географии зарубежных стран. Вып. 5. – М., 1984.
5. Витковский О.В. Промышленность: сдвиги и тенденции в международном разделении труда // Капиталистические и развивающиеся страны на пороге 90-х гг. – М.: Изд-во Моск. ун-та, 1990. – С. 29–41.
6. Витковский О.В. Федеративная Республика Германия // Экономическая география капиталистических и развивающихся стран. – М.: Изд-во Моск. ун-та, 1986. – С. 145–167.
7. Витковский О.В. Экономико- и политико-географические проблемы ядерной энергетики капиталистических стран // Итоги науки и техники. География зарубежных стран. Т. 14. – М.: ВИНТИ, 1988.
8. Витковский О.В. Ядерная энергетика Германии: быть или не быть? // География. – 2002. – № 27–28. – С. 23–29.
9. Витковский О.В., Илинич Ю.В. География энергетики и металлургии капиталистических и развивающихся стран. Курс лекций. – М.: Изд-во Моск. ун-та, 1980.
10. Памяти Олега Владимировича Витковского... [Электронный ресурс] URL: <http://www.geogr.msu.ru/cafedra/segzs/about/history/vitkovsky.php>
11. Петрова Е.Г. Некоторые социально-экологические проблемы размещения промышленности ФРГ // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 5. География. – 1981. – № 6. – С. 86–90.
12. Петрова Е.Г. Географическая справка. Федеративная Республика Германии. (Для общегеографической карты 1:1000000). – М.: ГУГК, 1988.
13. Петрова Е.Г. Промышленность ФРГ: эколого-географические проблемы // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 5. География. – 1990. – № 6. – С. 23–30.
14. Петрова Е.Г., Семенова Л.А. Трансформация структуры и размещения промышленного производства в капиталистических странах в связи с экологическим кризисом // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 5. География. – 1991. – № 2. – С. 66–71.
15. Петрова Е.Г., Семенова Л.А. Экологическое регулирование в ЕС: разделение функций и противоречия на уровне сообщества, государств, местных органов власти // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 5. География. – 1993. – № 4. – С. 10–17.
16. Петрова Е.Г. Проблемы рекультивации и использования земель в промышленных регионах (опыт Германии) // Проблемы управления в XXI веке. Ч. 1. – Ухта: Институт управления, информатики и бизнеса, 2007. – С. 136–139.
17. Сведения об авторах. О.В. Витковский. [Электронный ресурс] URL: <http://geo.1september.ru/article.php?ID=200202820>
18. Шувалова О.В. Региональные аспекты современной энергетической политики правительства ФРГ // Известия РАН. Сер. географическая. – 2007. – № 5. – С. 37–44.
19. Шувалова О.В. Территориально-организационная структура рынков сетевых энергоносителей Германии до и после либерализации. – Шуя: Изд-во «Весть» ГОУ ВПО «ШГПУ», 2007. – 99 с.
20. Шувалова О.В. Либерализация электроэнергетической отрасли в России и Германии. Сравнительный анализ // Вестник РУДН. Серия Экономика. – 2010. – № 1. – С. 36–44.
21. Шувалова О.В., Родионова И.А. Некоторые структурные особенности развития мировой энергетики, основанной на альтернативных возобновляемых источниках энергии // Вестник Финансовой академии. – 2011. – № 5 (65). – С. 74–82.
22. Shuvalova O.V. (Шувалова О.В.) Rearrangement of Power Industry in East Germany after the reunion // 25-th International Scientific Conference on "The Processes of Transformation of Industry and Services in Regional and National Spatial Systems" Poland, Cracow-Warsaw, 2009. – p. 77.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Абылкаликов Салават Иргалиевич – младший научный сотрудник научно-учебной лаборатории социально-демографической политики Института демографии Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» (НИУ ВШЭ), г. Москва.

E-mail: abyalkalikov@yandex.ru.

Александрова Анна Юрьевна – доктор географических наук, профессор кафедры рекреационной географии и туризма географического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова.

E-mail: analexan@mail.ru

Белозеров Виталий Семенович – доктор географических наук, профессор, заведующий кафедрой экономической и социальной географии Северо-Кавказского федерального университета, г. Ставрополь. E-mail: vsbelozerov@yandex.ru

Блануца Виктор Иванович – кандидат географических наук, старший научный сотрудник лаборатории георесурсоведения и политической географии Института географии им. В.Б. Сочавы СО РАН, г. Иркутск.

Боровикова Тамара Васильевна – доктор педагогических наук, профессор, заведующая кафедрой управления Смоленского государственного университета

Гущина Мария Владимировна – ассистент кафедры финансов и сервиса Уссурийского филиала Дальневосточного федерального университета. E-mail: gushinamaria@mail.ru

Демидова Елена Евгеньевна – младший научный сотрудник кафедры социально-экономической географии зарубежных стран географического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова. E-mail: s-p-l@mail.ru

Дружинин Александр Георгиевич – доктор географических наук, профессор, директор Северо-Кавказского НИИ экономических и социальных проблем Южного федерального университета, г. Ростов-на-Дону. E-mail: alexdru9@mail.ru

Ефремова Вера Александровна – выпускница кафедры экономической и социальной географии России географического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова.

E-mail: v.a.efremova@gmail.com

Зиновьев Андрей Станиславович – старший преподаватель кафедры региональной политики и политической географии Института наук о Земле СПбГУ.

E-mail: a.zinovyev@spbu.ru

Зырянов Александр Иванович – доктор географических наук, декан географического факультета, заведующий кафедрой туризма Пермского государственного национального исследовательского университета. E-mail: ziryanov@psu.ru

Ляшенко Елизавета Викторовна – выпускница кафедры экономической и социальной географии России географического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова.

E-mail: elvilya@gmail.com

Микрюков Николай Юрьевич – аспирант кафедры экономической и социальной географии России географического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова

Мкртчян Никита Владимирович – кандидат географических наук, ведущий научный сотрудник Института демографии Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» (НИУ ВШЭ), г. Москва. E-mail: Mkrтчan2002@rambler.ru

Петрова Елена Геннадиевна – кандидат географических наук, старший научный сотрудник географического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова. E-mail: epgeo@mail.ru

Подгорнев Павел Вячеславович – аспирант кафедры социально-экономической географии зарубежных стран географического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова, г. Москва. E-mail: podgornevp@gmail.com

Сазыкин Андрей Михайлович – кандидат географических наук, доцент кафедры географии и устойчивого развития геосистем Школы естественных наук Дальневосточного федерального университета, г. Владивосток. E-mail: sazykin.am@dvfu.ru

Сафарян Азат Арменович – ассистент кафедры туризма Пермского государственного национального исследовательского университета. E-mail: azatsafaryan@mail.ru

Смирнов Илья Петрович – аспирант факультета географии и геоэкологии Тверского государственного университета. E-mail: ilya.geo2012@yandex.ru

Супрунчук Илья Павлович – ассистент кафедры экономической и социальной географии Северо-Кавказского федерального университета, г. Ставрополь. E-mail: ilia_suprunchuk@mail.ru

Турченко Елена Сергеевна – аспирантка кафедры географии Псковского государственного университета. E-mail: solnce24_89@mail.ru

Филинов Виталий Александрович – кандидат экономических наук, доцент кафедры управления Смоленского государственного университета. E-mail: filinov79@yandex.ru

Шувалов Владимир Ефимович – кандидат географических наук, доцент кафедры экономической и социальной географии России географического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова. E-mail: veshuvalov@mail.ru

Шувалова Ольга Владимировна – кандидат географических наук, доцент кафедры региональной экономики и географии Российского университета дружбы народов.

Шупер Вячеслав Александрович – доктор географических наук, профессор, ведущий научный сотрудник отдела социально-экономической географии Института географии РАН, профессор кафедры экономической и социальной географии России географического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова. E-mail: vshuper@yandex.ru